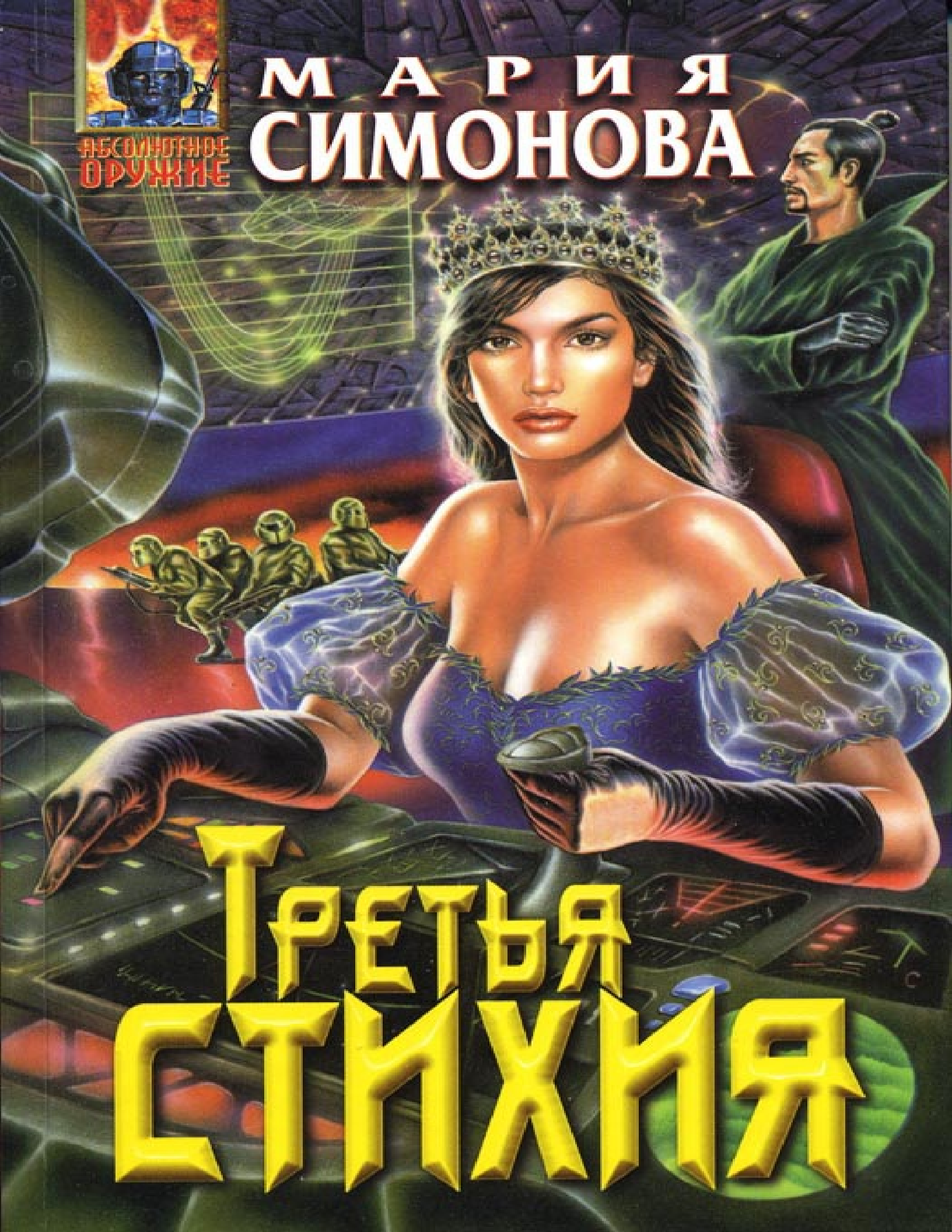


МАРИЯ СИМОНОВА



ТРЕТЬЯ СТИХИЯ

Пути космические неисповедимы, но все происходящее на них — не случайно. Нити коварных интриг и тайных заговоров сплетаются в причудливый клубок звездных дорог, ведущих к безграничной власти над миром. Эти нити связали воедино низложенную императрицу Серединной Империи, бывшего штурмана космофлота, а ныне беглого каторжника, и Проводника, наделенного способностью перемещаться в параллельных мирах. Все трое — изгои, преследуемые космической полицией, и от их удачливости зависит судьба Вселенной.

Мария Симонова

Третья стихия



АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

МАРИЯ СИМОНОВА

**ТРЕТЬЯ
СТИХИЯ**



Глава 1

ПЕРВЫЙ БОЙ

Было около половины шестого вечера по средневропейскому времени, когда Михаил Летин ехал вместе с тремя незнакомыми гражданами и одной гражданкой в стареньком разбитом дилижансе, совершающем вечерний пассажирский рейс из пригорода Урюпинска в предгорья Сто Тринадцатого скального массива. Исходя из трехзначного номера массива любой приезжий, будь он даже инопланетным туристом, мог догадаться, что таких массивов было разбросано по донским степям по меньшей мере сотни. А взгромозились они здесь сравнительно недавно — около столетия назад — как результат модных в прошлом веке экспериментов по преобразованию лика планеты. Опыты по изменению земного ландшафта дали потрясающий результат, но были вскоре заморожены, как искажающие древний облик планеты и портящие ее исторически сложившиеся погодные условия. Но последствия экспериментов — эти самые массивы — так и высились с тех пор скалистыми островами в бескрайнем океане равнин, став их главной и практически единственной достопримечательностью.

Что же касается Михаила Летина, то вернее все-таки будет сказать, что трое граждан и гражданка ехали, а Михаила везли ясным летним вечером из родного Урюпинска посредством старенького дилижанса. Поскольку, как любил говаривать Михайлов американский дед Панас Житомир, тоже любивший иногда у себя в Америке ради разнообразия прокатиться в дилижансе ежели ты едешь в транспорте лицом вперед, то ты таки едешь, а ежели лицом назад — то тогда тебя, стало быть, везут. Так вот: дилижанс вез Михаила, сидящего на первом сиденье именно лицом назад, из Урюпинска в предгорья. И шел дилижанс под Михаилом не тряско, как, по подозрениям все того же Михаила, громыхали когда-то по древним степям Украины дикие дилижансы предки, а плыл, можно сказать, тихой цивилизованной лодочкой, потому что дорога под его колесами лежала не какая-нибудь грунтово-доисторическая, а вполне прогрессивная — лодбитовая, четырехполосная, упругая и гладенькая, как шелковая лента, но, в отличие от той же ленты, невероятно устойчивая. За окнами дилижанса по правую руку от Михаила среди бескрайних степных просторов громоздились вдали Сто Восьмой и Сто Девятый скальные массивы. В полуметре за левым окном шел невысокий бордюр в черную и белую полосочки, по ту сторону бордюра пролегла скоростная трасса, предназначенная для более современного наземного транспорта. И совсем уж на горизонте с той же левой Михайловой руки маячили над полями в ряд зубьями гигантской циркулярной пилы четыре гордых пика Сто Пятнадцатого скального массива. Безоблачный небесный океан над дорогой пересекали на разных высотах в разных направлениях и с разными скоростями сразу несколько видов летательных аппаратов: подобно низкому грозовому облаку летела с юга грузовая авиаплатформа, похожая с земли на неприступную летающую крепость; торжественно парили в разных концах неба два дирижабля: черный, элегантный, чем-то смахивающий на пузатый рояль, и легкомысленный зеленый, в веселенький красный горошек; трещал на все небо порхающий в самом зените трехъярусный аэроплан-этажерка, летящий почему-то — наверное, для разнообразия — хвостом вперед; время от времени небосклон прочерчивали стремительными ракетами граждане в индивидуальных силовых креслах, а к западу сносило стайку разноцветных летающих блюдец. Самыми шикарными считались вообще-то в

последние времена такие виды воздушного транспорта, как небесные субмарины, а также парусные суда самого разного «воздухоизмещения» и деревянные избы, изготовленные из крупных нетесаных бревен; однако подобная летучая роскошь появлялась над донскими степями нечасто, а начинала пестреть в небесах по мере приближения к столице.

— И он заявляет мне — мне, старейшему члену клуба! — что пять убитых панцирных загрыз — это слишком много на одного охотника! — напористо говорил Михаилу Летину сидящий напротив сухощавый мужчина с маленькими глубоко запавшими глазками и двумя широкими залысинами над выпуклым загорелым лбом. — Он заявляет, что подаст ходатайство о запрещении охоты на Дирлоке с пространственными резаками! Он клянется, что скоро нам, охотникам, не придется брать в руки ничего тяжелее учебного парализатора!

Сосед сжал жилистые кулаки, сопроводив это конвульсивное движение такой нехорошей усмешкой, что Михаил всерьез обеспокоился за судьбу неизвестного защитника панцирных загрыз Дирлока.

— А цветы там есть? — спрашивала между тем хорошенькая пассажирка слева в салатовом платье-топ у мускулистого блондина в обтягивающей белой тенниске и в цветастых шортах, подсевшего к ней сразу по восшествии в дилижанс. Вопрос соседки, похоже, поверг неотразимого ухажера в некоторое замешательство: перед этим он, кажется, грузил даму своими героическими подвигами в сумасшедшем аду Беблера — одной из самых молодых и нестабильных планет в Галактике.

— Цветы, девушка, на Беблере не растут, — подал голос из хвоста дилижанса четвертый пассажир — моложавый господин средних лет в помятом бежевом костюме. — Если вы хотите цветов, то отправляйтесь в Серединную Империю на планету Айрап — там они произрастают просто повсеместно, и даже в самых не подходящих для этого местах.

Девушка обернулась к господину в беже, восхищенно всплеснув руками. Похоже, что она понятия не имела о существовании во Вселенной таких мест — включая и пресловутый Беблер, — где цветы могли бы быть неуместны.

— Если только его ходатайство пройдет, то он первым об этом горько пожалеет! — встрепенувшись от мрачных раздумий, вновь подступился к Летину попутчик напротив. — Он вынудит нас стать браконьерами! Уж я-то сумею нелегально провезти на Дирлок свой именной РП! — При этих словах говорящий сделал резкое движение руками, будто выкручивал мокрое белье.

«Трепещите, дирлокские панцирные загрызы! Браконьеры Урюпинска уже точат на вас свои именные резаки!» — с таской подумал Михаил, в очередной раз остро сожалея о том, что выбрал сегодня для поездки на ответственное, можно даже сказать конспиративное, свидание такой вид общественного транспорта, как дилижанс. А между тем он специально вышел пораньше из дому, заранее решив не полететь на свидание, а именно поехать и именно в дилижансе, надеясь хорошенько обдумать дорогой в тишине и покос архаичной коробки под стук лошадиных копыт предстоящую встречу. И хотя праздный народ в последние времена вообще отличался чрезмерной общительностью, но завязтому домоседу и виртуальщику Летину почему-то казалось, что дилижансами ездят исключительно мечтательные и молчаливые люди. Это его романтическое заблуждение было бесцеремонно развеяно общительными соседями, обнаружившими свою потрясающую коммуникабельность уже в самом начале пути; и чем дальше, тем больше Михаил в этом своем заблуждении раскаивался. Хотя в обычные дни, уж если ему приходилось куда-то ездить, Михаил предпочитал именно коллективный транспорт и любил, когда в попутчики

подбиралась хорошая разговорчивая компания.

Но только не сегодня.

А началось все три дня назад, когда на квартиру Михаила был совершен неофициальный налет боевого наряда урюпинского спецназа. После беглого осмотра неприбранной типовой малометражки, сработанной «под старину» (XX век, «Диссанс»), начальник наряда разочарованно поставил хозяина в известность о том, что его брат дезертировал недавно с определенной ему наказанием службы, умудрившись при этом перепрограммировать и угнать с намеченного курса место своего заключения. Дело в том, что у Михаила Летина имелся старший брат — Петр Летин, в прошлом — штурман межзвездных рейсов, осужденный три года назад за контрабанду земных наркотиков в особо крупных количествах и приговоренный к пожизненной службе в неисследованных пространствах космоса на корабле забарьерной разведки. Видимо, означенный корабль Петр и умудрился перепрограммировать и затем удрать на нем неизвестно куда. Михаилу надлежало немедленно оповестить власти, если Петр Летин каким-либо образом проявится на его горизонте. Начальник наряда дал понять ошарашенному всем происходящим гражданину Летину, что появление беглого преступника ожидается в Урюпинске со дня на день и что его все равно скоро поймают, а Михаилу в случае сокрытия информации о брате тоже неизбежно грозит в ближайшем будущем нелicenseприятное свидание с законом. После визита властей Михаил почти перестал выходить из дому, сутками ныкался по виртуальности сам не свой, полный воспоминаниями детства и юности, а также мыслями о том, зачем он может понадобиться Петру в теперешнем его нелегальном состоянии. На самом деле Михаил догадывался — это-то и было самое неприятное, — почему брат может явиться теперь именно к нему и чего у него попросить. Михаил все еще надеялся, что Петр поостережется совать голову в стопроцентную петлю, объявляясь в родном Урюпинске; но утром этого дня, когда Михаил решился наскоро высунуть нос из дому — кушать-то иногда надо, — на выходе из подъезда соседский оголец сунул ему в руку записку. Моментаально забывший о муках голода, Михаил все же добрел по инерции до открытого кафе на углу улицы и что-то там сжевал; причем в процессе жевания Михаила не покидало нездоровое ощущение, что предательская записка просвечивает сквозь карман его штанов и привлекает к себе всеобщее внимание. Домой он вернулся уже на полном автомате, зажав записку в кармане в кулак (чтобы не отсвечивала, сволочь), обреченно послонялся по квартире, рухнул в любимое кресло перед монитором, после чего извлек все-таки из запотевшего кармана штанов помятую бумажку и нетвердыми руками развернул ее. В записке было два слова «Донской орел» и время — 18.00.

Горный отель «Донской орел» был Михаилу очень хорошо известен: именно в этом отеле в годы созревания дневал и ночевал — то есть, практически, созревал — его брат Петр Летин, прежде чем окончательно дозрел и принял роковое решение пойти на штурманские курсы, которые его в конце концов и сгубили.

Теперь Михаил ехал на свидание с братом Петром, то и дело по-шпионски тайком поглядывая в окно, чтобы убедиться в отсутствии за собой «хвоста», в то же время пытаясь волевым усилием причесать растрепанные мысли и собрать их в целенаправленный пучок. Но для этого надо было сначала отделить нестройный шорох мыслей от докучливых внешних помех, что было задачей не из легких.

— Этот прыщавый молокосос, эта девица в штанах грозитя — ха-ха, он грозитя! — лишить меня — меня! — охотничьего билета, если я в течение полугода появлюсь на

Дирлоке! — бурлил, закипая все круче, сосед напротив. — Да я сам, лично, вот этими руками спущу в унитаз этот паршивый билет вместе с их ублюдочным табельным парализатором!!!

— Кроме того, должен заметить, что тех же ящериц в нашем городском террариуме больше, чем их наберется на трех материках Беблера, вместе взятых! — окончательно завладел инициативой в параллельной беседе помятый господин в беже. Девушка глядела на него с восхищением, очаровательно приоткрыв рот, молодой человеку цветастых шортах — с угрожающим прищуром. В то же время какие-то невнятные, но отчетливо агрессивные выкрики начали доноситься еще и снаружи. Похоже, поблизости на дороге шла отчаянная перепалка, и дилижанс, судя по нарастанию скандальных звуков за окнами, медленно, но верно к ней приближался.

Михаил с любопытством высунулся в окно — начисто, кстати говоря, лишенное стекло — и повертел головой уже снаружи. Что бы там ни происходило, а все лучше, чем мечты соседа об изоощренных пытках для охотничьих билетов, табельных парализаторов, а также для панцирных загрыз Дирлока и их отважного защитника. Охотник на время прервал свои излияния и тоже глянул за окно; остальных пассажиров дилижанса посторонние звуки также очень вовремя отвлекли от завязавшейся дискуссии — кажется, над господином в беже уже нависла серьезная опасность в лице блондина в шортах.

Источником скандала оказались две машины, двигавшиеся впереди параллельным курсом: по дороге для архаичного транспорта полз оранжевый «жук» навозоуборщика, а по трассе через бордюрик, явно примериваясь к черепашьему темпу ассенизатора, шел белый «Шевроле-Корвет», длинный, словно французская сарделька, и набитый народом, как осетровая самка на нересте — икрой. «Навозник» тоже не пустовал: на обширной покатоной броне «жука» расположились привольно, словно на пляже, трое голых мужчин и, похоже, перекидывались там в картишки. Из «Шевроле-Корвета» в адрес загорающих щедро сыпались через бордюрик издевательства и насмешки. Троица с «навозника» вяло отбредивалась, не отрываясь при этом от игры; вяло, но, видимо, едко, потому что компания в белой «сардельке» свирепела прямо на глазах. Дилижанс быстро нагонял очаг конфликта — очевидно, принципиального, — так что Михаил с компанией смогли вскоре оценить узость площадного лексикона пассажиров «Шевроле» и расчетливую издевку скудных реплик их оппонентов с оранжевой, как апельсин, крыши «навозника».

— Не свалитесь с этой кучи дерьма, трам-тарарам вашего самого близкого предка по женской линии! — орал грубый бас из белого авто. — Полезайте внутрь, там вам, червям навозным, самое место!

— Это что, передвижной галльюн? Кто последний на очереди? — вторил ему оттуда же визгливый тенор.

— Не подмазывайся к чужому сортиру, огрызок, плаваешь в своем — белоснежном, и плавай! — лениво отвечали с «навозника».

«Так их!» — мысленно поддержал оригиналов-картежников Михаил Летин: путешествуй Михаил по ту сторону бордюра, он, вероятно, ощутил бы обиду за шикарный «Шевроле-Корвет»; но сейчас Летин сразу же всей душой встал на сторону экипажа «жука», как и подобало пассажиру экзотического транспорта по эту сторону дороги.

Из оскорбленного «Шевроле» раздался многоголосый рев, в котором различимы были по временам только отдельные нецензурные междометия. Голая троица на «жуке» отстраненно безмолствовала, полностью уйдя в игру. Лишь когда противник выдохся и

поток оскорблений с его стороны иссяк, тот из троих, что лежал к ним спиной, громко высказался:

— Вони-то! Никак у нас под боком канализацию прорвало? — И насмешливо добавил через плечо: — Спустить не забудьте! Мы ведь только за лошадьми подбираем.

Дилижанс между тем догнал конфликтующие стороны и начал вклиниваться аккуратно между ними по свободной полосе. А в это время из «Шевроле-Корвета» в ответ на оскорбление уже летел в сторону «жука» первый баллистический снаряд, сиречь — пустая бутылка из под пива. На «жуке», судя по всему, только этого и ждали: неприятельская боеголовка еще рассекала воздушное пространство между враждующими державами, а лихая тройца ассенизаторов была уже на ногах. Просвистав узким горлышком над лошадиной холкой, бутылка смачно разбилась об оранжевый бок «навозника». Его экипаж тем временем действовал оперативно: распахнув люк на крыше, они все втроем в него всунулись и мигом вынырнули, держа в каждой руке по рассыпчатому благоухающему конюшной «боеприпасу».

«Господи, только не это!» — в отчаянии подумал Михаил Летин, шарахаясь от окна в глубь кареты. Но Господь Бог, по своему обыкновению, Михаила не услышал: в следующую секунду три «танкиста» нанесли по врагу ответный огневой удар. Навстречу ароматному подарку полетели из «Шевроле» еще с десятков осколочных. Три веселых друга, разумеется, в долгу не остались, и скоро в воздухе между враждующими сторонами стало тесно от несущихся с обеих сторон летательных снарядов принципиально разных систем. Добрую половину двойного ураганного «артобстрела» принял на себя ни в чем не повинный дилижанс, не вовремя оказавшийся, на свою беду, в самом эпицентре конфликта. Почти все пассажиры дилижанса, включая Летина и авантажного блондина, кто как мог пригнулись, сгруппировавшись, чтобы не маячить лишними мишенями в окнах, а кое-кто даже залег под сиденье и яростно там ругался (охотник); девушка непрерывно попискивала и брезгливо всхлипывала, склонившись к самому сиденью и нервно прикрывая руками голову; блондин, воспользовавшись случаем, частично прикрыл соседку своим могучим торсом, при этом героически ее приобняв. Самым отважным из пассажиров оказался, как это ни странно, господин в бежевом костюме: вместо того, чтобы побереечь костюмчик и скрючиться, как другие, он, наоборот, выпрямился и стал отважно орать во весь голос:

— Давай! Так их! Влепи им, ребята! — при этом он азартно подскакивал, потрясая кулаками, а потом и вовсе вскочил и принялся метать лошадиное «яблоки», подбирая их прямо с пола, в направлении «Шевроле-Корвета». Хуже всех пришлось, должно быть, кучеру на козлах дилижанса, но он находился снаружи, так что пассажиры изнутри его не видели, хотя могли догадаться о его панике, судя по бестолковому дерганью их допотопного ящика: когда в воздухе запахло грозой и навозом, а над дилижансом полетели «первые ласточки», возница поначалу, судя по всему, резко натянул вожжи, но испуганная лошадь заметалась; тогда он от большого ума попробовал развернуть карету прямо на «огневой полосе» — и это у него тем более не вышло. На обитателях дилижанса его бездарные маневры сказывались самым плачевным образом: мало того, что через помещение проносились транзитом в изобилии «райские яблочки» вперемешку со стеклотарой, пассажиров еще и кидало, как дрова, взад-вперед и из стороны в сторону по салону. Больше всех досталось, как водится, единственному в компании храбрецу: в условиях глобальной неустойчивости транспортного средства, усугубленной еще и ливневым перекрестным огнем, господин в беже нес колоссальные потери: костюмчик его, и до того не слишком-то свежий, принял совсем уже

нетоварный вид, не говоря уже о руках, лице и причёске, больше всего подходящих теперь, пожалуй, для съёмок триллера под названием «Восставшие из выгребной ямы». Сам храбрец в приступе боевого фанатизма абсолютно не заботился о своем имидже и упорно игнорировал обильные попадания в свою персону, до тех пор, пока пролетающая шальная стеклотара не стукнула его ребристым доньшком точнехонько в левый висок. Последний и единственный герой несчастливого дилижанса рухнул подрубленным кедром на деревянный пол, и тут Всевышний снизошел наконец, хоть и с изрядным опозданием, к мольбам Михаила Летина: во-первых, в битве произошел решительный перелом, в связи с тем, что в белоснежном (в прошлом) «Шевроле-Корвете» кончились боеприпасы» Во-вторых, где-то снаружи возницу дилижанса вдруг настигло озарение, что ему надлежит делать: то ли его тоже стукнуло чем-то из пролетающего добра, но только с положительным зарядом, то ли лошадь сама приняла решение за своего пришибленного навозом, бутылками и экстремальной ситуацией коновода. Как бы там ни было, но дилижанс сразу после трагического падения в его недрах единственной боевой единицы рванулся вперед и покинул наконец территорию вооруженного конфликта — к сожалению, к тому времени уже благополучно завершившегося в пользу сильнейшего и более оснащенного противника. Посрамленный «Шевроле-Корвет», ставший теперь «белым в яблоко», понесся по дороге вдаль, фонтанируя выбрасываемым навозом вперемешку с отборными сквернословиями: его пассажиры, все без исключения, тоже могли похвастаться теперь оригинальной расцветкой «в неравномерное яблоко». Затихающему вдаль хору ругательств вторило в дилижансе двойное эхо: проклинал абстрактные злые силы откуда-то сверху невидимый возница — очевидно, не рискуя задевать при этом празднующую неподалеку победу удалых ассенизаторов — и упражнялся в ненормативной лексике, выбираясь из-под лавки, охотник: не запачкаться в его положении о валяющийся повсеместно на полу навоз под силу было бы, пожалуй, только настоящему виртуозу. Остальные уцелевшие пассажиры — в их числе и Михаил Летин — осторожно поднимали головы и опасно оглядывались. Убедившись, что дерьмометчики угомонились, а их противник позорно бежал с поля боя, потерпевшие окончательно разогнулись и принялись стряхивать с себя последствия боевых действий. Павший боец лежал в проходе среди отлетавшихся «боеприпасов» лицом вверх, не подавая признаков жизни.

Михаилу все-таки повезло: поскольку он ютился в самом углу, снарядами его практически не задело, только слегка присыпало рассеянными «пулями» (а еще говорят, что из дерьма плохая пуля). Наскоро отряхнувшись, он взглянул в окно на оставленного позади «жука». Непробиваемый «навозник» и его бравый экипаж вышли из сражения, похоже, без малейших потерь: троица победителей уже вновь разлеглась на своем апельсиновом пляже и как ни в чем не бывало раскидывала картишки. Михаила посетило нехорошее подозрение, очень похожее на истину: небрезгливые ребята нашли удачный способ поразвлечься, путешествуя верхом на «навознике» и задевая исподтишка проезжающие мимо расфуфыренные компании. А судя по всему, их и задевать-то особенно не приходилось — сами сломя голову нарывались на неприятности: разве ж проедешь спокойно мимо трех голых мужиков, загорающих практически на навозной куче? «Интересно, а девушки к ним тоже по дороге пристают? — подумал Михаил, вообще-то тоже по природе небрезгливый, глядя на компанию победителей с неожиданной завистью. — И если да, то на предмет чего?..»

— Боже мой, что с ним? Он умер? — донесся в этот момент до Михаила сквозь

забористые ругательства соседа дрожащий от сострадания девичий голос. Михаил, настроенный как раз на соответствующую волну, обернулся на голос, как бык на пастушью флейту: «Эх, девчонки, жизнь моя — боль моя, и зачем вы только созданы на мою голову?..» Последние события окончательно отвлекли его от предстоящей встречи с братом, и Михаил махнул рукой на свои попытки все заранее обдумать, ощутив при этом даже некоторое облегчение. «Что толку размышлять, — рассудил он, — в конце концов, на месте разберемся. Встретимся, а там — будь что будет».

Девушка сидела, с совершенно несчастным видом глядя на тело павшего храбреца и, очевидно, не решаясь встать, чтобы к нему приблизиться — а ну как он и вправду уже отдал Богу душу?

— Оглушило его, сейчас очухается, — проворчал сердито авантажный блондин, не проявивший себя в отгремевшем сражении героем и поглощенный теперь оттиранием от дерьма своей белой когда-то майки — следы от попаданий на шортах были не так заметны, поскольку терялись в цветочках.

Михаил, вздохнув, поднялся, подошел к «убиенному», поглядел в его запрокинутое лицо, проверил пульс на шее, после чего объявил на весь салон профессиональным тоном:

— Жить будет! — Потом, обращаясь лично к девушке, распорядился: — Помогите-ка мне его усадить.

На самом деле Михаил не видел ни малейшей необходимости тревожить павшего героя, больше похожего сейчас на гигантский кусок органического удобрения, тем более — тягать его по унавоженному салону, чтобы куда-то усаживать. Но у Михаила, тоже спасовавшего во время битвы, возникла сейчас настойчивая потребность хоть как-то реабилитироваться в собственных глазах, а самым испытанным методом самореабилитации являлись издревле для мужчин, по глубокому убеждению Михаила, именно женщины. Тем более что в данном случае оба предыдущих воздыхателя временно вышли из строя.

Девушка послушно встала и подошла к пострадавшему, по-кошачьи брезгливо выбирая место на полу, куда бы поставить ногу в белой туфельке, чтобы не вляпаться ненароком в пахучие навозные россыпи.

— Вас как зовут? — деловито осведомился у нее Михаил тоном военврача, экзаменующего медсестру в полевых условиях.

— Наташа, — робко откликнулась та.

— Вот что, Наташенька: я потащу его к лавке, а вы поддерживайте ему голову.

С этими словами Михаил подхватил бесчувственного героя под мышки и поволок его по россыпям к ближайшей лавке; девушка следовала рядом, старательно держась за голову раненого. Привалив его кое-как в сидячем положении к лавке, они с чувством полностью выполненного долга плюхнулись рядом на ту же лавочку.

— Михаил, — протягивая девушке руку, официально представился Михаил Летин уже не как случайный ухажер, а как бы на правах начальника санитарной бригады. Она, поджохондовски улыбнувшись, вложила легкие пальчики в его ладонь и, кажется, не торопилась их оттуда выдергивать. Далее нить беседы пошла ткаться сама собой древними, как мир, узорами, не требующими ни малейшего вмешательства мыслительного процесса. Покинутый блондин уже привел свою атлетическую персону в относительный порядок, и под его пристальным ненавидящим взглядом Михаил узнал, куда и зачем Наташа едет (оказалось — просто путешествует по матушке-Земле без определенного маршрута), какие красоты она уже успела повидать («езде одно и то же, но лучше там, где есть море») и,

наконец, — решающий вопрос — какие у нас сегодня планы на вечер (она, как выяснилось, — «еще не решила»). Михаил тоже имел весьма смутное представление о том, что ему готовит грядущий вечер, хотя и несколько по иным причинам, но выйти за рамки ритуальной кадрили уже не имелось никакой возможности, да и грех было не закинуть удочку на такую легкую добычу. Вообще-то по большому счету Михаил не любил легкой добычи, хоть и был на нее падок: как говаривал его американский дед Панас — что легко достается, то и выбросить не жаль; так вот — Михаилу всегда было жаль, потому что он неизменно вкладывал в свои отношения с женщинами, сколь бы короткими они ни были, какую-то сокровенную частичку души — он просто не мог иначе, сколько ни старался, — и каждый раз при очередном расставании ему казалось, что выбрасывают его самого, как такую же легкую и наскучившую добычу. Одним словом — не повезло Михаилу Летину родиться в эпоху всеобщей раскрепощенности неисправимым романтиком. Он воспринимал собственный романтизм на общем легкомысленном фоне как особо изощренный психический изъясн и тщательно скрывал его под показными личинами развязности и цинизма. Но, как бы там ни было и что бы ни ждало Михаила с новой знакомой в конце пути — просто расставание или то же расставание, но после короткого сожителства, оставшуюся часть дороги они скоротали в приятной беседе под уничтожающими взглядами красавца в цветастых шортах, с одной стороны, и сердитое ворчание такого же покинутого охотника, с другой. Когда дилижанс свернул с большой дороги на шоссе, ведущее к предгорному поселку, раненый, так и не пришедший в сознание, начал опасно крениться набок и в конце концов опять рухнул, но поднимать его и вновь усаживать никто на сей раз не поспешил — всех теперь куда больше занимали личные проблемы.

Так называемый «поселок» в предгорьях Сто Тринадцатого был по современным понятиям не слишком-то комфортабельным, хотя и дьявольски живописным местом: сюда свозили в свое время с урюпинского космодрома пришедшую в негодность космическую технику. Любители горной экзотики вскоре обнаружили, что отлетавшие космические ковчеги отлично еще подходят на роль жилищ земных, и стали частенько навещать корабельное кладбище, стягиваясь сюда со всей округи, как на курорт, а многие — по большей части старые космолетчики — в конце концов здесь и обосновались. Со временем бывшая свалка приобрела статус поселка, с наличием всего, что к данному статусу прилагается: возвышалась мощным языческим храмом над остроносими жилыми «коттеджами» величественная громада бывшего грузового транспортника, а ныне — здания правления; имелся милицейский участок — ребристая цилиндрическая башня (бывший патрульный крейсер), одним своим грозным видом вызывающая дрожь не только в юных, но и тертых жизнью коленках; наличествовал в поселке и так называемый «развлекательный комплекс», включающий в себя бары, рестораны, сауны, различные игровые заведения и прочие увеселительные службы (бывший правительственный лайнер типа «люкс»). Отель, куда держал путь Михаил Летин, хоть и относился фактически к поселку, имел как бы негласный статус самостоятельности, поскольку находился от него немного в стороне и, в отличие от других местных заведений, был основан не на отбросах космической экспансии: отель был построен уже после официального наречения бывшего «кладбища» званием поселка и прилепился к одному из горных склонов, поднимаясь ввысь по скале тремя живописными террасами; именно непосредственная близость к подножиям гор и давала «Донскому орлу» право именоваться горным отелем. Отель являлся конечным пунктом назначения дилижанса, однако по пути через «Звездный городок» имелась одна остановка

перед увеселительным центром. На этой остановке дилижанс покинули два непохожих друг на друга, но одинаково угрюмых пассажира — гордый в своем одиночестве блондин и недовольный — видимо, по жизни — охотник. Народу в дилижансе после остановки не прибавилось — да и кто бы теперь в него добровольно погрузился, кроме разве что навозных мух; так что до отеля Михаил доехал практически в компании одной Натальи: отважного бежевого господина, безмятежно почившего на полу, за компанию можно было уже не считать.

При выезде на небольшую гранитную площадь перед отелем Михаил кинул первым делом беглый взгляд на автостоянку, опасаясь увидеть там посрамленный «Шевроле-Корвет»: этой побитой бригады здесь только и не хватало для полного счастья в качестве свидетелей его конспиративной встречи с братом. На стоянке царственно замер единственный вороной «Лендровер» (тот еще антиквариат), позади него, словно отрад подтянутых ординарцев за бравым фельдмаршалом, выстроились в ряд с десятков силовых кресел. К вящей радости Михаила, испачканной французской «сарделькой» нигде поблизости и не пахло — отдыхала, наверное, от пережитого потрясения где-нибудь в районе увеселительных заведений, а то и вовсе, миновав судьбоносный поворот к Сто Тринадцатому массиву, унеслась по магистрали в неведомую даль.

Глава 2

ГРОМАДА СДВИНУЛАСЬ

Вначале Отшельник ощутил беспокойство. Источник легкого смятения окружающей первородной среды, нарушивший покой его чутких ментальных струн, явился, вне всякого сомнения, извне и убираться восвояси, видимо, не собирался. Наоборот, он решительно надвигался, ввергая оные ментальные струны, а вместе с ними и самого Отшельника во все большую дисгармонию. Впервые за немалый период времени кто-то осмелился вторгнуться в его Абсолютное Уединение, да не просто вторгнуться, а прямо-таки нагло в него влезть. Природу настырного явления Отшельник определил не сразу и не вдруг, и, пока он тщился познать эту самую природу, могучая глыба внутренней сосредоточенности, взлелеянная трудами и упроченная лишениями, безнадежно истаяла, произведя попутно нечто вроде короткого замыкания в нежнейшем переплетении потоков четырехмерно-инфернального сознания, окутывающих Отшельника наподобие кокона. Не без труда преодолев великое искушение высказать пару крепких слов по поводу случившегося катаклизма, Отшельник в ужасе постиг, что даже Великому по своей беспримерности Уединению оказалось не под силу вытравить из его мятежной в прошлом души вьевшуюся туда всеми молекулами Скверну. Шуганув ее, проклятушую, изо всех сил смирением, Отшельник с усердием скупца занялся собиранием по крупице рассыпавшегося звонкой монетой равновесия, необходимого ему сейчас в первую очередь для того, чтобы определить причину постигшего его стихийного бедствия и разобраться с этой причиной, в точном соответствии с нанесенным ею ущербом.

Отшельник раскинул в стороны руки с растопыренными пальцами, словно ощупывая простершуюся от него во всех направлениях пустоту, исколотую вечными ночниками звезд. «Ох, не приведи мне Господи воззвать опять когда-нибудь к ее силе!» — подумал машинально, тут же с негодованием ощутив вздрогнувшую внутри, подобно блику случайной звезды на гарде меча-ветерана, радостную, отчаянную надежду, и не смог задавить, услышал в себе отчетливо, как нетерпеливую дрожь застоявшегося клинка: «Неужто... Снова в бой?..»

Пространство вокруг него трепетало, содрогаясь словно бы от тяжелой поступи того, кого собиралось вот-вот из себя извергнуть пред зоркие очи истомившегося ожиданием Отшельника, и он успокаивающе поглаживал напряженную пустоту раскинутыми ладонями, будто рожающую кобылу. Спустя несколько натянутых под разрыв мгновений пространство взволновалось крупной рябью, звезды колыхнулись и пошли гулять внахлест друг на друга, словно были отражениями самих себя в черной глади огромного пруда, в центр которого откуда-то сверху, с неведомых небес, только что упал и утонул, по меньшей мере, какой-нибудь межзвездный лайнер. Именно в этот миг сомнения Отшельника окончательно развеялись: не так уж много осталось в этой Вселенной представителей народа Изначальных — тех, кого последующие цивилизации нарекли потом богами, — чтобы спутать появление одного из них с появлением другого; учитывая к тому же, что визит каждого предварялся, как правило, индивидуальным, присущим только ему пространственным эффектом.

Губы, искривившись, произвольно вывели:

— Мятежник...

Слово было первым, слетевшим с губ Отшельника за время его Абсолютного Уединения, и, произнося его, он с особой остротой воспринял ощущение, уже испытанное

им в былые времена и не раз: слово казалось оранжево-алым и оставляло во рту сладковато-соленый привкус крови.

Взбаламученное пространство тем временем разродилось покатым металлическим обломком с неровными, словно обкусанными ржавоглотом, краями. С них свисали какие-то провода, шланги и прочие фрагменты аппаратуры, разодранной, судя по всему, той самой аварией, при которой этот пласт обшивки оторвался от общей массы, как пить дать, космического корабля или станции. Выпавший из самого эпицентра пространственных возмущений, если так можно выразиться, предмет размеры имел немалые и заставил Отшельника мысленно уронить челюсть. Разумеется, не потому, что ему никогда не доводилось видеть обломков космических кораблекрушений — доводилось, да таких, по сравнению с которыми данный экземпляр можно было бы назвать просто конфеткой. Дело было в человеке, доставившем сюда этот вырванный откуда-то с мясом кусок металла — надо понимать, в качестве средства передвижения — и сидящем сейчас с видом покорителя пространств в самом центре этой жертвы чего-нибудь вроде гипердеструкции плазмоидального сервопривода. Без сомнения, пришелец был именно той личностью, чье имя только что осквернило ржавым привкусом рот Отшельника, но такой ли «экипаж» ожидал Отшельник под ним увидеть? Где же его потрясавшие своим диким величием дьяволы-мустанги? Где гигантские серебряные драконы? Куда улетела тройка зловещих черных воронов? А как поживают чудовища, устрашавшие благонаравных дам особо извращенными изысками? В каких тайных стойлах томится вся эта транспортно-перевозочная нечисть, в то время как ее хозяин бороздит Вселенную верхом на жалких бахромистых обломках спермо... тьфу, скверна тебя заberi — сервоплазмоида, а может, гиперсервера. Или вся эта его адская свора взбунтовалась от плохого содержания и забилась кто куда по космическим закоулкам, поджав тощие хвосты и удалые изыски? А где же тогда его многошпильные летающие замки? Куда подевались оцетинившиеся оружием, словно дикобразы иглами, могучие космические крепости? Неужто тоже разбежались в поисках лучшей доли?

— Ты, кажется, научился острить? Неплохо, неплохо. Поздравляю.

Низкий насмешливый голос возник у самой мочки левого уха Отшельника, хотя визитер продолжал парить на обломке своего стервоплазмоида на том же месте, где объявился. Локти гостя лежали на коленях, лицо, обращенное к Отшельнику, сохраняло подчеркнуто холодное выражение.

Слишком давно Отшельник не общался с себе подобными, как, впрочем, и с неподобными себе, к коим он, скорее, визитера и относил: едкое замечание гостя напомнило ему о необходимости переключения на закрытое мышление. Спешно переключившись, Отшельник внес наконец свою лепту в беседу, грубо громыхнув посредством телепатической акустики на все близлежащее пространство:

— Зачем явился?!!

Собеседник в ответ как-то горестно хмыкнул.

— Узнаю твою старую добрую реакцию на мое появление. Слово в слово! Хоть бы вставил между ними для разнообразия «ты», — насмешничал! низкий голос, на сей раз у правого уха Отшельника. И, вновь переметнувшись к левому, добавил: — А мне говорили, ты культивируешь здесь в одиночестве смирение, очищаешься, так сказать, от скверны?

— Ты и есть скверна!!!

Разговор еще толком не успел начаться, а Отшельник и впрямь уже весь кипел словно

паровой котел, распираемый обычной доброй реакцией на этого ерника и наглеца.

— Одно твоё присутствие способно даже райский сад превратить в зловонную помойку! — долбило пространство по голове гостя громоподобным телепатическим басом Отшельника. — Убирайся восвояси, исчадьё Зла, иначе отправишься сейчас напрямик к своему прародителю!

Раскаленную крышку парового котла, коим Отшельник теперь себя и впрямь ощущал, слегка остудила легкая тень досады: беседа в самом деле уверенно шла вразгон по давно накатанным рельсам.

— Штампы, штампы... — взгрустнуло бархатное эхо из левого уха Отшельника в правое. — В этом мире не осталось ничего, кроме проклятых штампов. Ни власти, ни славы, ни любви, ни слез, ни денег. Ни даже понимания между двумя старыми друзьями...

— Ты хотел сказать — врагами! — пророкотал над гостем тяжкий громовой раскат с мощным ударом на слове «врагами!». Отшельника все еще несло по давно отработанному сценарию, хотя собеседник только что едва не сбил его с привычного курса, мягко, но ощутимо направив руль беседы в сторону от размеченного раз и навсегда регламента.

— Тем более! — резко выплюнул голос гостя. — Я надеялся, что ты уже достаточно набрался ума в своем Великом Отрешении, чтобы понять: в нашем случае это почти одно и то же!

Пространство издало неясную вибрацию, обернувшуюся тяжким захлебнувшимся вздохом, но никакой ответной реплики из него не последовало: на последней фразе гостя паровой котел в недрах Отшельника наконец взорвался, перекрыв своему обладателю все уцелевшие при взрыве клапаны кипящими потоками негодования, возмущения, ярости и прочих нечистот, таившихся до поры до времени на дне в ожидании своего часа.

И этот шут явился сюда, в святая святых Отшельника, верхом на каком-то ржавом — прости, Господи — плазмозооиде, прервал беседу Посвященного с Высшей Истиной, разрушил сложнейшие структуры информационного кокона, сотканного годами кропотливого труда в Великом Отрешении от мира, и все с целью просто поиздеваться от скуки!!! И, похоже, уверен, что это сойдет ему с рук!!!

Ищущие пальцы жадно ткнулись в пустоту, стягивая хаотичные потоки пронизывающих ее в разных направлениях энергий, свивая их в белые мерцающие жгуты, берущие начало в кончиках пальцев Отшельника, концами же теряющиеся в бесконечности. Широко вскинутые руки Отшельника напоминали теперь два маленьких новорожденных солнца, из каждого радостно торчало по пять невероятно длинных убийственных лучей. В свою очередь, глаза Отшельника, хоть и не обзавелись подобно пальцем подобно пальцам, смертоносными лучами, всерьез вознамерились пробуравить в госте для начала две дымящиеся дырки.

Мятежник молча сидел напротив, все так же свесив руки с колен и с виду, похоже, ничуть не напрягаясь, только задрал ненадолго кверху голову с любопытством проследив длину смертоубийственных лучей. Меньше всего он походил в этот момент на человека, готовящегося к последней и решительной битве.

Отшельник раскинул ладони в стороны, располосатив лучами космос, затем начал медленно сводить руки. Его больше не мучили сомнения, и угрызения совести забыли его грызть, не вспоминал он и о смирении — просто сбросил его, как изношенные подштанники, отрешился — о, по умению отрешаться ему не было равных во всей Вселенной! Впрочем, как и по умению сосредоточиваться. А средоточие его плавилось

теперь в лаве мстительного наслаждения, плещущего через край и затвердевающего постепенно мучительной пемзой экстаза. «Сейчас в мире станет на одного Изначального меньше! Как долго я этого ждал, возлюбленный враг мой! И вот наконец-то я сделаю это!!!»

Пульсирующие хищной белизной лучи-лезвия ползли к гостю с двух сторон узкими горизонтальными решетками, готовясь вот-вот на нем сомкнуться и искромсать — судя по ширине зазоров между лучами — в крупную лапшу. Мятежник казался в их обрамлении усталым странником, сошедшим с неведомых дорог и осененном на коротком привале ореолом Божьей Благодати.

Лезвия уже коснулись обломка злополучного сервоплазмонстра и вошли в металл без малейшего усилия, словно резали не сталь, а иллюзию или бесплотный фантом.

Отшельник приготовился уже последним резким движением сомкнуть руки и свести пальцы в замок, когда вкрадчивый шепоток скользнул доверительно в самое его ухо:

— Хреново выглядишь. В зеркало давно не смотрелся?

Два долгих мгновения потребовались Отшельнику на то, чтобы вникнуть в смысл сказанного и вынырнуть из заключительного, апофеозного экстаза. В течение следующего миллисекунды, когда на его пальцах погасли все разом, словно выключились, энергетические «ногти», Отшельник успел пережить клиническую мини-смерть, пристукнутой, словно дубиной, элементарной мыслью: «А ведь он мог и не выждать этих мгновений...» О том, что Мятежник мог вообще не намекнуть ему о своем «зеркале» — то бишь отражающем заклетье, а преподнести старому «другу» неожиданный сюрприз, Отшельник подумал значительно позже.

Едва только к левому уху Отшельника, оглохшему на время в результате полновесного удара мыслью-дубиной, вернулась былая чуткость, оно — то есть ухо — услышало тихий смех. Потом в нем вновь раздался знакомый голос, сказавший не без удивления:

— Ну и ну!..

И принявшийся развивать эту мысль более полно уже в противоположном ухе Отшельника:

— А я-то боялся найти здесь вместо Фанатика смиренную овечку Божью! Отшельника! Ты ведь, кажется, так себя нарек? Скажу тебе по секрету, видал я на своем веку разных овечек, и даже, хочешь верь — хочешь нет, зубастых, как волки, но чтобы с такими вот когтями!..

— Зачем ты явился?.. — подавленно прохрипело пространство голосом Отшельника, которого только что непочтительно обозвали Фанатиком.

— ...Полосующими мирных гостей, как какие-нибудь матрасы, безо всяких на то причин, не утруждаясь даже предупреждением! — продолжал разглагольствовать голос в правом ухе. И добавил рассеянно, уже в левом: — Кстати, добавление «ты» очень к лицу твоему дежурному вопросу. Весьма его разнообразит! Советую в следующий раз ограничиться одним «Зачем?». Это внесет в него некоторый философский оттенок.

Пространство неопределенно перхнуло, булькнуло и умолкло надолго. Мятежник тоже молчал, должно быть, в ожидании новых дежурных вопросов, для внесения в них очередных радикальных корректив. Вопросы больше не сыпались, и старые враги, они же «друзья», один из которых только что едва не настругал другого нестандартной соломкой, продолжали висеть друг против друга в абсолютной пустоте, усугубленной теперь еще и гробовым молчанием.

Молчание пролегло между ними черным облаком, с каждым мгновением все тяжелея,

ощутимо наливаясь каким-то зловещим, пока неясным Отшельнику смыслом. Наконец-то, только сейчас он понял — Мятежник явился сюда вовсе не для того, чтобы издеваться, ему действительно есть что сказать и не иначе как именно теперь он собирается это сделать.

Наконец-то гость поднялся на ноги и встал прямо перед хозяином, практически лицом к липу приняв при этом нарочито небрежную позу.

Отшельник окаменел в ожидании.

— Так вот, к вопросу «Зачем?», — нарушил напряженную тишину по-прежнему спокойный, чуть насмешливый голос гостя, на сей раз в обоих ушах «окаменевшего» слушателя. — А явился я к тебе затем, чтобы сообщить, что намерен разделаться с этим миром. Точнее — попросту его уничтожить. И можешь не сомневаться, что ради удовольствия задавить этот гадюшник, я не пожалею и собственной жизни!

— Как?.. — слегка опешило пространство севшим, как сдутый шарик, голосом Отшельника.

— Вот хороший вопрос! — обрадовался голос гостя. — И главное — свежий! Хотя и не самый удачный из твоего философского арсенала. Впрочем, самые великие вопросы — можно сказать, перлы, ты еще успеешь задать, но гораздо позднее и не мне, а самому себе. Так вот, КАК это можно, вернее — нужно — сделать, тебе должно быть известно ничуть не хуже, чем мне.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТОГО ЗНАТЬ!!!

Взвыло так, будто сама Вселенная ужаснулась перспективой собственной грядущей гибели от порочной руки одного из своих ничтожных червей. Ответом ей был издевательский хохот одного червя.

— А я-то уже предвкушал твое дежурное «ЗАЧЕМ?» — насмеявшись вволю, вымолвил гость. — Ошибся, каюсь! И все же советую тебе для прояснения этого вопроса похерить к чертям твое отшельничество и насладиться всеми прелестями Большого Мира. Очень рекомендую!

Выдав «рекомендацию», гость сделал небрежно хозяину на прощание «ручкой». Отшельник мрачно наблюдал, как стальная махина бывшего гиперплазмоида... — а на вот выкуси тебе гиперплазмод! — как жалкий осколок разбитого обтекателя под этим распоясавшимся маньяком начал медленное движение, совершая аккуратный разворот. Стоящий в его центре, вольно отставив ногу Мятежник, повернутый к собеседнику уже почти спиной, вдруг полуобернулся назад, изобразив в то же время сухими пальцами левой руки беззвучный щелчок. После этого Отшельник вновь услышал его голос.

— ОДИН, — сказал Мятежник и, помолчав секунду, словно в раздумье, добавил: — И ТРЕХ.

Отшельнику почудилось, что обезумевшая Вселенная впиалась в его тело иглами всех своих звезд, как будто он стал внезапно ее центром и она, кренясь, пыталась в отчаянии за него уцепиться. Что-то билось пойманной птицей в мозгу, что-то стучало последней надеждой, и Отшельник не сразу осознал, что это «что-то» есть всего-навсего вопрос: «Зачем, зачем он рассказал мне, именно мне о своем намерении?..»

Гость все еще находился на его территории, но, судя по изрядной звездной вибрации, вот-вот готовился отбыть. Отшельник весь подался вперед, надеясь еще успеть выкрикнуть хотя бы одно слово, как будто оно одно могло еще что-то изменить, но так и не выкрикнул, потому что Мятежник неожиданно повернул голову и его низкий голос с прорезавшейся в нем хрипотцой вновь дохнул Отшельнику прямо в ухо:

— Предвижу очередное «ЗАЧЕМ?». Уволь, пожалуйста! Твоими «зачемами» я на сегодня уже сыт по горло.

Оставшись в любезном его сердцу одиночестве, Отшельник не поспешил вновь предаваться Великим Забвению и Отрешению, справедливо решив, что с этим всегда успеется, а вместо этого тяжело задумался. В неуклюжих — с непривычки — мыслях фигурировали в основном два старых добрых «зачема» и один хороший «как?».

ЗАЧЕМ Мятужнику приспичило сводить счеты с миром, да еще таким нестандартным способом? Неужто мир за время Великого Отрешения Отшельника стал настолько добродетелен и прекрасен, что Мятужнику с его гнусностями не осталось в нем больше места? Почему бы тогда ему не убраться в какую-нибудь из параллельных Вселенных, где найдется еще достаточно грязи для такой свиньи, как он? Впрочем, с этим как раз все ясно — где ж ему жить в покое параллельно космическому раю? Изойдет ведь желчью, не выдержит и сдохнет в конце концов (туда, кстати, и дорога!). Куда как отраднее распылить этот ненавистный рай на атомы, пусть даже и вкупе со своей желчной персоной.

Но ЗАЧЕМ он сообщил о своем намерении Отшельнику? Ведь специально нашел, хоть и нелегко это, ох нелегко, добрался, вражина, и сообщил! Даже боя не принял. Хотя какой там был бы бой? С «зеркалом» — скорее его, Отшельника, самоубийство. По всему выходило, что нужен был Мятужнику за чем-то в его апокалиптических происках Отшельник. Но — опять же — зачем? Неужто на помощь надеется? Его-то, Отшельника, помощь в уничтожении нового прекрасного мира?.. Рекомендую, говорит, насладиться... Рекомендует он, значит...

Надо сказать, что сам по себе мыслительный процесс давно уже стал для Отшельника явлением нетрадиционным — отключился он просто-напросто от этого процесса в своем Великом Отрешении, и обратное подключение требовало не меньших усилий, чем требовало в свое время отключение. Поэтому мысли вязались нестройные, узловатые, норвящие то и дело впасть обратно в прохладные глубины Забвения и Отрешения. Посему Отшельнику приходилось напрягать всю свою неординарную способность к концентрации, чтобы заставить мысли худо-бедно ворочаться в голове и вернуть им хоть малую долю их былой остроты. Для большего эффекта он к тому же еще изменил положение своего тела в пространстве, приняв очень способствующую полету мысли позу «мыслителя».

Итак: сковырнуть мир не так-то просто, даже зная о ТРЕХ. Одному Дьяволу ведомо, как Мятужник о них узнал, но, в конце концов, он, хоть и изгой, но все же Изначальный, так что для получения информации у него имелось достаточно времени и немалый арсенал средств. Сам Отшельник подозревал, что язык развязался у Шалой, с которой у Мятужника, помнится, была в свое время сердечная связь; с другой стороны Отшельник не мог себе представить существования в мире каких-то мужских соблазнов, способных заставить проговориться Шалой. Хотя Мятужник, это дьяволово семя, надо признать, всегда имел подход к женщинам: способность, являвшаяся в былом предметом тайной зависти Отшельника, так и оставшаяся для него одной из неразрешимых загадок покинутого мира.

Именно в этот, отнюдь не узловый, момент размышлений неожиданно дал о себе знать, ожив и провернувшись в груди как-то неудобно поперек, стилет давней ревности, позабытый, ржавый и затупленный, но все еще, оказывается способный причинять боль. А были ведь времена, когда Отшельнику — тогда еще Фанатику — верилось в благосклонность к нему непредсказуемой Шалой... Сжавшись, будто и впрямь от невидимого удара, Отшельник постарался вновь сконцентрироваться на своих базовых вопросах; если

позволить нахлынувшим воспоминаниям разбередить в себе сразу, всем скопом утраченные эмоции, под их лавиной можно похоронить, чего доброго, и здравый рассудок.

Сама по себе история о ТРЕХ походила на красивую легенду и вряд ли воспринималась как непреложная истина даже узким — очень узким — кругом Посвященных. Но Отшельник-то ЗНАЛ — это Истина, и самая страшная Истина в мире: ведь к этой Истине ему довелось однажды прикоснуться собственными руками. На мгновение отвлекшись от размышлений, он поднял руки и пристально взглянул на ладони, покрытые алой сетью никогда не заживающих шрамов.

Легкий, словно погребальный саван, туман опустился на дорогу сверху, а вовсе не приполз, как полагалось бы туману, с раскинувшихся на юге Слепых болот; будто слетело к темной земле невесть с каких высот усталое облако и осторожно прилегло пухлым телом в колючую луговую постель, осенив непроглядный мрак летней ночи своей зыбкой невесомой кисеей.

Единственный живой человек, ехавший в этот час по дороге, заметил, что вокруг как будто бы чуть посветлело, хотя ночь стояла безлунная и до рассвета времени хватило бы еще на три сна с одной дремотой. Плоть тумана стелилась ажурным одеялом, простеганным звездными нитями, и сама его потусторонняя бледность создавала иллюзию призрачного освещения.

Фанатик сидел на козлах сгорбившись, безвольно свесив руки с колен; поглядеть со стороны — сморило сном усталого человека в дороге; и в голову не придет, что внутри дремлющий возчик настрожен, как боевой лук, готовый вот-вот пустить в полет свою стрелу. Сейчас, именно сейчас — Фанатик ощущал это всем существом, каждой его звенящей жилочкой — должно произойти нечто такое, что, возможно, изменит его дальнейшую судьбу — а она, надо сказать, была и без того непростой, яркой и извилистой, длиною не в одну жизнь... Нечеловеческой, одним словом, была эта судьба, да и сам Фанатик, говоря откровенно, человеком не был. В отличие от того, кто лежал сейчас в поскрипывающей телеге позади него — прикрытый соломой, неподвижный, холодный, окоченевший: не теперь, конечно, но вчера еще печальный груз телеги звался человеком, сражался на стенах крепости Угден, обороняя ее от лихих ребят Хоша Доброго... Впрочем, и сам Фанатик бился вчера на тех же стенах, отвоевывая сии стены у своры свирепых псов Угдена Скупого. Злое, жаркое было дело! По сей час не остыли еще сердце — от праведной ярости и меч — от пущенной им вчера в Угдене поганой крови. Пресветлая леди Удача реяла незримо в Угденской битве над буйными головушками лесных братьев. Да и то сказать, не покидала она удалое войско Хоша Доброго с тех самых пор, как присоединился к нему в Харосских лесах один из рыцарей Святого Воинства — Фанатик, как вскорости окрестили его меткие на прозвища лесные братья. И пировать бы ему сейчас вместе с ними во взятой крепости после раздела жирной добычи, да поймала Фанатика вскоре после битвы во дворе замка его Особая Судьба, да не как-нибудь образно схватила, а конкретно — за правую ногу. И чем схватила! — окровавленной рукою одного из трупов, сваленных в кучу напротив ворот. Чего только не повидал Фанатик в своей неординарной жизни, но тут и его поначалу ледяная оторопь сковала: рука, вцепившаяся мертвой хваткой в его пыльный сапог, принадлежала, несомненно, трупу. Да и кто выживет, если у него на теле, по крайней мере, четыре смертельные раны — три на груди и одна — на горле, вторая рука отрублена по локоть, лицо налилось уже мертвенной синью, глаза остекленели, и даже кровь из

многочисленных ран давно перестала течь? Фанатик, мгновенно сравнившись с ним бледностью, уставился ошалело на скошенный, чуть приоткрытый рот убитого, словно в ожидании объяснений его абсурдным действиям. Через мгновение, не обманув ожиданий задержанного, откуда-то из глубин мертвеца донесся деревянный, лишенный всякой интонации голос:

— Я — ХРАНИТЕЛЬ. ОДИН ИЗ ТРЕХ. Я ДОЛЖЕН ПЕРЕДАТЬ. ТЫ — ПОМОЖЕШЬ.

После этого мертвые пальцы, сжимавшие железной хваткой ногу Фанатика, разжалась.

Объяснение оказалось для Фанатика исчерпывающим. Расспрашивать труп, как он смог распознать в проходящем мимо Посвященного, Фанатик не стал: покойник, назвавшийся Хранителем, уронил голову и лежал теперь среди трупов мертвее мертвого, да и лесные братья, проходящие мимо по двору, вряд ли отнеслись бы с пониманием к действиям своего товарища, склонившегося к мертвецам в попытках разговорить одного из их отгулявшейся орды.

Так вот и вышло, что в столь поздний час Фанатик оказался на ночной дороге один на один с трупом, удаляясь от крепости Угден, где соратники вкушали сейчас обжигающее жаркое, запивая его не менее обжигающим пойлом и подсчитывали натруженными в битве руками плоды последней славной победы. Покидал Фанатик павшую крепость не таясь — никто и не думал ему в этом препятствовать. Сотоварищи проводили его косыми взглядами' исподлобья, тихо перешептываясь за спиной: мол, поехал творить в лесу черную мессу, прихватив с собой для комплекта труп. Одному Сатане ведомо, каким богам приносит страшные жертвы рыцарь Святого Ордена. Да, видимо, нужным, и не стоит ему в этом мешать, покуда его боги приносят войску удачу в набегах.

Фанатик не имел ни малейшего представления о том, куда ему надлежит теперь ехать, но это его не особенно и волновало — раз уж речь идет о Хранителе Предвечной Стихии, коих Хранителей насчитывалось лишь трое на целую Вселенную, то можно было не сомневаться — без ориентира его не оставят.

Лошадь, бредущая все медленней, наконец остановилась, низко опустив голову, словно уснула в середине очередного шага. Фанатика охватило навязчивое ощущение, что весь подлунный мир затоплен бледным маревом гипнотического тумана, задушен, усыплен туманом, как наркотиком; он, Фанатик, единственный, кому дано бодрствовать в этом остановившемся мире, потому что на него пал Выбор; он — главное звено в выстроенной Высшими Силами цепочке случайностей для передачи неведомой смертным Предвечной Стихии.

Тишина внезапно треснула звуком, будто топором из-за угла. Фанатик вздрогнул всем телом и обернулся: безмолвие было бесцеремонно нарушено знакомым деревянным голосом, донесшимся сзади из телеги:

— СЛУШАЙ!

Тело лежащего позади Хранителя напоминало присыпанное кое-как соломой длинное бревно, ощутимо твердое даже на придиричивый взгляд, но Фанатику было с его места хорошо видно мертвое лицо с черным щрамом приоткрытого рта, откуда и шел звук.

Фанатик замер, не дыша, весь обратившись как бы в одно огромное ухо.

— ПРИМЕШЬ ТО, ЧТО ДАМ, И ПЕРЕДАШЬ ФЕЛЬЕ ДАГАНУ.

Фанатику было известно, что Даганы — соседи Угденов с востока: знатный старинный род, ведущий свою родословную от Харосских королей. По легенде, звание Хранителя должно было передаваться по наследству: стало быть, убитый Хранитель был при жизни

Даганом. Фанатик не знал, что один из Даганов находился вчера в Угдене и принимал участие в битве: занесла, значит, нелегкая в недобрый час в гости к соседу. Фелье, насколько помнил Фанатик, было имя младшего отпрыска рода Даганов.

Уцелевшая рука трупа вдруг резко вздернулась вверх, взметнув фонтан соломенных былок; Фанатик, шарахнувшись от неожиданности, чуть не свалился с телеги, потом, овладев собой, всмотрелся внимательнее в торчащую из соломы корявой палкой руку: судорожно сведенные пальцы мертвеца сжимали какой-то мелкий предмет. Стылая волна разочарования окатила Фанатика: хоть он и не разглядел пока, что именно ему надлежит передать Фелье Дагану, но и так было видно, что это какая-то побрякушка, мелочь, не достойная, быть хранилищем Предвечной Стихии; он даже позабыл трепетать, протягивая руку за безделушкой. Хотел было взять предмет, но мертвые пальцы держали крепко, не отдавали свое сокровище. Фанатик сделал осторожную попытку разжать их хватку с помощью одной руки — задействовать в разжимании свою вторую руку категорически не хотелось; неожиданно ледяные пальцы трупа сами собой резко разжались, и тут же холодная клешня хищно сомкнулась на пятерне Фанатика, втиснув до боли предмет в его ладонь.

Фанатик успел только крупно вздрогнуть; опешить, испугаться, облиться липким потом ужаса — всего этого он сделать так и не успел, потому что пребывал уже в каком-то совершенно ином, требующем еще осмысления, месте, куда сам же, кажется, и шагнул, явственно ощутив при этом, как его милостиво впустили, благодаря цепкому рукопожатию мертвого Хранителя.

А находился он теперь в углу мрачного пятиугольного помещения с серыми шершавыми стенами, потолком и полом. Больше всего помещение смахивало на чистый — прямо-таки стерильно чистый — каменный склеп, так как ни в стенах, ни в потолке и ни в полу комнаты не имелось ни малейшего намека на выход, окно или, на худой конец, на какое-нибудь вентиляционное отверстие. Откуда лился свет — хоть и тусклый, но показавшийся Фанатику достаточно ярким после обманчивой поволоки ночного тумана, — тоже оставалось неясным, но всерьез интересоваться этим вопросом ему сейчас было недосуг; его внимание сразу привлек предмет, стоящий в самом центре комнаты на невысоком каменном постаменте. Небольшой — размером, примерно, в локоть — изготовленный, похоже, из цельного куска какого-то прозрачного кристалла (хрусталя? кварца? На алмаз не похоже, да и великоват для алмаза), продолговатой формы, предмет ничего конкретно не изображал, поверхность его представляла собой набор тысяч разновеликих граней, образующих сложнейшие узоры, похожие на извилистую вязь древних символов. Фанатик сделал шаг вперед, и светотени на кристалле неуловимо сместились, сложив замысловатые узоры-символы в новый кабалистический рисунок.

Он сделал еще шаг, неотрывно глядя на кристалл, и сейчас же почувствовал пустоту в груди, сродни сильной жажде, настойчиво требующей утоления: кристалл притягивал его, как — он знал это — способны притягивать только предметы, обладающие Силой. Оружие, например. Впрочем, любая сила — от самой примитивной, мускульной, до силы, таящейся в атомных ядрах, — для человека во все времена являлась в первую очередь оружием — защиты или поражения, а чаще и того и другого. Оружия Фанатик на своем богатом приключениями веку повидал как грязи, а то и больше, в том числе оружия космических категорий таких степеней и масштабов убийности, до которых здесь, в Хароссе, и через три тысячелетия вряд ли додумаются. Судя по мощи притяжения, исходящего от кристалла, Фанатик безошибочным чутьем профессионала определил: в нем, несомненно, заключена

Сила — сиречь оружие, — способная, похуже, потрясти основы самого мироздания. Хранитель не обманул: одна из Трех Предвечных Стихий, покоренных еще до начала мира, мерцала и переливалась перед Фанатиком за прозрачными гранями кристалла, стиснутая ажурными рамками узкой хрустальной темницы.

Фанатик упустил момент, когда он позабыл, где находится и как сюда попал.

Он подошел к кристаллу вплотную — ноги сами поднесли его, послушные необоримому зову вместилища титанической силы, — руки потянулись вперед, пустые, как вакуумные полости, до невыносимой ломоты жаждущие заполнения переливами тайн радужной плоти. И тогда живую тишину нарушил — нет, не нарушил, а скорее продолжил, настолько он был густой, мягкий и шероховатый, как сама эта тишина, — голос:

— ВОЗЬМИ...

Ладони обняли кристалл, накрыв колючие узоры, успев еще ощутить ранящие прикосновения тысяч острых, как бритвы, граней, но так и не успев вобрать в себя, осознать и постигнуть их смысл. Потому что никакого кристалла в руках уже не было; вместо острых граней левая рука Фанатика сжимала вожжи, а правая вцепилась в жесткую ладонь давно окоченевшего трупа с рвением, наводящим на мысль об эксперименте по выжиманию жидкостей из сухостоя. Телега по-прежнему плыла сквозь зыбкие туманные толщи, или эти толщи сами плыли мимо телеги — в такие тонкости Фанатик сейчас вдаваться не желал, не до тонкостей всех этих толщ ему сейчас было.

Первым делом он выпустил мертвую руку, не сделавшую ни малейшей попытки его удержать; при этом собственная ладонь отозвалась такой резкой болью, будто вся представляла собой одну сплошную рану. Поднеся ладонь к лицу, почти к самым глазам, Фанатик разглядел первым делом в ее центре треугольный медальон на цепочке, оставленный в руке посмертным рукопожатием Хранителя. На черной крышке медальона светила маленькая звезда. А сама ладонь под медальоном была иссечена сетью мелких, но, очевидно, очень глубоких порезов. Стиснув зубы до хруста в висках, Фанатик медленно сжал медальон в кулаке. Посидел с минуту, не шевелясь, глядя, как из-под пальцев вытекают на запястье черные струйки крови, сливаясь по пути к локтю в два торопливых ручейка. Поднес к лицу вторую ладонь, словно на всякий случай проверяя и ее, потом разжал кулак, расправил цепочку и надел медальон на шею, даже не дав себе труда открыть его, чтобы заглянуть внутрь.

Фанатик не был человеком. Он принадлежал к расе Изначальных — первой разумной расе, возникшей во Вселенной за миллиарды лет до появления в ней расы человеческой — изнеженной, смертной и по большому счету нежизнеспособной. Изначальные обладали практически неограниченной властью над собственным телом: не говоря уже о фактическом бессмертии, Фанатик мог, к примеру, зарастить мгновенно любой порез и любую рану на своем теле, а мог и оставить ее открытой, чтобы заживала медленно, как на человеке, с болью и с загноениями — просто для разнообразия, ради полноты ощущений от прискучившей за тысячелетия скитаний по разным мирам, от галактики к галактике, жизни. Имелись у него и способности, по высоким меркам его расы куда более ценные: например, для понимания сути вещей, людей или явлений Фанатику не требовались слова; чтобы понять, ему достаточно было только прикоснуться к предмету — рукой, взглядом или просто дотянуться до него мысленно. Он не стал заглядывать в медальон Хранителя, потому что, едва увидев его, понял — медальон — это только символ, предмет, необходимый человеку, считавшему его, возможно, главным ключом, а скорее даже — единственным рычагом,

приводящим в действие непостижимый механизм Стихии. На самом деле главный ключ и единственный рычаг заключались в душе человека, несущего самое, пожалуй, нелегкое во Вселенной бремя — бремя власти над Стихией, способной, быть может, убить и саму Вселенную. Фанатик стал, пускай ненадолго, одним из Трех Столпов, на которых испокон века держался мир, — Хранителем... Его сочли достойным. Его допустили. Сказали: «Возьми»... И передай...

А если... Не передавать? Оставить себе, унести ее с этой планеты, стать самому Властелином Стихии, а не передаточным звеном между двумя смертными, один из которых уже упокоился навеки?..

Острая боль, пронзившая внезапно обе ладони и эхом ударившая с двух сторон в сердце, привела Фанатика в чувство. Обмануть оказанное ему высшее доверие, стать навсегда предателем и вором, утратив при этом свою изначальную независимость, — не слишком ли высокая цена за место вечного стража у врат Апокалипсиса? Неужто он дерзнул даже подумать об этом?

Порыв прохладного ветра дунул в занемевшее лицо, слизнув с него морщины озабоченности, прошелся верхушками трав, вороша плывущие над лугами клочья тумана. В поле застрекотала цикада, ей ответила с другой стороны дороги еще одна. Время, проснувшись, тронулось с места, возобновляя свой вечный бег, мир, словно разбуженный чьим-то мягким толчком, очнулся от гипнотического дурмана и зябко поеживался со сна в предвкушении утра.

Фанатик машинально подобрал вожжи, тронул застоявшуюся лошадь. Ладони и пальцы нестерпимо пылали, отзываясь на малейшее движение фейерверками колющей боли, будто утыканные изнутри осколками битого стекла. Это надолго. Пусть. Хоть это останется ему в память о короткой миссии посредника между Хранителями Предвечной Стихии, как доказательство самому себе, что Высшие Силы удостоили его чести держать в руках и стать на миг Властелином страшного оружия, способного, быть может, уничтожить и сам этот мир.

Как бы там ни было, от Шалой или от кого другого, Мятежник узнал о Трех Предвечных Стихиях, одна из которых способна пожрать и сам мир. Надо полагать, ему было известно теперь и о том, как тщательно они замурованы и с какой дьявольской изощренностью упрятаны в этом мире. Кем именно замурованы и упрятаны — об этом доподлинно не знал никто, но в том же узком кругу Посвященных бытовала легенда, что замурованных Стихий поначалу было пять и покорила их перед самым возникновением мира легендарная раса Хаоса, существовавшая еще до рождения Вселенной и возникшая, следовательно, намного изначальнее самих Изначальных. Гораздо позже плененные Стихии были якобы отданы предтечами на хранение лучшим представителям этого мира, наподобие ящиков Пандоры, с историческим напутствием: отдаем, мол, судьбу вашей Вселенной в ваши собственные руки, а свои руки, если что, умываем. Два «ящика» были уже с той поры так или иначе вскрыты, и ничего хорошего, насколько мог судить Отшельник, из них в мир не вылезло, а повылезло, наоборот, такое, от чего этот злополучный мир чуть было не ликвидировался стараниями собственных обитателей, обуяных вырвавшимся на волю Двумя Предвечными Стихиями, даже без посредства остальных Трех. Но мир в конце концов, хоть и со скрипом, выдержал их совместный напор, выстоял и даже, как это ни странно, выровнялся. Три Стихии, в их числе и самая фатальная, благодарение Небу, оставались до сей поры заукленными, каждая

под присмотром Хранителя, передававшего по наследству свою тайну.

Таким образом, основной вопрос, не дававший покоя Отшельнику, был следующий: КАК Мятежник собирается искать Хранителей, имена которых, как и их местоположения во Вселенной, никому не известны? АБСОЛЮТНО НИКОМУ! Кроме, пожалуй, самого Отшельника. Ему было известно, правда, лишь одно имя, открывшееся в незапамятные времена, случайно, хоть сам он был склонен считать тот невероятный случай снизошедшей до него Высшей Закономерностью и всю последующую жизнь тайно лелеял его в своем сердце, как отметивший его Знак Особой Судьбы. Укрепляло его уверенность в своем пока еще не проявившемся особом предназначении еще и то, что никому в те времена не известное имя старинного рода, за которым Отшельник продолжал, разумеется, издали следить, не затерялось, как можно было бы ожидать, в ветвистых родословных древах родной планетки, а постепенно с веками росло, становясь все более известным, набираясь сил и славы, поднималось ступенька за ступенькой все ближе к заоблачным вершинам власти и в конце концов воссияло на самой высшей ее ступени. Это произошло незадолго до отрешения Отшельника от мира. Теперь Отшельник, не бывавший в миру на протяжении, наверное, нескольких поколений, не знал, сияет ли это имя на вершине и до сих пор, как не был уверен, существует ли сейчас вообще эта вожденная в былые времена многими «вершина». Но даже если и нет, даже если гигантский социальный организм, созданный обитателями Вселенной, настолько с тех пор усовершенствовался, что обходится теперь вовсе «без головы» (нечего сказать, отрадное было бы «усовершенствование»!), то отыскать представителей королевской ветви Даганов наверняка и теперь не составит большого труда.

«Погоди-погоди, — спохватился вдруг Отшельник, — а с какой это стати я буду их разыскивать? Может, Мятежник именно этого от меня и ждет?»

Вот тут Отшельника и пробило наконец долгожданное озарение. Да поздно оно его, проклятущее, пробило. Ведь неспроста Мятежник пожаловал именно к нему, давно отвыкшему от каверз «дружеского» общения с глазу на глаз. Отшельник вспомнил, что в течение первых мгновений встречи был полностью открыт перед врагом, как несмышленный школяр перед бдительным исповедником. Мятежник, конечно, не преминул воспользоваться моментом, чтобы запустить загребушую лапу в сокровенный тайник его подсознания и скопировать архивы памяти — на то, стервец, и рассчитывал. В замогильном свете позднего озарения Отшельник так и не смог уяснить лишь одного: зачем гость, сграбаставший мгновенно по прибытии весь возможный урожай информации, завел еще после этого беседу и открыл Отшельнику свои грандиозные по своей апокалиптической гнусности замыслы; мог бы тут же, едва появившись, и отбыть. В этом случае Отшельник, ничегошеньки не заподозрив, счел бы, конечно, его отбытие рядовым позорным бегством зарвавшегося очага скверны перед превосходящими силами интеллекта, сияющего во всеоружии Высшей Истины.

Отшельник в отчаянии схватился за голову. Пока он здесь, в своем Абсолютном Уединении, мучается подкинутыми ему гостем каверзными «зачемами» (будь они все трижды прокляты вместе с самим гостем!), злоумышленнику уже известно ничуть не меньше, чем самому Отшельнику, и уж он-то наверняка времени зря не тратит, а предпринимает тем временем какие-то шаги — и предпринимает их первым!

Резко выпрямившись, Отшельник окинул беглым прощальным взглядом несостоявшуюся колыбель своего полного воссоединения с Абсолютом; на размышления у него теперь больше не оставалось времени, на Отрешение с Забвением — тем более.

Сожаления по этому поводу Отшельник, как ни предательски это выглядело с его стороны, не испытывал. Причем собственное равнодушие, тем более возмутительное в свете внезапного и полного крушения давно налаженного «холостяцкого» быта (выражаясь метафорически), самого Отшельника нисколько не насторожило: то ли сказалась многовековая привычка к шуганию по закоулкам сознания лишних эмоций, то ли — что более вероятно — Отшельник ни на мгновение не усомнился в том, что рано или поздно вернется сюда и заживет по-прежнему, расправившись предварительно с разрушительными замыслами своего изначального врага и мирового изгоя (не исключено и даже очень вероятно, что и с ним самим (аминь!)).

Глава 3

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ИНСТРУКТАЖ

— Двое справа, один сверху... Бей! Еще! Хорошо! Нырять влево... Так, теперь давай третьего... Отлично! Сзади два... Не дергай штурвал, резче разворот... Один готов, снизу еще трое... Всех не снять, уходи за вспышку... Попробуй достать крайнего... Оп, нас задели... Еще... Заходи выше!.. Все... Прямое попадание!..

Лучший в Серединной Империи, а также во всех ее доменах инструктор по пилотированию маневренных катеров «ХР-400» и всех прочих известных пилотируемых средств, производимых в Империи, равно как и в ее доменах, развернулся вместе с креслом к своей ученице и сказал, подавшись вперед, глядя насмешливо в ее расстроенные глаза:

— Мы вспухаем эффектным сиреневым облаком. Но в целом неплохо. Чаще поглядывай на экран заднего вида. Сейчас можешь переключаться на автопилот.

Брови ученицы чуть заметно сдвинулись; едва уловимо но этого обычно бывало достаточно для повержения в благоговейный трепет даже самого высокопоставленного собеседника. Новый инструктор оставил знак тайного неудовольствия своей ученицы без внимания. И вообще этот инструктор вел себя слишком вольно. Конечно, она прощала ему обращение на «ты» во время учебных схваток в космосе с галлофантами — «что поделаешь, профессиональная привычка», и все такое... Но с чего он взял, что смеет ТАК на нее смотреть? Глаза в глаза, не опуская взгляда, словно на какую-то простую девчонку, с которой можно... которую можно...

«Можно что?» — совершенно отчетливо переспросили его глаза, глядя в упор с выражением, соответствующим по наглости разве что самому вопросу. Настолько отчетливо, что она вздрогнула, будто дерзкий вопрос в самом деле коснулся только что ее слуха, и еще чуть-чуть свела брови, так что на переносице образовалась легкая продольная морщинка. Эта последняя эволюция ее бровей с появлением морщинки сразила бы наповал любого из приближенных к императорской особе, поскольку предвещала скорый и безвременный крах даже самой сногшибательной карьере.

— Да как вы смеете!..

На последнем слоге она даже слегка задохнулась.

Инструктор будто бы в раскаянии покачал головой, откинувшись при этом вольготно на спинку кресла.

— Разумеется, я не смею приказывать Вам, Ваше Императорское Величество, нажать клавишу автопилота. И, дабы искупить свою грубейшую оплошность, с Вашего всемилостивейшего соизволения, я сам...

С этими словами он, не глядя, протянул руку к панели управления.

— Нет!

Ее Императорское Величество зло отвернулось и покусало тайком губу, догадавшись, что инструктор попросту издевается над ней, делая это уверенно, нагло и со вкусом. Вести себя с ней подобным недопустимым образом мог либо только законченный самовлюбленный болван, которому очень скоро придется в своем поведении раскаяться, либо человек, по какой-то неясной причине уверенный в собственной абсолютной безнаказанности. Инструктор, без сомнения, болваном не был, да и не мог им быть: болвану никогда не занять бы такой должности при самой императрице. Стало быть... А что,

собственно, «стало» и чему теперь «быть»?..

Она повернула голову и прошлась по инструктору, словно шупом, высокомерно-изучающим взглядом. Темные волосы, серые глаза, широкоплечий... Молодой?.. Хм... Императрице исполнилось недавно двадцать, и по ее меркам инструктор был далеко не молод — лет тридцать, должно быть, а то и больше. Летный костюм сидел на нем как влитой и очень ему подходил... но не это было так важно. Лицо... Да нет, и не в лице даже дело — надо признать, красивое по-мужски лицо... Императрица привыкла смотреть на людей, не видя их и даже как бы сквозь них; слишком уж много лиц прошло перед ней за ее недолгое царствование: реки лиц, озера, моря и даже океаны лиц. Вглядываться в каждое лицо значило впускать его в свою душу, давать ему там место. Но душа — не бесконечна, она, оказывается, имеет свои пределы вместимости, и в какой-то момент в ней срабатывает защитная реакция: императрица открыла в себе это качество, поняв однажды, что не в силах представить себе в подробностях не только лица своих дальних родственников, но и многие из лиц, с обладателями которых она общалась едва ли не каждый день. Вместо людей перед глазами всплывали какие-то общие абрисы, расцвеченные памятью в неясные Цвета: одежда, волосы, тембр голоса... Такими ходячими и говорящими слепками с людей были для нее в числе прочих и ее инструкторы по пилотированию. Сейчас, впервые взглядевшись в своего инструктора повнимательней, она наконец-то догадалась, чем задевали и почему так неуловимо раздражали ее присутствие инструктора и его взгляд: этот человек был до краев полон безграничной уверенностью, словно изящный античный кувшин выдержанным столетним вином; не самоуверенностью, нет, но спокойной и совершенной по своей самодостаточности уверенностью в себе, сквозившей в любом, пусть случайном его жесте и в его неподвижности, и даже в острой пряди волос, перечеркнувшей тенью вороньего крыла его бледный лоб.

— Вот Вы и удосужились наконец меня рассмотреть, Ваше Величество, — произнес он без тени улыбки.

Императрица подчеркнуто-презрительно отвернулась. Впервые в жизни она ощущала робость перед подчиненным и жалела теперь, что отказалась вскоре после своей коронации от услуг личных телохранителей — и пришла же ей не в добрый час такая блажь! Ну что, казалось бы, могло угрожать ей, пусть даже облеченной высшей властью, в мире удовлетворенных потребностей, в мире, которым не надо было управлять, потому что он функционировал безупречно сам по себе, наподобие перпетуум-мобиле, безо всякого управления, в мире, где императорская власть давно уже стала лишь красивым патриархальным символом, вроде реющего над шпилем древней крепости флага с гербом? Но разве могло ей тогда прийти в голову, что когда-нибудь она окажется в космосе на маленьком маневренном катере один на один с человеком, прошедшим все допуски и проверки, имеющим безупречную репутацию, с кристально чистой характеристикой, по всем параметрам вполне подходящим даже на роль ее личного телохранителя и при всем при этом осмеливающимся... Осмеливающимся... Она не смогла даже дать самой себе вразумительного определения, на что, собственно говоря, осмеливающимся — возможно потому, что ей неожиданно стало страшно. По-настоящему. Первый раз в жизни.

— Я немедленно возвращаюсь на Сатвард!

Она тронула штурвал, собираясь развернуть катер, чтобы направить его к парящей по левую руку теплой живой планете, укрытой сейчас на одну треть ночной тенью. Все будет в порядке, все будет хорошо, только бы попасть поскорее в свою столицу, почувствовать себя

вновь властительницей, оказаться под надежной охраной... И избавиться навсегда от этого человека... Но катер движению штурвала не подчинился: инструктор включил все-таки автопилот.

Юная императрица впилась отчаянно всеми пальцами в бесполезный теперь штурвал, силясь сохранить хотя бы остатки своего царственного хладнокровия. Первым делом следовало унять — и как можно быстрее — мечущиеся в голове рывками, как дикие кошки по клетке, мысли, чтобы затем по возможности спокойно оценить сложившуюся ситуацию. Спутник ее молчал, неподвижно глядя в экран перед собой, как бы предоставляя государыне возможность как следует осознать нынешнее свое незавидное положение. Она поймала на лету за хвост одну из дергающихся мыслей-кошек, и та, как это ни странно, оказалась на удивление разумной: а действительно ли происходящее настолько серьезно, как она себе это с испугу вообразила? Ведь ничего страшного на первый взгляд не произошло, если не считать страшными мужской взгляд в упор и нажатие против ее воли автопилота. Такие мелочи обычная девушка и происшествием бы не сочла... Наверное. А ведь императрица почти убедила себя в том, что она и есть самая обычная девушка: живет не намного роскошнее, чем все ее сверстницы в их-то изобильный век, к тому же она, в отличие от них, более ограничена в общении, жизнь ее полна запретов, которые для девушек ее возраста давно уже остались в прошлом; что же касается власти — ее власть над миром иллюзорна, и ее корона, изготовленная из золота высшей пробы, вся усыпанная бриллиантами, жемчугами и сапфирами, — всего лишь яркая игрушка. Единственная Истинная Власть, по-настоящему достойная самого трепетного преклонения, переданная ей по наследству отцом, навсегда останется для всего мира Тайной...

— Эвил...

В груди что-то — не иначе как сердце — резко екнуло, оборвалось и тяжело ухнуло куда-то на дно живота, продолжив уже там гулко, на весь организм, биться. Просто по имени безо всяких титулов ее мог звать теперь только один человек во всем мире, после того как в последний раз называл отец... А было это два года назад, когда она стояла на коленях у его смертного одра, принимая из его рук Великий Дар Хранителя... Какой-то инструктор по пилотированию только что назвал ее, императрицу Серединной, Верхней, Нижней, Дальней и Запредельной Великих Империй, властительницу пятисот пятидесяти двух доменов Большого Кольца и семидесяти трех доменов Малого, не упоминая уже остальных, менее звучных ее титулов, подробный перечень которых хранился в императорской резиденции на каждой обитаемой планете, по традиции, в виде толстого фолианта раритетного бумажного издания... он назвал ее просто Эвил...

Императрица повела окрест удивленным взглядом, невольно задержав его на планете, медленно проплывающей за обзорным окном: мир, похоже, продолжал стоять — или висеть — на том же месте, где и раньше, и рушиться или хотя бы содрогаться от только что свершившегося святотатства пока что не собирался. Эвил. Да, это, видимо, серьезно. «Телохранители, где вы?.. Никого нет, один сумасшедший инструктор имеется на мою голову... По имени, кажется, Карриган. Владимир Карриган». И собственные голые руки, вцепившиеся, как в единственный спасательный круг, в предательский штурвал. Да — зря, выходит, равняла она себя с ровесницами: будь сейчас на ее месте любая из ровесниц, обернулась бы эдак грациозно с поволокой во взгляде к красавчику инструктору, шепнула бы в ответ вопросительно-благосклонно: «Володя?..» — и дальше, надо думать, уже без слов, только все вширь и вглубь и в скорость.

«Боже ты мой!» Она чуть не рассмеялась от хлынувшего внезапно на душу летним ливнем великого облегчения. Стоило ей только перевести ситуацию в плоскость его мировосприятия, как загадка таинственного похищения молодой императрицы злодеем-инструктором разрешилась, как правильно сложенная головоломка, сама собой. «Так вот что ему надо! Сейчас, когда в моей империи никаких проблем с моралью, то есть — полная раскрепощенность, поголовное соитие всех со всеми, более того — целомудрие или неприступность считаются атавизмами, дурным тоном — как знать, может, у них и ритуал уже даже такой завелся: сначала на катере кататься, потом с инструктором кувыркаться? Что подделаешь, профессиональная, так сказать, привычка. И я, по его мнению, ничуть других не лучше: погонял, поинструктировал, а теперь самое время отдать должное доброй традиции. Автопилотом...»

Владимир Карриган, сидевший молча напротив, не отрывая глаз от императрицы, усмехнулся от души, широко, с чуть тлеющей на дне зрачков искоркой удивления. Она вздрогнула от его усмешки, как от пощечины, и мысли моментально смешались: казалось, цепкий взгляд инструктора следил за всеми поворотами ее мысли, и усмешка возникла на его губах как раз в тот момент, когда она сама мысленно хмыкнула.

«Да что же это творится со мной сегодня?..»

Ей внезапно стало стыдно. За все: за свой страх, за отчаянную внутреннюю панику, за перепутавшиеся мысли и, главное, — за то, что она выказала непозволительную слабость перед обнаглевшим сверх всякой меры инструктором. Подумать только — он даже осмелился назвать ее просто по имени! Все остальное можно еще было — хоть и со скрипом — списать на ее собственную чрезмерную мнительность, но этот последний финт ему так просто не пройдет! Дай только вернуться домой, на Сатвард, в свой императорский дворец!.. Вот когда мы посмотрим, что останется и останется ли что-нибудь от твоей раздутой самоуверенности!

«Все, хватит, — подумала императрица. — Пора положить конец затянувшемуся инструктажу. Пришло время дать понять занесшемуся чересчур высоко инструктору, кто перед ним находится».

— Мы идем на Сатвард, Карриган! — отчеканила императрица непререкаемым тоном. — Отключайте автопилот! — И добавила, позволив просочиться в голос толике едкой насмешки: — Впрочем, инструктор, я и сама справлюсь.

Она потянулась к пультам. Фигура инструктора замерла в неподвижности, лишь когда до нажатия кнопки автопилота оставался какой-нибудь сантиметр, его правая рука, ожив, метнулась к руке императрицы и перехватила ее у самого запястья.

— Я прошу прощения, Ваше Величество. Но Вам нельзя возвращаться на Сатвард.

Взгляд его при этих словах был спокоен и убийственно серьезен.

Это стало последней каплей. Избалованная высшей властью, видевшая в своей жизни только беспрекословное повиновение, привыкшая внушать трепет одним лишь движением бровей, императрица была все же под личиной Высшей Власти в первую очередь женщиной. А в данную минуту — оскорбленной женщиной. Весь свой пережитый страх, панику и все унижение, внушенные ей только что этим человеком, она вложила в яростную оглушительную пощечину.

Звон пощечины разорвал тишину кабины управления трескучим выстрелом и мгновенно отрезвил императрицу. «Боже, какой позор!.. — подумала она, в ужасе глядя на свою руку, как на оскверненную часть тела, которую уже вовеки не отмоешь, а остается только

немедленно отрубить. — Неужели я могла унизиться до такого?..»

Инструктор опустил голову и покачивал ею из стороны в сторону, не забывая в то же время крепко держать — то есть, опять же, осквернять — вторую высочайшую руку. Губы его при этом беззвучно смеялись.

— Хорошее начало... — проговорил он, не поднимая головы. — Я уже успел забыть, как это бывает. С тобой, пожалуй, недолго поверить и в то, что вернулись старые времена.

Оскорбленная до самых основ своего величия, императрица делала тем временем безуспешные попытки вырвать из унижительного капкана свою руку, разгневанно бросая в лицо инструктору:

— Вы забываетесь, инструктор Карриган!!! Как вы смеете ко мне прикасаться?! Немедленно отпустите!!! И выполняйте приказ, иначе...

Карриган вскинул голову, и императрица увидела, что неистребимое спокойствие на его лице приобрело теперь оттенок некоей сухой деловитости. Она поняла, что инструктор намерен сейчас сказать ей что-то, что представляется ему, похоже, чрезвычайно важным, и, чтобы сохранить остатки своего царственного величия, ей ничего другого не остается, как оставить безуспешные попытки вырваться и по возможности спокойно его выслушать.

— Я должен сообщить Вам важную информацию, — подтвердив ее догадки, заговорил он строго и властно, как главнокомандующий, выступающий в штабе перед собранием генералитета. — Вы не можете возвратиться в столицу, потому что там за время Вашего отсутствия произошел дворцовый переворот. Власть в империи давно спущена на тормозах, точнее — прежний институт управления попросту изжил себя, сохранилась лишь видимость единого императорского господства, и среди высших чинов нашлись люди, пожелавшие прибрать власть к рукам. Возможно, Вы сочли мои действия по отношению к Вам насилием, но, я надеюсь, они будут мне прощены, когда Вы убедитесь, что они были обусловлены только желанием сохранить Вам жизнь и свободу.

— Это невозможно!.. — отрезала она, не уточняя, к чему именно относится это «невозможно» — к смещению ее с престола или к прощению грехов непочтительному инструктору.

— Почему же? — приподняв брови, поинтересовался он.

— В случае переворота за мной выслали бы погоню, и мой катер был бы уже взят под конвой! — снизошла до объяснения она, выведенная из себя его бессовестной ложью.

Он в ответ пожал плечами жестом терпеливого педагога, взявшегося объяснять очевидную истину нерадивому ученику.

— А ее и выслали. Только на предполагаемом месте пребывания императорского катера никакого катера не обнаружили. Посмотрите внимательнее на окружающий пейзаж.

Императрица невольно оглянулась на висящую по левую руку от нее за обзорным окном планету и несколько мгновений молча изучала ее рельеф. Потом медленно повернула голову к инструктору и выговорила с трудом:

— Это не Сатвард?..

Либо она находилась под каким-то странным гипнозом, либо только что произошло нечто фантастическое, не поддающееся ее пониманию и вообще никакому разумному объяснению: катер, в котором они находились, непостижимым образом перенесся мгновенно из одной области Галактики в какую-то другую ее область, притом Перемещение было совершено так искусно, что сама императрица ухитрилась при этом ничего не почувствовать и не заметить.

— Вы совершенно правы, это не Сатвард, — сухо подтвердил инструктор. — Мы сейчас находимся у другой планеты, но в данный момент не это самое важное.

Избавив наконец от цепкой хватки ее руку, он бросил взгляд на свои наручные часы, обернулся к пульту и щелкнул рычажком межпространственной связи, настроенной, как обычно, на правительственную волну.

— ...Давно пора было ликвидировать устаревший механизм власти, ставший не только бесполезным, но и вредным придатком общественного организма! — рванулся, словно на волю из душевной темницы, упоенный голос из динамика. — Свершилось! Сегодня народами Вселенной сделан новый великий шаг по пути прогресса! Мир избавился наконец от дармоеда, столетиями паразитировавшего на теле общества и пившего его жизненные соки! Мы перешагнули наконец через трухлявую ступень, ставшую преградой на пути исполнения разумными их великой миссии во Вселенной! Последняя Великая Императрица Эвил Третья Даган свергнута с престола и находится в данную минуту под арестом в своих покоях императорского дворца. Наместники основных доменов уже дали официальное согласие на принесение присяги новому правительству и его президенту. Новая власть, освободившая империю от тысячелетнего гнета правления Даганов, вырвет наконец народы Вселенной из эволюционного тупика, в котором они пребывали вот уже на протяжении столетий! С сегодняшнего дня в бывшем императорском дворце столицы работает специальная комиссия, принимающая любые предложения от граждан свободной отныне космической федерации по усовершенствованию общественного устройства. Новым правительством уже предприняты меры по...

Карриган щелкнул тумблером и в воцарившейся тишине уронил насмешливо:

— Ничего нет нового в этом дряхлом мире...

Императрица сидела, явно его не слыша, прямая и гордая, с высоко поднятой головой, словно ее не свергли только что с престола, а собирались с минуты на минуту повторно короновать. Лицо Ее Свергнутого Величества не уступало по белизне мраморным изваяниям древности, бескровные губы были напряженно натянуты и приоткрыты.

— Марк Севрый... — цедило с шипением сквозь стиснутые зубы новоявленного изваяния поверженной императорской власти.

— Согласитесь, ему пришлось проделать титаническую работу...

Она резко повернула голову, вцепившись в собеседника ледяными щелками глаз.

«Этот инструктор... По пилотированию катеров... Даже не мелкая сошка, просто ничтожество, песчинка, ноль, отрицательная величина... Как же он мог предвидеть?.. И предвидеть ли?.. Да он же знал, вне всякого сомнения, знал с точностью до часов, минут, быть может!»

— Откуда вам было известно о перевороте? — бросила она жестко в его до омерзения спокойное лицо. Не дрогнув ни одним мускулом, он ответил, четко выговаривая каждое слово, и его ответ заставил мир перевернуться в ее душе ярмарочным колесом уже второй раз за последние минуты.

— Я обязан знать все, что происходит или будет происходить с Вами, Хранитель.

Вселенная вокруг императрицы наконец-то угрожающе зашаталась, как пьяная, и стала уплывать, шатаясь, по направлению куда-то вверх и наискосок.

Следующим ощущением императрицы была холодная влага на ее лице и та же влага, прокладывая себе дорогу в рот сквозь стиснутые зубы. Преодолев досадное препятствие, прохладная струйка скользнула по языку, устремляясь в дыхательное горло, и императрица,

закашлявшись, открыла глаза.

Она сразу увидела у своего лица тянущийся от панели тонкий шланг подачи питьевой жидкости, зажатый в руке склонившегося к ней из своего кресла инструктора Карригана. Широко распахнувшиеся глаза императрицы встретили внимательный взгляд инструктора. Увидев, что она очнулась, он откинулся назад и отпустил шланг, скользнувший узкой серебристой змеей в свое гнездо на пульте.

— Кто вы?.. — приподняв голову, выговорила императрица непослушным голосом, в котором, несмотря ни на что, сквозила неистребимая стальная нотка властности.

— Я — Наблюдатель, — произнес Карриган. — Мое предназначение — следить за Хранителем Предвечной Стихии и оберегать его.

— Отец не говорил мне ни о каких Наблюдателях.

Она не собиралась скрывать своего недоверия к инструктору, хотя уже понимала, какими колоссальными, недоступными простому смертному возможностями должен обладать человек, заставивший мелкий катерок с примитивной двигательной установкой преодолеть мгновенно и незаметно, безо всяких перегрузок, космическое расстояние в тысячи, а быть может, и в миллионы парсек.

— Ваш отец не знал о существовании Наблюдателей. Наша миссия тайна, мы не имеем права открываться даже вам, Хранителям. Разве что в самых критических случаях, когда Хранителю угрожает смертельная опасность и ему некому передать свой дар. Ведь Вы, насколько мне известно, не успели пока обзавестись наследниками?

— Дар может быть передан ближайшему из родственников, как уже не раз бывало...

Он досадливо поморщился.

— Оставьте свои подозрения, Ваше Величество. Сам факт, что я посвящен в Тайну, не известную никому в целой Вселенной, служит доказательством, что я говорю правду. Кроме того, как ни бестактно напоминать Вам об этом, мне сегодня удалось спасти если не Ваше высокое положение — я не буду называть это «властью», — то Вашу свободу, а быть может, и саму жизнь, что гораздо важнее. Я обещаю охранять ее и в дальнейшем, тем более что с сегодняшнего дня она находится под постоянной угрозой.

— Это беззаконие не может продлиться долго! — глухо, но твердо выговорила императрица. Прищуренный взгляд ее был неподвижен и устремлен мимо собеседника к экранам, в черноту космоса, словно нащупал уже в его бездонных глубинах ненавистную цель — пресветлого лорда Севрого и выжигал сейчас на его высоком породистом лбу позорное клеймо предателя. — Его слова о согласии основных доменов изменить присяге императорской власти и принести новую — бессовестная ложь! Они не подчинятся! Они объявят этому самозваному правительству и его так называемому «президенту» войну! Севрому не устоять в кольце враждебных империй, он вынужден будет сдаться и получит в наказание смертную казнь — единственное, чего этот негодяй заслуживает!

Слова о войне вызвали на губах ее собеседника скептическую ухмылку, отдающую какой-то странной ностальгией.

— Для того чтобы объявлять войну, необходимо иметь армию или хотя бы возможность ее собрать. Единственный прототип регулярной армии в Вашей бывшей империи на сегодняшний день — это федеральная полиция, полностью, насколько я понимаю, перешедшая на сторону нового правительства. А собрать армию из бездельников, не нуждающихся ни в чем, живущих в свое удовольствие, мотаясь из конца в конец Вселенной, попросту невозможно. Меньше всего их заботит, кому принадлежит так называемая «власть»

или, вернее, ее атрибуты, потому что никакой высшей власти над ними уже испокон века не существует. Уверен, что большинство населения империй и понятия не имеет о переменах на политическом фронте, а когда узнает, то не особо заинтересуется, кто там у вас кого сверг и кто теперь будет царить на новом картонном пьедестале. Они не подозревают и не собираются подозревать, что по древнему и никем пока не отмененному закону президент должен избираться всенародным голосованием по большему числу голосов.

«Боги, неужели я предана всеми? Неужели за мной объявят охоту, будут травить, как дикого лесного зверя?» — в неизведанном ею доселе ужасе подумала императрица. Похоже, все говорило о том, что ей придется довериться этому человеку (да человеку ли?..). Хотя она сомневалась теперь, после внезапного крушения всего, что составляло ее существование, после того, как ее предал самый высокопоставленный и доверенный из ее советников — пресветлый лорд Марк Севрый, — можно ли вообще кому-нибудь доверять в этом бесчестном мире. Тем более — этому необъяснимому человеку, Наблюдателю, как он себя назвал, чья раздражающая властность, несомненно, являлась изначальным природным даром, а вовсе не следствием королевского воспитания, как у нее. Однако его слова заставили ее наконец вспомнить о своем незавидном положении зверя, на которого наверняка уже открыт сезон охоты и которому необходимо теперь срочно, немедленно, опрометью бежать из своего мира, подальше от обитаемых планет, растоптав все свои прежние привычки, где-то скрываться, куда-то прятаться... Вот только куда прятаться?.. И зачем?.. Для того, чтобы провести всю оставшуюся жизнь одинокой беглянкой, шарахающейся в ужасе от каждого подозрительного шороха? Это ей-то, Великой Императрице, повелительнице целого мира по праву рождения? «Ну нет, Севрый, нет, лорд-советничек, этого ты от меня не дождешься! Ты и представить себе не можешь, пресветлый Марк, даже в самом своем кошмарном сне, какая сила доверена этой избалованной девчонке, этой преданной тобою повелительнице! Я еще устрою тебе, и не только тебе, а всем, да, всем вам, проклятым лицемерам и предателям, небо в алмазах, да не в переносном, а в самом буквальном смысле!!! Но для этого я разыщу сначала, чего бы мне это ни стоило, остальных Хранителей. И тогда мы покажем вам наконец, кто от начала времен был и остается настоящим хозяином Вселенной!!!»

Она вдруг поймала себя на том, что смотрит горящим остановившимся взглядом прямо в лицо Наблюдателя, в то время как тот сидит напротив Молча, словно в терпеливом ожидании ответа на свои последние слова. Ничего не скажешь, Карриган умел молчать. И молчать так, как будто читал при этом все ее мысли. Что ж, как знать...

Решение пришло к ней внезапно. Раз уж она связана с ним от самого своего рождения общей Тайной, а теперь еще и общей судьбой, то ей нелегко будет находиться в постоянном контакте с человеком, все время мучаясь вопросом: знает он или не знает, о чем она думает?

«И что же ты скажешь, Наблюдатель, о моем решении?..» — спросила она напрямую мысленно, глядя прямо во внимательную глубину его темно-серых глаз. «А вот что...» — ответила ей эта живая бездонная глубина.

— Я согласен. Мне нравится твое решение, — произнесли его губы. «А еще больше мне нравишься ты...» — сказала сумрачная глубина его глаз и в следующее мгновение сомкнулась, став для нее непроницаемой. — Пожалуй, это единственное, что способно еще помочь тебе вернуть свое прежнее положение и дать, быть может, истинную власть, — продолжал он вслух. — Не знаю, правда, как именно это поможет, но что-то неизбежно должно будет измениться в мире после вашей встречи. И потом, другой дороги у нас теперь

все равно нет.

— Может быть, тебе известно, где искать остальных Хранителей?

Невероятно, но императрица воспринимала уже спокойно и даже как должное то, что они с Наблюдателем перешли в разговоре на «ты», словно признавая отныне свое взаимное равенство.

— Нет, я не знаю, где их искать, — ответил он. — Но это известно тебе, хоть ты об этом пока и не подозреваешь. Приняв решение найти других Хранителей, ты автоматически встала на путь, который рано или поздно сам приведет тебя к ним. Ты будешь искать, а я тебе в этом помогу.

— Что я должна делать? — решительно спросила императрица.

Он качнул отрицательно головой.

— Не так скоро. К поискам мы приступим немного позднее, когда я достану для нас хороший корабль. Эту жестянку придется бросить...

— Понимаю, — кивнула она, — ее будут разыскивать...

— Да и не на многое она способна, — заметил Карриган.

Императрица постаралась скрыть от собеседника свое удивление. Если мгновенный пространственный прыжок от Сатварда к другой планетной системе и есть то «немногое», на что оказался способен ее катер, то какими же свойствами должен обладать, по мнению Наблюдателя, «хороший» космический корабль?..

— Нам необходимо для начала опуститься на Землю, — продолжал между тем Карриган.

— Эта планета и есть Земля? — заинтересовалась императрица, обернувшись и взглядываясь в планету более внимательно.

Карриган задумчиво усмехнулся.

— Да, она называется Земля. Одна из пяти основных прародин человеческой цивилизации, древнейший очаг культуры... Впрочем, почти неотличимый теперь от своих давно отпочковавшихся высокоразвитых колоний...

— Неотличимый? Но, насколько мне известно, на Земле сохранились целые города, даже столицы древней архитектуры! Я сама давно мечтала побывать в ее знаменитых музеях, да так и не пришлось...

— Я имел в виду не города и не музеи. Я имел в виду людей, — негромко ответил Карриган. И, словно сделав над собой усилие, мгновенно внутренне переключившись, продолжил уже о другом: — Теперь тебе придется придумать себе новое имя.

Он помолчал, глядя на собеседницу выжидательно и с интересом. Потом, так ничего и не дождавшись, произнес:

— Неужели фантазии не хватает, Ваше Величество?

— Ну не знаю... Может быть, Вилли?.. — вопросительно вскинула она глаза.

— Хм... Оригинально, не спорю... К тому же оно из земного арсенала имен. Но насколько мне известно, Вилли — мужское имя.

— Да какая теперь разница! — она по-царски равнодушно махнула рукой. — Звучит музыкально, к тому же созвучно с Эвил, мне будет легко к нему привыкнуть...

Она умолкла, опустив голову и отвернувшись к планете Земля — единственной безмолвной свидетельнице этого странного разговора. Не очень-то приятно общаться с человеком, когда знаешь, что он читает все твои тайные мысли. Особенно если вспоминаешь при этом о чем-то сокровенном, личном, что совершенно твоего собеседника не касается...

Илли о ком-то, кто единственный во всей Вселенной мог называть тебя ласково, нежно и смешно — просто Вилли...

— Такое имя может привлечь к тебе лишнее внимание, — невозмутимо высказался Карриган. — Давай остановимся на Илли — легко запоминается и достаточно игриво, чтобы отвести от тебя ненужные подозрения. Постороннему трудно будет предположить, что под таким фривольным именем скрывается сама Великая Императрица.

Новонареченная Илли с трудом сдержалась, чтобы не скрипнуть в ярости зубами. Ладно, пусть. Пусть она станет теперь с виду фривольной подружкой инструктора Карригана, пусть ей придется на время забыть о сыне великого лорда наместника Запредельной Империи — Рэте Эндарте, своем женихе, — быть может, забыть надолго... Не пусть Наблюдатель Владимир Карриган, несмотря на всю свою телепатию и прочие умопомрачительные способности, не надеется, что она когда-нибудь забудет Рэту настолько, чтобы... Не стоит, пожалуй, уточнять, Наблюдатель и так наверняка понимает, о чем речь.

Она устремила высокомерный взгляд в глаза Карригана, невольно ожидая увидеть в них ответ на свой мысленный вызов. Грозные глубины его глаз непроницаемо молчали, губы оставались плотно сомкнутыми, лишь чуть заметно дрогнули — то ли презрительно, то ли в едва уловимой усмешке. Императрица предпочла счесть это за усмешку. Так и не произнеся больше ни слова, Карриган развернулся к пульту и отключил автопилот, давая понять императрице с новым фривольным именем Илли, что собирается вести катер на посадку к Земле.

Глава 4

ЭТО СЛАДКОЕ БРЕМЯ ВЛАСТИ

Небольшой зал, выдержанный в стиле упрощенной роскоши периода раннего Всплеска, тонул в нежнейших переливах сатвардского заката, разыгрывающего свою ежевечернюю неповторимую трагедию на предоставленной ему шикарнейшей сцене: одну из стен зала и часть потолка заменял огромный полукруглый колпак такой идеальной прозрачности, словно зал был большой террасой, распахивающейся на одну треть прямо в небо. Стены, выложенные дымчатым бадмонским камнем, плавилась в тягучих изумрудно-розовых световых потоках; тяжелые незыблемые стены таяли, стремясь слиться с изменчивым неустойчивым небом, в наивных попытках притвориться его эфемерным продолжением, имитируя расплывчатыми узорами камня легкомысленные изгибы облаков.

В центре зала располагался изогнутый в форме человеческого эмбриона стол, увенчанный тремя плоскими дощечками на своеобразных подставках. За столом, спиной к полыхающему закатными красками небу, сидел немолодой плотный человек в темно-зеленом костюме, соответствующем последнему слову высокой столичной моды. Снежно-белые волосы человека были идеально уложены, соответственно той же моде, тремя ровными продольными полосами, светлые пронзительные глаза испытующе буравили прямоугольный лист, лежащий поверх центральной дощечки. На широком породистом лбу обозначилась длинная аристократическая морщина.

— Еще семнадцать доменов Малого Кольца выразили свое согласие принести вам присягу, господин президент, — преданно вещало квадратное лицо, украшавшее своими мощными очертаниями лист на дощечке. — Осталось всего шесть, так что Малое Кольцо можно считать теперь практически полностью объектом федерации.

Глаза человека за столом едва заметно нетерпеливо прищурились.

— Так. А что же Большое?

Мужественные челюсти собеседника на мгновение сжались, черные букашки глаз при этом слегка расползлись в стороны, потом опять сползли, уже заметно ближе к переносице.

— Из тех восьмидесяти пяти наместников Большого Кольца, что до сих пор не выразили своего согласия, восемь подали в отставку, остальные пока хранят молчание. Если позволите мне высказать свое мнение, господин президент, то в масштабах Большого Кольца их количество...

— Об их количестве пока говорить рано. Скоро оно уменьшится по крайней мере вдвое. Те, кто не присоединится в течение суток, жестоко поплатятся за свое неповиновение, и им это известно. Дайте пока список неприсоединившихся и имена отставников.

Квадратное лицо, послушно закаменев, исчезло с листа, сменившись быстро ползущими снизу-вверх черными строчками имен и названий. Шустрые строчки отсвечивали розовым в лучах заката.

— Заслон! — поморщившись, сухо приказал в пространство новый властитель рождающейся на глазах свободной космической федерации. Грандиозное полотно, царящее в небе за его спиной, моментально померкло, подернувшись пасмурной дымкой. Через мгновение уже не стены были продолжением огромного окна в небо, а само это окно стало продолжением спешно материализовавшихся стен, превратившись в точную их имитацию,

дополненную еще картиной в самом центре. Картина, принадлежащая перу великого мастера Бодо Паркоккри, изображала нечто вроде личинки матмарского ресничника в разрезе и в натуральную величину, стоящую на хвостике.

Пресветлый лорд, а ныне президент собранного им же в рекордные сроки всегалактического правительства Марк Севрый цепко просматривал бегущие перед ним по листку строчки, демонстрируя новоявленному производству искусства позади себя все ту же равнодушную спину, какой мгновение назад и любовался на закат. Запоминать мятежные имена президенту не было нужды: эгнот — сложнейший прибор, запрограммированный на молекулярном уровне, и без того фиксировал в своей практически необъятной памяти все сигналы, поступающие на смотровой лист. Севрый лишь выхватывал взглядом из списка знакомые имена, отмечая про себя и беря на заметку их обладателей. Президент терпеливо ожидал перечня персон, подавших в отставку, не пожелав присягать новому правительству. Судьбоносное для многих высокостоящих лиц занятие президента было неожиданно прервано двумя возникшими одновременно отвлекающими факторами: донесшимся слева голосом секретарши и звуком разъезжающихся дверей. Сухощавое лицо секретарши неопределенного возраста среднего пола нарисовалось на смотровом листе левого эгнота и выпалило строго-официальным залпом:

— Ваше Величество, к вам советник по кадрам Док Ворон!

После чего проворно стерлось с листа.

Новоиспеченный президент, названный секретаршей, должно быть по привычке, королевским титулом, устремил строгий взгляд на своего советника по кадрам, уже меряющего быстрыми шагами расстояние от двери до стола. Статный, черноволосый, с вечной усмешкой в углу тонкого рта, Ворон появился в столице недавно и сразу сделал при дворе головокружительную карьеру — кстати, не в последнюю очередь благодаря пресветлому лорду Севрому. Лорду с первого же взгляда приглянулся этот молодой человек: среди беспечной знати, вечно околачивающейся при императорском дворе, ему не доводилось до сих пор встречать ни одной персоны, обладающей хотя бы десятой долей столь острого ума и таким упорным стремлением докопаться во всем до сути, какими обладал Док Ворон. При первом же разговоре Севрый был поражен ощущением мощной внутренней силы, постоянно исподволь прорывавшейся из-под маски внешнего спокойствия Ворона, силы, присущей настоящему политическому деятелю, ищущему и не находящему себе применения в нынешнем, крутящемся по собственной автономной программе мировом порядке. Лорд Севрый являлся достаточно тонким политиком, чтобы отдавать себе сейчас отчет в том, что именно благодаря этому человеку, его цепкому уму и неустанной деятельности на протяжении последних месяцев он, Марк Севрый, смог заполучить ту власть, о которой раньше не смел даже и мечтать. И лорд был, кроме того, достаточно прозорливым политиком, чтобы уже сейчас предвидеть в будущем серьезную угрозу этой своей новой власти в лице все того же Дока Ворона.

Остановившись в шаге от стола, посетитель отвесил президенту церемониальный поклон. «Слишком уж нарочито», — неприязненно отметил про себя Севрый. Да и само явление Ворона, не дождавшегося даже разрешения, чтобы войти к президенту, было чересчур бесцеремонно по отношению к главе свободной космической федерации, коей себя уже ощущал Марк Севрый.

— Добрый день, Ваше Величество господин президент! Точнее — добрый вечер! — произнес посетитель, выпрямляясь, после чего огляделся, словно бы в поисках, куда б и ему

присесть.

Этот жест не ускользнул от Севрого и был немедленно расценен им как скрытая издевка, поскольку Ворону должно было быть хорошо известно, что никаких стульев, за исключением президентского, в кабинете президента не предусмотрено.

— Тут уж недолго и до коронации, а, пресветлый лорд? — добродушно осведомился Ворон, развязно подходя к столу и бесцеремонно усаживаясь на край столешницы.

Севрый, низко склонив голову, откинулся на спинку кресла и несколько секунд сидел в молчании. Когда президент поднял лицо, щеки его уже растягивала мастерски приклеенная улыбка.

— Рад тебя видеть, Док! — соврал президент радушно. — Ты, я вижу, по прежнему предпочитаешь являться лично, вместо того чтобы связываться со мной через эгот.

— Дело слишком серьезно, господин президент, — ответил Ворон со своей неизменной усмешкой.

— Какие церемонии между нами, Док! Мы ведь не на официальном приеме! — Севрый подался вперед, деловито сомкнув на столе пальцы. — Я тебя слушаю.

Ворон вдруг действительно стал серьезен, но со стола все ж таки не слез.

— Обнаружился след пропавшей императрицы, — сообщил он. — Ее личный пространственный сигнал был зафиксирован. Но не на Сатварде. Вероятно, ей удалось пристать вблизи Сатварда к какому-то дальнему транспорту.

Севрый по-отцовски укоризненно покачал головой.

— Ты все-таки пытался ее выследить, хоть я и просил тебя не делать этого.

— Я ее выследил. Известна планета, на которой она сейчас находится, и даже место, куда приземлился ее катер. Осталось только отдать приказ о ее захвате.

— Повторяю тебе, Док, мне не нужна эта девчонка, — с заметным раздражением произнес Севрый. — Она теперь никто! Скрылась из столицы, исчезла неизвестно куда — туда и дорога! Ни родственники, ни друзья не станут ее разыскивать и не будут помогать ей, если она объявится! Она никому не нужна, а если начнет болтать повсюду, что она Великая Императрица, ее просто поднимут на смех и упекут в конце концов в сумасшедший дом!..

Ворон устремил на собеседника пристальный взгляд. Президент осекся. Нелегко было спорить с нынешним его советником по кадрам — настолько невыносимое моральное давление, гнущее оппонента в дугу безо всяких слов и убеждений, исходило от Дока Ворона, когда тому необходимо было кого-то в чем-то убедить. Это качество Ворона уже сполна послужило Марку Севрому в процессе его подготовки к «восшествию на престол». Но советник при президенте должен знать свое место. А о надлежащем месте для этого советника пресветлый Марк уж позаботится. И в самом ближайшем будущем. Давить может только президент!

Усмешка скользнула змеей по губам Ворона, и Севрый постарался заглушить в себе дикое ощущение, что советник непостижимым образом подслушивает его мысли.

— А вам не приходило в голову, пресветлый лорд, что президентский титул не передается по наследству? — прервал короткое молчание Ворон.

Севрый насторожился. Нет, мысли о неизбежной передаче власти кому-то в далеком будущем до сих пор не приходили ему в голову: пока слишком много приходилось думать о том, как этой властью завладеть, потом — как ею распорядиться.

— Великая Императрица бежала, не отказавшись от престола, — вкрадчиво продолжал советник, — она остается носительницей всех своих высоких титулов, и только в случае

вашей женитьбы на ней ваши дети могут стать по закону наследниками высшей власти.

— Ты предлагаешь мне стать императором? — глухо произнес Севрый, совершенно упуская из виду тот факт, что советник по кадрам просто не полномочен предлагать президенту императорского титула.

— Президент, император — какая разница? Титул в данном случае ничего не меняет, лишь обеспечивает вам процесс преемственности.

— Но она не согласится стать моей женой! — воскликнул президент, нервно пристукивая пальцами по столу.

— До этого никому нет дела. Власть в империи теперь принадлежит вам, и вы вполне можете жениться на свергнутой императрице, даже и без ее согласия.

Ворон помолчал, как бы давая президенту возможность обдумать вероятность подобной свадьбы, потом закончил:

— Но сначала ее необходимо поймать.

Марк Севрый вновь склонил голову, явив взгляду собеседника последний шедевр бывшего придворного — а ныне правительственного — парикмахера.

— Это следует еще хорошенько обдумать, — донеслось до советника из-под шедевра.

Док Ворон изящным движением поднялся с края столешницы.

— Прежде чем приступить к раздумьям, господин президент, вам не мешало бы связаться с планетой Земля. Именно там находится сейчас Великая Императрица. Рекомендую вам лично отдать распоряжения земным властям относительно ее поимки. Прошу также предоставить мне корабль для доставки императрицы на Сатвард.

Президент резко поднял голову от раздумий.

— Ты хочешь заняться этим сам?

Бесстрастный взгляд Ворона был устремлен словно бы в пространство, на самом же деле советник смотрел на матмарского ресничника в разрезе, по-прежнему красующегося на стене за спиной президента.

— Дело слишком серьезно, — отчеканил Ворон. Он стоял теперь перед президентом, строго вытянувшись по струнке, ни в его лице, ни в фигуре не осталось и намека на недавние вольности по отношению к вышестоящему лицу, но именно эта его исполнительная поза и показалась почему-то Севрому последней и самой издевательской насмешкой. Но, поскольку прежние оскорбления он предпочел до поры до времени проглотить, то теперь ему уже и в самом деле было просто не к чему придраться.

— Хорошо! — Севрый кивнул и официально поднялся. — Отправляйтесь на космодром, я распоряжусь, чтобы вам предоставили там мой флагман. О связи с Землей я позабочусь лично.

«А также и о том, чтобы тебя вместе с девчонкой встретили по прибытии на Сатвард надлежащим образом!» — закончил мысленно президент, буравя пристальным взглядом спину своего покидающего зал уже практически бывшего советника по кадрам.

Глава 5

БРАТЯ

Дилижанс остановился прямо напротив двустворчатых деревянных дверей отеля, представлявших собой как бы два распростертых орлиных крыла с орлиным же телом в центре, разрезаемым открытием створок на симметричные половинки. Выгружались из кареты поэтапно: выйдя первым, Михаил галантно подал руку даме — вторая рука у нее оказалась занята модной матерчатой сумочкой а-ля котомка; потом окликнул возницу — перезрелого ковбоя в соответствующей легендам шляпе, майке с древней и никем пока не расшифрованной надписью «адидас», джинсовых бриджах (все заляпанное навозом) и в сандалиях на босу ногу. Объяснив сердитому кучеру в двух словах ситуацию, сложившуюся во вверенном ему ящике на колесах, Михаил взошел обратно в дилижанс и с помощью подоспевшего вскоре ковбоя выволок тяжелое, как мешок все с тем же навозом, тело героя на свежий воздух. Наталья к тому времени уже успела скрыться в недрах отеля. Слегка отдышавшись, усталые мужи повлекли тело пострадавшего к дверям, причем на приступочке тело бормотнуло что-то недовольное и вообще начало подавать первые признаки жизни. Преодолев реанимационный приступочек и расчленив надвое совместным ударом плечей деревянного орла, они втащили оживающего героя в просторный холл, где и скинули его в объятия ближайшего к дверям дубового кресла. Герой отчетливо ойкнул.

— Жить будет, — утвердил Михаил уже выданный им ранее диагноз, после чего оглядел обшитое розовым австралийским кедром помещение в поисках Натальи. Той в холле уже не было — вместо нее Михайлов взгляд порадовала изобилием неприкрытого тела неизменная девушка-портье за кедровой же стойкой в противоположном конце помещения. Обнаженные во множестве участки тела мадемуазель очень удачно гармонировали по цвету с окружающим ее розовым кедровым интерьером.

— Деревя вы мои, деревья, — пропел Михаил, беря курс к стойке, как одинокий фрегат к уютной пристани, но по дороге спохватился и спешно умолк: девичий персонал работал в отеле ни в коем случае не за кусок хлеба, а просто ради любви к искусству (как, впрочем, и все, кто хоть как-то работал в последние времена, включая скрывшегося уже за дверьми невезучего кучера), и девушка уже ответно улыбалась из-за стойки Михаилу на его легкомысленную песню. Он подошел, деревянным голосом попросил у нее номер на ночь («Здравствуй, дерево, я твой друг!»), получил ключ впридачу с мягким многообещающим прикосновением руки, после чего повернулся и, ощущая всей спиной ее бархатный взгляд («Эх, Девчонки, березоньки вы мои гибкие!»), направил нетвердые стопы от стойки в левый дальний угол холла, где была расположена дверь, ведущая в бар. В отеле имелся, кроме бара, еще и открытый ресторан на крыше, в котором столовались по большей части приезжие, тогда как местная шатия (в том числе и Петр с Михаилом в былые времена) предпочитала обычно гулять в нижнем баре; так что сомневаться, в какой именно из питейных точек «Донского орла» брат назначил ему встречу, Михаилу не приходилось.

Плотная золотая портьера беззвучно отъехала, едва Михаил приблизился. Ступив через порог, он тут же ощутил хоть и слабый, но все же прилив сил, настолько все здесь осталось неизменным и соответствовало его многослойным воспоминаниям об этом богатом для него когда-то событиями и разного рода открытиями месте. Тот же рассеянный пыльный свет, льющийся из имитаций широких витражных окон, те же коричневые, потемневшие словно

бы от времени дощатые стены, та же стойка в уютном углублении, а рядом с ней на своем коронном месте — позаимствованный Бог знает в каком бородатом столетии музыкальный автомат, старый хрипатый бродяга, певший еще юному Михаилу Лети ну лучшие в его жизни песни. В данный момент автомат безмолвствовал, ностальгически подмигивая Михаилу полированными кнопками, так как запустить его было попросту некому: бар пока что пустовал, не считая девушки из обслуги, сидевшей за стойкой в углу; завсегда и, насколько помнил Михаил, подтягивались сюда не раньше семи часов, и этот обычай, похоже, оставался до сих пор в силе. Девушка, от которой видна была из-за стойки одна склоненная белокурая головка, на появление первого посетителя не отреагировала: она присутствовала здесь на самом деле в качестве бесплатного приложения к автоподатчику, для поддержания псевдоисторического имиджа заведения, и ее добровольная работа — крутиться за стойкой и строить посетителям глазки — начиналась, как правило, вместе с наплывом народа. Только когда Михаил врубил на старом бродяге свою любимую «Never!» Эдди Ровера, она на мгновение приподняла голову и мазнула по нему прозрачно-рассеянным взглядом. Михаил подавил невольный вздох: совсем иначе встречали его здесь в былые времена (Катка-котенок, где-то ты теперь и кому мурлычешь свое ласковое: «Привет, парнишка, тебя-то только здесь и не хватало»?..).

Он прошел за один из дальних столиков, уселся за него лицом ко входу и сказал резной вазочке с цветочками в центре стола:

— Два больших пива, тысяча первый номер, конец заказа.

Спустя несколько секунд из бара чинно вылетело, направляясь к посетителю, раздаточное блюдо — металлический шириной в два пальца диск, несущий на себе две пузатых пенных кружки, — подлетело и зависло услужливо по правую руку от Михаила. Он снял роняющие пену кружки, поставил их перед собой на стол, сказал неподвижному блюду:

— Свободен, бой.

Блюдо нехотя проплыло обратно в бар к неласковой девушке, дожидаться там следующих заказов, а Михаил, проводив взглядом его высокомерный полет, покосился озабоченно на свои часы. Брат запаздывал уже на семь минут. «Скрасим себе ожидание», — съязвил мысленно Михаил, поднося к губам кружку, и принялся крупно глотать из нее солоновато-терпкую прохладу, причем остановился только тогда, когда обнаружил, что осушил с налету добрую половину литровой емкости, скрасив себе ею лишь десять секунд ожидания. Тогда он стал цедить пиво, втягивая его сквозь зубы тонкой струйкой и думая о том, какое неудобное время выбрал Петр для встречи: часом бы попозже ему назначить, а еще лучше — двумя или даже тремя часами позже, когда в баре плюнуть будет негде от посетителей. А теперь, видимо, предстоит им с Петром светиться тут на пару, как двум маякам в ночном океане, и один из «маяков», кстати, уже светится, и девчонки наверняка его уже заметили и смогут, если их спросят, описать этот самый единственный «маяк», кому надо, во всех подробностях.

Костерок неприятных мыслей разгорался все ярче, и пиво его не тушило, а, наоборот, добавляло в гипотетический мысленный костер шипения и пара. Так что, когда портьера на двери отъехала, пропуская в бар второго посетителя, это едва не кончилось для первого нервным срывом. Однако все обошлось благополучно, и нервный срыв обернулся очередным легким пшиком, потому что в дверях вместо давно ожидаемого брата Петра появилась недавняя попутчица и коллега Михаила по медбригаде Наталья, к этому времени успешно Михаилом позабытая. Она, оказывается, не испарилась сразу по прибытии в отель, как сон,

как утренний туман, а если и испарилась, то сейчас уже вновь материализовалась, успев за время своего отсутствия переодеться. Наталья и до того, в своем зеленом платье, смутила практически весь мужской контингент несчастливого дилижанса (за исключением охотника, да еще, пожалуй, возницы), теперь же она выглядела просто сногшибательно: стройные девичьи формы опутывало нечто вроде крупноячеистой паутины с застрявшими в переплетениях островками легированной стали; причем большинство крупных ячеек-прорех приходилось на довольно-таки сокровенные места, в отличие от большинства стальных островков — прикрытий.

«Привалило же такого счастья и в такой, неудачный момент!» — подумал Михаил, безуспешно пытаясь загородить лицо кружкой от надвигающейся Натальи, одновременно зло глотая пиво и наблюдая из-за кружки одним глазом, как оное счастье грациозно перемещается в пространстве по направлению к его столику. Наталья была уже на полпути к цели, когда дверная портьера вновь пришла в движение, и порог переступил третий посетитель. Михаил вынужден был отвлечься от созерцания Натальи и устремил пытливый глаз к дверному проему, вернее, к тому, кто его в данный момент загоразивал.

Это не был его опоздавший к намеченному сроку брат Петр. Более того — это была незнакомая девушка. Рука Михаила, держащая литровое прикрытие, вдруг ослабла — просто позабыла, что она что-то держит, — и кружка медленно притянула своей тяжестью держащую ее руку к столу, как к надежной опоре. Михаил позабыл мгновенно о недопитом пиве и о Наталье, с интересом обернувшись на дверь, а также о своем беглом брате Петре; в этот миг он поверил в Удачу, в Случайность, в Бога, в Черта, в Судьбу, во все невероятное, сумасшедшее, необъяснимое и удивительное, что пряталось в глубине его неумной души с самого рождения и что давно уже было осмеяно и предано забвению в этом полностью материально обеспеченном суперраскрепощенном мире. А между тем в минувшие века явление это было широко известно, довольно распространено и именовалось, кажется, Любовью. А в данном, редком даже в те забытые времена, случае — это назвали бы Любовью с первого взгляда.

Новая гостя привлекала внимание в первую очередь исходящим от нее потрясающим ощущением неприступности, абсолютно не присущей молодым женщинам последних времен (немолодым, впрочем, тоже): вся ее фигура от макушки до ступней ног, казалось, светилась осознанием собственной значимости в этом мире, вся она была точеная и резкая, словно ее время летело чуть быстрее времени окружающего ее мира; темные зачесанные назад волосы были безупречно уложены тонкими змейками, нежность черт странно сочеталась в ее лице с присущим скорее мужской половине рода человеческого выражением решительности. Простая на первый взгляд одежда на ней непостижимым образом создавала впечатление утонченной изысканности: а одета гостя была в светло-серый облегающий костюм с маленькой жилеткой, на ногах — серебристые ботинки, только и всего. На мгновение задержавшись у двери и обведя быстрым взглядом зал, незнакомка стремительно направилась к одному из столиков.

Михаил не заметил, что поднялся и встречает ее приближение уже стоя: девушка, похоже, восприняла это как должное (если вообще заметила), а он просто смотрел на нее, и каждый ее шаг к нему навстречу был как один удар его сердца. Михаил не сразу обратил внимание даже на такую немаловажную деталь, что незнакомка пожаловала в бар не в одиночестве: сразу вслед за ней вошел высокий видный мужчина в костюме космолота Серединной Империи. Так же оглядев зал и присутствующих, новый посетитель задержал

глаза на Михаиле, отчего тот вздрогнул и начал возвращаться в реальный мир: ему показалось, что его накололи, словно бабочку, на две холодные стальные иглы и держали в таком наколотом состоянии некоторое время, пока он окончательно не пришел в себя. Кавалер незнакомки, безусловно, не принадлежал к числу обычных легкомысленных ухажеров, которых можно было так запросто не заметить и сразу безнаказанно списать со счетов. Оторвав пронизывающий взгляд от Михаила, он проследовал за своей дамой и уселся вместе с ней за выбранный ею столик.

Михаил вдруг осознал, что стоит столбом над своими кружками с пивом, и опустил обратно на стул. Постепенно сквозь легкий эйфорический дурман в голову начали просачиваться одна за другой здравые мысли. Сначала он подумал о Петре и довольно равнодушно посмотрел на часы: с тех пор, как он в последний раз это делал, прошло, к его удивлению, всего шесть минут. Потом он вспомнил о Наталье (второй раз за последние шесть минут) и убедился, что она его уже благополучно достигла, мало того — сидит напротив и не спешит делать свой заказ, а тянет к себе за ручку ту из его кружек, что оставалась еще непечатой. Взгляд его непроизвольно скользнул от Натальи направо, где через два столика уселись незнакомка и ее спутник: они обменивались тихими репликами, похоже полностью поглощенные интересующей обоих темой, причем Михаилу показалось, что тема их беседы была скорее деловой, чем романтической. Из бара к новым посетителям уже плыл услужливый диск-официант, уставленный разнообразной снедью и увенчанный в центре квадратной бутылкой (бренди «Черная кровь», — машинально определил Михаил взглядом специалиста).

Тем временем золотая портьера вновь пришла в движение, но появившаяся из-за нее персона опять-таки не была Михайловым братом Петром. «Ну, посетитель косяком пошел», — подумал Михаил Летин, с трудом оторвавший взгляд от незнакомки, чтобы узреть в дверях очередное разочарование — молоджавого господина средних лет с огромным фиолетовым синяком под левым глазом, но зато в идеально чистом и отглаженном бежевом костюме. «Батюшки, да когда ж это он успел?» — удивленно мелькнуло у Михаила, в то время как возродившийся, подобно Фениксу, в новом блеске господин в беже уже мерил зал по направлению к соседнему от них столику. На самом деле чудо возрождения бежевого пассажира и его костюма являлось простым и даже вполне обыденным: в каждом номере «Донского орла» имелась прекрасная душевая, а также компактная моментальная чистка-автомат. Воздух наполнился ароматом горной фиалки, когда бывшая жертва собственного героизма уселась в двух шагах от Михаила и Натальи, сдержанно их поприветствовав и не подозревая, что имеет дело с отважной бригадой своих недавних добровольных санитаров. Михаил заподозрил, кстати, что присоседился к ним их бывший пациент не из благородных побуждений: судя по всему, господин в беже специализировался по разлучению счастливых парочек путем вставания в разговоры и развенчания в глазах девушек их велеречивых героев. Судить его за это строго Михаил склонен не был: каждый борется со скукой по-своему, кроме того, едкий господин, в отличие от накачанного блондина, наглядно доказал собственный героический статус; но все же вступать при нем в разговор с девушкой Михаил бы поостерегся. Кстати говоря, и не до разговоров ему сейчас было, исключая весьма интересующий его разговор загадочной незнакомки и ее кавалера за дальним столиком. Наталья тоже молчала, потягивая пиво и бросая частые удивленные взгляды через стол на Михаила: дескать, с чего это он вдруг стал такой неразговорчивый, даже комплимента даме не сделал относительно ее потрясающего платья, да еще пялится постоянно на какую-то

постороннюю девицу за ее спиной, будто там есть на что смотреть, кроме вздернутого выше головы короткого носа; и вообще — кто к кому, в конце концов, набивался в знакомые? — примерно это в вольном Михайловом переводе сказал последний Натальин взгляд, после чего она повернула голову по направлению к благоухающему фиалками соседу и осведомилась у него с участливой улыбкой:

— Как ваше самочувствие?

— Спасибо, сейчас гораздо лучше, хотя голова еще немного кружится, — с готовностью откликнулся тот, поднимаясь и пересаживаясь за их столик. — Не возражаете? — спросил он у Михаила, уже прочно заняв место третьего за их столом. Михаил не ответил, да в его ответе, собственно, никто и не нуждался.

«Самое для меня подходящее время, чтобы распрощаться и уйти», — мелькнула в голове у Михаила соблазнительная мысль. Недалеко, конечно, далеко ему отсюда до прихода Петра уходить было нельзя — а вот хотя бы пересесть за любой свободный столик. Спросить у этой парочки утвердительно: «Вы не возражаете?» — и откочевать от них подальше, не дожидаясь возражений. Кстати, как раз в это время Михаил ощутил один достаточно веский повод, чтобы выйти из-за стола. Почти одновременно возник и второй повод: в музыкальном автомате кончилась пластинка и не мешало бы поставить новую.

— Прошу прощения, но я должен отойти, — вставая, оповестил он соседей, уже мило щебечущих между собой о черепно-мозговых травмах и их последствиях, к самым легким из которых можно было смело отнести фонарь под глазом. Наталья не отреагировала на его слова вовсе, будто их и не услышала, а ее новый сосед обронил победно, сопроводив реплику насмешливым, подсвеченным фонарем взглядом:

— Да-да, пожалуйста!

Предоставив свой столик и свою девушку в полное распоряжение предприимчивого героя, Михаил направился первым делом в туалетную, едва не столкнувшись по дороге туда с заказом — бутылкой шампанского (брют «Явол-лейбл») в окружении обильной закуски — летящим из бара к Михайлову счастливому преемнику. Диск-официант сделал ловкий вираж, уходя от столкновения, и Михаил с трудом сдержал импульсивный порыв выхватить с него очень удачно подставившуюся на вираже бутылку; не стоило, пожалуй, огорчать мелкой мезью человека, оказавшего ему, пусть даже злоумышленно, добрую услугу.

Заказ пластинки Михаил намечал произвести во вторую очередь, но до «старого бродяги» ему так и не суждено было добраться, потому что на выходе из туалета, бросив взгляд в сторону золотой портьеры, Михаил увидел не кого иного, как своего брата: его долгожданный брат Петр Летин — межзвездный штурман и лихой контрабандист, а ныне беглый каторжник, скрывающийся от закона, — как раз переступал порог своего родного, можно сказать, с детства питейного заведения. Михаил почему-то ожидал увидеть брата в черно-коричневом комбинезоне штрафного флота, но на Петре были ничем не примечательные светлые широкие штаны и светло-зеленая вольного покроя рубаха. Зорко осмотревшись и заприметив Михаила в дверях сортира, Петр показал ему глазами в направлении столиков, после чего наконец окончательно вошел. А сразу вслед за ним в заведение шагнули цепочкой трое: мужчина, женщина и еще один мужчина, также ничем на первый взгляд не приметные, но, судя по цепким глазам и настороженным повадкам вновь прибывших, Михаилу сразу стало ясно, что брат Петр угонял место своего заключения с намеченного курса не в одиночестве, а в компании по меньшей мере троих своих коллег по несчастью. Такого поворота событий Михаил не ожидал — лучшего сюрприза для встречи с

младшим братом Петр, разумеется, приготовить не мог.

Ограничившись скупым рукопожатием, чтобы не привлекать внимания окружающих братскими объятиями и поцелуями, Михаил уселся напротив Петра за столиком неподалеку от бара. Сопровождающая брата тройца расположилась по соседству и сразу принялась делать заказы, вырывая друг у друга из рук электронную табличку меню.

«Ну, с этими не миновать неприятностей», — с досадой подумал Михаил, косясь на оголодавшее Петрово сопровождение. Сам Петр сильно изменился за прошедшие два года; собственно, и узнал-то его Михаил только потому, что ожидал сейчас его появления и был готов узнать и в гораздо более худшем состоянии, учитывая, где брат провел эти последние два года. Хотя состояние Петра было не то чтобы худшим, чем прежде; он просто показался Михаилу другим, чужим, совершенно незнакомым человеком. Годы скитаний за границами исследованных миров превратили самоуверенного разбитного парня — неизменного главаря и заводилу в любой компании — в крепкого поджарого мужчину с жестким — если не сказать жестоким — взглядом; именно такими Михаил представлял себе в детстве дальних космолетчиков, настоящих космических волков. Теперь же Михаил вынужден был признать, что его брат, преступивший закон и в полном смысле противопоставивший себя обществу, производит впечатление сильного и опасного хищника, то есть вот именно — волка.

— Рад тебя видеть, братишка, очень рад! — быстро и без улыбки заговорил Петр.

Михаил, несмотря ни на что, тоже был рад встрече с братом, которого он после суда и пожизненного приговора уже не чаял увидеть живым, но обнародовать свою радость хотя бы коротким: «Я тоже» — не успел, потому что Петр, не дожидаясь от него ответной реплики, заговорил сразу о деле:

— У нас мало времени, Мишка: нас отпасли, у нас на «хвосте» полиция, у тебя скорее всего — тоже.

Михаил непроизвольно оглянулся на дверь.

— Не бойся, там у входа остался мой человек, он предупредит, если они явятся, — успокоил его Петр. «Еще один», — с тоской отметил про себя Михаил, глянув в то же время украдкой через зал в направлении незнакомки: он надеялся, что она- то не имеет никакого отношения к названным «хвостам», потому что ни ветреная Наталья, ни Петр со своей оголодавшей на казенных харчах каторжной командой, ни полиция, ни землетрясение и никакая другая мировая катастрофа не могли заставить его теперь забыть о ней. Незнакомка сидела к нему вполоборота и подносила сейчас к губам бокал с вином, спутник же ее молча глядел в сторону Михаила с Петром и, казалось, внимательно прислушивался к их разговору.

Брат между тем продолжал, и довольно громко:

— Степь, Мишка, большая, а Вселенная еще больше, но они сразу взяли наш след, и куда бы мы ни кидались по этой Вселенной, они всюду шли по пятам, каждый раз догоняли, не давали нам передышки, заставляли нас бежать снова и снова!

Петр чуть подался вперед, давя на Михаила тяжелым обжигающе-холодным взглядом.

— Я устал убегать, братишка. Я не желаю быть вечным беглецом! Поэтому я пришел к тебе.

Михаил хотел было отвести глаза, но не смог: Петр не отпускал, держал его, как удав кролика, в тисках своего властного взгляда.

— Но я ведь не могу тебе помочь... — отдельно сказал Михаил, выплевывая каждое слово, как мерзкое шевелящееся пресмыкающееся — паука или скорпиона, — потому что каждое из них и все они вместе были ложью.

— Ты должен увести нас. Ты можешь это сделать. Пускай ненадолго, пусть они только потеряют наш след. Потом мы вернемся и уйдем, затеряемся, как песчинки, в пустоте. Тогда эти ищейки уже не смогут нас найти...

Михаил ощутил предательскую слабость в суставах: слово было сказано. «УВЕСТИ» Михаил знал, конечно, с самого начала знал, еще когда спецназовцы шарили по его квартире в поисках Петра, что брат найдет его и произнесет в конце концов именно это слово. Но все-таки до последнего момента надеялся, что ошибается, что Петру нужно от него что-то другое, что он забыл... Оказалось — нет. Не забыл брат Петр семейную тайну, помнил, их детские игры, не забыл, как упрашивал маленького Мишатку взять его с собой в свой тайный мир сказочных живых картин, где появлялись иногда странные существа и диковинные звери и где сами они становились порой чуть-чуть иными, чудными и незнакомыми, настоящими обитателями загадочных миров. Картины, возникавшие вокруг Мишатки, были зыбкими, а если и начинали вдруг густеть, то малыш принимался плакать, у него болела голова и его клонило в сон. Брат Петя просил не рассказывать ничего маме, но в конце концов она конечно же все узнала, когда, обеспокоенная здоровьем своего младшенького, собралась повести его к доктору. Мишатка доктора боялся и, чтобы задобрить маму, сводил ее ненадолго в свой сказочный мир. Тогда-то и кончились их удивительные путешествия в прекрасные сказки. Никогда — ни до, ни после — не видел Мишатка маму такой испуганной. Эта незнакомая мама рассказала ему страшную сказку про злых профессоров (страшное слово), которые хотят пробраться в сказочный мир, но сами этого сделать не могут и поэтому ищут по всей Земле детей-проводников, которые знают туда дорогу, забирают их в свои подземные лаборатории (страшное слово), опутывают там проводами, исследуют приборами (много страшных слов), делают целыми днями уколы (самое страшное слово!), чтобы выведать у них все про сказочный мир и самим туда попасть. Поэтому Мишатка должен поскорее забыть о сказочном мире, никогда туда больше не ходить и никому никогда о нем не рассказывать, иначе злые профессора, у которых по всей земле есть тайные глаза и уши, его обязательно выследят, навсегда утащат в свои глубокие подземелья и заколят там уколами досмерти. На этом месте мама прижала Мишатку к груди и заплакала. И тогда, ощущая на своих щеках горячие капли маминых слез, он с ужасом поверил, что все действительно так и будет — именно так, как она рассказала. Он не возвращался больше в свой сказочный мир, сколько брат Петя его ни упрашивал, зато злых профессоров вспоминал часто и даже иногда видел их по ночам во сне: в белых глухих халатах, в черных очках, со спутанными проводами вместо волос и со шприцами вместо пальцев. На самом деле его перепуганная мать была не так уж далека от истины: современные ученые являлись настоящими фанатиками своего дела, отрешенными и неистовыми, подлинными апологетами науки, а на переднем крае этой науки уже не одно столетие стояла проблема параллельных миров и способов проникновения в них, что дано было пока только неведомым Проводникам, которых никто никогда, правда, в глаза не видел, но каждый про них что-то слышал. Что же касается маленького Мишатки — новых необычных способностей ребенок не обнаруживал, старые тоже больше никак не проявлялись; время шло, и родители постепенно успокоились, уверив себя в том, что с возрастом все прошло само собой, как проходит, например, детская болезнь ветрянки. Но Михаил, взрослый сегодняшней Михаил знал, что родители ошибались, потому что талант, как выяснилось, в отличие от ветрянки, не поддается излечению, а настоящий дар не может ни с того ни с сего исчезнуть, как не может исчезнуть из груди человека вложенное туда при рождении сердце.

Он всю жизнь не просто ощущал в себе эту роковую пугающую силу — таинственный дар Проводника, но чувствовал в глубинах своего существа ее постоянный рост, слышал в себе ее древний, как шорох прибоя, сладкий и властный зов, а став старше, задыхался в ее пьянящих приливах, не находящих себе выхода из плена запуганного взрослыми сознания. Михаил боялся своего дара, относясь к нему как к врожденному недугу (побочным продуктом которого являлся, очевидно, и его гипертрофированный романтизм), и, разумеется, никогда даже не пробовал им пользоваться.

— Я не могу вас увести... — чувствуя, как вяжущее онемение растекается, беря начало от пальцев рук, по всему телу, сказал он Петру. — Я не умею...

— Брось, не прибедняйся! — Петр был неумолим, отступить ему было некуда, да и незачем. — В три года у тебя это уже неплохо получалось, теперь тем более получится.

Онемение уже завладело языком, поэтому Михаил ничего не ответил; он просто сидел перед братом безвольной куклой, качая отрицательно головой из стороны в сторону. Выглядело это так, будто он уже вживается в роль партизана-подпольщика, проглотившего на допросе свою рацию.

На скулах Петра отчетливо обозначились желваки, прошлись туда-сюда вдоль щек и опали. За два последних года Петр, похоже, научился держать себя в руках.

— Чего ты боишься? — жестко, но довольно спокойно проговорил он. — Срока за содействие? Так я тебе обещаю. — если нам удастся уйти от полиции, я возьму тебя с собой; улетим вместе, заживем так, как тебе и не снилось!

Петр наклонился вперед, не спуская с брата давящих глаз.

— Что ты видел за свою жизнь, полупроводник ты хренов? Наш занюханый Урюпинск и земную виртуалку? Ты хоть знаешь, что такое эгнот и пространственная сеть? Захочешь — сможешь потом уйти туда хоть навсегда, пожизненно!

Разумеется, Михаил знал о существовании во Вселенной пространственной сети на базе эгнота: люди погружались в сеть, жили и путешествовали там ничуть не хуже (а то и лучше), чем по истинным параллельным мирам, в то время, как тела их лежали в специальных капсулах на полном жизнеобеспечении; их жизнь в сети становилась бесконечной сменой грандиозных приключений и игр, при желании они могли создавать там и новые Вселенные, по реальности ощущений не уступающие настоящей, и царить в них на правах богов или героев или на любых других ролях, которые сами там для себя выбирали.

Петр знал, чем можно подцепить брата; но он не понимал другого — главного: Михаил боялся не полиции и не срока за содействие беглым преступникам — об этом он, честно говоря, до замечания Петра так и не удосужился додуматься; он боялся настоящего, не виртуального перехода в подлинные иные миры, хотя это был не совсем страх, а скорее — нерушимый психологический барьер, воздвигнутый когда-то во впечатлительной еще детской душе стараниями заботливых взрослых. И для преодоления этого барьера явно недостаточно было посулов вечного блаженства в объятиях виртуальной капсулы. Михаил продолжал молчать, и это его упорное молчание больше всего бесило Петра; он уже понял, что метод-пряника не сработал, и сдержанность его к тому времени держалась уже на последнем волоске. А все исключительно из-за Михайлова партизанского молчания.

— Выходит, ты отказываешься мне помочь? Хочешь, чтобы меня опять схватили и бросили за Барьер? А ты хоть представляешь, что меня там ждет? — Петр говорил глухо, но заметно распаяясь изнутри с каждым новым словом. — Нас хотели послать на верную смерть — жидкая несформировавшаяся планета, приборы якобы нащупали на ней

единственный твердый островок... Впрочем, что ты можешь об этом знать, ты, просидевший всю жизнь на Земле в теплоте и комфорте?! Бегство стало для нас последней надеждой, единственным шансом выжить. Нам удалось бежать, и это само по себе было чудом! Мы сумели добраться до Земли, сумели сесть на нее невредимыми, хотя и это было теоретически невозможно. И вот я здесь, и я тебя вижу, хотя и на это у меня имелся один шанс из тысячи. И теперь, после всего этого, ты сидишь передо мной и качаешь головой, как дагосский каторжник, которому подрезали язык! Так вот, братишка, слушай внимательно: нам отсюда уже просто так не выйти, а если и выйдем, то не далеко уйдем. Раз ты отказываешься нас уводить тихо и мирно в какой-нибудь из параллельных миров, то мы оккупируем этот отель, возьмем вас всех в заложники и поставим земным властям условия, которые им вряд ли понравятся. А если их не устроят наши условия, то мы будем держаться здесь до последнего, пускай хоть разносят этот чертов отель в клочья к едрене матери! Терять нам уже нечего. Какая разница, где умирать?

Петр замолчал, а в баре после его угрожающей речи воцарилась мертвая тишина: последние слова он говорил не таясь, во весь голос, забыв о конспирации, а поскольку Михаил не успел поставить посредством «старого бродяги» звукового заслона, все присутствующие прекрасно слышали угрозу Петра и теперь сидели в застывших позах, повернув удлинившиеся лица к их столику. Единственным из мирных посетителей, кто не выглядел слегка одеревеневшим, был кавалер незнакомки: он взирал на происходящее с живым интересом, как смотрят в провинциальном театре увлекательную пьесу, и даже в самые кульминационные моменты не забывал прикладываться к своему бокалу.

Михаил по-прежнему не отвечал: все его внутренние силы были сейчас брошены на штурм рокового подсознательного барьера. Молчание затягивалось, грозя разродиться нешуточным взрывом. И нечто вроде взрыва действительно произошло, но не с той стороны, откуда все ожидали: напряжение момента было нарушено очередным посетителем, возникшим на пороге заведения. Появившийся в дверях мужчина держал в руках не что иное, как пространственный резак последней модификации, и сразу привлек к себе всеобщее внимание, нарушив очарование момента короткой фразой из двух слов:

— Штурман, полиция!

Самая лучшая реакция оказалась у девушки в баре: она взвизгнула и нырнула под стойку. После этого Петр, а вместе с ним и соседняя троица повскакали со своих мест; троица сразу ринулась на выход, а Петр извлек из кармана своих обширных брюк лазерный пистолет (удобная все-таки вещь — широкие штаны) и, глядя в упор на Михаила, красноречиво повел стволом в сторону двери. Потом приказал остальным присутствующим:

— Все в холл, быстро!

Возражать не рискнул никто: Михаил, не прекращая своей внутренней борьбы с восставшими из ада детских кошмаров призраками в белых халатах, молча подчинился силе; окончательно забытая им Наталья со своим вдруг растерявшимся новым кавалером (не иначе как весь героизм из него вышибло незадолго перед тем бронебойной бутылкой) поспешно встали и направились к дверям; прекрасная незнакомка, гордо поднявшись, кажется, собиралась что-то возразить, но спутник вовремя сжал ее локоть и покачал отрицательно головой. Как это ни странно, реактивная девушка из бара уже довольно прытко выпрыгнула из-под своей стойки, хотя никто ее персонально не приглашал, и устремилась в холл вместе со всеми (в самом деле, какой смысл торчать в пустом баре? Снаружи гораздо интереснее, прямо как в боевой виртуалке — того и гляди в заложники возьмут!).

Вся компания спешно выгрузилась в холл, где их глазам предстала для начала пустая стойка, а мгновением позже — спины пятерых человек — девушки-портые и четверых членов террористической группы, — стоящих рядком, не таясь, перед открытыми окнами, глаза наружу. Бывшие обитатели бара прошли нестройной толпой через холл и присоединились к глазающим. Поглазеть и в самом деле было на что: прямо перед отелем завис, бликуя антилазерным покрытием от заходящего солнца, потрясающий мощью экстерьера и идеальностью аэродинамических пропорций аппарат с эмблемой межгалактической федеральной полиции на борту. Вокруг него висели, образуя правильный квадрат, намозолившие глаза урюпинским аборигенам длинные милицейские «акулы», числом четыре. Вокруг всего этого великолепия кружили стаями тяжелых слепней вооруженные до бровей спецназовцы в силовых креслах. Вся вышеперечисленная многотонная техника, нагруженная блюстителем порядка, обременяла воздух прямо над маленькой площадью, на которой пока еще не толпился, но уже кучковался суетливый народ и куда слетались из поселка с потрясающей скоростью все новые гражданские кресла и подъезжали все новые машины с любопытными.

— Как они, Рик? Войти пока не пытались? — обратился Петр к тому из своих людей, что стоял до того настороже и поднял в баре тревогу — небритому кареглазому молодчику с темными волосами до плеч («За таких девчонки глаза друг другу готовы повыщарапать», — просочилась сквозь сомкнутый строй белых халатов неприязненная мысль у Михаила).

— А то как же, — без выражения откликнулся Рик.

— Вошли? — поинтересовался Петр с насмешкой в голосе.

— Как видишь, — усмехнулся и Рик.

Лазерник в руках у Петра уже отсутствовал — он сунул его обратно в карман, а вместо него держал теперь незамысловатый с виду прибор, изготовленный в виде узкого блокнота в металлической обложке; Михаилу доводилось видеть нечто подобное только в кино и в журнальной хронике — у Петра, оказывается, имелся портативный эгнот — прибор, на использование которого в бытовых целях у жителей Земли пока не было лицензии. Бросив короткий взгляд на Михаила, Петр обронил:

— Что ж, приступим к переговорам.

Блокнот в его руках сам собой открылся; Петр, держа его перед собой, наподобие фотографии любимой женщины, сосредоточил взгляд на чистой страничке. Та сначала слегка затуманилась, потом на ней появилось объемное изображение, к сожалению, не имеющее ничего общего с чьей бы то ни было любимой женщиной: аскетичное мужское лицо с ярко выраженными жевательными мышцами, едва нарисовавшись, тут же открыло тонкогубый рот и резко произнесло:

— Твоя самоволка окончена, Летин! Ты окружен, сопротивление бесполезно!

— Кого я вижу! Майор Барни, собственной персоной! Какая честь! — издевательски произнес Петр. — Но я, честно говоря, предпочел бы поговорить с полковником Халкером. Его там у тебя случайно нет поблизости?

— Отключай защиту и сдавайся, иначе ты мертвец! — грозно выплюнул с листка миниатюрный майор Барни. — Церемониться с тобой я не уполномочен! Если через минуту вы не сложите оружия и не выйдете из этого здания, то через две вас будут вытаскивать из-под его обломков!

— Ну-ну, майор, поменьше патетики. Перед смертью я все-таки хотел бы повидать полковника. Неужели его с тобой нет? Только полковник Халкер сможет оценить по

достоинству твою замечательную стратегическую позицию — над толпой народа, и мою — с кучей ни в чем не повинных заложников, которых ты собрался похоронить вместе со мной под обломками. Сбегал бы ты за Халкером, Барни. А я пока, так и быть, подожду.

— Прошу вас, не надо!!! — раздался в этот миг откуда-то сзади душераздирающий крик, после чего на Петра была произведена внезапная атака с тыла: на него налетел ураганом низенький полный человечек и едва не вырвал в отчаянном порыве из рук Петра средство коммуникации. В самоотверженном толстяке Михаил тут же признал бессменного хозяина отеля — Фредерика Афанасьевича Бельмонда (псевдоним, выбранный для себя самим хозяином; по его глубокому убеждению, эта фамилия принадлежала в минувшие века какому-то великому поэту, являвшемуся по совместительству еще великим артистом и великим политическим деятелем). То, что произошло потом, Михаил воспринял не совсем четко, а как будто смазанно: ему показалось, что Петр, не оборачиваясь, лишь досадливо дернул плечом, после чего хозяин отправился в довольно-таки длительный полет кормою вперед, словно большая резиновая кукла, по которой основательно наподдали, скорее всего даже — судя по траектории полета — ногой; на лету Фредерик Афанасьевич не переставал производить обеими руками хватательные движения, умоляя со слезой в голосе:

— Дайте, дайте я ему скажу! Он не имеет права так поступать!..

Рухнув на пятую точку неподалеку от стойки, хозяин коротко вскрикнул и на время умолк (возможно, прикусил язык).

— Не имеет, — согласился Петр, спокойно закрывая эгнот и убирая его в карман, после чего спросил, следя внимательно за перемещениями противника (вся техника, включая силовые кресла, сдала синхронно назад и вновь зависла, уже на некотором расстоянии от площади): — Ну что, Мишка, будем ждать полковника? Или шарахнем по ним сразу, из всех стволов? Отменная будет каша!

— Нет, нет, умоляю, не надо! Вы не можете так поступить!.. — простонал хозяин, от переживаний забывший подняться с пола, простерев в сидячем положении руки уже по направлению к Михаилу. Остальные присутствующие также все вместе уставились на Михаила: кто из них и не знал, тот, очевидно, теперь догадался, что именно от этого человека в сложившейся ситуации зависит что-то принципиально важное.

Михаил, оказавшийся в центре всеобщего выжидательного внимания, обвел безмолвный народ сумрачным взглядом, постаравшись не задерживать его на незнакомке, и поинтересовался — не из любопытства, а просто безнадежно оттягивая время:

— Почему они не стреляют?

— Рик поставил перед отелем силовой щит, — ответил Петр. — Так что лазерниками нас теперь не взять. Зато их РП-28 могут запросто искромсать наш щит в силовой винегрет — правда, вместе с отелем.

— Из отеля сейчас возможно выйти? — опять спросил Михаил, уже понимая, что приперт обстоятельствами к стенке и ему придется выполнить условия брата, но бессознательно еще ожидая чего-то, непонятно чего, хотя, возможно, — того самого придуманного романтиками чуда, которое приходит, как правило, в самый последний момент на помощь к своим отчаявшимся романтическим героям.

— Выйти можно, — сказал Петр. — Только нам туда дорога заказана. Но мы туда и не пойдем. Мы пойдем своим путем! А, Михайло?..

Тут Петр отвлекся от разговора — как назло, в самый его ответственный момент: дело в том, что мимо предводителя террористической группы решительным шагом прошествовала

одна из заложниц, а именно — девушка в паутиновом, если так можно выразиться, платье; проигнорировав Петра и дойдя до Михаила, она, не говоря ни слова, вlepила ему оглушительную пощечину. Михаил поднял машинально руку к занемевшей щеке, уставясь ошалело, словно Пигмалион на взбрыкнувшую каменную деву, на гордую в своей непредсказуемости Наталью (а такая была всю дорогу тихая, робкая...). Та между тем сняла с плеча свою а-ля котомку, вытряхнула из нее какой-то компактно уложенный предмет и несколькими резкими взмахами рук его развернула, сопровождая каждое свое движение отдельным яростным слогом:

— На!! — До!! — Е!! — Ло!!

Предмет сложился в аккуратную пушистую метлу с небольшим утолщением у конца держателя. Михаил с некоторым удивлением опознал в метле женскую модель индивидуального антиграва — последний писк, с гарантией вертикального баланса и с силовым обтекателем.

— Гуд!! Бай!! — выдала Наталья очередную лаконичную реплику, перекидывая ногу через ручку метлы, после чего Михаил, а вместе с ним и вся компания стали свидетелями, как она вознеслась над полом, сделала эффектный вираж по холлу и, обдав изумленных зрителей порывом бунтарского ветра, вылетела вон в одно из открытых окон. Никто из Петровой банды не сделал даже попытки ее поймать; Натальин виртуозный полет проводили сообща долгим взглядом и пронаблюдали в полном молчании за тем, как спецназовцы в силовых креслах кинулись со всех сторон на вылетевший из отеля объект на метле, совсем как воздушные магнитные мины на вражеский истребитель, и зароились вокруг него плотной тучей, скрыв от глаз многочисленных зрителей.

Народ на площади пребывал в полном восторге, волновался и, очевидно, шумел, но из отеля народных волнений слышно не было — должно быть, звуки снаружи не могли преодолеть силового барьера. Вместо шума толпы в холле раздался один отчетливый хмык. Михаил покосился на звук — хмыкал, как выяснилось, спутник незнакомки: он и теперь еще продолжал ухмыляться и, казалось, едва сдерживался, чтобы не разразиться аплодисментами; судя по всему, спектакль доставлял ему истинное наслаждение. Злосчастный господин в бежевом костюме, оставшийся в довершение своих геройских приключений без дамы, но зато при верном синяке, выглядел совершенно подавленным. Остальные — за исключением побитого Михаила и убитого горем Бельмонда — в большинстве своем, похоже, воспринимали случившееся, как забавный эпизод.

— Шальная баба, — насмешливо заметил Петр. — И чем это ты ей, Мишка, так не угодил?

— Ду!! — Ра!! — констатировала с видом знатока вместо онемевшего Михаила девушка из бара. Она-то уж точно не собиралась добровольно никуда вылетать из родного заведения: когда еще в скучной отельной жизни доведется влететь в такое крутое приключение! Ее коллега — девушка-портье смотрелась на ее фоне как-то потерянно — кажется, она еще не решила, как ей следует относиться ко всему происходящему, учитывая полный восторг подруги, с одной стороны, и не менее полное отчаяние хозяина, с другой. Но высказывание все же было поддержано еще одним — на сей раз отчетливо женским — хмыком: это проявила себя наконец четвертая оставшаяся в компании осажденных женщина, пришедшая с Петром, — персона, на взгляд Михаила, довольно-таки непримечательная — во всем, за исключением темно-ореховых, длинных и туманных, как осенние сумерки, глаз.

— Ну что, Михайло, будем мы наконец сегодня куда-то двигаться? — раздраженно

поинтересовался Петр, покосившись хмуро на свою соучастницу по побегу. — Или будем девушкам глазки строить?

Михаил хотел ответить «да», причем на первый вопрос брата — действительно хотел. Только бы заставить разжаться собственные губы для произнесения этого самого «да». Беря подсознательный барьер последним волевым штурмом, он повел непроизвольно взглядом на открытые окна, за которыми голубую предвечернюю наволочку небес придавила всей своей внушительной массой полицейская флотилия из двух крупных кораблей и множества мелких — как будто прощался навсегда с родным небом, родным народом и родной милицией...

«Стоп. Что-то здесь не так. — Михаил внезапно сфокусировался на правоохранных объектах, забыв на полдороге опрокидывать свой внутренний барьер. — Почему их два? И второй значительно отличается от первого, к тому же не имеет федерального клейма... Неужели?..»

Михаил не был специалистом по летательным аппаратам иных держав, как, впрочем, слабо разбирался и в земных летательных аппаратах; в данном случае он мог бы сказать наверняка только одно — мощный красавец катер был явно неземного происхождения. Как знать, быть может, неожиданно возникший в окрестностях «Донского орла» чужак и являлся тем самым последним не учтенным чудом, которого Михаил так жаждал? А если и нет, то это новое явление давало ему, по крайней мере, еще несколько минут передышки до принятия окончательного решения.

— Ну, Проводник, рожай! — не выдержал Петр, все это время неотрывно глядевший на брата. Внимание окружающих также было сосредоточено на его скромной персоне. Продолжая смотреть на корабль, Михаил молча поднял руку и указал на него пальцем.

Когда все дружно обернулись, чтобы узреть украсившее небеса «неучтенное чудо», тишину холла нарушило мелодичное музыкальное созвучие из трех нот; звучало простенькое музыкальное произведение как-то приглушенно и исходило, кажется, со стороны Михайловой прекрасной незнакомки. Спустя ровно две секунды созвучие повторилось, потом повторилось еще раз, а потом еще. Незнакомка с досадой положила руку на боковой карман своей жилетки, после чего ни у кого из присутствующих не осталось сомнения в том, что звук исходит именно от нее. Она повернулась к своему кавалеру и произнесла гордо и сердито, причем на межгалактическом наречии, давно ставшим у всех народов Земли чуть ли не вторым родным языком:

— Я не желаю с ними разговаривать!

Похоже, она ожидала от спутника каких-то возражений на сей счет, но он молчал, при этом пристально на нее глядя.

— Не!! — Же!! — Ла!! — Ю!! — отчеканила она непререкаемо, не обращая ни малейшего внимания на всеобщую живую заинтересованность в их односторонней беседе. Похоже, что все дамы сегодня, с легкой руки — или, скорее, с легкой метлы — непокорной Натальи, сговорились высказываться исключительно наборами восклицательных односложий.

Спутник протянул к ней руку ладонью вверх. Секунду они глядели в глаза друг другу, потом она, передернув высокомерно плечами, извлекла из своего поющего кармана надрывающийся источник звуков — серебристый с золотой отделкой и с инкрустацией из драгоценных (вероятно) камешков эгнот — небольшое произведение искусства — и протянула его невозмутимому спутнику. Прибор открылся, однако кавалер незнакомки держал его так, что присутствующие не могли видеть возникшего на нем изображения. Но

звук они все-таки слышали.

— Стало быть, это ты? — донесся до них словно бы издали довольно благозвучный мужской голос.

— Да, это я. А ты, похоже, ожидал увидеть кого-то другого? — ответил, усмехаясь, таинственный незнакомец. — Ситуация осложняется, не так ли?

— Не так, — резко обронил голос. — От меня тебе все равно не уйти. Лучше сдавайся сразу.

— Зачем?

Последний вопрос содержал ровно столько издевки, сколько ее возможно было уместить в одно короткое слово.

— Затем, что вы у меня на крючке, а это посерьезней, чем если бы сюда слетелась вся межгалактическая федеральная полиция!

Голос, хоть и оставался спокойным, был полон ощутимой и нешуточной угрозы.

— Иди к Дьяволу, — дружески посоветовал незнакомец, захлопывая эгнот и кладя его к себе в карман. Его дама проигнорировала этот самовольный жест, словно с этой минуты не желала больше иметь со своим эгнотом ничего общего.

Тут в их небольшой загадочный междусобойчик получил наконец возможность вклиниться непосредственный руководитель террористической группы.

— Так-так, и что же мы имеем? — протянул Петр Летин, так же, как и они, переходя на межгалактический, в то же время внимательно ощупывая взглядом незнакомца и его спутницу. — А имеем мы, похоже, под нашим и без того жареным боком двух преступников международного пошиба с имперским катером на хвосте.

У Михаила Летина временно перехватило дыхание, но этого, кажется, никто из окружающих, увлеченных событиями, не заметил.

— А ты догадлив, Петр Летин, — насмешливо откликнулся незнакомец и совершенно спокойно продолжил: — И имей еще, кстати, в виду, что возможности нашего «хвоста» значительно превосходят возможности вашего. Поэтому, чтобы увести нас отсюда без ущерба, твоему Проводнику не мешало бы поторопиться.

Петр слегка прищурился на незнакомца, похоже, копаясь мысленно в памяти.

— Что-то я не припомню, чтобы мы были знакомы, — проронил наконец он.

— Владимир Карриган, — представился его собеседник. — Девушку можешь звать просто Илли.

Девушку при звуке ее имени заметно передернуло.

«Илли», — машинально повторил одними губами Михаил Летин имя международной преступницы, не ставшее, как ни странно, от этого убийственного факта ничуть менее сладким.

— Так вот, Владимир Как-тебя-там. Боюсь, что моему братишке не под силу будет увести с собой такую уйму народа... — Он исподтишка бросил взгляд на своих людей, и Михаил догадался, что Петр едва ли рассчитывал на его возможности даже в отношении всей своей команды. Очевидно, он планировал взять с собой лучших, а остальных — тех, на кого силы у брата не хватит, — оставить — да попросту бросить — здесь, в отеле, на милость полиции.

Владимир Карриган помолчал, глядя на Михаила пробирающимся до костей, словно сквозной ветер, ледяным взглядом, и произнес:

— Ты очень недооцениваешь своего брата. А зря. Такого сильного Проводника я вижу

впервые.

— Можно подумать, что ты их много видел, — недоверчиво проворчал Петр и зло усмехнулся сквозь зубы: — Тоже мне спец по Проводникам!

— В какой-то мере, — серьезно обронил Карриган, не спуская испытующего взгляда с Михаила.

— Так вот что, Мишка, — начал было Петр, но в этот момент воздух в холле наполнился неприятным до озноба звуком, напоминающим высокий жутковатый вой старинной бормашины; одновременно пол под ногами осажденных мелко завибрировал — точнее, это завибрировал сам отель, возможно, даже вместе с тем участком горного массива, к которому непосредственно лепился. А вместе с отелем завибрировали, стуча, как кастаньетами, зубами, все, кто находился внутри него, и в частности — в розовом холле. Активней всех завибрировал хозяин «Горного орла» Фредди А. Бельмонд, поскольку, кроме всего прочего, трясся за свое добро и еще до начала этого «всего прочего».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Боже мой, нет! Не надо! — горестно возвал он к ходящему ходуном розовому интерьеру, суетливо хватаясь руками за стойку, у которой стоял, и за те предметы обстановки, до которых мог дотянуться. Служащие отеля своего хозяина, увы, не поддержали, а завизжали на пару, схватившись друг за дружку, после чего упали вместе на четвереньки и принялись куда-то бестолково отползать; между тем обе беглые преступницы в целом сохраняли хладнокровие, мужественно воздерживались от визга и держались почти стойко, уцепившись при этом за ближайших попавшихся под руки мужчин. Что же касается последних — они в большинстве своем восприняли происходящее с невозмутимостью профессионалов, включая даже покинутого господина в беже и Михаила, приросшего глазами к Карригану, в плечо которого вцепилась Илли.

— Работай, Проводник! — приказал Карриган достаточно громко, чтобы перекрыть общую какофонию, но и убийственно спокойно, несмотря на все усиливающуюся вибрацию; в его взгляде Михаил прочел еще более властный приказ, чем в голосе.

— Давай, Мишка! Иначе через минуту все здесь рассыплется в пыль! У них «Икс-вибро»! — выкрикнул, в свою очередь, Петр. Как ни плохо Михаил разбирался в оружии, но и ему было известно, что «Икс-вибро» — это оружие, созданное на основе дистро-звука — удивительного и не до конца еще разгаданного физического явления, способного в направленном пучке разрушать исключительно неодушевленную материю (в том числе и органическую). Однако не приказ Карригана и не отчаянный выкрик Петра заставили наконец роковой барьер в его подсознании обрушиться с погребальным треском; в безумной тряске, почти оглушенный воем «Икс-вибро» и визгом девчонок, с доносящимися в промежутках откуда-то издали воплями «Нет!» и «Не надо!», все еще не осмеливаясь на решительный шаг, он поймал вдруг взгляд незнакомки... И, пошатнувшись, едва не упал.

«Слизняк!» — ударил Михаила наотмашь беспощадный приговор, яснее самых громких слов и воплей написанный в ее взгляде. И дрогнув, давая миллионы трещин, его старый уютный внутренний мирок, и осыпался, как каменная скорлупа с реликтового яйца, в котором шевельнулся и властно забился, оживая после многовекового сна, детеныш динозавра. Там, за опавшими скорлупками, распахивался во все стороны огромный мир — запретный для него от века плод, непознанный и волнующий, безбрежный, пугающий до щемящей дрожи восторга в сердце — его новый мир, который ему, врожденному Проводнику, суждено еще было со временем исходить и познать из конца в конец. А пока

перед ним лежала лишь самая первая дорожка — он ощутил ее под ногами сразу, едва только каземат старого страха рухнул под ударом одного девичьего взгляда.

Не колеблясь больше ни секунды, Михаил сделал по этой дорожке первый радостный шаг, еще не веря в себя, еще боясь, что дорога из-под ног вдруг исчезнет, и тут же услышал каким-то незнакомым ему пока внутренним слухом спокойный низкий голос Карригана: «Веди, Проводник. Не бойся — я помогу. Веди».

Ничему больше не удивляясь и чувствуя только всем существом мощную стороннюю поддержку, он вобрал в себя, словно вдохнул, все окружающее — еле стоящих на ногах людей, шатающуюся стойку, ходящие ходуном стены и даже деревянные кресла — взял столько, сколько смог захватить одним панорамным взглядом. Он чувствовал, что идет, но не ведал куда: он видел только их — тех, кого «уводил» с собой, уводил, хотя они не двигались, а продолжали стоять вокруг него (а кое-кто продолжал еще ползать), по-прежнему видел зал отеля, вот только окна подернуло, словно занавесками, желтовато-белесой мерцающей пеленой. С появлением пелены исчезла зубодробительная тряска, и оборвался выворачивавший душу вой. Идти Михаилу было трудно: слишком большой клочок мира он сгоряча прихватил с собой, слишком много лишнего... И не выдержать бы ему одному такого непосильного груза, кабы не чья-то постоянная уверенная помощь (Карригана?..). Тем не менее сила покидала Михаила с каждым шагом, и он, опасаясь уронить что-нибудь (или кого-нибудь) по дороге, уже подумывал о легкой передышке на полпути (понятия, кстати, не имея, возможно ли это осуществить на деле), когда туманные занавеси на окнах начали истончаться и довольно быстро растаяли. Судя по всему, дорога привела их — что, собственно, и было свойственно дорогам — в какое-то конкретное место.

За распахнутыми окнами отеля простиралось теперь бело-коричневое пространство, по всей ширине которого происходило какое-то неясное движение. С чайного цвета небес редкими и очень крупными хлопьями падал снег.

Михаил осторожно расслабился — постепенно, как будто опасаясь уронить и разбить нечаянно в чужих измерениях драгоценный островок собственного мира. Чисто автоматически, как школьный наставник на экскурсии, он пересчитал глазами своих «подопечных» — Илли, Карриган и группа террористов во главе с Петром были на месте, наличествовал также Фредди Бельмонд, прилепившийся в данный момент — видимо, намертво — к кедровой стойке. Все названные личности наблюдали сейчас со вниманием процесс неторопливого выпадения снега в распахнутых окнах. Обе девушки из obsługi, как это ни странно, исчезли; Михаил был уверен, что видел девушек отползающими в самом начале путешествия, и теперь предполагал в раскаянии, что потерял обслуживающий персонал отеля где-то в пути, на неведомой дорожке. Не успев еще как следует осознать всю трагедию совершенной промашки и весь ужас их теперешнего положения (если бы успел, то бросился бы сей момент к ним на выручку), Михаил услышал в собственной голове чужой голос, сказавший покровительственно: «Девчонок я оставил дома. Перебросил только их в толпу, чтобы отелем сверху не завалило».

«А зачем тогда хозяина взял?» — спросил мысленно слегка ошалевший от этого телепатического заявления новорожденный Проводник, мгновенно усомнившийся в своих новых замечательных способностях. «Этот за своим отелем увязался», — ответил голос Карригана в голове Михаила.

Больше мысленных вопросов загадочному попутчику Михаил задать не успел, хоть и намеревался, так как в следующий момент в дверь отеля аккуратно постучали.

Все, кого Михаилу удалось провести без ущерба через границы пространств, как один, резко обернулись на дверь. Несколько долгих мгновений длилось молчание, потом хозяин ненароком озвучил общую немую сцену, проблевав испуганно от своей стойки:

— Кто там?..

Глава 6

ПОГОНЯ ЗА ПОДЛИННИКОМ

Кики Занозу распирала гремучая безысходная злость. Он шел по ровному полю, земля под ногами была похожа на пористый окаменевший экскремент, а небеса напоминали Кики бездонный провал, полный нечистотами. Направление не имело сейчас для Кики никакого значения, а злость имела, поскольку бурлила, вспучивалась желчными пузырями и щедро лезла через строгие границы отведенной ей внутренней лохани. «И ведь поди ж ты, в какое поганое место забросило, будто назло! Когда еще теперь отсюда выберешься?..» — остервенело думал Кики, напрасно выискивая глазами на ровной, словно обеденный стол, поверхности какой-нибудь камешек, который можно было бы в сердцах пнуть. Не было, не валялось на этой чертовой столешнице ни одного, даже самого захудалого камешка, не говоря уже о полном отсутствии каких-бы то ни было живых объектов, кроме самого Кики, так что выместить взывавшую ядовитость ему было абсолютно не на ком, разве что на этом самом единственном объекте, сиречь на себе, любимом. Поэтому злость разъедала Кики изнутри, наподобие кислоты, и справиться с этим губительным процессом в одиночестве ему было абсолютно не под силу.

А как хорошо сегодня все начиналось! С местечком ему с утра подфартило — проснулся Кики на задворках трех подпирающих небеса высотных зданий в уютном пространстве между двумя помойками; как позже выяснилось — райский попался уголок, сплошные каменные джунгли. Судя по месту пробуждения, бытовой труд на благо общества ему сегодня не грозил, военные заморочки также, похоже, на сегодня отменялись — стало быть, забрезжила редкая возможность слегка оторваться, заняться личными делами, повидать кое-кого из друзей — за Гертом давно числился серьезный должок — и попробовать наконец отыскать Осу. Удача, казалось бы, прочно взяла Кики за руку и повела за собой в новый день: в первом же остановленном им на улице такси водителем оказался папаша Костен — повезло, оказывается, старому автоманьяку проснуться в городском таксопарке. А вот повезло ли городскому таксопарку заполучить сегодня в водители папашу Костена — это еще был большой вопрос. Папаша Костен, выдающаяся фигура в среде Странников, постоянных обитателей Перекрестка Миров, был главой вездесущего клана Прорва, а для Кики Занозы он являлся, кроме того, еще и просто «единоутробным» папашей. Так что рабочий рейс рядового такси превратился в семейный рейд по розыску в большом городе родственников и друзей для решения насущных проблем клана. Дорогой папаша Костен милостиво подвозил отдельных пассажиров — в основном хорошеньких девушек, — если им оказывалось с папашей по пути. Кики со своей стороны стрелял глазами по сторонам в поисках знакомых лиц, просеивая сквозь сито внимания ветреные челки и хорошенькие мордашки, в надежде угледеть одну, долгожданную — приметную конопатую рожицу в обрамлении прямых рыжих, как морковка, волос — личико Осы. С некоторых пор в груди у Кики Занозы образовалась по неизвестным причинам сосущая пустота, причем сам он точно знал, что заполнить эту брешь может только чудная рыжая девчонка из клана Рекс, которую он и видел-то всего два-три раза и каждый раз либо в деловой суе, либо в запарке боя, так что и поговорить-то им толком не пришлось. А вот поди ж ты — застрял ее веснущатый образ солнечным зайчиком в сердце — поймать не поймаешь, но и не выгонишь, сколько ни старайся. А саму Осу оказалось поймать еще труднее, чем солнечный зайчик: только

появится где-нибудь в пределах видимости рыжая метелочка ее челки, тут как тут лезет под руку какая-нибудь оказия, через минуту глядь — а Осы уж и след простыл. Вот и теперь — стоило Занозе заметить что-то вызывающе-морковное, мелькнувшее на углу улицы у подземного перехода, как папаша Костен резко притормозил и принялся сигналить — он, оказывается, углядел среди прохожих Толика Проныру, спешащего куда-то по тротуару с деловым видом и с «дипломатиком» в руке. Эта встреча была сама по себе редкой удачей: Толик обладал какой-то собственной особой интуицией, с помощью которой в любой дневной декорации почти всегда мог точно определить, где необходимо искать кого-то из знакомых. Поэтому Кики не сделал попытки отговорить папашу подбирать Толика, а просто распахнул, перегнувшись, заднюю дверцу и крикнул Проныре:

— Залезай, подвезем!

Толик, узрев знакомые лица, полез в такси, не теряя при этом своего делового вида, в то время как Кики уже давал инструкцию папаше:

— Сейчас рвем направо за угол возле того перехода!

Папаша Костен, как заправский таксист, не задавая вопросов, газанул в указанном направлении, а Толик, захлопнув уже на ходу за собой дверцу, тут же не удержался, чтобы не блеснуть своим потрясающим всеведением:

— В этом районе с утра должны ошиваться Рексы: конкретно на этой улице могут бггть Снайпер, Герт или Оса.

— А тебя-то каким ветром по этой улице несло? — пробурчал папаша, косясь через плечо в направлении Толика, а вернее — на его «дипломат».

— Я сегодня директор банка, направляюсь вот на службу, — гордо изрек Проныра, демонстративно беря «дипломат» и ставя его на колених по стойке «смирно», как бы давая понять, что собирается его сейчас открыть для беглого просмотра последних счетов.

На что папаша, сворачивая за угол, недоверчиво хмыкнул:

— Директор, стало быть? А с каких это пор у нас директора на работу пешком ходят?

— Машина застряла в утренней пробке, решил пройтись, — самодовольно отпарировал Проныра, он же директор банка. Неизменно при встрече Толик величал себя директором, начальником, а то и президентом — банка, корпорации и чуть ли не страны (сорвалась у него однажды такая авантюра), как-то раз — в боевой декорации — даже рискнул посягнуть на чин генерала, но никому и никогда не удавалось застать Толика Проныру при исполнении, так сказать, руководящих обязанностей, его отлавливали, как правило, вот как сегодня Кики с папашей, исключительно по пути к рабочему месту. В другое время Заноза не преминул бы принять участие в разговоре, чтобы поймать Проныру на слове — не напрасно же папаша Костен умолк, подкинув сынку отменную возможность порезвиться; однако сейчас Кики недосуг было поддерживать свою репутацию острослова — весьма, впрочем, на его взгляд, спорную, — все его внимание сосредоточилось на поиске среди блеклых шевелюр прохожих рыжего огонька. Он не задумывался о том, что именно скажет Осе: там что-нибудь придумается, главное — чтобы она согласилась сесть в машину, а уж дальнейшую программу он обеспечит: покатались бы по городу, повидали общих знакомых, перекусили бы в каком-нибудь кафе или ресторане, провели вместе день, а там, глядишь, и вечер — с вечерним времяпровождением в большом городе нет проблем, а потом, может быть, если она согласится — и ночь... А завтра проснулись бы в новой декорации вместе — в первый раз... Но Осы (если только это она привиделась ему на углу) уже нигде не было видно — как всегда, скрылась, не оставив по себе нигде даже рыжего отсвета — разве что в

сердце у Кики Занозы.

— Ага, так ты его искал. Сейчас догоним, — услышал Кики голос папаши Костена и оглядел уличную суету уже по-новому, сосредоточив внимание на блеклых подробностях. Знакомых лиц среди прохожих он не обнаружил, между тем как их такси уверенно догонял идущий левее впереди серый приземистый «Ягуар» — в нем-то, очевидно, глазастый папаша Костен и высмотрел какого-то общего знакомого.

Стоило им поравняться с «Ягуаром», в открытом переднем окне обнаружилась носатая физиономия Герта, а за ним, у руля, — античный профиль Снайпера. Машина у них была двухместная, так что вряд ли они могли подхватить по дороге Осу, как Заноза было вначале предположил.

— Герт, Кики хочет с тобой поговорить! Кажется, ты что-то ему должен, — крикнул в окошко папаша Костен.

Герт, нахально ухмыляясь, отрицательно покачал головой и, отвернувшись, сказал что-то Снайперу. «Ягуар» мягко надал, окно с Рексами уплыло из пределов видимости, но папаша Костен тоже дал газу и вскоре вновь с ними поравнялся.

— Ты что ж это, Герт, отказываешься возвращать долг? — рявкнул, едва догнав Рексов, папаша. Они, не отвечая, снова сделали попытку уйти вперед, и на скоростном шоссе им бы это, конечно, удалось без особого труда; другое дело здесь, в городе: сейчас, например, путь к бегству Рексам загородили два микроавтобуса и несколько легковушек, стоящих впереди на светофоре. Тогда Снайпер, не долго думая, резко развернул свой «Ягуар» на встречную полосу. Взвизгнув колесами, серая молния рванула по улице в противоположном направлении, а такси с папашей Костеном, Занозой и Толиком, вынужденное нарушить правила движения точно таким же способом, помчалось изо всех своих хилых силешек следом.

— Высадили бы вы меня, ребята, вон там у банка, я на службу опаздываю, — безнадежным голосом произнес позади Толик. Его унылая просьба, как и следовало ожидать, не возымела ни малейшего эффекта.

— Я его, заразу, достану! Он мне теперь с двойными процентами должен! — гудел сквозь зубы папаша Костен, запомнявший в горячке преследования, что должен Герт вовсе не ему, а Занозе, кроме того, понятия не имевший о том, в какой именно валюте Герт Занозе задолжал. А задолжал он ни больше ни меньше, как один подлинник, а именно — ручной веерный лучемет «Скрайб-анд-Скрайб», опрометчиво отданный Занозой Герту пару недель назад в боевой декорации для вылазки в тыл к огромным и воинственным огнедышащим сверчкам.

Однако догнать «Ягуар» на простом такси даже в городе с его движением и светофорами было задачей из категории абсурдных: папаша некоторое время остервенело боролся с рулем, «подрезая» одну за другой попутные машины и демонстрируя чудеса водительского мастерства и увертливости вслед за «Ягуаром» на светофорах; только благодаря его ловкости такси умудрялось пока держаться за «Ягуаром» «след в след», но маломощный движок не был рассчитан на сумасшедшие гонки, поэтому в дальнейшем преследовании при данных возможностях никакого смысла, по сути, не было.

— Будем ваять новую машину, — буркнул папаша, чудом успевая проскочить по встречной полосе между грузовиком и идущим в лоб туристическим автобусом. — Работаем «Торпеду», мы с Кики перед, Проныра — зад.

— И кой черт меня только дернул... залезть в этот зад! — заворчал Проныра,

мотающийся на задних сиденьях из стороны в сторону в обнимку со своим «дипломатиком». — До банка меня не подбросили, на работу опоздал, а теперь еще вайй ему, понимаешь, «зад»!

Погоня между тем стала приобретать настоящий привкус гангстерского боевика: Заноза увидел, как прямо из крыши мелькающего впереди «Ягуара» вылез до пояса Герт с его, Занозы, веер-ником в руках. Папаша Костен, который тоже это видел, посоветовал сыну вполне серьезно:

— Достань монтировку под своим креслом.

— И шарахни ею своего папашу по башке, — донесся совет с «заднего ряда». Толик вообще славился своим полным пренебрежением к авторитетам и не пропускал случая, чтобы этим пренебрежением блеснуть. Единственным истинным авторитетом он почитал, естественно, самого себя, и не миновать бы ему злой беды с этим своим личностным культом, кабы подлинные авторитеты, вроде того же папаша Костена, воспринимав ли его всерьез и не проявляли бы снисхождения к его редкостным способностям.

Проигнорировав реплику «с галерки», Кики также на полном серьезе сунул руку под кресло, нашарил там названный предмет и извлек его из-под ног на свет Божий. На самом деле Занозу никак не радовал конфликт с Рексами, грозивший перерасти в будущем в серьезную конфронтацию; не видать ему тогда Осы, как своей родинки за ухом. Поскольку Герт сегодня был в ударе и решил изображать из себя крутого гангстера, Кики предпочел бы встретиться с ним как-нибудь в другой раз и желательно один на один. Но коль уж, как говорится, пошла такая пьянка — вокруг такси уже мелькали предупредительные вспышки лазеров, — делать было нечего, кроме как доставать из-под кресла последний «огурец».

Кики взялся за монтировку двумя руками, уперев в нее при этом пристальный вопрошающий взгляд.

— Проныра, работаем «Торпеду», вдвоем! — бросил через плечо несостоявшемуся банкиру папаша Костен. Толик промолчал — то ли согласно, то ли протестующе, но к работе все-таки подключился: через пару секунд общего напряженного Молчания простенький салон такси сам собой начал удлиняться, потолок заметно понизился, окна сузились и округлились, руль под ладонями папаша Костена трансформировался в своеобразный штурвал, а приборная панель плавно преобразовалась в подобие несложного лайнерного пульта. Снаружи автомобиль также неузнаваемо изменился, приобрел приятную для глаза аэродинамичную обтекаемость, лишь цвет его остался прежним — ядовито-зеленым цветом городского такси.

В свою очередь, монтировка в руках у Кики также быстро меняла очертания, отливаясь в новую форму. Через мгновение вместо примитивного оружия ближнего боя Заноза имел у себя на вооружении небольшой лазерник карабинного типа, неизвестной марки, но зато довольно оригинальной модификации — в виде сплошного куска железа без единой выемки или рисочки, только, как и полагается, с дыркой в стволе и с собачкой в положенном месте; на прочие мелкие ухищрения у Кики сейчас не имелось времени. Все изменения в такси были произведены в считанные секунды, Рексы не решились еще открыть огонь на поражение, а продолжали пока что пугать преследователей, рассчитывая, очевидно, отделаться от назойливых кредиторов без лишнего кровопролития — наивные с их стороны надежды, учитывая, как хорошо они знали папашу Костена. Между тем сам папаша и не подозревал, что гонится сейчас, быть может, за собственной смертью: только Кики было известно, что веерник у Герта подлинный. Оружие, сляпанное только что наскоро из

монтажки, могло нанести ударающим должникам смертельные на первый взгляд раны, могло причинить временный урон их машине, а также всерьез навредить каким-нибудь особо невезучим прохожим из местных жителей.

Однако раны Странников, постоянных жителей Перекрестка, меняющих каждый день реальности, словно театральные декорации, исчезнут без следа в новой реальности на следующее же утро — при условии, что нанесены эти раны были чем-то взятым или состряпанным из декорации, вроде вот этого лазерника, а не подлинным оружием, изготовленным мастерами Перекрестка. Если Странника убивали таким оружием, то это было всерьез и навеки. Кики так ничего и не сказал отцу о своем подлиннике, будучи уверен, что смертельная угроза его не остановит, а, наоборот, только подольет в огонь его праведного гнева бензинчика ярости и наверняка уже спровоцирует длительный межклановый конфликт. К тому же он подозревал, что Герт не имеет серьезного намерения использовать подлинник — не та сейчас ситуация, несерьезная, скорее игровая, — а демонстрирует его на крыше своей машины просто для острастки, чтобы отпугнуть от «Ягуара» настырную погоню.

Продельвать для себя, как Герт, дыру в крыше Заноза не стал — слишком низко стелился над машиной предупредительный огонь; он высунул из окна голову и руку с зажатым в ней монолитным карабином последней модификации. Но выстрелить Заноза так и не успел; то ли трансформация такси была произведена некачественно, то ли некачественной была еще та, прежняя дверца Машины, и этот дефект перешел по наследству к новой — это так и осталось неизвестным. Факт тот, что, как только Заноза доверил вес своего тела предательской двери, она подалась наружу и тут же распахнулась во всю ширь, вытянув за собой из кабины висящего на ней Занозу, пронесла его, спешно поджавшего ноги, несколько метров над асфальтом, а потом взяла да и вовсе оторвалась. Вместе с Занозой, разумеется. Последнее, что он при этом услышал, было его собственное имя, донесшееся с отчаянным выхрипом из пустого дверного проема бывшего такси. Потом он упал, отцепившись при ударе от злосчастной дверцы, покатился с ней вместе куда-то вперед вслед за машиной (дай Бог только, чтобы не под колеса — сверкнула мысль), больно ударяясь об дверцу и об асфальт всеми выступающими частями тела, шарахнулся напоследок обо что-то головой, тут и остановился.

Лежа на спине в подобии беспомыслия и постепенно приходя в себя, Заноза сразу же ощутил, что в мире произошли за время его недолгого отсутствия какие-то глобальные перемены. Что там стряслось с окружающим миром, Заноза догадался еще до открытия век, а когда открыл их, то убедился, что не ошибся в своих предчувствиях: снаружи произошла полная смена декорации, иными словами — он вылетел из одной реальности в другую, и вылетел с треском, прихватив с собой, как тут же выяснилось, подлую дверь, невинно зеленеющую теперь неподалеку, словно крохотный изумрудный оазис на идеально ровной безжизненной равнине, куда ее вместе с Занозой выбросило, как отбракованный дубль, из самого критического момента гангстерской погони. Такое порой случалось со Странниками, как правило — в экстремальных ситуациях (при выпадении в окно, например), а иногда и просто по ходу жизни, стоило только в особо взвинченном состоянии стремительно свернуть за угол или войти резко в какую-нибудь — все равно в какую, да хоть вот в такую же зеленую автомобильную — дверь. Тут Заноза почувствовал, что правая рука его сжимает что-то мертвой хваткой, и, взглянув на нее, удостоверился, что получил в наследство от неудачной заварухи еще один предмет — свежесделанный, но так и не выстреливший ни

разу лазерник. Первым сильнейшим желанием Занозы было запульнуть этим вторым предметом в первый — то есть в паскудную дверь, — причем не путем нажатия на гашетку, а по старинке, путем метания, и он уже было замахнулся, но вовремя передумал, отрезвленный здоровой мыслью о том, что оружие какое-никакое, а все-таки может ему в незнакомой декорации пригодиться. Поэтому он на полуразмахе заткнул сердито лазерник за ремень, а в направлении двери просто в сердцах плюнул.

Теперь Занозе предстояло прорываться обратно в ту реальность, где обитал сегодня его клан, и выяснять там в первую очередь, чем кончилась для папаши Костена опасная погоня.

Заноза сделал несколько попыток перехода; поскольку высотных зданий с окнами и никаких других возвышенностей нигде поблизости не наблюдалось, а одна дверь хоть и имелась, но пребывала в нерабочем состоянии, то «выпадать» ему было неоткуда, равно как и некуда входить. Для подобных случаев существовало два особых способа, Кики испробовал оба: для начала он сделал по равнине несколько быстрых шагов и резко повернул назад. Все вокруг оставалось прежним: мертвая пустыня, очень похожая на какую-то Дьявольскую пространственную ловушку, крепко Держала своего единственного пленника. Тогда Заноза применил критический вариант, требующий специальной подготовки, зато действующий безотказно, как правило, даже в самых сложных ситуациях: он совершил кувырок назад с опорой на руки. По идее данный акробатический номер должен был завершиться уже в желаемом месте. Однако, опустившись на ноги и оглядевшись окрест, Кики обнаружил вокруг себя все тот же постылый пейзаж; безрадостная реальность казалась нерушимой и выглядела так, будто сам воздух в ней от многовековой неподвижности застоялся, превратившись в невесомое подобие крепкого чая. А Кики Заноза посреди этого разливанного чайного моря напоминал единственную потонувшую в зыбких глубинах чайнику, потерявшую уже надежду вынырнуть. Попытку он решил повторить через некоторое время, пока же все говорило о том, что он здесь застрял, и застрял, видимо, основательно.

Сидеть на месте Кики был просто не в состоянии — не давала распирающая душу злость, усугубляемая еще видом невинно зеленеющей в двух шагах виновницы мировой метаморфозы. Поэтому он пошел. Шел он куда-то в неведомые дали, не выбирая направления, поскольку никаких ориентиров ни в одной из частей местного горизонта видно не было, как, впрочем, не было видно и самого горизонта, и даже солнце в этой декорации отсутствовало (возможно — скрывалось за облаками).

Долго ли, коротко ли он шел — об этом у него не сложилось ни малейшего представления, как вдруг с равнодушных до сих пор небес стало что-то падать. Больше всего это напоминало крупный снег — невероятно крупный, каждая снежинка была величиною с добрый кулак, — но снегом, безусловно, не являлось, в чем Кики убедился, стоило первой же «снежинке» коснуться в сонном отвесном падении его лица. Прикосновение было теплым и мягким, как будто пуховым. Он поймал одну «снежинку» в ладонь, сжал, и она тут же рассыпалась, утекла между пальцами легкой пылью. Он хотел было лизнуть ладонь, чтобы попробовать на вкус то, что на ней осталось, но вовремя сдержался: Бог его знает, что за отравка сыплется с небес в этой гиблой декорации, не исключено, что и кислотная — неспроста же здесь все повымерло, не то что травинки или суслика какого-нибудь — даже камушков и пригорков не осталось, все словно разъело кислотой и приплюснуло до кондиции каким-то грандиозным небесным прессом.

Заноза старательно отряхнул ладонь и даже потер ее о штаны, после чего двинулся дальше, стараясь не сталкиваться больше лицом с летящими вниз пушистыми хлопьями. Они

все падали и падали, покрывая постепенно сухую почву легким покрывалом — точной имитацией снежного, но только рассыпающегося под ногами в бесплотный пепел. «Ну и попал!» — методично с каждым шагом долбила в мозг у Занозы единственная полностью сформировавшаяся мысль — остальные мысли копошились бессвязно и ядовито, сбившись в один бесформенный змеиный клубок.

Неожиданно ухо его уловило странный шум, похожий на отдаленный, но все нарастающий шелест листвы под ветром, потом Кики увидел Прямо перед собой движение. Это не было шевеление на «снегу» какого-нибудь долгожданного мелкого зверька: путь Занозы пересекало медленно что-то огромное и бесформенное, плавно Переставляя необхватные колонны ног. Заноза замер. Но не в испуге. Слишком могучее озеро злости кипело сейчас в его груди, чтобы он мог просто так взять и испугаться при виде топающей по равнине на своих ногах горы живого мяса. Зря, выходит, Заноза сетовал, что в этой пустыне некого пнуть, — оказалось, что есть, и очень даже есть кого. Пинай, как говорится, — не хочу. «Вот тебе и суслик, — мысленно хмыкнул Заноза, рассматривая громадину, проплывающую невозмутимо, словно океанский лайнер, шагах в десяти перед ним. — Интересно, из какой норки он вылез? Надо будет повнимательней посмотреть здесь под ноги, неровен час — провалишься. Если только «это» не слетело с местных небес вместе с первым снегом». Существо, похоже, было мирным или просто не заметило глазающего на него, стоя в сторонке, крохотного путешественника (второе, впрочем, не исключало первого). Даже Занозе, выдавшему на своем веку немало зоологических диковинок, чудовище показалось очень своеобразным: нечто вроде гигантской взбитой перины светло-коричневого цвета, на восьми ногах-колоннах, растущих из брюха в произвольной последовательности; никакого намека на голову существо не имело, впереди вместо головы висел, равномерно мотаясь из стороны в сторону, громадный хобот. Заканчивался хобот широким плоским раструбом, и в этот раструб, как в грандиозный пылесос, втягивался с шорохом свежавывавший «снежный» покров. Судя по всему, никакой опасности со стороны животного Занозе действительно не грозило: гигант явно не принадлежал к классу плотоядных, хотя и к травоядным его тоже, кажется, нельзя было отнести. «Снегоядное?..» — попытался классифицировать Кики, с сомнением трогая ботинком лежащий под ногами «снег» и давя в себе робкие позывы попробовать все-таки его на вкус.

Вразнобой перебирая ногами, чудо-зверь прошествовал мимо, а после него осталась широкая и ровная, как автомагистраль, дорога. Одиноким путником вышел Заноза на эту дорогу и направился по ней, но не вслед за зверем, а в ту сторону, откуда тот явился: Занозу всерьез заинтересовало, из какой такой норки на плоскую и безжизненную только что равнину вылезло это гигантское «снегоядное». Вскоре путь Занозы пересекла под прямым углом еще одна свежая «магистраль»: зверь, оказывается, обитал здесь не в одиночестве, и, как вскоре выяснилось, далеко не в одиночестве. След его быстро заносило «снегом», но по пути Занозе стали попадаться новые следы, со всех сторон теперь доносился до него характерный шорох, словно все поле было засажено листовыми рощами, только вместо рощ в снежной пелене ощутимо перебирали ногами величественные снегопожиратели. Причем ни одной их норы Занозе по дороге так и не попало, так что оставалось неясным, откуда все-таки это стадо снегососов вышло на выпас. Впрочем, каких только чудес не водилось на Перекрестке, чтобы разобраться в каждом, не хватило бы и целой жизни. Иногда, как и теперь, Кики из любопытства пытался докопаться до разгадки, но не всегда, как и теперь, это получалось. Махнув рукой на тайну местонахождения клуба любителей

полакомиться свежим снежком, Кики решил еще раз попробовать сменить навязчивую декорацию. Для начала он резко повернул назад. Не сработало. Злость закипела в нем с новой силой, на ее волне он совершил еще один коронный, столько раз им испытанный и никогда до сих пор не подводивший кувырок назад. Когда он опустился на ноги, реальность словно бы слегка вздрогнула, но так и не отпустила; заснеженная (или засахаренная?) пустыня по-прежнему владела окружающим миром, прочно вцепившись в полюбившегося ей пленника.

Кики ощутил усталость. Шипучая газировка злости, только что ударившая ему в голову, как-то неожиданно резко выдохлась. Он уселся прямо посреди «дороги», на которой только что кувырчался, и понуро опустил голову, в которую не стучалось ни единой свежей мысли. Заноза впервые попал в подобные обстоятельства и никогда до сих пор не подозревал, что одна из декораций, с которыми он забавлялся от рождения, как хотел, может не выпустить его из своих тенет. Хотя, вполне возможно, дело здесь было не столько в декорации, как в нем самом: что-то изменилось в последнее время, в жизни пошел перелом, а вот теперь и декорации перестали его слушаться. Папаша Костен рассказывал ему однажды о таком случае, происшедшем по молодости с ним самим; папашу — то есть тогда еще не папашу, а зеленого юнца Костена — выбросило как-то раз в безлюдную декорацию и не отпускало оттуда в течение нескольких суток. По прошествии многих лет, став уже не единожды папашей и главой клана, Костен пришел к выводу, что Страннику, стоящему на жизненном перепутье, дается таким образом время, чтобы привести в порядок мысли и хорошенько обдумать свой следующий шаг, от которого, быть может, зависят в будущем судьбы всего Перекрестка. Заноза не воспринял тогда всерьез философские сентенции папаши Костена, теперь же такое объяснение показалось ему вполне правдоподобным, к тому же оно льстило его самолюбию. И стало быть, предстояло теперь Кики Занозе — вероятно, также в будущем папаше (хорошо бы — рыжих бесенят) и, возможно, тоже главе чего-нибудь (может быть, даже помасштабней, чем клан) — унять свою распоясавшуюся натуру, успокоиться, сосредоточиться и заняться осмыслением собственной сумасшедшей жизни. Местечко ему попало, как пить дать, специально отведенное как раз для поисков смысла жизни: пустыня, где скитаются печальные призраки крупногабаритных снегососов, такие же одинокие, как в данный момент сам Заноза (не исключено, что это души тех, кто так отсюда и не выбрался); о хлебе насущном заботиться нечего, хлеб сам падает к тебе в рот с неба в виде натуральной манны. Шевелиться не придется: сиди себе, разинув рот, глотай манну (даже жевать не надо, сама рассыпается — все предусмотрено!) и погружайся в глубины философии, осмысляй, так сказать, свое место в этом бренном мире, а вернее сказать — в бранных мирах.

«М-да, перспективка... — мрачно помыслил Заноза. Не ощущал он себя, честно говоря, готовым к глубинному анализу пройденного им жизненного пути, равно как и пути грядущего. — А куда деваться?.. Некуда...» — констатировал сам себе Заноза и принялся мрачно наблюдать процесс выпадения манны, размышляя, формируется ли она естественным путем в здешних облаках или имеет искусственное происхождение и разбрасывается умышленно кем-то, вообразившим себя самим Господом Богом, из специальных дырок в искусственном же небе. За этим занятием и застало его очередное локальное событие. Правда, самого события Кики не увидел, так как произошло оно прямо за его спиной, но ощутил врожденным чутьем Странника, как слегка колыхнулось пространство, принимая в себя что-то новое, как бы давая ему в себе место.

Обернувшись, Кики обнаружил себя сидящим уже чуть ли не у самого порога одноэтажного деревянного строения довольно забавной архитектуры; от порога было видно, что все окна строения распахнуты настежь, а на двери позади Кики была искусно вырезана птица, похожая на литворского стервятника, только непохоже раскрашенная.

«Ну дела! Уже дома стали по декорациям перекидывать, — подумал Кики Заноза. — А может быть, это подлинник?» — осенило его в следующую секунду. Если дом был подлинным, то он вполне мог стоять постоянно на Перекрестке Миров, не исчезая вместе с декорациями, а сменяя их ежедневно, как это делали сами Странники. Правда, о домах-подлинниках Заноза до сих пор никогда не слышал, даже от папаши Костена; с другой стороны — мало ли чудес на Перекрестке, и постоянно возникают все новые, удивляющие даже стариков. Кто может знать обо всех? В любом случае путешествующий по реальностям дом был для Кики явлением необычным и заслуживающим внимания — особенно теперь, когда в нем мог оказаться кто-то, кто помог бы ему выбраться из этой чертовой провальной ямы, кишущей снегососами.

Кики Заноза поднялся на ноги, взошел на небольшой приступочек перед терраской, шагнул к двери и осторожно постучал по крылу изображенного на ней стервятника. Сначала внутри дома стояла тишина, и Кики собрался было постучать еще раз, уже погромче, как вдруг из-за двери донесся слабый голос, спросивший неуверенно:

— Кто там?...

Глава 7

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИРОВ

— Кто там?.. — проблеял испуганно Фредди Бельмонд от своей стойки.

— Кики Заноза из клана Прорва. Можно войти? — услышал Михаил Летин голос из-за двери, говорящий на чистом русском языке.

— Боже мой, я подозревал! — встрепенулся вдруг господин в беже и продолжал восторженно: — Это потрясающе! У нас с ними единая ментальность! Общее психологическое пространство!

— Тити-мити — братья по разуму, — проворчал Петр Летин, после чего потянул из кармана свой лазерник и крикнул в направлении двери: — Заходи, земляк, гостем будешь!

Его бригада также нащупала оружие и взяла на прицел область солнечного сплетения гипотетического донского орла, вырезанного на двери отеля и изнутри.

Одна створка медленно приотворилась, и порог холла переступила нога в толстом мотоциклетном ботинке. Вслед за ногой возник невысокий парень лет двадцати, сероглазый, усыпанный с головы до ног снежной мукой, так что цвет его волос и одежды было определить сейчас довольно трудно, с заткнутым за пояс маленьким карабином, похожим на детскую игрушку, кое-как отлитую из цельного куска металла. Замерев перед дверью, вежливый пришелец оглядел помещение, людей, наведенное на него оружие и произнес как-то по-дружески понимающе:

— Из боевой декорации?

Ответом ему было общее недоуменное молчание.

— Меня вы можете не бояться, — сообщил неожиданный гость. — Там, — он ткнул большим пальцем через плечо, — сейчас пустыня.

После этого вновь прибывший начал деловито отряхиваться от снега. Нервы у него, похоже, были такими же цельнометаллическими, как и его пародийное оружие.

— Хороший у вас домик, — заметил он как бы между прочим в процессе отряхивания. — На Перекрестке сработан?

Окружающие продолжали молчать, наблюдая за гостем, в большинстве своем — растерянно: пришелец вел себя так, будто выходил только что из дому на пять минут до ветру, а теперь вот опять вернулся. Террористы, не дожидаясь разрешения Петра, уже опустили оружие, как видно, ощутив его явную в данном случае неуместность. Петр тоже убрал в карман свой лазерник, после чего подал наконец голос, причем также довольно дружелюбно.

— Послушай, парень, что это за местность? — спросил он. — Мы здесь в первый раз.

— Я тоже, — усмехнулся, поднимая голову, назвавшийся Кики Занозой.

Михаилу паренек нравился с каждым мгновением все больше, хотя нес пока какую-то околесицу, пусть и на чистом русском языке. Михаила, кстати, очень порадовало, что брат решил поговорить с русскоязычным аборигеном мирно, без запугиваний и угроз — не до конца еще, оказывается, озверел брат Петр в своей запредельной разведке.

— Ты не понял. — Петр почесал в подбородке, как бы размышляя, стоит ли открываться первому встречному, и наконец решился: — Мы из другой реальности.

Заноза еще раз пристально оглядел всю компанию.

— Люди из декорации, — произнес он, словно не веря в собственные слова. Потом,

помолчав мгновение, качнул отрицательно головой и добавил: — Не может быть.

Неизвестно, что собирался ответить на это Петр — скорее всего последняя фраза гостя окончательно похоронила мирные намерения штурмана, — но тут в разговор вступил Владимир Карриган и сразу внес в него если не полную ясность, то по крайней мере частичное взаимопонимание.

— Мы не с Перекрестка, — сказал он гостю на межгалактическом наречии. — У нас возникли проблемы в нашей реальности, и оттуда за нами, надо думать, скоро прибудет погоня. Ты должен помочь нам уйти.

Заноза пожал плечами и ответил на чистейшем межгалактическом:

— Но раз вы сами меняете декорации, да еще вместе с домом, то чем я-то могу вам помочь?..

— Наш Проводник может увести в другую реальность, но нам необходимо при этом оставаться на Перекрестке — здесь есть шанс затеряться в декорациях, а это под силу только тебе, Странник.

Заноза скептически хмыкнул и посмотрел на народ, мало что понимающий в беседе, но тем не менее со вниманием ждущий его ответа.

— Вообще-то я тут заперт, в этой паршивой Декорации, — поведал он. — Но если мне подсобит этот ваш Проводник, то попробовать можно.

— Подсобит, подсобит, — заверил его Петр, бросая на Михаила не слишком-то вдохновляющий взгляд.

— Тогда пошли, — обронил паренек, названный только что Карриганом Странником, и направился к двери, в которую только что вошел, с очевидным намерением выйти; похоже, что Заноза не мог или не хотел идти через пространства вместе с таким солидным (имея в виду размеры) помещением.

Все, не возражая, тронулись вслед за Странником, как вдруг от стойки донесся отчаянный вопль.

— А мой отель, как же мой отель!?! — орал позабытый всеми гостеприимный хозяин заведения, заброшенного только что беспардонными преступниками в неизвестные миры. — Умоляю вас, верните сначала его на место! Я отказываюсь с вами идти!

Большинство не обратило никакого внимания на его пассивный, хоть и громкий протест, лишь оглянулся назад с некоторым состраданием Михаил, и Карриган, приостановившись у дверей, сказал хозяину:

— Вы, конечно, можете оставаться со своим отелем здесь, в пустыне. Но я все же советовал бы вам пойти вместе с нами.

— Ни! — За! — Что!!! — выкрикнул в ответ отважный хозяин «Донского орла». Однако, когда все посетители покинули отель и вышли в заснеженное поле, последним, за кем закрылась дверь с орлом, оказался Фредерик Афанасьевич, молчаливый и подавленный свалившейся на него нежданно-негаданно злой бедой. Но окружающим было теперь уж и вовсе не до его невидимых миру страданий.

Снаружи Михаила поразил в первую очередь невероятно рассыпчатый, почти бесплотный снег. Михаил протянул перед собой детским жестом сложенные ковшиком ладони и поймал в них огромную снежинку — она оказалась теплой, как комочек пара, унесенный шальным ветром от своей кастрюли с горячей кашей. В то же время откуда-то с заснеженных полей донеслось все нарастающее шуршание; через мгновение снежную пелену раздвинуло нечто огромное, холмистое и многоногое с гигантским хоботом-шлангом

впереди. Шлангом чудовище засасывало в себя с голодным свистом весь близлежащий нестандартный снег.

«Снегоуборочный комбайн...» — вспыхнула в потрясенном сознании Михаила Летина сюрреалистическая мысль.

— Кто из вас Проводник? — поинтересовался между тем Кики Заноза, равнодушно отвернувшись от страшилища и переводя вопрошающий взгляд с одного онемевшего попутчика на другого.

Судя по его невозмутимому поведению, Михаил догадался, что чудовище непосредственной опасности не представляет, и хотел было откликнуться на призыв Странника, да не успел: позади раздался жутковатый, нечленораздельный, переполненный какой-то первобытной скорбью вопль. Михаил обернулся, не сомневаясь, что это кто-то из спутников до смерти перепугался при виде животного, но, как тут же выяснилось, кричал хозяин отеля, и вовсе не по поводу чудовища; Михаил лишь теперь заметил, что перенес через границу измерений только нижний этаж драгоценного сооружения. Фредерик Афанасьевич, обнаружив Пропажу двух других этажей, в угаре первого потрясения забыл даже о приближении к отелю неведомого и агрессивного (возможно) монстра. Но выброс в окружающую среду личных впечатлений не ограничился, к несчастью, стоном одного Бельмонда.

— Потрясающе!!! Это просто потряса-ю-ще!!! — вдруг провозгласил с фанатичной оттяжкой господин в беже, вперившийся горящим взглядом в проплывающую мимо, наподобие дрейфующего архипелага, громаду чудовища. А в следующий миг он ринулся вперед — на зверя, как голодный комар на тучную корову, вздымая за собой клубы снежной пыли.

— Аткин! — коротко бросил Петр.

Один из бывших заключенных, до сих пор державшийся постоянно возле девушки с осенними глазами, кинулся наперерез фанатику, но тот юрко увернулся, достиг в три прыжка вождя страшилища и похлопал его восхищенно по ближайшей, только что опустившейся ноге. Тут как раз его достиг Аткин, но проворный натуралист опять сумел вовремя увернуться от погони и устремился вдоль зверя, куда-то по направлению к его хоботу. Аткин оглянулся вопросительно на Петра, потом побежал следом за явно сбрендившим от счастья натуралистом.

— Это что еще за попрыгунчик? — зло процедил Петр, кажется только теперь заметивший наличие в своей компании бежевого господина. — Ладно, пусть целуется с этим носорогом. А нам пора двигаться.

— Хотите оставить этих двоих здесь? — полюбопытствовал Заноза.

— А что, прикажешь нам всем гоняться вокруг этого чуда-юда? — огрызнулся Петр. — Действуй, поехали! Мишка, помогай!

— Нет, — уронил Михаил, отрицательно качнув головой. Нелегко, надо сказать, дался ему этот жест; тяжелым пыльным мешком давил на психику непререкаемый авторитет старшего брата, вынесенный еще из детства, когда Петр был для младшего братишки воплощенным идолом, живым своевольным божеством, а его приказы типа «Мишка, помогай!» или «Мишка, сбегай!» воспринимались младшим братом, как указания свыше, и выполнялись с трепетом и гордостью юного послушника, удостоившегося доверия самого папы. Многое изменилось с тех пор, братья давно стали взрослыми, но по-настоящему Михаил начал становиться иным лишь теперь, в течение последних часов, обретя наконец

свой дар и вместе с ним — новую внутреннюю Вселенную, диктующую Проводнику свои нерушимые законы. Проблема возникла теперь на его территории, в мире, куда он их привел и откуда выведет — всех до одного, что бы там брат Петр ни планировал себе по этому поводу.

Петр бросил короткий взгляд в направлении Карригана, который все это время молча, но красноречиво поглядывал на небо, потом неожиданно легко согласился:

— Ладно. Пошли ловить попрыгунчика. Обходим носорога с двух сторон: мы с Риком спереди, остальные — с тыла. (Петр упорно величал чудовище «носорогом», хотя никаких рогов на носу — сиречь на хоботе — у зверя не произрастало.)

Под «остальными» Петр подразумевал, как видно, членов своей каторжной команды, однако Михаилу с Занозой также не стоялось на месте; поэтому они присоединились к «тыловой» группе и отправились вместе с ними огибать «носорога» с хвоста, в то время как Карриган вместе с Илли просто приблизились к животному и пошли рядом по ходу его размеренного движения, тихо переговариваясь между собой. На некотором расстоянии позади них плелся Фредерик Афанасьевич, неразборчиво бормоча что-то себе под нос, судя по монотонной интонации — скорбный и бесконечный перечень своих грандиозных убытков. И даже впечатляющее движение необхватных ног чудовища в двух шагах от него не в силах было уже потрясти воображение несчастного и отвлечь его от составления своего похоронного реестра.

Услышь сейчас Михаил разговор своей прекрасной незнакомки с Карриганом, он вряд ли бы что-нибудь из него для себя вынес, а лишь наверняка еще больше запутался бы в своих предположениях относительно этой загадочной пары.

— Долго еще мы будем с ними возиться? — тихо говорила Илли спутнику. — Я уверена, что ты можешь обойтись безо всякого Проводника, и никакой Странник тебе тоже не нужен. Нам пора уходить отсюда и заняться своими делами! Ты, кажется, собирался достать для меня хороший корабль?

— Все в свое время, — отвечал Карриган. — Помнишь, что я говорил о твоём теперешнем пути? Это как поток, которому просто надо отдаться; все, что вокруг тебя сейчас закручивается — события, обстоятельства, люди, — послано не случайно, все они играют какую-то определенную роль в твоём приближении к цели; если начнешь теперь менять обстоятельства, терять людей, то пойдешь против течения, и тебя просто-напросто выбросит из потока; тогда нелегко будет снова вернуться на нужный путь.

Говоря, он время от времени поднимал вверх голову и окидывал взглядом небеса, набитые снежными хлопьями. Предсказанная им погоня пока что в этой реальности не объявлялась.

Тем временем Михаил с Занозой и компанией уже пересекли след чудовища, в надежде изловить где-нибудь с той его стороны беглого «попрыгунчика». Ровный белый наст под ногами оказался довольно глубоким — как минимум, по колени, — но преодолевать его было не в пример легче, чем обычные сугробы: здешний снег не создавал никакой помехи передвижению, словно был нематериален — настолько быстро он рассыпался от любого прикосновения, и каждый идущий по нему оставлял за собой, словно червяк в спелом яблоке, длинный извилистый след.

Беглеца они пока не встретили, зато вскоре увидели Рика, бегущего им навстречу вдоль дрейфующего живого «острова».

— Поймали? — крикнул Рик член поисковой бригады Михаила — Седой, как прозвал

его про себя Михаил, мужчина лет тридцати пяти, но казавшийся старше из-за совершенно седых волос, убеленных сейчас еще и снежным пеплом, успевшим уже покрыть все головы.

— Как же — поймали, — ответил, подходя, Рик. — Он наверх полез по хоботу. Штурман с Аткиным тоже полезли, теперь его там ловят, а нам велено внизу отпастать.

Все дружно задрали головы: на холмистой, занесенной снегом спине слономонстра ближе к голове действительно происходило какое-то движение, но наблюдателям снизу было почти ничего не видно, кроме мелькающих время от времени над холмами чьих-то голов и рук. Вдруг на один из ближних холмов выскочила тощая фигура, сбежала с возвышенности, плюхнулась на пятую точку и поехала вниз по морщинистому боку.

— Опаньки, сейчас его возьмем! — обронил Рик и кинулся к той ноге зверя, по которой натуралист-естествоиспытатель должен был вот-вот съехать. Подхватить его Рик, правда, не успел — да и вряд ли намеревался. Беглец шлепнулся ничком в снег и тут же скрылся с глаз, утонув в рассыпчатом покрывале.

Подоспевший Рик склонился над «утопленником», поднял его одним рывком за шиворот, произнеся с многообещающей интонацией:

— Все, гад, отбегался.

Больше никто со спины чудовища не падал — не иначе как погоня заблудилась на «архипелаге» в многочисленных холмах.

— Штурман, мы его взяли! — крикнул на всякий случай Рик, задрав кверху голову, но никакого ответа оттуда так и не последовало.

Пойманный герой (сегодня уже дважды герой) гордо выпрямился и величаво повел плечами, явно желая освободить ворот своего пиджака от цепкой хватки беглого преступника. Рик его отпустил, после чего демонстративно достал из-за спины «РП» и подтолкнул стволом пленного со словами:

— Давай прыгай, попрыгунчик. Только учти: шаг влево, шаг вправо — попытка к бегству.

«Неплохо для беглого каторжника», — мелькнула кислая мысль у Михаила.

Господин в беже тут же послушно двинулся по направлению к хвосту чудовища. Михаил отметил про себя: единственное, что вызывало до сих пор у бежевого героя уважение к людям, было оружие в их руках (настоящее, разумеется, а не слепленное из дерьма). Но, как тут же выяснилось, даже настоящему оружию оказалось не под силу заставить подлинного героя держать язык за зубами. Все тронулись обратно в обход самодвижущейся громады (Михаил торопился больше всех, так как тревожился об Илли — а ну как она уже исчезла вместе с верным Карриганом, пока они тут шарятся по задворкам), как вдруг пленный начал на ходу вещать с интонациями профессора, объявляющего с кафедры о своем великом открытии:

— Удивительные, редчайшие существа! Совершенно новый вид! Обитающий — заметьте! — не где-то на другой планете, а у нас, на Земле! И питающийся манной! В полном смысле этого слова!! Настоящей небесной манной!!! — Походя он зачерпнул на ладонь невесомой массы из сугроба. — Вы думаете, это снег? — И отправил на глазах равнодушных слушателей всю пригоршню себе в рот. — Это ман-н...

Арестованный умолк, лицо его страшно перекосилось и сморщилось, словно он хватил разом пригоршню мексиканского перца; затем опростоволосившийся «профессор» вцепился руками в собственное горло и начал кашлять, а потом яростно отплевываться.

— Я знал, что не стоит этого делать, — промолвил извиняющимся тоном шедший рядом

с Михаилом Странник, — только сказать ему не успел...

Его покаянную речь прервал хохот. Сначала заржал Рик, откидывая назад голову и обнажив до самых десен ряд отменных зубов, потом хохотнул глухо, прикрыв кулаком рот, его приятель, и залилась от души звонким, как ручей, смехом девушка. Вслед за ними не удержался, заразился облегчающим душу хохотом и Михаил. Странник ухмыльнулся сдержанно, потом еще раз — уже пошире, и в конце концов тоже не выдержал — засмеялся почти беззвучно, качая головой.

— Это же... ман-на... — выговорил сквозь смех Рик, пиная сапогом в податливую белую пену. И все закатились на ходу с новой силой. Смех — один из древнейших даров человеку свыше, захватил полностью всю компанию, сгладил ледяные шипы общего недоверия, снял напряжение, поломал, шутя, прочные, как булыжные стены, личностные границы. Хохоча вместе, они стали на время просто хорошими приятелями, словно были давно знакомыми и близкими друг другу людьми.

Отплевавшийся уже пленный, белый, под стать своей манне, был единственным, кто брел теперь молча, изредка все еще поплеывая с ненавистью в несъедобные, как выяснилось, сугробы. Какой именно оказалась на вкус «манна небесная», излюбленная пища богов и пустынных монстров, так и осталось загадкой — для всех, кроме арестанта, но он на сей счет не распространялся, а спросить его так никто и не успел. Группа как раз огибала чудовище с хвоста, как вдруг Странник резко оборвал свой смех — будто уловил мысленно какой-то сигнал, слышимый лишь ему одному, — и остановился, повернув голову в сторону оставленного позади и почти уже не видного за снежной пеленой «Донского орла» (то есть того, что от него осталось).

Михаил проследил за направлением его взгляда и тут же тоже позабыл смеяться; правда, успев еще на волне смеха перемахнуть через момент неизбежной внутренней паники, возникающей, как правило, у человека при внезапном появлении в его собственных мирных тылах подавляющей мощи противника. Оказывается, Карриган не преувеличивал, когда говорил о возможностях своих преследователей. Снег, падавший отвесно и величаво по всей окружающей реальности, перед отелем сейчас закручивался грандиозным вихрем-воронкой; в эпицентре вьюжного урагана метрах в двадцати над землей рождался, словно выныривал в заснеженный мир из потаенных пространств, давешний неучтенный катер-«чужак», названный недавно Петром «имперским».

Вместо страха в душе Михаила возникла знакомая ему до сих пор только по виртуалке боевая злость. Он обернулся, проверяя, все ли его «подопечные» в наличии; чудовище уже успело от них немного отползти, и Михаил сразу увидел замершего неподалеку в оцепенении Фредди Бельмонда; чуть дальше стояли, наблюдая появление погони, Илли с Карриганом, сзади к ним почти бегом приближался Петр. Михаил вместе со Странником и остальными, не теряя времени, бросились к ним, сопровождаемые по пятам забытым всеми посрамленным героем.

— Где Аткин? — еще издали крикнул Михаил Петру.

— Нету Аткина! Пропал! Засосало! — проорал в ответ Петр.

Михаил замер в нерешительности, не зная, стоит ли поверить брату, записавшему уже Аткина в мертвецы, и тоже махнуть на него рукой или необходимо срочно бежать выручать одного из подопечных, вытаскивать его хоть за ноги живого или мертвого из аэродинамической трубы-хобота.

Однако Петр, по своему обыкновению, уже все за всех решил.

— Это ваши проблемы, — заявил он, обращаясь к Карригану и указывая пальцем на висящий перед отелем, пока еще неподвижный катер. — Разбирайтесь с ними сами как хотите, а мы идем обратно в отель.

— Ты так думаешь? — произнес Карриган насмешливо и показал глазами в направлении катера. Заинтригованные его словами, все еще раз дружно посмотрели на небо, и большинство посмотревших посерело лицами: рядом с катером возникла медленно вторая смерчевая воронка.

— Похоже, что у твоих друзей-федералов также имеются кое-какие возможности, — заметил Карриган и добавил негромко: — Если только им кто-нибудь не помог.

— Странник, ты где там? — Петр нашел глазами Занозу и мгновенно изменил свое предыдущее решение: — Действуй! Уводи нас отсюда куда хочешь — хоть к чертовой бабушке, да побыстрее!

Заноза, равнодушно пожав плечами, вопросительно взглянул на Михаила — похоже, он уже понял, кто из его новых знакомых является тем самым Проводником и кому, соответственно, принадлежит в этой компании окончательное слово.

— Я должен убедиться, что Аткин погиб, — высказался, по-бычьему упрямо склоняя голову, Михаил.

— Да ты что, братец, совсем охренел? — процедил сквозь зубы Петр, опуская тем временем руку в тот карман, где у него лежал лазерник. — Сказано тебе, что его нет, он давно уже у носорога в брюхе!

— Советую тебе предъявить нашему Проводнику доказательства, да поскорее! — уронил свое веское слово Карриган; второй катер уже практически завершил переход в эту реальность, лишь бушевал еще вьюжный ураган, свидетельствующий о возмущениях потревоженного им пространства.

— Какие доказательства? Где я их ему возьму?! — окончательно взбеленился Петр, доставая лазерник и размахивая им перед лицами собеседников.

— Вспори носорогу брюхо, — равнодушно посоветовал Карриган.

Тут в разговор вклинился Рик:

— Кончай ломаться, Проводник! Пока мы будем потрошить эту зверюгу, нас уже успеют взять раз десять! — поддержал он штурмана, красноречиво махнув стволом своего оружия в сторону превосходящих сил противника.

— Я должен хотя бы убедиться, что Аткина нет рядом со зверем, — быстро сказал Михаил и, не уточняя ничего больше, чтобы не тратить драгоценного времени, бросился вслед за удаляющимся чудовищем.

— Черт бы тебя побрал! — прорычал Петр, торопливо направляясь за братом. Остальные последовали его примеру. Стоявший в сторонке Бельмонд, помявшись немного в нерешительности — очевидно, размышляя, возместят ли ему явившиеся слуги закона убытки, если он прямо сейчас им сдастся, — в конце концов ринулся вслед за разорившей его компанией.

— Интересно, они нас уже заметили? — спросила, косясь на бегу назад, девушка из команды Петра. Никто ей не ответил. Вместо ответа со стороны Карригана донеслась настойчивая мелодия из трех нот. Все покосились настороженно на звук, сам же Карриган на свое новое (точнее — старое) звуковое сопровождение никакого внимания не обратил и эгнота из кармана доставать не стал, хотя тот продолжал методично надрываться. Они достигли как раз невозмутимой громады животного и обегали его вслед за Михаилом (тот на

бегу звал Аткина, сложив рупором ладони), как вдруг оба катера, различимые теперь в снежном мареве только по многочисленным бортовым огням, одновременно развернулись и стали быстро надвигаться. Звуковой сигнал в кармане у Карригана многозначительно оборвался.

— Мишка, кончай бегать! Уходим! — заорал Петр, настигая брата огромными прыжками.

— Все. Допрыгались... — произнес, доставая из-за пояса лазерный пистолет, Седой.

«Господи, неужели не успею? Дай только мне его увидеть, живого или мертвого!» — взмолился про себя Михаил Летин. И тут, словно по незримому мановению, кое-что изменилось в окружающей безразличной до сих пор природе. Казалось бы, ничего особенного не произошло, просто, как сказали бы синоптики, возник ветер. Но ощущение при этом у Михаила создалось такое, будто вся масса застоявшегося воздуха над пустыней одновременно сдвинулась и потекла — сначала медленно, но с каждой секундой ускоряя движение, как будто весь здешний воздушный океан был гигантским самодвижущимся приспособлением и его неведомый водитель нажал сейчас где-то на педаль газа. Огромные теплые хлопья, так похожие на снежные, падавшие до сих пор к земле по идеальным перпендикулярам, понеслись навстречу беглецам все быстрее, так что им пришлось отворачиваться, загораживая лица; роскошная взбитая перина, надежно, казалось бы, покрывавшая землю, поднялась на воздух сразу вся, одновременно, похоже — по всей своей невероятной протяженности, и полетела, словно легкая пена, сдунутая бесшабашным великаном с грандиозной пивной кружки. Окружающее исчезло, утонув в сплошном молочно-белом коктейле; Михаил, повернувшись спиной к ураганному потоку воздушных масс и манны, закрывал лицо руками и высматривал в первую очередь, не унесло ли ненароком Илли (ну и, разумеется, всех остальных), и думал: «Дай-то Бог, чтобы стихия создала в их чертовых приборах какие-нибудь помехи!» Всевышний, по наблюдениям Михаила, стал вроде бы в последнее время прислушиваться к его просьбам.

— Чтоб там трам-тарарам всю вашу гребаную аппаратуру манной позалепляло! — услышал он где-то поблизости выкрик Петра и порадовался, что опытный штурман тоже находит вполне вероятной такую возможность. Тем не менее стоять дальше на месте не имело смысла, надо было действовать, пользуясь, если так можно выразиться, «передышкой», и Михаил начал двигаться по направлению к животному, надеясь все-таки добраться до его хобота, чтобы проверить наверняка, не торчат ли из загребущего отростка ноги злополучного Аткина. Остальные члены команды сделали попытку догнать Михаила — наперекор стихии и практически на ощупь, — видно, независимо друг от друга решив, что сейчас наступил как раз самый подходящий момент для незаметного бегства от погони. Ветер (то есть общее движение воздушных масс) между тем продолжал усиливаться, и в какой-то миг вся гонимая им манна отделилась от земли и стала подниматься вверх, все выше и выше одним слепым безбрежным потоком. Михаил, уверенный, что направляется к животному, увидел сначала голую пористую поверхность почвы под своими ногами; пелена метели взлетала вверх легкой театральной занавесью, и он узрел прямо перед собой — тут же решив, что это ему кажется, — необхватные ноги чудовища, отрывающиеся от земли; остальное тело гиганта скрывалось в улетающем пенном мареве, лишь восемь колонн прощально покачивались перед Михаилом, уносясь в неведомые выси. Михаил и сам едва держался на ногах под напором ветра, но все же пока что еще держался, как и остальные его попутчики, в то время как многотонное (с виду) чудовище уже подхватило ураганом, будто

причудливый монгольфьер.

Однако сам факт вознесения гороподобного монстра моментально отошел для Михаила на второй план, потому что на том месте, откуда только что взлетело животное, он увидел лежащее неподвижным комом человеческое тело. Принадлежать это брненное тело могло только Аткину (а кому ж еще?). Михаил устремился к нему, но не успел еще приблизиться, как уже понял, что Аткин мертв: он лежал на животе, руки и ноги были вывернуты под неестественными углами, как у брошенной марионетки, и шея тоже была вывернута, поэтому лицо его глядело вверх. В целом Аткин выглядел так, будто его протащило через огромную молотилку. Михаил остановился в шаге от него, просто не в силах подойти еще ближе, и тут же услышал над своим ухом голос Петра:

— Ну что, убедился?..

Потом другой голос сзади вскричал торжественно:

— Улетело! Нет, вы видели?! Это потрясающе!!! Беспременно!!! Взмыло, как дирижабль!!. — На этом восторженный крик резко оборвался.

— Пожевал и выплюнул... — донесся приглушенный ветром голос Рика.

Михаил оглянулся; к нему успели уже подтянуться почти все: Петр находился за его спиной по правую руку; неподалеку, рядом с невозмутимым Карриганом, стояла, насупившись, Илли, около них неловко мялся, вобрав по-птичьи голову в плечи, фактический виновник задержки и прочих несчастий — дважды герой в беже; слева как раз подходил к Михаилу, чуть пригибаясь от ветра, Странник. Команда Петра вся была в наличии, но к убитому никто из них подходить не торопился: зачем? И так видно, что тот мертв — мертвее некуда. Девушка с осенними глазами щурилась внимательно на «зимнее» небо, схватившись за плечо Петра: ветер еще усилился, но катеров преследователей пока что из-за низкой «манной» пелены видно не было; надеяться на то, что их унесло ветром, как и сверхлегкого «носорога», к сожалению, не приходилось.

— Странник, уходим! — крикнул Петр подошедшему Занозе. Тот, кинув взгляд на изувеченного Аткина, молча кивнул: чувствовалось, что и ему, так же как всем, не терпится поскорее убраться из этого «гостеприимного» мира.

Михаил тоже кивнул, еще раз на всякий случай огляделся и спросил:

— Где Бельмонд?

— Ты что?! Опять?! — заорал Петр и протянул уже обе руки, намереваясь схватить брата за грудки.

Но семейные разборки остановил в зародыше выкрик Рика:

— Да вон он плетется!

Петр обернулся; Фредерик Афанасьевич действительно появился на ближнем горизонте, но только не плелся, а летел к своим разорителям, можно сказать, на всех парусах, хотя и против ветра.

— Ты уводи, а я буду показывать дорогу! — крикнул Заноза Михаилу. — Сумеешь?

Михаил не успел ответить Страннику, только кивнул; именно в этот момент из сплошной небесной каши вынырнули наконец совсем близко два долгожданных вражеских катера. И почти одновременно с их появлением воздушный поток, давно уже сорвавшийся с тормозов, увеличил скорость своего движения еще на несколько баллов.

В первый раз в реальной жизни (в отличие от жизни виртуальной) Михаил ощутил, что земля отпускает его в самостоятельный полет, мало того — сама радостно улетает у него из-под ног, давая при этом залихватский боковой крен. Впервые в жизни Михаил получил

возможность насладиться радостью свободного полета (хотя полет этот правильнее было бы назвать принудительным), а вокруг него наслаждались той же радостью еще восемь человек, и в их числе любимая Михаилом девушка.

Справедливости ради надо сказать, что, потеряв всякую точку опоры в окружающем пространстве, то есть оказавшись практически в невесомости, Михаил поначалу растерялся. Но, к счастью, ненадолго. Слегка привыкнув к новому, «полетному» состоянию, он тут же ощутил свою ответственность за порхающих рядом людей, как и ответственность самого момента, выразившиеся примерно следующей мыслью: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» Будет ли в данных обстоятельствах ему помогать Странник, или ему стало теперь не до того вследствие этих обстоятельств, сейчас уже не имело значения; единственным пылающим словом вспыхнуло в мозгу главное: «Увести!» Михаила не заинтересовало даже, предпринимают ли что-нибудь отделившие наконец себя от манны преследователи, он даже не удосужился отыскать в полете глазами вражеские катера. Приняв решение, Михаил просто крепко зажмурился и в наступившей темноте окликнул мысленно ту свою другую, новую ипостась. И, едва позвав, ощутил перед собой дорогу — так же, как и в прошлый раз, хотя теперь его ноги были лишены подлинной опоры; впрочем, кто знает, какая из опор являлась изначально более подлинной?.. Сейчас для Михаила не существовало уже ничего реальнее этой дороги. Возможно, что так оно и было, и перед ним в моменты перехода действительно представала единственная подлинная, базовая, так сказать, реальность — не зря же Странники пренебрежительно называли остальные сменяющиеся миры «декорациями». Он не видел теперь своих спутников — кругом был только светлый мерцающий туман, подступающий со всех сторон к дороге. «Потерял!» — пискнул испуганно где-то в глубине души старый Михаил Летин, но новорожденный Проводник тут же уверенно взял инициативу в свои крепкие руки: его не надо было учить искусству перехода в иные реальности, как только что вылупившемуся утенку не нужны уроки плавания. Проводник закинул мысленную сеть, охватив ею всех, кого хотел увести за собой, и, потянув, тут же почувствовал их живую энергетическую тяжесть. В то же мгновение он ощутил, что сеть стала вдруг значительно легче — Карриган, также захваченный в сеть, одновременно был уже тут как тут со своей бескорыстной помощью. Михаил тронулся вперед и сейчас же почувствовал присутствие где-то рядом Странника; Михаилу было неизвестно, как сам Заноза воспринимал состояние перехода и что именно ощущал в этот момент, но Михаил засек его волю в виде легкого подталкивания с дороги куда-то вправо. Он поглядел в ту сторону и тут только заметил убегающую от основного пути узенькую тропку, едва различимую в тумане по желтоватому отсвету, словно просыпалась из дырочки в заплечном мешке у странствующего ангела солнечная пыль. Михаил свернул с дороги на эту золотую тропинку, и нажим чужой воли исчез, присутствие Странника стало неощутимым; тропинка разветвилась надвое, и Странник вновь дал о себе знать, направляя Проводника на нужный путь. Тропка петляла, расходилась, пересекалась с другими, и каждый раз Странник помогал Проводнику выбрать правильное направление. Пару раз Михаил хотел было остановиться, но незримый попутчик не позволял, мягко подталкивая между лопаток — рано, мол, пока, иди дальше. Постепенно давление в спину стало постоянным: Странник словно подгонял, поторапливал путника, заставляя его идти быстрее. Подчиняясь, Михаил стал наращивать темп — удерживать попутчиков сетью оказалось гораздо легче, чем тащить их вместе с помещением и всей мебелью, да плюс еще помощь Карригана, — как вдруг тропинка, выбегающая из тумана прямо ему под ноги, резко

свернула влево и внезапно оборвалась вниз, словно ручеек, сорвавшийся в пропасть с отвесной скалы. Разогнавшийся Михаил не успел вовремя остановиться, шагнул в пустоту и тут же почувствовал, что падает с той же скалы вместе со всем своим грузом. Лететь пришлось не так уж и долго — секунды три-четыре, но весь букет ощущений, связанных с внезапным падением в пропасть немереной глубины, Михаил за это время пережить успел. Потом он грянулся спиной на что-то относительно мягкое — по сравнению, например, с каменными выступами на дне пропасти, — и от удара глаза его сами собой распахнулись. Первое, что они увидели, было серое — очень похоже, что осеннее, — небо, и на его фоне — голые ветви дерева, под которым Михаил, оказывается, лежал. «Свалился с дуба...» — сейчас же поставил он сам себе мысленный диагноз с апломбом бывалого санитара. После чего сел и огляделся, затем медленно встал, не в состоянии сразу осознать увиденное и привести его в соответствие со стандартами своих представлений о пространстве, о времени, а также об их гибриде, так называемом пространстве-времени.

На небольшом участке земли (метров около пятидесяти в поперечнике), в центр которого Михаил прибыл (а вернее, упал) «из-за границы», рос редкий лиственный лесок (без признаков листьев), между деревьями были повсеместно раскиданы его попутчики, в том числе и Странник, приземлившийся от Михаила, как это ни странно, довольно далеко; большинство из них сидели или все еще лежали, но кое-кто уже тоже начал подниматься на ноги. За пределами же этого лесного «пятачка» со всех сторон плавало в беспорядке нечто, больше всего напоминающее неровные вырезки из огромных цветных открыток, перемешанные между собой безо всякой системы и смысла. Зато каждая «картинка» была живой и объемной: например, небольшой треугольничек прямо напротив Михаила захлебывался игрой светотени, весь полный трепещущей зеленой листвой; справа плескались в неровном квадрате переливчатые морские волны, отбрасывая солнечные блики даже сюда, в костлявый осенний лесок; рядом с морским пейзажем виднелась часть фасада какого-то полуразрушенного здания, и ветер гнал мимо него пыль по шершавой растрескавшейся мостовой; большинство фрагментов казались непонятными, как кусочки полотен, вырванные из плоти больших картин: по ним змеились только загадочные линии и в них играли живые краски; в одном из отрезков царил непроглядный мрак, бездонный и словно бы живой, и этот отрезок походил больше всего на гигантскую раскоряченную кляксу; имелся еще один сюжет с ночью, однако ночью привычной, согретой огоньками человеческого жилья и звездами.

Михаил Летин, законченный виртуальщик и тайный сюрреалист, а теперь ко всему прочему еще и Проводник, довольно быстро догадался, что вокруг приютившего их лесного островка плавают большие и маленькие обрывки совершенно других пространств и измерений, с разными временами года и даже с разными временами суток внутри них. Да и сам островок пасмурной осени, в который их угораздило только что свалиться, судя по всему, являлся точно таким же самостоятельным фрагментом, «вырезанным» сверхъестественными ножницами из какой-то неведомой реальности.

— Эй, проводники, куда это вы нас закинули? — подал голос Петр Летин, уже принявший вертикальное положение с опорой на ноги, удивленно обозревая дрейфующий со всех сторон пространственный коктейль.

— Это Окраинное Месиво, — откликнулся еще сидящий на земле под деревом Странник. — Лучшего места, чтобы спрятаться от погони, не найти на всем Перекрестке. Хотя здесь и небезопасно, — добавил он, вскакивая на ноги, и, деловито оглядевшись,

сделал широкий жест рукой вокруг себя. — Ну, выбирайте.

— Что мы должны выбирать? — тупо спросил Петр, до сих пор, похоже, так и не въехавший в загадку своего теперешнего местоположения. Ему ответил вместо Странника Карриган, не только уже сам к тому времени поднявшийся, но и успевший только что помочь встать на ноги обеим дамам. «Эх, мне бы первому догадаться подать ей руку...» — с опозданием подосадовал мысленно Михаил на свою несообразительность.

— Если я не ошибаюсь, мы можем выбрать любую картину из этой галереи, — сказал Карриган. — И шагнуть в нее, как в детской сказке. Не желаете, например, принять ванну?

Ослабившись, Карриган кивнул пригласительно в сторону морского пейзажа, способного заставить любого мариниста (вплоть до великого Бодо Паркоккри, про которого говорили, что волны на его картинах так и плещутся) застрелиться от сознания собственной профнепригодности.

— Боже мой, где я... Помогите... Это что-то невероятное... Полное нарушение всех физических законов... — донеслось в это мгновение до собеседников сбивчивое бормотание, исходящее как будто бы откуда-то сверху. Подняв головы к небесам, они обнаружили на их фоне барахтающуюся фигуру, распятую в кроне самого высокого из окружающих деревьев.

— Ага, и этот здесь, — недовольно буркнул Петр, отворачиваясь с досадой от бедового попутчика.

— Ишь куда запрыгнул, Попрыгунчик-то наш, — насмешливо прокомментировал ситуацию присоединившийся только что к компании Рик. Героический бежевый господин, за которым, похоже, начало уже прочно закрепляться отнюдь не героическое прозвище Попрыгунчика, трепыхался в ветвях, словно муха в паутине, и физические законы были для него действительно нарушены куда изрядней, чем для прочих, удачно Приземлившихся «десантников». Даже тучный Фредди Бельмонд сидел неподалеку целый и невредимый, слегка ошарашенно держась одной рукой за голову, а другой прикрывая челюсть, утопшую при падении (челюсти, а не самого Бельмонда) в шейных жировых складках.

— Сейчас я его выручу, — улыбнулся Странник, направляясь к дереву, дрожащему и жалобно поскрипывающему от трепыханий свалившегося на него с неба неумного злосчастья. Что и говорить, среди многих прозвищ, коих бежевый господин был уже мысленно достоин Михаилом и наверняка не им одним, вряд ли отыскалось бы звание «везунчика». Подойдя к несчастному дереву, Заноза положил ладонь на его ствол и глубоко вздохнул, после чего ветки наверху под неудачником стали гнуться, как резиновые, и он начал довольно быстро, хоть и с некоторыми задержками на особо толстых ветвях, падать вниз, наподобие перезрелого фрукта, хотя очертаниями напоминал скорее несъедобный корнеплод.

Петр тем временем возобновил разговор, прерванный на сомнительном предложении Карригана помыться:

— Купаться нам сейчас некогда, — заявил Петр, — а вот как в этой галерее насчет пожрать?

Вся его бригада, включая и девушку, при этом замечании сразу переключилась с наблюдения за Странником на беседу и заметно наострила уши.

— Думаю, что и за этим здесь дело не станет, — обнадежил их Карриган. — Но по этому вопросу нелишне будет обратиться к специалисту.

Попрыгунчик, он же перезрелый древесный корнеплод, к этому времени достиг твердой

почвы и с помощью Странника делал попытки утвердиться на одной. Лицо его приобрело несколько царапин в дополнение к коронному синяку.

— Оставить бы эту заразу на дереве висеть вместо пугала, — высказался Рик, щурясь плотоядно на невезучего героя. — Ох, чует мое сердце, принесет он нам еще неприятностей!

— Неприятностей нам здесь не миновать, это уж точно, — подтвердил Карриган. — Но только совсем из другого места. — При этих словах он многозначительно поглядел на черное пятно, единственное, стоящее неподвижно среди прочих, медленно перемещающихся друг относительно друга «картин».

— Что это еще за дыра с неприятностями, как будто нам своих мало? — поинтересовался Петр, но подошедший в этот момент Заноза, не прислушивавшийся, очевидно, к предыдущей беседе, невольно переключил внимание окружающих на более актуальную сейчас для всех тему.

— Как вы насчет того, чтобы подкрепиться? — спросил он. — У меня так с утра еще на языке крошки не было.

— Да мы бы не прочь, кабы ты подсказал, где среди этих картин находится натюрморт, — неожиданно игриво подала голос вторая в компании девушка — кажется, в первый раз с тех пор, как Михаил ее увидел, — и подошла вызывающей походкой к Страннику почти вплотную. Что именно вызывала ее походка, голос и вообще вся изменившаяся неожиданно манера поведения, уточнять вряд ли требуется, и Заноза отреагировал на ее действия вполне адекватно: улыбнулся ей и, подхватив ее за талию, двинулся к краю лесного мирка, бросив на ходу остальным:

— Пошли, сейчас организуем!

Следуя за ними вместе со всеми, Михаил покосился невольно на Илли: она хоть и держалась Постоянно возле Карригана, но была, как и прежде, подчеркнута холодна и неприступна, так что Михаил мог спокойно продолжать тешить себя совершенно безосновательными надеждами, непонятно даже на что.

По пути к компании примкнул постанывающий Бельмонд, кое-как приладивший уже на место свою челюсть.

Своеобразная местная «черная дыра» с неведомыми неприятностями внутри, временно позабытая всеми, зияла сейчас от них по левую руку, в то время как Странник уверенно направлялся в сторону пейзажа с волнами. У Михаила зародилось два предположения: первое — Заноза собирается предложить им наловить себе в море рыбы на завтрак (вернее, для большинства это оказался бы скорее, рыбный ужин), и второе — он намерен по обычаю чисто плотных Странников перед трапезой помыть руки. Михаил как раз ломал голову над тем, придется ли Страннику для ловли рыбы (или для омовения рук) прыгать в пейзаж всему полностью или ему достаточно будет для этого просто перегнуться в него через «раму», а остальные поддержат его при этом за ножки, как вдруг со стороны «черной дыры» донесся громкий неаппетитный звук, больше всего смахивающий на утробную отрыжку обожравшегося Людоеда. Не успев еще обернуться на звук, Михаил инстинктивно шарахнулся от него в противоположную сторону, где тут же наткнулся на Рика, нарушив принятую уже тем боевую стойку — с РП на изготовку. Стоило Рик в этот момент нажать от неожиданности на гашетку — и только что начавшейся карьере Проводника был бы обеспечен бесславный конец, так как Михаил вряд ли смог бы ее с успехом продолжить, будучи перерезанным надвое. Но Рик, к счастью для Михаила, оказался бойцом с крепкими нервами, закаленными нелегкими буднями простого запредельного разведчика. На гашетку

он не нажал, а просто отпихнул легким движением локтя Михаила в сторону, отчего тот пролетел до ближайшего дерева, сбив по пути с ног Попрыгунчика, а заодно с ним свою прекрасную незнакомку и уже в самом конце полета здорово ушибив себе плечо о Карригана. Внеся таким образом некоторую сумятицу в маленькое войско, Михаил грянулся всей спиной о древесный ствол и получил наконец возможность увидеть причину безобразного звука — также в достаточной мере безобразную, но все же гораздо симпатичнее того, что успело нарисовать себе его богатое воображение пару мгновений назад при звуке чудовищной отрыжки.

От «дыры» по направлению к путешественникам катился по лесу большой ком грязного тряпья. Только и всего-то. Симпатиченький такой комик, увязанный компактно обитателями «дыры», не иначе как для сдачи в утиль. Вряд ли сам этот ком мог быть источником омерзительного звука, а скорее всего это «рыгнула», извергая его из себя на свет Божий, таинственная «черная дыра». Ком быстро приближался к замершей на полпути компании, ловко огибая стоящие на его пути деревья — весьма походило на то, что целью его являлась именно группа пришельцев, объявившихся незванно среди окраинного месива и осквернивших своим присутствием сей мирный Пятачок девственной природы (хотя это еще вопрос, чье присутствие его больше осквернило). Между тем те из них, у кого в руках имелось оружие, подняли его почти одновременно. Но в последний миг, успев опередить выстрелы, тишину нарушил властный голос:

— Не стрелять! Это не враг.

Окрик принадлежал Карригану. Спасенный его внезапным заступничеством тряпичный колобок продолжал катиться; Странник, опуская медленно, словно в сомнении, свое игрушечное оружие, проворчал:

— Никогда не знаешь, чего ждать из Кляксы. Темное место. Черт его разберет...

Колобок, подкатившись к людям на расстоянии десятка шагов, резко остановился и развернулся, обретя при этом пародийные очертания женской фигуры — бесформенной и неуклюжей, с серым одутловатым лицом, имеющим странный рисунок морщин — как будто бы время, накатываясь на него раз за разом, словно прибой на песчаный пляж, уложило в конце концов кожу лба и щек мягкими извилистыми складками. Посреди складок торчал одиноким кривым утесиком крючковатый совиный нос, а вот глаза были совсем не совиными — маленькими и совершенно светлыми, совсем как драгоценные камешки, утопшие в измятом комке прогорклого теста.

«Настоящая ведьма!» — подумал Михаил с не вполне уместным восторгом, в то время как старуха, едва «развернувшись», быстро заковыляла напрямик по направлению к ним, а точнее — прямо к Илли, так и сидящей на земле в компании Попрыгунчика-натуралиста, с тех пор как Рик, не рассчитав, уронил их при помощи заброшенного им за можай Михаила. Со своей стороны, Михаил, также все еще сидящий, торопливо вскочил, намереваясь преградить ведьме дорогу к девушке — за неимением ничего лучшего — своим телом, и тут же чуть было опять не упал, потому что на его левую ногу опустилась, впечатав ее в землю, пудовая наковальня — так ему поначалу показалось, — при более пристальном рассмотрении оказавшаяся ступней Карригана. Михаил попытался высвободить свою ногу, но Карриган утвердился на ней нерушимым постаментом, словно не замечая ни подмятой конечности под своей ступней, ни ее рвущегося на волю обладателя. Внимание Карригана было полностью обращено на старуху; та надвигалась на Илли довольно шустро, несмотря на свои неуклюжие габариты. Михаил повернулся к Страннику, собираясь адресовать ему

отчаянный призыв о защите девушки, да тот уже и сам, без призыва, подался вперед наперерез ведьме (и не он один).

— Стоять! — уронил Карриган. Он вел себя так, будто знал наперед обо всем, что случится: слишком много уверенности содержало каждое его действие — уверенности, спокойствия и силы, — настолько много, что даже Петр невольно подчинился его команде и замер — как это ни удивительно, подчинился уже не в первый раз. Неизвестно, долго ли продержался бы он теперь под гипнозом узурпированной у него власти, как вдруг старуха заговорила тихо на ходу, обращаясь к одной только Илли и не замечая окружавших ее людей, словно никого больше и не было в этом лесу, никогда и никого здесь не было, кроме нее и девушки. И уже не воля Карригана, а ее удивительный голос продолжал удерживать всех на месте: такой сокровенно-знакомый и давно забытый, пришедший как будто бы из далекого детства, но не из реального, а из какого-то другого, придуманного сказочниками, и все же теплящегося, как оказалось, у каждого в укромном уголке сердца — с потрескиванием домашнего очага, с ароматом румяных пирожков, вьюгой за окнами и бабушкиными сказками на ночь.

— Пришла, деточка, издалека пришла, ох и издалека, да и я тебя издалека слышала. Ты не бойся, зоринька, они тебя не слышат, только я слышу. Мало таких, как ты, осталось, ох и мало, да, почитай, и нет совсем, трудно тебе, ласточка, да еще труднее будет, а я помогу, дам тебе кое-что, в кулачке сожмешь, и будет тебе помощь. Ты верь бабке, я помогу, советом аль еще чем, все полегче тебе будет.

Илли так и сидела, глядя на старуху широко открытыми глазами, а та, наклонившись и все еще бормоча, уже протягивала ей что-то, зажатое в высохшей, словно мумифицированной ручке. Илли медленно подняла руку навстречу, длинные белые пальцы встретились с корявой птичьей лапой, и в раскрытую розовую ладонь лег небольшой предмет на ремешке — какой-то коричневый камешек, как показалось Михаилу. Затем старуха — натуральная с виду ведьма, но почему-то с голосом доброй феи — отвернулась и пошла, переваливаясь, обратно — в ту же сторону, откуда пожаловала.

— Все поможем... — донеслось от нее напоследок, прежде чем ведьма, она же фея, вновь обернулась комом растрепанного тряпья и покатила назад к «черной дыре», подскакивая изредка на встречных корнях.

— Что за помощь-то, мать, оружием аль продуктами? — добродушно крикнул ей вслед Петр и усмехнулся: — Пораньше бы тебе, бабка, объявиться, глядишь, всю погоню бы нам распугала своим тряпьем.

— Ты поосторожнее с этим, на шею лучше не вешай — мало ли что, — посоветовал Странник Илли, указывая на предмет в ее руке.

— Хотел бы я знать, что это бабка в ней нашла? Издалека, вишь ты, она ее слышала... — проговорил Петр, придирчиво оглядывая девушку в поисках каких-то не замеченных им ранее достоинств. Михаила все происшедшее лишь укрепило в убеждении, что попугчики им попались более чем загадочные и имперские спецслужбы заинтересовались ими явно неспроста.

Илли поднялась, молча пряча подарок в нагрудный карман, а до Михаила только теперь дошло, что говорила-то бабка по-русски, и все-таки девушка ее, похоже, поняла; что-то здесь было не так, какая-то заковыка с языками, и ни при чем тут это «общее ментальное пространство». «Спросить бы надо потом у Странника, как они тут все друг друга понимают», — подумал Михаил. Задавать мысленных вопросов Карригану он пока что не

решался — непривычно как-то, да и Бог его знает, не почудилось ли ему их телепатическое общение под впечатлением всего пережитого.

Свернутая в комок бабка тем временем уже докатилась до края леса, в последний раз высоко подпрыгнула и исчезла в «дыре» с глухим чавком, словно ахнул в трясину увесистый булыжник.

— Полное нарушение причинно-следственных связей, какая-то абстракция, нонсенс... — забубнил себе под нос Попрыгунчик, поднимаясь с земли.

«Да, это тебе не цветастый Айрап и не Беблер, и даже не Урюпинск с его террариумом. Будет теперь чем девушек заезжих потрясать, когда домой вернешься», — отвел мысленно душу Михаил.

Петр обернулся к Страннику:

— Ладно, парень, показывай, где в этой картинной галерее продовольственный склад, а то вон девушка сейчас тебя слопаёт, гляди, какими голодными глазами смотрит! А, Рейчел? — и он резко притянул к себе за руку девушку, вот-вот уже готовую вновь повиснуть на Занозе.

Они тронулись опять «в сторону моря», хотя направление теперь немного изменилось — живые картины успели слегка сместиться, и волны плескались теперь значительно правее, чем раньше.

— Ты что, рыбачить собираешься? — поинтересовался Петр. Странник в ответ ухмыльнулся.

— Можно и порыбачить, рыбка там водится. Только наживка большая нужна: рыбка уж больно крупная да голодная.

— А мы Попрыгунчика наживим, он у нас любит экзотическую живность, — внес предложение Рик.

— Да нет, лучше толстяка, — поддержал общий треп Седой, кивая на понурого Бельмонда, — на этого сразу клюнет!

Петр посмеялся заодно с друзьями, в то время как оба кандидата на наживку слегка занервничали — кажется, охочей до рыбки каторжной команде удалось-таки немного взбодрить своими веселыми шутками эту невезучую пару. Тем временем выяснилось, что направляются они вовсе не на рыбную ловлю. Выйдя на окраину леса, Странник миновал призывно играющий волнами морской пейзаж и подошел к следующему — совершенно не призывному, а скорее, наоборот, — мрачноватому отрезку, на котором виднелась часть полуразрушенного здания. Отрезок этот сместился вниз, так что уровень мостовой в нем лежал теперь значительно ниже уровня здешней почвы.

— Сюда, — бросил через плечо Странник, спрыгивая с мягкой лесной почвы на потрескавшийся асфальт. Затем обернулся и протянул галантно руку Рейчел. «Странная картина, — подумал Михаил. — Стоит человек в одном мире и протягивает руку человеку в другом. Что их разделяет-то? Да как будто бы ничего...»

Рейчел не преминула воспользоваться предложенной ей помощью; мало того, она не просто спрыгнула, она прямо-таки свалилась вниз прямо Занозе в руки, обхватив его еще при этом за шею. Михаил представил невольно себя на месте Странника, но только с другой попутчицей на шее и, забыв тут же о неуловимой грани между мирами, так ее и не уловив, моментально оказался внизу на мостовой, но опять-таки, как всегда, опоздал; вездесущий Карриган тоже уже был по эту сторону «рамы» и уже снимал сверху Илли, подхватив ее за талию. Пока остальные сыпались со всех сторон вниз, Михаил ревниво наблюдал, как

Карриган, медленно ставя девушку на землю, прижимает ее к себе, глядя при этом ей в глаза с однозначно голодным выражением. Голод, понятно, не тетка, Михаил и сам проголодался, но зачем под это дело девушек хапать и глазами их поедать? «Вот сволочь, охмуряет ведь девчонку!» — яростно подумал Михаил, понятия на самом деле не имевший об истинных взаимоотношениях этой пары, но уже как-то привыкший считать их чисто деловыми. Однако Илли, едва встав на ноги, тут же пролила лекарственный бальзам на свежие раны тайного ревнивца: она оттолкнула Владимира Карригана обеими руками, отвернувшись и отошла от него на несколько шагов.

«Так-то! Знай наших! Не распускай руки!» — победно подумал Михаил Летин, отрываясь от наблюдения за ними и окидывая наконец-то взглядом ближайšie окрестности. Ничем особо впечатляющим окрестности взгляд не радовали, не считая развешенного по периметру нового пространственного эрмитажа, собранного из неизвестных, но сплошь гениальных полотен и радующего глаз двумя знакомыми картинами: «Осень в лесу» — откуда вся компания только что ссыпалась, и «Черная клякса», расположенная сейчас значительно левее. «Ну да нечто подобное мы уже видели, не до выставок сейчас, кушать больно хочется. Вот только ничего съедобного поблизости пока что не видать...» Данный пространственный отрезок обременяло единственное здание, сложенное из серого кирпича, — впрочем, слово «здание» звучало слишком монументально для этих ветхих руин, едва сохранившихся до уровня второго этажа.

— Хорош натюрморт, для скупских камнеедов, — проворчал Петр. — Или это местная забегаловка?

Странник, высвободив себя наконец из пылких девичьих объятий, молча направился в обход этой груды кирпичей, непонятно как еще держащихся друг за дружку. Вся компания, возлагавшая, несмотря на замечание Петра, большие гастрономические надежды на осведомленность Странника, охотно за ним последовала. Вскоре в строении обнаружилась изрядная брешь — часть стены за поворотом просто-напросто отсутствовала, — в этот гостеприимный проход небольшой отряд и свернул вслед за Занозой.

Помещение, куда они вступили, хоть и не имело потолка — его с успехом заменяло здесь бесцветное небо, — зато имело довольно ровный мозаично-плиточный пол и в целом оказалось именно из разряда тех, что им сейчас и требовалось: небольшой зальчик представлял собой подобие провинциального магазинчика, вдоль дальней стены располагалась стойка, а за ней — полки, тесно уставленные предметами коробочного, баночного и бутылочного типа с яркими этикетками. Не подвел Странник, не обманул всеобщих надежд! Весь небольшой отряд почти поголовно (кроме Илли и Карригана, остановившихся в дверях) устремился через зал на штурм стойки (не хватало только общего крика «ура!»); сам Заноза не явился исключением, однако Михаил заметил, что по пути он озабоченно оглядывается, словно в поисках кого-то, кого он ожидал здесь встретить, но его, как видно, почему-то не оказалось на месте.

Первыми стойки достигли Рик с Седым и, не утруждая себя долгой кружной дорогой, сразу через нее перескочили. Седой приземлился с той стороны благополучно, а вот Рик не повезло — он наткнулся на что-то лежащее на полу за стойкой, едва не упал, медленно выпрямился и, глядя куда-то себе под ноги, отдельно, чуть не по слогам, как прилежный ученик на уроке, произнес непечатное ругательство. Седой, уже запустивший руки в продуктовый арсенал на полках, тоже мельком глянул вниз и моментально позабыл о расставленных перед ним в изобилии продовольственных товаров.

— О, дь-явол!..

Их замешательство остановило остальных.

— Что там? — спросил Петр и, не дожидаясь ответа, перегнулся через прилавок, посмотрел сам. Помолчав мгновение, прокомментировал: — Да... Красиво...

Михаил хотел было также взглянуть, что там нашлось такого красивого, но удалось ему это не сразу. Странник, застонав сквозь зубы, оттолкнул его, перемахнул на ту сторону и скрылся за стойкой, присев там перед чем-то на корточки. И тогда уже все, кто находились поблизости — Рейчел, Бельмонд и Попрыгунчик, шагнули к прилавку и стали, перегибаясь, заглядывать вниз.

Михаил тоже посмотрел, тут же отпрянул и обернулся назад — Илли с Карриганом, заметив общее замешательство, уже к ним подходили.

— Не давай ей туда смотреть, уведи обратно!.. — с трудом выговорил Михаил и сам встал перед Илли, расставив руки, загораживая ей дорогу, при этом пошатываясь и с трудом преодолевая приступ тошноты; хотя то, что лежало за стойкой, он увидел не полностью — часть загораживал собою склонившийся Странник. Но и этого оказалось для Михаила вполне довольно: никогда ему еще не доводилось видеть убитых девушек (одного убитого мужчину он уже недавно видел), и убитых настолько зверски: девушка, лежавшая позади стойки, была изорвана, растерзана, словно ее месили огромными когтистыми лапами, вырывая из тела целые куски, или же рвали зубами (одно, впрочем, не исключало другого).

Позади рухнуло что-то тяжелое, после чего Михаила сильно пихнули в бок, и, миновав его, пронесся между Карриганом и Илли к выходу Попрыгунчик, закрывая отчаянно рот руками. Михаил вспомнил, что бежевый герой успел сегодня поужинать в баре с его девушкой — даже в этом ему, как теперь выяснилось, не повезло. «Хорошо, что я не успел», — с какой-то замогильной радостью подумал Михаил.

Илли, стоя перед ним, встревоженно заглядывала через его плечо, но Карриган взял ее за руки, развернул назад, и она отошла, не задавая вопросов, высоко, как и всегда, держа голову. Карриган прошел к стойке мимо Михаила. «Любопытство не порок...» — подумал ему вслед Михаил.

— Надо ее отсюда вынести, — раздался позади голос Петра. — Рейч, отыщи здесь какой-нибудь плащ, что ли!..

Михаил оглянулся: Петр сидел на прилавке, свесив ноги, рядом с ним стоял Карриган, неподалеку от его ног лежал на полу Фредди Бельмонд — кажется, в обмороке; мимо него только что прошла Рейчел, направляясь в угол, к расположенной за стойкой двери. По ту сторону стойки по-прежнему находились Рик, Седой и Странник — все трое стояли, глядя вниз.

— Ее нельзя отсюда выносить, — сказал Странник. — Я отнесу ее в заднее помещение.

— Ладно, поступай как хочешь, — без выражения ответил Петр. — Это ваши дела.

Скоро из-за двери появилась Рейчел с какой-то белой материей в руках — то ли скатертью, то ли занавеской — и бросила ее на стойку. Странник взял материю и, нагнувшись, стал заворачивать тело; ему помогал Рик. Михаил подошел к Бельмонду — необходимо было сейчас что-то делать, все равно что, лишь бы сбросить оцепенение, не думать о том, что лежит там, за стойкой, — наклонился и похлопал Фредди по щекам. Тот слабо шевельнулся, приоткрыл глаза, сделал попытку сесть. Михаил ему в этом подсобил — санитарная работа, похоже, грозила вскоре перерасти в его второе призвание. «Пойти, что ли, Попрыгунчика заодно откачать?» — тускло подумал Михаил, опускаясь на пол рядом с

Бельмондом.

— Ты ее знал? — донесся до него голос Рика, обращавшегося к Страннику.

— Да, я ее знаю, — ответил Заноза. — Это Скалди. Понесли.

Они разогнулись, подняв с двух сторон тело, завернутое в пропитавшуюся уже кровью материю.

— Кто ее так?..

— Нечисть из Кляксы. Слава Богу, что хоть с собой не утащили, — сказал Странник, к удивлению Михаила, уже довольно бодрым голосом.

— Да какая ей теперь разница, — заметил Рик, пятясь спиной в направлении двери.

— Какая разница?.. — переспросил Заноза удивленно и, помолчав, добавил: — Ну да, вы же из декорации...

Тут с «улицы» послышались тяжелые шаги, словно иллюстрация к последнему разговору: чудовище возвращается к месту преступления, чтобы забрать добычу и уволочь ее в свое черное логово. Михаил, осененный этим леденящим душу образом, молниеносно вскочил, Петр и Седой почти одновременно оказались рядом с ним и уже с оружием в руках. Секундой позже «в дверях» вместо горячо ожидаемого кровожадного монстра возникла знакомая фигура в бежевом костюме, напоминающая чем-то пожухлый лист, не вполне устойчивая и с заметной прозеленью в лице. Проникнув в помещение, фигура тут же сделала шаг в сторону — к ближайшей стене и расслабленно опустилась возле нее на пол.

— Ложная тревога, — буркнул Петр, убирая лазерник.

— В следующий раз я его точно подрежу, — пообещал из-за стойки Рик, перекидывая свой РП обратно за спину, и они наклонились одновременно со Странником, чтобы поднять свой оставленный на время тревоги кровавый груз. Пока они выносили тело в заднюю дверь, Рейчел уже оказалась за прилавком и принялась выставлять на него с полок банки, коробки и бутылки, предварительно разглядывая приглянувшиеся этикетки. Одну бутылку она перебросила Петру, он тут же, чуть не на лету ее вскрыл и жадно прилип к горлышку. Хладнокровию Рейчел (проявленному ею уже не впервые при виде смерти) можно было бы позавидовать, однако Михаилу она была в этот момент по-настоящему, до презрения неприятна. Хотя он и понимал — смерть для нее, вероятно, являлась привычным и вполне обыденным явлением: что-то типа мелкой рабочей неурядицы, вроде увольнения со службы проштрафившегося сослуживца. А эта уволенная из жизни незнакомка и вовсе была из какого-то другого ведомства — тем более не о чем жалеть!.. Мгновением позже Михаил устыдился своих мыслей, потому что уловил внутренним слухом знакомый голос, сказавший глухо где-то вдалеке: «Что ты знаешь о ее жизни, чтобы ее судить?» И только. Михаил даже усомнился — а не сам ли он задал себе этот вопрос голосом Карригана? А ведь действительно — равнодушие могло быть для этой девчонки единственным средством, чтобы не сойти с ума в том переполненном смертями мире, куда ее забросила лихая судьба. Не ее вина, что постепенно оно стало для нее нормой жизни...

Окружающие наблюдали за действиями Рейчел в молчании, большинству из них, кажется, резко расхотелось есть (Попрыгунчику-то уж точно расхотелось). Тем временем Петр, как выяснилось, совмещал приятное с полезным: запрокинув голову, он поглощал содержимое бутылки и одновременно окидывал взглядом небеса — благо никакой потолок ему тут в этом занятии воспрепятствовать не мог. Осушив бутылку до половины, он бросил ее Седому и поделился со всеми результатами своих метеорологических наблюдений:

— По-моему, вечереет. Самое время ужинать, а потом можно и отдохнуть. Сдается мне,

что в этой картинной галерее от Кляксы все равно ни где не спрячешься, поэтому ночевать будем здесь. Голс, разводи костер.

— Где? — спросил, отрываясь от бутылки, каторжник, которого Михаил давно уже нарек про себя Седым. Кстати, сам Михаил задал бы сейчас на его месте вопрос «из чего?».

— На полу, где же еще! — рявкнул в ответ Петр, так и не прояснив пока для Михаила его мысленного вопроса. Голса этот вопрос, впрочем, не озаботил: он кивнул и направился в центр маленького зала, копаясь на ходу в своем подсумке. Из задней комнаты вышли Рик с Занозой, Рик на ходу вытирал мокрые руки о какую-то тряпицу — похоже, что он обнаружил где-то в подсобке водопровод (возможно, также и канализацию). Сам Петр потянулся к горе упаковок, выставленных уже Рейчел на стойке, со словами:

— Хорош глазеть, бойцы, разбирай продукт, а то не достанется!

Пожалуй, их манера поведения — вести себя так, будто ничего не случилось и в задней комнате не лежит сейчас истерзанный девичий труп, — действительно была единственно приемлемой. По крайней мере, она внесла некоторую разрядку в смятенные ряды их невольных (в большинстве своем) соратников все стали подтягиваться к стойке и разбирать тары с продуктами. Попрыгунчик снялся с насиженного места и, подойдя довольно-таки крепким шагом, решительно обзавелся бутылкой; Карриган, дотянувшись, взял две банки — для себя и для Илли, подцепил что-то съедобное Странник, и даже Бельмонд, с кряхтением поднявшись с пола, разжился внушительных размеров коробкой; а Рейчел спросила что-то у Рика и, выслушав его короткий ответ, скрылась в заднем помещении, куда только что вынесли труп, после чего Михаил окончательно уверился в наличии где-то там санузла, хотя сам ни за что не стал бы им пользоваться. Да и не хотелось пока, как и вообще ничего не хотелось после увиденного, даже в какой-то мере жить. Тем не менее он тоже машинально, на общем порыве взял какую-то банку, наблюдая в то же время за действиями Голса: тот уже нарыл в своем подсумке небольшой — величиной с ладонь — металлический диск, положил его на пол в центре зала и отошел на два шага. Сначала вроде бы ничего не происходило, потом вокруг диска стали вспыхивать редкие золотые искорки — загораясь, искры уже не гасли, а начинали веселую пляску в пределах невидимой сферы, их становилось все больше, вскоре уже целый рой искр отплясывал над своей мамой- диском дикую джигу влюбленных светлячков, и к ним присоединялись все новые; в какой-то неуловимый миг все светлячки слились воедино, запольхали радостно, воплотившись в безумном танце настоящим живым огнем.

«Ага, понятно, энергоконцентратор», — подумал Михаил, вспомнив, что уже видел данное техническое новшество в туристической рекламе: «Одноразовая энергетическая батарея, стопроцентный заменитель костра, без дыма и запаха, позволяющий сохранить в неприкосновенности девственную природу земных лесов». «И не только земных», — добавил бы Михаил. Он увидел, что к огню подошла Илли и присела возле него на корточки, глядя на пламя так, словно повстречала наконец в чужом и враждебном ей мире единственное родное существо и поверяла ему сейчас мысленно свои невысказанные сокровенные вопросы. Михаила тоже неудержимо потянуло к огню, и он не стал противиться этому зову — тем паче, что вся понурая компания начала уже постепенно группироваться вокруг источника тепла и света, древнейшего спутника человека как на земле, так и в иных мирах.

Между тем небо, заменившее потолок над их головами, действительно быстро темнело; странно, что эти кусочки реальностей, оторванные от родных пространств, продолжали

функционировать в точном соответствии со временем, из которого они были «вырезаны»: не иначе как между ними и породившими их реальностями продолжала сохраняться какая-то связь, хотя размышлять на эту тему было сейчас столь же бесполезно, как думать, например, о связи с загробным миром.

Петр послал Голса дежурить у входа, остальные расселись прямо на полу вокруг огня и занялись пристальным изучением содержимого разного рода продовольственных емкостей.

— Интересно, откуда здесь берутся продукты? — спросила, устраиваясь рядом со Странником, вернувшаяся Рейчел, заметно после своего отсутствия посвежевшая («Умылась она там, что ли?» — зло подумал Михаил). То ли она всерьез положила на Занозу глаз, то ли — что Михаилу показалось более вероятным — просто забавлялась от скуки (хотя какая там, к чертовой матери, скука, о скуке он, кажется, скоро будет мечтать, как дитя о любимой тянучке).

— А кто его знает, откуда они здесь берутся, — откликнулся Странник. — Появляются постоянно на полках, словно кто-то их туда ставит, — иной раз возьмешь бутылку, не успеешь отвернуться, а там уже новая стоит.

Михаил с удивлением осмотрел со всех сторон доставшуюся ему банку, отогнул припаянный сбоку маленький держатель с ложкой. По картинке судя, в банке было заперто что-то рыбное. «Откуда ты, морской продукт?..» Судя по надписям (заковыристая вязь), продукт был из мест, имеющих общую ментальность с арабскими эмиратами. «Магазинчик-самобранка, последнее слово запредельной техники!» — состряпалась моментально в мозгу у Михаила привычная рекламная мысль.

Следующий вопрос Страннику отважился задать, как это ни странно, Фредди Бельмонд.

— А эта девушка... Бедняжка... — сказал он, опуская свою коробку и судорожно вздыхая. — Почему она здесь... Была?.. Она здесь работала?

Насколько Михаил знал хозяина «Горного орла», к девушкам из персонала он всегда относился трепетно, безо всяких там интимных поползновений, можно сказать — по-отцовски.

— Скалди? Она давно здесь живет. Ждет своего жениха — Бола Бродягу, — ответил Странник. — Болу здорово не повезло: год назад он попал в Лапшерезку, и его там нашинковало в настоящий винегрет...

— Куда-куда он попал? — переспросила Рейчел, игриво прислоняясь к Страннику плечом.

— В Лапшерезку. По легенде, это то самое место, где нарезалось Окраинное Месиво, вот только никто не знает, как туда попасть, — да и запретным оно отродясь считалось. А Бродяга всегда хвастался — нет, мол, для него на Перекрестке никаких запретных мест. Словом, уж не знаю как, но побывал он однажды в Лапшерезке и вернулся оттуда не целым, а нарезанным, вроде салата — все части присутствуют, но вперемешку и каждая как бы сама по себе. Вот он и отправился в таком виде бродить по Перекрестку в поисках спасения от этой напасти.

— Но как же можно?.. — возмутился Бельмонд. — Как он мог ее тут бросить? Здесь ведь так опасно, а она одна... Была...

Видимо, в рассказе Странника Бельмонда больше всего поразил тот факт, что нашинкованный Бол Бродяга посмел оставить свою девушку одну в таком опасном месте.

— Когда Бол уходил, здесь все было по-другому: Клякса тогда еще только начинала проклевываться. В Месиве тогда жизнь кипела, можно было неделями здесь пропадать,

многие здесь постоянно жили. Теперь почти никого не осталось.

— А почему же она не ушла?... — продолжал педантично допытываться Бельмонд.

Странник поднял на толстяка глаза, дернул плечом.

— Она ждет Бола. Любого. И ничего с этим не поделаешь. Скалди вообще-то отчаянная девчонка, может за себя постоять. Нечасто с ней такое случается... — Странник кивнул в сторону двери, за которой лежала убитая девушка.

— Нечасто?.. — переспросил ошарашенный Бельмонд. — Вы хотите сказать, что такое... с ней уже бывало?..

— Нечисть распоясалась, — продолжал Заноза, — здесь стало по-настоящему опасно, даже для Странников. Ей пора уходить отсюда, иначе в следующий раз они ее наверняка утащат...

После этих слов Занозы в магазинчике воцарилась почти что мертвая тишина, нарушаемая только приглушенным бульканьем: это Карриган жадно глотал что-то из бутылки. Остальные слушатели позабыли глотать что бы то ни было и уставились на Странника, как белые медведи на выловленного только что в ледяной проруби крокодила.

— В следующий раз?.. — заглушил вопросом неэстетичное бульканье Петр. — Ты что, хочешь сказать, что у нее еще может быть какой-то «следующий раз»?

— Может, но я надеюсь, что такого с ней больше не случится. Смерть всегда остается смертью, даже для Странника, — спокойно ответил Заноза. А потом рассказал им в двух словах, чем жизнь Странника отличается от жизни простого смертного, а в конце рассказа пообещал познакомить их завтра утром со Скалди, если, конечно, они до этого утра доживут. — Здесь становится с каждым днем все опаснее, — пояснил он, — особенно для людей из декорации.

— Ничего, парень, и нас не так-то просто укокошить, — подмигнул Занозе Петр. — Хоть мы и из декорации. Эти твари еще не имели дела с настоящими смертными, которым есть что терять. А тогда им любая декорация с овчинку покажется! Они и свою Кляксу тогда сами заштопают — с той стороны!

— Что ж, кто вас знает, — усмехнулся Странник. — Уж если вы меняете декорации вместе с собственным домом...

— Значит, вы утверждаете, что она... Эта убитая девушка проснется завтра утром как ни в чем не бывало?.. — обрел вдруг вновь дар речи Попрыгунчик, и сразу же его поразили словесный понос: — Но как это возможно? Этого же не может быть! Что это за место? Где мы находимся, в конце концов? И что здесь происходит?..

Кажется, у бедняги вконец не выдержали нервы, да и немудрено: сменяющиеся миры, летающие снегоуборочные монстры, небесная манна (она же отравы), пережеванный Аткин, который уже больше никогда не встанет, пространственное месиво и в довершение всего — мертвая девушка, которая собирается проснуться целой и невредимой рано поутру — коктейль, замешанный явно не для слабонервных.

— Это Перекресток Миров, — произнес Карриган, спокойно в упор глядя на Попрыгунчика. — Здесь возможно все, и ничему не стоит удивляться.

Под его взглядом неуравновешенный господин как-то сразу сник, успокоился и начал шарить рукой окрест себя в поисках отставленной бутылки. Нашарив, он ее взял и приложил доньшком *к своему верному синяку. Уравновесился, одним словом.

Михаил после известия о грядущем воскрешении несчастной Скалди почувствовал себя куда бодрее, к нему даже аппетит вернулся; опустошая свою банку, он даже удивился

довольно приятному ананасовому вкусу рыбного продукта и задал между делом вопрос Страннику по поводу преодоления им языкового барьера. Вопрос привел Занозу в недоумение: он не сразу взял в толк, о каком барьере идет речь, и был очень удивлен, узнав, что говорил сегодня со своими попутчиками на двух разных языках: русском и межгалактическом. Вряд ли они пришли бы к взаимопониманию, если бы в разговор в конце концов не вмешался всезнающий Карриган.

— Одна из многочисленных способностей Странников — это владение абсолютным языком, — объяснил он Михаилу. — Абсолютный язык — практически необъяснимое для обычного человека понятие, но истина состоит в том, что Странники способны понимать любую речь, а их собственная речь почти всегда воспринимается каждым человеком как его родной язык.

— А сегодняшняя старуха?.. — вспомнил Михаил. — Для меня она говорила по-русски. Выходит, она тоже Странница?..

— Когда здесь только все начиналось — все эти беды из-за Кляксы, — многих туда утащили, среди них были и Странники, — сказал Заноза. — Трудно представить, что с ними случилось в Кляксе, как они там существуют, если еще живы...

— Выходит, что живы, — заметил Карриган. — И стало быть, все это не настолько фатально, как я поначалу предполагал, — раз тамошняя нечисть имела глупость собственноручно — или собственноручно, Как вам будет угодно, — затащить в черное логово врагов, да еще таких серьезных, как Странники. Трудно даже представить, какими новыми способностями они обзавелись на Темной Стороне. Не знаю, выйдут ли они когда-нибудь оттуда живыми, но этот пространственный канал, эта ваша Клякса теперь обречена, они ее точно так или иначе заштопают, будь уверен, мальчик, или я не знаю Странников!

Одним словом, остаток ужина был доеден в теплой дружественной обстановке, озаренной не только светом костра, но и искрами некоторого взаимопонимания, а кроме того, надеждой на скорое воскрешение из мертвых безвременно погибшей Скалди. Покончив с трапезой, Странник предложил всем уставшим отдохнуть, а сам изъявил желание постоять на карауле, объяснив подозрительному Петру, что в том временном поясе, где обитает клан Прорва, сейчас только вторая половина дня, и спать там пока еще не ложатся, поэтому и ему, Занозе, как истинному сыну своего клана, спать пока что не хочется. Вернувшийся с караула Голс доложил, что за время его дежурства неприятельских катеров, равно как и новых поползновений из Кляксы, замечено не было, после чего все стали, кто как мог, устраиваться на ночлег, за неимением в заведении индивидуальных спален — прямо на полу вокруг костра. Михаила, кстати, очень порадовало, что Илли не воспользовалась плечом Карригана — судя по коротким препирательствам, предложенного ей последним в качестве подушки. Михаил был бы счастлив предложить ей сейчас собственное плечо, но не решился бы высказать такое предложение даже под дулом пространственного резака, хотя стеснительностью вообще-то страдал только в ранней юности, точнее даже сказать — в позднем детстве. Но, как тут же выяснилось, Карриган и Михаил были не единственными поклонниками Илли в этой компании.

— Эй, девочка! — окликнул ее Рик. — Пойдешь со мной ночевать за стойку?

Илли одарила его таким взглядом, как будто из неведомой щели в полу только что выполз наглый таракан размером с Рика и, встав на задние лапы, развязно предложил ей вступить с ним в интимную связь.

— Ты что, крови боишься? — не сдавался неотразимый Рик. — Так ты не бойся, мы ее

притрем.

На его влюбленный монолог почти никто из команды внимания не обратил: вольным воля проводить ночь в трудах вместо заслуженного отдыха после тяжелого дня — кроме Михаила, Карригана и, разумеется, самой Илли. Ее глаза презрительно вспыхнули. Ничего не ответив незатейливому ухажеру, она обернулась на Карригана, как оборачиваются к собаке-телохранителю, чтобы сказать ей «фас!». Карриган в ответ только усмехнулся, едва заметно пожав плечами. Рик, догадавшись наконец, что она не в духе, не стал настаивать, но явно обиделся.

— Чего испугалась? — сказал он. — Я тебя что, испусать собираюсь? — И проворчал, устраиваясь в одиночестве у стены: — Больная, может?

Илли обернулась резко к нему — похоже, она была в ярости, — но Карриган молча положил ей на плечо руку, и под его нажимом она опустилась медленно у огня.

Михаил, оставшийся, как всегда, в стороне от событий, связанных с ней, и как всегда недовольный своей ролью стороннего наблюдателя, тоже улегся и немного поворочался, пытаясь привести выпуклости своего тела к какому-то компромиссу с едва ощутимыми неровностями пола. Несмотря на изрядную усталость, он был уверен, что спокойно выспаться ему сегодня не дадут — уверенность эту подкрепляли мрачные намеки Странника на то, что, мол, не всем им, в отличие от Скалди, предстоит проснуться завтра утром, а также образ самой Скалди, зверски убитой какой-то неведомой тварью, посетившей эти жалкие развалины, судя по всему, незадолго перед их сюда приходом. Так что засыпал Михаил с натянутыми нервами, готовыми вырвать усталый организм из мелких глубин поверхностного сна при малейшей же тревоге. Ожидаемая тревога действительно вскоре воспоследовала, но только из глубин самого же организма. Словом, проснулся Михаил от настойчивой потребности, призывающей его покинуть на время помещение общего ночлега. В служебные комнаты он не пошел: хоть там и имелось, судя по всему, то, что ему сейчас требовалось, но там же лежала и несчастная Скалди. Поэтому он отправился наружу, рассчитывая повидаться там, кстати, с Занозой и осведомиться у него об окружающей обстановке. У самого выхода он Занозу не встретил. Как тут же выяснилось, тот находился неподалеку — сидел у стены снаружи и не в одиночестве: неумная Рейчел, страдавшая, должно быть, бессонницей (в ее-то годы!), находилась при Страннике и по мере сил мешала ему нести караульную службу, причем мешала до такой степени, что, выйди Михаил чуть позже, он рисковал бы уже оказаться в неловком положении человека, заглянувшего посреди ночи в чужую спальню. Личная жизнь шла своим чередом параллельно с военным положением, а для некоторых, очевидно, даже приобретала в полевых условиях определенную остроту.

— Лютики-цветочки у меня в садочке... — направляясь за угол, спел Михаил первое, что подвернулось на язык, надеясь, что песня будет услышана караульными и их личная жизнь не успеет зайти слишком далеко за время его отсутствия.

Хоть небо над головой казалось темным и беспросветным — явно ночным, — но ночного мрака не было и в помине: маленький мирок щедро освещался со всех сторон светом из многочисленных «дневных» окошек. Михаил ощутил себя единственным зрителем в панорамном кинотеатре, где показывают большое количество картин за раз. Клякса висела посреди этого великолепия черным пауком и, казалось, едва заметно зловеще пульсировала. «Странное дело, — думал Михаил, — множество мирков перемещаются постоянно друг относительно друга, и в каждом есть Клякса, висящая неизменно на одном месте. Стало

быть, Клякс много? Или все-таки одна?..»

Михаил в раздумьях пялился на Кляксу, как вдохновенный поэт на полную луну, как вдруг от нее, без малейшего на сей раз звука, что-то отделилось — словно капля черного яда — и упало где-то за домом, вне поля зрения Михаила. «Ага, начинается!» — подумал Михаил с каким-то нервным энтузиазмом, радуясь тому, что оказался в этот критический момент бдящим. Привел наскоро себя в порядок и побежал за угол, рассчитывая первым поднять в спящем стане тревогу. Но его, оказывается, уже опередили: не зря, оказывается, он призывал караульных к бдительности своей вдохновенной песенкой про цветочки и садочки. Когда Михаил вырुлил из-за угла, Заноза стоял перед входом один и в полной боевой готовности (в хорошем смысле этого слова), а Рейчел успела уже скрыться в здании и, судя по доносящимся оттуда звукам — отрывистым выкрикам и возне, — выполняла там роль будильника.

— Видел? — спросил на бегу Михаил у Занозы и, не дожидаясь его ответа, нырнул в зал. Там его встретила картина «Утро погорельцев»: все уже проснулись, вокруг костра на полу сидели, протирая глаза, невоеннообязанные, остальные во главе с Петром были уже на ногах и ловили распоряжения начальства — то есть самого же Петра. Карриган, кстати, был среди стоящих, но Петра не слушал, а что-то тихо говорил, наклонившись к только что проснувшейся Илли.

— Всем оставаться здесь! Голс, Рейчел, следите за стенами, Рик, держи вход! — командовал Петр.

— Там снаружи остался Странник, — напомнил Михаил, подходя к компании.

— Ничего, разберется! — бросил Петр, после чего в зале повисла напряженная тишина: все молча ждали, с какой стороны появится неведомый враг.

Михаил глядел на проем входа; Странника там видно не было — должно быть, он прислонился к стене где-то снаружи в ожидании нападения. Ожидание — особенно ожидание неминуемой беды — имеет отвратительное свойство претворять каждое мгновение в отдельную мучительную вечность, и сейчас этот парадоксальный закон развернулся во всю свою силу: Михаилу показалось, что Клякса успела породить за это время целую армию неведомых злобных тварей, они уже успели не спеша отобедать Занозой, а потом, никуда не торопясь, обложили дом, готовясь штурмовать его сразу со всех сторон. Так что, когда в дверной «пробоине» возникла фигура Странника, шагающего через порог спиной вперед, Михаил испытал настоящее облегчение: все-таки жив, бродяга! Заноза быстро пятился, а сразу вслед за ним проем загородило нечто не имеющее аналогов для сравнения в реальном мире и сразу в этот проем втиснулось: какой-то причудливый сгусток, слепленный кое-как из сплошных бугров, зубов и щупалец с одним продолговатым желтым глазом посередине. Страшилище было до того гротескно-нелепым, что Михаил даже не испугался при его появлении, чему сам немало удивился задним умом в следующую секунду. Заноза, пятясь, полосовал циклопа лазером, и лазерная щекотка, как видно, производила на милягу неизгладимое впечатление; иначе зачем бы он так старался настичь беглеца и приласкать его своими многочисленными щупальцами?

— В сторону!!! — заорал незнакомый зверский голос справа от Михаила, оказавшийся, как тут же выяснилось, голосом Рика. Странник молниеносно упал вбок, и к незваному пришельцу метнулось справа от Рика черное полотнище — полоснуло зверюгу поперек и мгновенно исчезло. Это был выстрел пространственного резака, смещающий в своих пределах ткань самого пространства и режущий таким образом все, чему не повезло

оказаться на его пути, вплоть до скал и железобетонных конструкций. Эффект оказался потрясающим до неожиданности: сразу после выстрела одноглазый монстрюга стал с диким воем и с потрясающей быстротой втягиваться в произведенный на нем разрез, как если бы он был плоской картинкой и эту картинку вытягивали сейчас через узкую прорезь из данного измерения в какое-то другое. Спустя несколько мгновений в воздухе над порогом извивались одни только щупальца, а потом и они втянулись в прорезь, вой оборвался на самой высокой ноте, и от страшного циклопа, грозы местных полей, огородов и незащищенных девушек, не осталось ничего — ни даже обрывка самого жалкого щупальца для Рика в качестве военного трофея.

Первым дар речи обрел Странник.

— Неплохо, — сказал он, поднимаясь с пола и отряхиваясь. — Что это у вас за оружие? В первый раз такое вижу.

— Это наша военная тайна, — сообщил Рик, сам немало удивленный результатами своего выстрела, но талантливо это скрывающий.

Тут сзади раздался нестройный коллективный крик — мирное население, оказывается, тоже не дремало — какая там может быть дрема, когда враг идет на приступ, да какой враг! Илли, Попрыгунчик и Бельмонд стояли на ногах и кричали каждый свое, но в целом общес по смыслу, примерно: «Тревога!», «Спасайся, кто может!» и просто «А-а-а!» — указывая при этом вверх на стены: с одной стороны через стену лез — и вот-вот готов был уже перевернуться на эту сторону — еще один циклоп с горящим, как у паровоза, глазом; над другой стеной маячило отвратительное жабье рыло, все красное, с распяленным в счастливой улыбке зубастым ртом. Не ошибся все-таки Михаил в своих предчувствиях: пока они тут разбирались с первым агрессором, Клякса успела породить тем временем еще по крайней мере парочку оглоедов, жаждущих, очевидно, не чего иного, как человеческой крови.

Рик вскинул РП, полыхнуло черное пламя, и циклопа, одолевающего стену, постигла уже в падении нелегкая участь его брата-близнеца: он завис в воздухе, так и не долетев до пола, и всосался с подвываниями в проделанную совершенным скальпелем на его бесформенной туше рану. Рик умудрился при выстреле даже не повредить стены; при стрельбе из резака, насколько знал Михаил, требовалось большое мастерство: во-первых, разумеется, меткость, а во-вторых — точный расчет времени при нажатии на курок. Пока второй циклоп погибал в страшных муках, полоса мрака протянулась из ствола резака к дефилирующей снаружи ослабленной лягушачьей роже, и она сейчас же издала характерный вой, сворачиваясь и втягивая в себя что-то огромное, багрово-бородавчатое — очевидно, остальное, не видимое до сих пор за стенами туловище чудовищного земноводного.

— Что, слопали? — присоединил Петр к потустороннему завыванию свой торжествующий крик. — Мы вам не Странники, мы с вами цацкаться не будем!

После трагической и эффектной гибели за стенами крепости лягушачьего мордоворота снаружи воцарилось гробовое затишье. Маленький отряд осажденных продолжал стоять в центре зала, сгруппировавшись вокруг огня и настороженно прислушиваясь: никому пока до конца не верилось в возможность столь быстрой и легкой победы над злобными порождениями коварной Кляксы. Странник подошел к дверной пробоине, держа наготове свой неэффективный — как только что выяснилось — лазерник: мол, какое-никакое, а все оружие, если и не искромсает очередного уroda, так хоть будет чем ему в зубы захватить. Осторожно выглянув «за дверь» и осмотревшись, Заноза шагнул через порог и замер там на некоторое время, глядя куда-то в направлении Кляксы. Потом обернулся и произнес весомо:

— Ну, ребята, держитесь! Кажется, за нас решили взяться всерьез!..

Михаил в сопровождении остальных поспешил подойти к Занозе: всех живо заинтересовало, из чего это он сделал такой многообещающий вывод; любопытство не порок, особенно — когда речь идет о собственной жизни. Зрелище перед ними предстало действительно увлекательное, сулящее компании своих благодарных зрителей много новых и интересных переживаний в ближайшие же минуты: Клякса теперь действительно пульсировала, словно раздуваясь периодически под напором огромной черной массы, пытающейся вырваться толчками у нее изнутри, никак не в состоянии протиснуться в такое маленькое отверстие. С каждым разом толчки становились все напористей и интенсивнее, и было очевидно, что Клякса вот-вот не выдержит и разродится чем-то грандиозным, чего в пестрой мешанине маленьких мирков наверняка не видывали от начала их сотворения.

— О Боже, что это?.. — промямлил испуганно кто-то из задних рядов, судя по устоявшейся нотке обреченности в голосе — Фредди Бельмонд.

— Похоже, что мы ее не на шутку раззадорили, — отозвался Странник. — Почуяла, стерва, серьезного врага и намерена с ним разобраться!

— Сейчас она у меня еще не то почует! — заявил сквозь зубы Рик, вскидывая резак с явным намерением выстрелить прямо в натужившуюся Кляксу, но на оружие тут же легла рука Карригана.

— Нет. Только не туда. Последствия могут быть непредсказуемы. Надо выждать.

— Иди ты к такой-то матери!.. — процедил Рик, скидывая со ствола его руку (без особого труда, к удивлению Михаила, памятующего о чугунной ступне Карригана).

— Сержант Рикаев! — рывкнул Петр, но было уже поздно: Рик выстрелил. Черный луч метнулся к пятну, развернувшись в мгновение ока треугольником мрака — такого же черного, как поверхность Кляксы. Стоило двум мракам из разных миров соприкоснуться, как один из них, а именно — Клякса лопнула точно в месте соприкосновения, и словно поток расплавленной смолы плеснул из нее в маленький мир, заливая плавающие вокруг него реальности, будто уронили лохань чернил на книжку с яркими картинками. В то же мгновение Михаил получил внезапный удар в грудь, отчего отлетел назад и упал на что-то не слишком-то мягкое, что явно не являлось плиточным полом, к тому же еще было угловатым и дергалось. Приподнявшись, Михаил обнаружил, что находится внутри помещения не один, а в большой компании народа: под ним трепыхался, выдавая культурные проклятия, Попрыгунчик, вся остальная команда была раскидана вокруг по залу — видимо, их всех одновременно отбросило назад неведомой силой. Благо никого не угораздило при приземлении влететь в пылающий огонь. Один только Карриган стоял на своих ногах неподалеку от выхода. «Не он ли нас всех так лихо отпихнул?» — подумал Михаил, уже ничему не удивляющийся, коль скоро речь шла о Карригане. Не хватало среди окружающих только Рика. Снаружи, кстати, его тоже не было видно — там царила сплошная темень.

Карриган, обернувшись, нашел глазами Илли.

— Доставай старухин амулет, зови подмогу! — велел он ей и, отвернувшись, стал медленно пятиться от двери, вытянув перед собой обе руки — совсем как недавно Странник, только теперь в руках у Карригана не имелось оружия. Создавалось впечатление, будто чернота с той стороны плотно залепила входной проем и силится ворваться внутрь, накатывая все выше, грозя вот-вот перехлестнуть через удерживаемый Карриганом незримый барьер.

— Рик! — выдохнул Михаил. — Он же там остался!..

Похоже, что Михаил был единственным в команде, кого волновала судьба всех без исключения ее членов.

— Забудь о нем, его уже нет, — уронил через плечо Карриган.

Ощущение собственного бессилия упало липкой волной на Михаила. «Рик. Красавчик Рик. Сержант Рикаев. Наверное, он был русским...» — прибило этой волной мысли, очень похожие на погребальные надписи.

Илли достала уже из кармашка свой талисман, когда черная шевелящаяся масса всхлестнулась Девятым валом, пожирая небо. Ей навстречу метнулись из зала несколько ослепительных лучей — Петр, и его бригада пытались бороться с неведомым врагом единственным доступным им способом — с помощью лазерников, но с тем же успехом можно было палить в белый свет, если бы он над ними в данную минуту имелся — лучи попросту тонули в черноте, поглощаясь ею со злорадством неуязвимой стихии.

— Сюда бы наш генератор поля, — проронил с отчаянием Голс: он, как и другие, понимал, что один Карриган сдерживает сейчас каким-то непонятным образом агрессивные чернильные массы, эту черную блевотину Кляксы, не позволяя ей хлынуть со всех сторон внутрь маленького зала.

То, что после этих слов сделал Карриган, оказалось большой неожиданностью для всех присутствующих, возможно также и для безликого агрессора, хотя за его эмоции Михаил бы не поручился: Карриган поднял голову вверх и от души плюнул в зенит (как в детской забаве — «на кого Бог пошлет»), после чего спокойно сложил на груди руки, простертые перед тем вперед преграждающим жестом.

— Получите ваше защитное поле. Но учтите, что это ненадолго, — произнес он и поглядел озабоченно на Илли. Она стояла, закрыв глаза, — словно молилась про себя, зажав в кулаке старухин подарок. Остальным было не до Илли (за исключением Михаила, которому всегда было до нее): все задрали кверху головы, ожидая результатов последней акции — сиречь плевка, — призванного, по словам Карригана, обеспечить им временную защиту. Собственно, визуальных эффектов наверху не наблюдалось никаких: черная мерзость напозала по-прежнему со всех сторон на невидимую крышу, не в силах через нее проломиться, но зато грозя вот-вот полностью сомкнуться в ее центре. Стало быть, что-то ее все-таки там наверху удерживало. Все взгляды обратились обратно на Карригана, и в большинстве из этих взглядов недоверие мешалось с почти суеверным уважением. «Теперь понятно, за каким таким дьяволом вас ловят имперские спецслужбы», — говорил прищуренный взгляд Петра. Странник потер озабоченно лоб: похоже, он ломал голову над вопросом — с кем же все-таки свела его нелегкая в пустыне, занесенной манной?..

Между тем Карриган, игнорируя всеобщее внимание, переводил озабоченный взгляд с Илли на почерневшие сверх всякой меры небеса, цедя сквозь зубы:

— И где же ты застряла, старая карга, со своей обещанной помощью?..

Михаил поглядел наверх; в магической защите намечалась уже, кажется, первая брешь: над залом теперь угрожающе нависал сплошной потолок угольно-черного цвета, и в одном месте с этого нерукотворного потолка уже свисал, на глазах все удлиняясь, черный сталагмит — словно просачивался сверху в невидимую дырку поток тягучей смолы.

Карриган в сердцах плюнул в том направлении, и сталагмит мгновенно отдернулся обратно вверх, подобно обожженному щупальцу. Одновременно в двух других местах потолка проклюнулись еще два сталагмита.

— А что, Штурман, может и у нас так получится? — воодушевленно крикнул Голс и, не

дожидаясь дозволения начальства, харкнул со всей дури вверх. Плевок, описав сверкающую дугу, так и не задел ни одного из сталагмитов, зато попал на излете в Петра — прямо в лоб ему шлепнул, будто птичка нагадила. Причем Михаил так и не понял, почему сверхбыстрый Петр не успел уклониться от дружеской примочки — скорее всего просто не следил за полетом Голсова плевка, а наблюдал, как истинный полководец, за попытками вражеского прорыва.

— Да ты что, через мать твою в дырявое коромысло, верблюд приبلудный!!! — заорал оплеванный Петр, забывая мгновенно о нависшей сверху реальной опасности и кидаясь ураганом через зал к чересчур меткому сотоварищу.

Пока Карриган методом прицельного плевка ликвидировал прорехи в своей защите, в осененном этой защитой зале назревал тем временем на базе переплева внутренний междуусобный конфликт. Михаил, как всегда, не уследил, что именно Петр с обидчиком сделал, ему показалось, что он его попросту снес, как тайфун дерево: Голс после короткого соприкосновения с Петром отделился от пола, совершил головокружительный полет, впаялся с разлету всем телом в полки с продуктами, съехал по ним вниз под стойку, осыпаясь по пути разнообразными товарами, и потом, уже высунув осторожно голову из-за прилавка, пробурчал примирительно Петру, оттирающему неподалеку рукавом лоб:

— Да будет тебе, Штурман, извини, я ведь не нарочно...

Собирался ли Петр еще усугублять меру наказания или смилостивился после извинения, так и осталось неизвестным, потому что поблизости раздался отчаянный женский крик. Как тут же выяснилось, кричала Илли, причем кричала она уже в падении: пока общее внимание было занято поползновениями Кляксы с потолка и внутренними междуусобицами, одно из черных «щупалец» просочилось сквозь незаметную дырку в стене у пола, доползло до ног Илли, обвилось вокруг них и, дернув, потащило девушку за собой по полу. Михаил, едва увидев, что происходит, единым махом оказался с ней рядом — самому ему показалось, что его ноги в этом процессе не участвовали, а он просто вмиг перенесся к ней по воздуху одним усилием воли; достигнув Илли, он схватил ее за руки и попытался удержать, причем ему это сразу и безо всякого труда удалось. Он даже протащил ее немного в обратную сторону. Остановился Михаил, только услышав ее голос:

— Спасибо, хватит! Все в порядке!

Все же прежде, чем отпустить ее, он взглянул ей на ноги: захлестнувшая их черная петля уже исчезла — очевидно было, что мастер художественного плева Карриган отпугнул уже вражеского лазутчика своим непревзойденным искусством.

— Простите, — промолвил Михаил, отпуская руки Илли с запоздавшим осознанием того, что только что впервые к ней прикоснулся, и произошло это совсем не так, как ему бы хотелось, — а хотелось ему спасти, вырвать из цепких лап чудовища, может быть, даже вынести на руках — и чтобы произошло все это без малейшего участия вездесущего Карригана.

События тем временем продолжали развиваться с потрясающей быстротой. Пока Михаил и Карриган были заняты спасением своей дамы и отвлекали этим всеобщее внимание, один из «сталагмитов» успел достичь пола, пролиться на него и сформироваться в черного паука человекоядных размеров... Едва обретя форму, паук бросился на первое, что разглядели его только что проклюнувшиеся глазки, а разглядели они, к счастью, Кики Занозу: разгляди они, к примеру, Фредди Бельмонда или того же Михаила Летина, и небольшая компания осажденных почти наверняка уменьшилась бы еще на одного человека.

Но у Кики в руках был лазерник — правда, неэффективный, зато вполне еще применимый как оружие ближнего боя, коим он, собственно, в недавнем прошлом и являлся. Паук наскочил на Занозу сзади, сразу его опрокинул и сгреб передними лапами прямо к раскрытым — и наверняка ядовитым — челюстям, но в самый критический и сладкий для паука момент укуса Кики заехал ему меж челюстей лазерником, воткнув его туда поперек. Челюсти временно заклинило, у паука произошла небольшая заминка — он освобождал свои жвалы маленькими дополнительными лапками, мечтавшими уже было запихнуть в ротик кое-чего повкуснее, — когда на него напали со всех сторон такие вкусные враги с железными дубинками (бывшими лазерниками), зажатыми у них в передних хватательных ногах. Вкусные враги Петр, Голс и Рейчел дубасили бедное насекомое со всех сторон кто во что горазд, и ему сразу стало не до коварного Занозы и даже не до его невкусного лазерника — все ноги понадобились на то, чтобы отбиваться от врагов, и даже дополнительные лапки — чтобы защищать от ударов ротик. В это время главный и самый ядовитый враг — Карриган, выбрав удачный момент, послал в паука свой убойный плевок. После этого меткого выстрела паук почувствовал себя дурно, его потянуло в ближайший уголок, куда он, шатаясь, и направился, где и упал, на чем и закончилась, так, собственно, и не начавшись, его карьера оперативника-убийцы.

— У тебя что, вместо слюны — жидкий парализатор? — крикнул Карригану Голс.

— Да. А вместо крови — серная кислота, — невозмутимо отозвался Карриган.

— Смотрите! — раздался в это время крик Фредерика Афанасьевича, взгромоздившегося после покушения на Илли с ногами на прилавок; сидя там в весьма неудобной для его комплекции позе турка, Бельмонд тыкал пальцем вверх. Там наверху действительно творилось что-то новое и не вполне пока понятное: незримый «потолок» прогибался теперь вниз не так угрожающе, и новых сталагмитов на нем больше не возникало, а по чернильному фону разлившейся Кляксы сновали туда-сюда едва уловимые серенькие тени, оставляя за собой нитеобразные следы. Приглядевшись внимательней, Михаил понял, что это паучки (опять паучки!): сотни паучков творили наверху быструю работу — опутывали распоясавшуюся Кляксу тоненькими нитями, рисунок которых складывался постепенно во все более мелкую сеть. И эта ажурная авоська, на первый взгляд тонкая, как паутина, сдерживала напор темной массы, лишала ее подвижности и оттягивала, оттягивала все выше от маленького помещения, куда безразмерная тварь так упорно стремилась прорваться!

— Это что? — спросил у Карригана Странник, косясь на Илли и, кажется, уже догадываясь об ответе.

— Это обещанная ей помощь, пришедшая очень вовремя. Можно сказать — первая демонстрация сил оппозиции, зреющих в самой же Кляксе. Странники там действительно немалому научились. Паучье войско — какво, а? Борьба с противником его же методами! Скоро, ох как скоро они возьмут матушку-Кляксу в оборот!

Сеть постепенно стягивала черноту с ночного неба, медленно уволакивая агрессивно шевелящуюся массу обратно по направлению к Кляксе.

— Отличная работа! — прокомментировал Карриган. — Думаю, до утра теперь можно спать спокойно — вряд ли враг теперь скоро соберется с силами.

Высказавшись, он прошел к стойке, взял одну из стоящих рядом с Бельмондом бутылок и осчастливил ее долгим поцелуем в засос.

— А как же это?.. — спросил Бельмонд, неуверенно сползая с прилавка и указывая в тот

угол, где валялся неподвижный паук.

Карриган опустошил бутылку, сунул ее Бельмонду в дрожащие руки, вытер рот тыльной стороной запястья и только тогда ответил:

— А «это» к утру само рассосется.

Глава 8

БЕГСТВО

Михаил не сомневался в рассказе Занозы о необыкновенных способностях Странников, более того — именно этот рассказ вернул ему бодрость духа и вселил в него некоторую надежду после вчерашней страшной находки в магазинчике. И все же настоящим потрясением явилось для него на следующее утро воскрешение Скалди — третьим за столь короткое время после встречи с Илли и обретением своего дара. Остаток ночи он проспал так, будто провалился в какую-то собственную, подсознательную Кляксу — то есть в плотную немую черноту, — и никакие неудобства, вплоть до жесткого пола вместо уютной постели, не смогли воспрепятствовать его туда погружению. А выудил его наутро из этой черноты, словно рыбку на живца, переливчатый девичий смех. И таким нереальным казался этот смех на фоне вчерашних устрашающих событий, мгновенно вспыхнувших в памяти, что Михаил, едва проснувшись, сразу открыл глаза и сел, отыскивая взглядом источник веселья. Смеялась незнакомая девушка, стоявшая по-хозяйски за стойкой — голубоглазая, со светлыми прямыми волосами до плеч, в белоснежной маечке и в синих джинсах. Тонкие изящные запястья девушки опоясывали широкие белые браслеты. Улыбающийся Странник, облокотившись о прилавок, что-то ей говорил, а она смеялась, передавая ему с полки бутылку. Михаил прислушался.

— Скалди, детка, ты опять все перепутала, — говорил Заноза. — Мои любимые напитки возникают обычно в твоём заведении на правом фланге.

— Ничего я не перепутала, просто тебе с утра полезнее пить лимонад! — весело отвечала она, вручая ему бутылку.

И только тогда до Михаила наконец дошло, откуда взялась здесь эта незнакомая девушка: просто вышла поутру, как ни в чем не бывало, из заднего помещения и, увидев в магазине кучу посетителей, часть из которых уже проснулись, приступила с огоньком к привычной работе. Машинально отыскивая на ней глазами следы вчерашних рваных ран и не находя на загорелой коже лица и рук ни малейшей царапины (одежду-то она сразу, видно, сменила), Михаил потрясенно думал, что, будь сейчас на его месте Фредди Бельмонд, он точно свалился бы в обморок. Не успел Михаил вспомнить о Бельмонде, как тот появился на пороге задней двери — умытый, причесанный и довольно-таки бодрый, учитывая обстоятельства, которые его сюда забросили. Если Бельмонд и лишился чувств при виде Скалди, то произошло это впечатляющее событие еще до пробуждения Михаила, а в целом, кажется, воскрешение Скалди вернуло ему в какой-то мере его природный оптимизм.

— Доброе утро! — поприветствовал Бельмонд Михаила, огибая стойку, после чего заказал себе у Скалди «что-нибудь перекусить». Вежливость была у хозяина «Горного орла» профессиональной привычкой, и ее проявление по отношению к преступнику, каковым он наверняка считал Михаила, только лишней раз доказывало вернувшуюся к Бельмонду поутру бодрость духа.

Поприветствовав Бельмонда, а заодно с ним и Скалди с Занозой нечленораздельным «сдобругтрм», Михаил поднялся с жесткого ночного ложа и огляделся по сторонам, интересуясь, что же поделывают остальные, не валяются ли и они часом в обмороке. В помещении, оказывается, находился еще только Попрыгунчик, но он пребывал явно не в обмороке, а просто крепко спал, свернувшись калачиком у погасшего костра, от которого

остался только почерневший диск, лежащий на полу в центре черного круга обгоревших плиток. В том углу, где притулился ночью поверженный паук, теперь действительно ничего уже не осталось, даже прикушенного им оружия Занозы: оплеванное Карриганом насекомое, похоже, действительно рассосалось за остаток ночи, не пережив такого оскорбления, а свой карабинчик Заноза, наверное, успел уже подобрать, если только тот не рассосался из солидарности с пауком, что маловероятно.

Обеспокоенный отсутствием остальных (и в первую очередь Илли), Михаил вышел наружу и, к своему облегчению, сразу увидел Илли — она в компании Карригана занималась осмотром близлежащих полотен «картинной галереи». Петр его бригада отсутствовали, но за них Михаил волновался как раз меньше всего — кто-кто, а эти небось не потеряются, осмотрят достопримечательности и вернуться. Куда ж им деваться здесь без Проводника? Разве что в Кляксу сигать от отчаяния. Клякса корячилась на своем прежнем месте, наподобие местного черного солнца, но вела себя смирно, не колыхалась, и Михаилу даже показалось, что она стала как будто бы чуть менее разлапистой. Михаил бросил искоса взгляд налево вниз — там, неподалеку от стены, валялся на асфальте развороченный кусок металлического лома — остатки пространственного резака: все, что они нашли вчера, когда отправились после капитуляции Кляксы искать Рика — все, что от него осталось. Щемящая пустота образовалась в том уголке души Михаила, который вчера еще занимал Рик — чужой и не всегда приятный ему парень, наглый, взбалмошный и смешливый. Михаил, полный сил и жизни, стоял сейчас на том самом месте, где вчера погиб Рик, и со всеми своими замечательными способностями бессилён был вернуть человека из поглотившей его адской бездны. Сейчас Михаил отчаянно позавидовал Странникам, для которых смерть не числилась в категории необратимых понятий. Карриган сказал вчера, что Клякса сразу дотянулась до Рика через его оружие и убила мгновенно, а потом уже черная мерзость пожрала тело, сделав его своим стройматериалом.

«Что же ты за человек, Владимир Карриган, что даже Клякса отступает от одного твоего плевка? Знаешь обо всем, что было, предвидишь то, что будет... А ведь ты знал, что случится, и мог спасти Рика, мог остановить его! Но не стал. Дал ему умереть. Да попросту убил его — убил «руками» Кляксы. За что?.. Неужели только за то, что он в этот вечер слишком бесцеремонно обратился к Илли?..»

Михаил вздрогнул, услышав знакомый голос, отвечающий в голове на его мысли: «Да, возможно. По крайней мере, я, в отличие от тебя, не считаю его вчерашнее поведение слишком ничтожным поводом для того, чтобы убить. Но вчера, стоило мне встать на пути событий и помешать ему выстрелить, меня могло просто снести потоком мировой предопределенности».

Ответ Карригана, как и всегда, не отличался ясностью, но загадочность этого ответа потрясла Михаила гораздо меньше, чем сам факт его возникновения в голове: теперь не оставалось никаких сомнений, что Карриган способен слышать его мысли. Нечего сказать — вдохновляющее открытие! Что же ему теперь — вовсе не думать, чтобы Карригану нечего было подслушивать? «Интересно, как же это осуществить? Подсказал бы кто-нибудь, да хоть тот же Карриган, технологию остановки этого процесса. Карриган, ау, где ты? Ты меня слышишь? Как же, от него дождешься практических советов, молчит вон теперь, как воды в череп набрал, ясновидец хренов!»

Рой неприятных мыслей очень вовремя прервало появление Петра: осознание того, что все эти мысли также прослушиваются Карриганом, было гораздо более неприятным, чем

сами мысли. Петр возник на краю одной из картин — урезанного параллелепипеда с каким-то сюрреалистическим сюжетом в багровых тонах, — и тут же рядом с ним нарисовались Рейчел с Голсом. Все трое почти одновременно выпрыгнули из картины на пыльную мостовую. Вид у каторжной бригады был хоть и изрядно раскрасневшийся но весьма довольный, а вот состоянию их одежды по мнению Михаила, как опытного медика больше всего подошло бы сейчас определение «клиническая смерть»: светлые летние прикиды превратились за время утренней прогулки в тлеющие рубища и до сих пор еще слегка дымились, словно вся троица принимала только что участие в героическом тушении пожара — для полного эффекта им не хватало только спасенных детишек на руках.

— Блин, ну и пекло! — восхищенно высказался Голс, похлопывая себя ладонями по особо дымящимся местам.

— Да, жаркое местечко! — согласилась и Рейчел, не сдержав удовлетворенной улыбки. Не иначе как утренний променад, совершенный по какой-то раскаленной жаровне, оставил у них самые приятные впечатления. Впрочем, их-то Михаил еще был способен понять: бывшие запредельные разведчики окунулись в качестве утренней разминки в привычную атмосферу нормального физического дискомфорта, и это мероприятие с успехом заменило им холодный утренний душ. Все еще дымясь, опаленная троица бодро направилась к зданию, распространяя по окрестностям едкий запах жженого тряпья. «Страшное дело привычка», — сочувственно подумал им вслед Михаил. Что там какая-то жалкая Клякса! Жидкая несформировавшаяся планета — вот чего сейчас этим троим действительно не хватало!

— Мишка, пошли в дом! Надо кое-что обсудить, — бросил Петр, минуя Михаила, и достаточно громко для того, чтобы реплика была услышана Карриганом. Михаил было двинулся по дымному следу за братом и даже почти уже ступил через порог. Тут взгляд его скользнул непроизвольно вдоль стены, и он застыл на месте с поднятой ногой и с глазами горожанина, впервые в жизни увидившего живого быка: из-за угла здания выдвигалась неопишуемая конструкция, чем-то напоминающая место, где они находились, то есть — Окраинное Месиво, но только в миниатюре, и составленное не из обрезков пейзажей, а из частей а, вернее сказать, из элементов человеческого тела. Словно взяли изображение какого-то одного конкретного человека в натуральную величину и разрезали это изображение без определенной системы, обрезки перемешали между собой и пустили их гулять по свету, наказав ни в коем случае не терять друг друга из виду. Михаилу этот человек-мешанина сразу напомнил коренного обитателя виртуального пространства, у которого что-то не заладилось в программе. Он тут же вспомнил, что о чем-то в этом роде рассказывал вчера Странник, называя явление «салатом» или «винегретом», изготовленным некоей Лапшерезкой из жениха Скалди. Возможно, что это и был ее жених, если только никому другому не посчастливилось после него побывать в этой самой коварной Лапшерезке. Возможно, и даже почти наверняка это был он. Но Михаилу от этого было ничуть не легче, потому что человек-винегрет шел уже прямо на него — действительно шел, то есть надвигался поступательно, как бы шагами, хотя многочисленные фрагменты ног, виднеющиеся там и сям среди общего месива, в процессе передвижения вроде бы не участвовали. Как такового страха Михаил не испытывал: во-первых, где-то позади находилась Илли и наверняка сейчас на него смотрела, во-вторых, там же был и Карриган, представлявший сам по себе оружие мощное и достаточно дальнбойное. Но вполне понятная оторопь Михаила все-таки взяла, поэтому он начал медленно пятиться, лихорадочно отыскивая взглядом среди самодвижущихся запчастей что-то похожее на

человеческое лицо, с которым можно было бы наладить какой-то контакт. Но пришелец заговорил сам, к великому облегчению Михаила, так как по звуку он сразу нашел в запчастях рот, к тому же речь гостя оказалась вполне дружелюбной и, кроме того, полностью подтверждала предыдущие догадки Михаила.

— Привет, ребята! — донеслось откуда-то снизу — там, неподалеку от асфальта, между кистью руки и частью плеча в куске серой одежды приютился улыбающийся совершенно самостоятельный рот. — Я Бол Бродяга, слышали про такого? — Михаил машинально кивнул — да, слышали, мол. — Что тут у вас творится? — продолжал как ни в чем не бывало Бол Бродяга. — Я не могу попасть сразу в нужный отрезок, добираюсь через Месиво круглой дорогой и не узнаю знакомых мест!

Михаил в ответ опять тупо кивнул, на этот раз в направлении магазинчика, и проговорил слабым голосом:

— Там Скалди. Она объяснит.

— Скалди здесь? — обрадовался рот, быстро перемещаясь в центр композиции. Ну спасибо, приятель!

Из запчастей выпросталась рука, обрезанна на уровне локтя, протянулась к Михаилу и дружески хлопнула его по плечу.

— Не за что, — ошарашенно ответил их Болу Бродяге, уже устремившемуся в дверную пробоину на встречу со своей возлюбленной. Михаил шагнул вслед за ним и остановился на пороге, сзади к нему подошли и встали рядом Илли с Карриганом.

Появление в помещении человека-мешанины произвело эффект, подобный взрыву парализующей гранаты, как Михаил его себе представлял: успев только повернуть головы, все застыли на тех местах и в тех самых позах, в которых застал их сей неожиданный визит. Даже Скалди замерла на несколько мгновений за своей стойкой, только губы ее чуть-чуть подрагивали — то ли в подобии улыбки, то ли от беззвучного плача. Один лишь Странник в этом музее гипсовых фигур остался вполне вменяемым и подвижным: он широко улыбнулся и слегка развел в стороны руки, делая шаг навстречу новому посетителю.

— Черт возьми, Бол! Как кстати!

— Бол!

Скалди, внезапно обмерев, сиганула ласточкой над стойкой — взметнулись, как крылья, светлые волосы, — пронеслась порывом ветра через неподвижный зал и повисла на этой сборной человеческой конструкции, обхватив ее руками. Обе руки Бола, имеющиеся у него в наличии, хоть и не совсем в целом виде, обняли Скалди. Окружающие, в большинстве своем не страдающие деликатностью, на сей раз все до одного потрясенно молчали. Наконец Скалди отстранилась от Бола, оглянулась растерянно на большое число невольных свидетелей их встречи и, наклонившись чуть влево, где среди неясных частей в серой одежде плавал кусочек головы с ухом, шепнула ему:

— Пошли!

— Куда? — спросил счастливым голосом Бол Бродяга.

— Пошли ко мне! — прошептала Скалди, беря его за руку, и потянула за собой к задней двери. Бол тронулся за ней, по дороге деформируясь и окружая собою Скалди со всех сторон, наподобие влюбленного облака, при этом второй рукой обнимая ее за плечи.

— Ни фига себе нарезочка!.. — восхищенно протянула Рейчел, когда они скрылись за дверью. — Интересно, что она там с ним делать-то будет?..

— Завидуешь, что ли? — поинтересовался у нее Петр.

Рейчел в ответ усмехнулась:

— Было бы чему завидовать.

— А что, думаешь нечему? С чего бы она тогда его столько дожидалась здесь, по соседству с Кляксой?

— Подвергаясь таким опасностям!.. — осмелился вставить свое слово Фредди Бельмонд. — Страшно представить, что ей пришлось здесь пережить!..

Странно, но впечатлительный Попрыгунчик воздержался от каких бы то ни было высказываний по поводу потрясающего нового явления: он, кажется, только недавно проснулся и сидел все это время на полу, безмолвный и недвижимый, изредка помаргивая глазами. Похоже было на то, что последнее вопиющее нарушение всех физических законов повергло беднягу спросонья в морально-идеологический шок.

— За Скалди я теперь спокоен, — сказал Странник. — Так что вы как хотите, а мне пора уходить. Ваш проводник толковый парень, сам вас отсюда выведет.

С этими словами Заноза направился к выходу.

— погоди! — крикнул ему вслед Петр.

Но Странник не послушался, лишь добавил на ходу через плечо:

— Если возникнут какие-то проблемы, проконсультируетесь у Бола. Счастливо!

Раздвинув плечом Михаила и Карригана, по-прежнему стоящих у выхода вместе с Илли, Заноза покинул помещение.

— Проконсультируетесь... — проворчал недовольный Петр. — С его консультациями, того и гляди, влипнешь в какую-нибудь кофемолку или лапшеварку... Ладно. Теперь, раз мы все собрались, самое время обсудить план наших дальнейших действий. У кого какие мнения?

Михаила такая демократичность брата сначала даже слегка удивила. До сих пор Петр держал себя единовластным главнокомандующим, только и знающим, что отдавать приказы, каковые, естественно, обсуждению не подлежали. Но, задав последний вопрос, Петр однозначно возрился на Карригана, и стало понятно, что он просто хотел услышать по этому поводу мнение специалиста (то, что Карриган является специалистом по Перекрестку, равно как и по любым другим вопросам, какие только могут возникнуть в самом воспаленном мозгу, ни у кого уже сомнений не вызывало).

— Вас, как я погляжу, интересуется лично мое мнение? — невозмутимо отозвался Карриган. И снисходительно продолжил: — Так вот, назад возвращаться пока рано, там нас наверняка еще стерегут слуги закона. Остается выбор: скитаться по всему Перекрестку, меняя декорации и запутывая след, или затаиться, сидеть на месте и выжидать. В обычных условиях я предпочел бы первое, но, судя по всему, сегодняшней выброс Кляксы создал на межпространственных линиях множественные помехи, поэтому безопаснее пока оставаться здесь. Тем более что выйти отсюда нашему Проводнику сейчас будет довольно сложно.

Как бы в подтверждение его слов на пороге возник блудный сын беглого полка — озадаченный и насупленный Кики Заноза.

— Кляксе в задницу эти чертовы декорации! Опять не отпускают! — сообщил он собранию! направляясь сердито к стойке. Перескочив через нее, он выхватил с правого края бутылку, откупорил и принялся ее решительно опустошать, словно давая понять всем присутствующим, что собирается сейчас же принародно надраться в знак протеста.

Петр ухмыльнулся и объявил:

— Значит, принимаю следующее решение: временно оседаем здесь. Сейчас разрешаю

всем позавтракать.

— Спасибо, — осклабился Карриган и, глянув насмешливо на Илли, пошел к стойке. Остальные, те, кто еще не успел с утра ничего перехватить, в их числе и Михаил, последовали примеру Карригана и воспользовались милостивым разрешением Петра подкрепиться.

За завтраком Михаила впервые начали одолевать мысли о будущем — раньше все было недосуг поразмыслить на эту тему, да и ничего хорошего он от подобных размышлений не ждал. И они в результате полностью оправдали его нелюбимое о себе мнение. «Вот отсилятся они в этом мирном уголке под теплым боком у Кляксы, — обстоятельно, по-прокурорски излагались мысли. — Ну выведет он всех в конце концов обратно в родную реальность. И что потом... Мысли сделали эффектную театральную паузу, затем продолжили, уже тоном общественного обвинителя: — Домой тебе, голубчик, теперь дорога заказана, там тебя уже ждет не дождется хороший срок — если и не запредельная разведка, то что-нибудь не менее интересненькое. И остается тебе только один путь, да и тот несправедливый — дальнейшее бегство с преступниками в полную неизвестность. И в любом случае — расставание с Илли. Даже если и доберешься ты, голуба, в конце концов до сладких объятий обещанной Петром виртуальной капсулы, то на что она тебе, родимая, сдалась? Ведь там не будет Илли!.. Можно, конечно, создать для себя в виртуалке что-то на нее похожее, внешне даже почти неотличимое. Но вряд ли тогда тебе удастся позабыть, что эта ее виртуальная копия — лишь жалкая подделка, набор программ, и ничего больше...»

Стоя у прилавка и пережевывая механически что-то овощное с мясным привкусом, Михаил буравил неподвижным взглядом верхний край стены напротив — примерно то место, где она должна была, по идее строителей, пересекаться с потолком: где-то в тех областях, по давнишним наблюдениям Михаила, имело обыкновение гнездиться средоточие всех мыслей. Вот и сейчас оно оказалось именно там, на верхотуре, и методично оттуда Михаила доканывало, пробирая уже до самых печенок, как вдруг это незримое осиное гнездо с целой судейской коллегией внутри потеснила обтекаемая металлическая конструкция, медленно и беззвучно вырастающая над стеной. Михаил чуть не подавился слишком уж бесцеремонно вторглась суровая реальность в его приватные размышления. Сомнений быть не могло — да какие уж тут сомнения: в маленький островок затерроризированного Кляксой Окраинного Месива проник, преодолев все преграды и вынюхав, как хорошая гончая, затертый ночной бурей след добычи, нестигаемый враг.

— Петро, шухер!!! — отчаянно заорал Михаил роняя изо рта мясные овощи, в точности как в далеком детстве, когда Петр, тогда уже тинейджер прожигал в раздевалке спортзала лазерной палочкой для разрезания бумаги глазок в женскую душевую, а юный сподвижник и оруженосец Михаил стоял у дверей на стреме с запасным набором палочек в руках. В раздевалку тогда ворвалась, подобно буре, сметая дверь вместе с Михаилом, девичий тренер Алла Борисовна Кот — непревзойденный алмаз женского туризма, главный объект Петровых воздыханий, и вцепилась, как разъяренная мать многочисленного семейства, в своего тайного поклонника. И жалобно зазвенели, рассыпаясь по полу, разноцветные палочки. Теперь на пол полетели, суматошно гремя и позвякивая, недоеденные банки и недопитые бутылки.

— Мишка, уводи! — крикнул Петр, выдергивая из уцелевшего кармана своих опаленных брюк лазерник.

Михаил честно попробовал выполнить приказ брата — громада катера уже почти

полностью поднялась над стеной, — но у него ничего не вышло, дорога в иные миры, которую так отчаянно призывал Проводник, не возникала под его ногами.

— Не получается, Петька! — жалобно сказал Михаил.

— И не получится! — заявил Карриган, стоящий с ним рядом. — Надо уходить в Месиво, стоит попробовать нащупать путь из другого отрезка.

Катер, преодолев стену, стал надвигаться постепенно на островок безоблачного неба над головами загнанных преступников, словно стальная крышка на крупногабаритную кастрюлю. Это был имперский «чужак», явившийся по души Карригана и Илли, но в сложившихся обстоятельствах, учитывая, что имперские спецслужбы, видимо, спелись с федералами, этот катер представлял теперь равную угрозу для всей команды беглецов.

Из задней двери выскочила встревоженная Скалди, за ее спиной кучковался Бол Бродяга. Как раз в этот момент из кармана у Карригана донесся характерный сигнал вызова, которого уже что-то давно не было слышно.

— За мной! — скомандовал Петр, устремляясь к выходу. Но не успел он еще его достигнуть, как снаружи промелькнула серая тень, очень напоминающая очертаниями бойца спецназа.

Петр пальнул в это мимолетное видение, кажется, промазал и остановился со словами:

— Обложили, гады!

Эгнот в кармане у Карригана продолжал надрываться, действуя всем на нервы, кроме, похоже, самого Карригана.

— В задней комнате есть потайной выход, — сообщила Скалди, озабоченно глядя вверх. — Может, туда?..

— Туда, туда, — заверил Карриган, первым бросаясь к задней двери. Наткнувшись по пути на Бола, сгруппировавшегося на пороге подсобки, он едва не разметал беднягу на составные части; все остальные, кинувшись вслед за Карриганом в дверь, как бурный поток в узкую горловину, наверняка довершили бы раскурочивание человека-мешанины, не отступи он вовремя в сторону с единственного пути поголовного панического бегства.

Михаил, оказавшись впервые в заднем помещении, обратил в первую очередь внимание на то, что здесь, слава Богу, присутствовал потолок: иначе их могли опять же застучать сверху, а кроме того, Клякса наверняка не преминула бы уволочь отсюда ночью безжизненную Скалди. Окон тут не было, довольно просторная комната с клетчатými обоями освещалась электрическим бра и была обставлена простенько, самыми необходимыми для жизни предметами мебели: здесь имелись шкаф, кровать и стол. Под столом валялся смятый ком окровавленного белья — единственное свидетельство вчерашней жестокой гибели хозяйки магазинчика. Заноза, войдя последним, закрыл за собой дверь и щелкнул замком.

— Рейч, следи за дверью! — велел Петр. Рейчел, вооруженная лазерником, послушно взяла на прицел входную дверь. В стене налево имелась еще одна дверь (помимо той, в которую они вошли, и двери в шкаф), но ни Скалди и никто из тех, кто успел уже здесь побывать, к этой двери интереса не проявили. Михаил сделал вывод, что там, должно быть, находится благословенный санузел. Но в таком случае путь к бегству, как ни крути, оставался только один — в шкаф. Однако Скалди, растолкав замаявшийся в сомнениях народ, ринулась сразу к задней стене помещения и проскочила мимо шкафа, не уделив ему ни малейшего внимания. Остановившись перед стеной, она приложила к ней ладонь. В то же мгновение клетчатые обои в этом месте исчезли, перед Скалди, словно перед феей-

заклинательницей непроходимых стен, появилась дверь — самая обычная белая обшарпанная дверь с английской ручкой. «Силовая маскировка, закодированная на личность, — лучший способ защиты ваших потайных дверей!» — констатировал мысленно Михаил, привыкший давать всему необычному простейшие объяснения, соответствующие его прежнему образу жизни и подозрительно отдающие дешевой рекламой.

Нажав на ручку, Скалди толкнула дверь, и та приоткрылась с тихим скрипом, добавившим романтическую нотку в занудные переливы Эгнота, по-прежнему услаждавшие всеобщий слух. Скалди собиралась было выглянуть наружу, но Петр, стоявший за ее спиной, движением руки отодвинул ее в сторону, высунулся первым, огляделся по сторонам, посмотрел вверх, после чего махнул рукой, сжимавшей лазерник, и негромко скомандовал через плечо:

— За мной!

Там впереди, совсем близко начиналось спасительное Месиво. Прямо напротив двери находилась картина, обрезанная полосой асфальта, то есть даже не картина, а один только верхний ее клочок, очень смахивающий на небольшую лазейку в какой-то неведомый иной мирок. Петр, выскочив на мостовую, указал на этот обрезок и распорядился:

— Все туда!

В это время позади раздался треск — внутренняя дверь уже подверглась с той стороны силовой атаке. Рейчел кольнула дверь лазером, и треск снаружи моментально прекратился, зато начался новый — деревянная дверь от соприкосновения с лазером вспыхнула и занялась веселым трескучим пламенем, да так активно, словно на нее плеснули заблаговременно керосинчиком.

Однако со стороны черного хода пока что все было спокойно и тихо, прямо-таки сердце радовала эта замечательная тихая тыловая брешь в стратегическом замысле противника. Спешно покинув очаг возгорания, беглецы миновали асфальтированную полосу и принялись нырять по очереди в узкую пространственную лазейку. Петр и Голс, стоя по обе стороны этой «дороги жизни», оберегали прочих отступающих от нападения из-за углов дома. Их бдительность не пропала даром: Михаил, пролезая в дыру одним из последних — уже после Илли и Скалди, которых он, как истинный джентльмен, пропустил на сей раз вперед, — увидел, что Петр стреляет, и успел еще засечь рухнувшую из-за угла здания серую фигуру: на этот раз брат уж точно не промазал. С этой уверенностью Михаил упал вниз с довольно-таки приличной высоты — к счастью, не смертельной для жизни, но достаточно болезненной для принявшего на себя удар правого бока. Не успев еще толком сориентироваться на новом месте, Михаил тут же почувствовал, что его оттаскивают! от места падения куда-то в сторону — мера вполне предусмотрительная, учитывая, что он был не последним из бригады, оставшейся наверху, и кое-кому предстояло еще упасть на то же самое место. Тащили его, как тут же выяснилось, Карриган со Странником. «Чем оттаскивать, удосужились бы лучше меня поймать!» — запоздало подумал Михаил, поднимаясь и оглядываясь. Пейзаж, на фоне которого, кроме «носильщиков» и двух девушек, маячили еще Попрыгунчик с Бельмондом, оказался неожиданно знакомым: голые Деревья, мягкий лиственный перегой под ногами и серое небо над головой. И надо же им было среди стольких отрезков, составляющих Месиво, упасть опять именно в этот! Своего рода случай, игра судьбы, ободрившая Михаила, издерганного разного рода неожиданностями, своей банальностью. Чего доброго, угораздило бы их свалиться в довершение всех бед в какое-нибудь местное локальное пекло! А тут даже знакомый морской пейзаж утешительно в двух шагах плещется. Лес да море —

настоящий курорт, и даже любимая девушка имеется неподалеку — чего еще надо человеку, уставшему от суеты рабочих будней?..

Пока в голове у Михаила бродили неуместные курортные мысли, сверху успел уже ссыпаться Бол — по правде говоря, он вовсе не ссыпался, а упал вполне компактно, словно был упакован в полном составе в большой полиэтиленовый мешок. Сразу за Болем прилетела Рейчел — ее-то Странник заботливо подхватил, не поленился, — потом спрыгнули один за другим Петр с Голсом, которых никто не подхватывал, да им, с их забарьерными навыками, этого и не требовалось. Больше никого из своих наверху не осталось, теперь оттуда следовало ожидать только скорого выпадения вражеского десанта: утешением беглецам могло служить лишь то, что целый вражеский катер в узкий лаз наверняка не протиснется. Голс и Рейчел отошли немного назад, держа на прицеле опасный отрезок. Между тем Карриган по-прежнему являлся источником занудного музыкального сопровождения из кармана.

— Мишка, попробуй нащупать дорожку! — велел Петр брату и тут же бросил Карригану: — Да тресни ты его обо что-нибудь, может, заткнется!

— А вдруг враг решил капитулировать? Неужто мы упустим такую возможность? — усмехнулся Карриган, доставая наконец из кармана эгнот.

Михаил тем временем попытался сосредоточиться. Дорога по-прежнему не возникала, и он напрягся изо всех сил, надеясь хотя бы нырнуть в туманную пелену базовой реальности, но тщетно; на какой-то миг Михаил всерьез испугался, вообразив, что лишился напрочь своего дара: событие, которое всего пару дней назад показалось бы ему великим благом, теперь же обрушилось наподобие самого что ни на есть подлого проклятия. Но — да здравствуют здравый смысл и твердая память! — Михаил тут же вспомнил, что не одинок в своей беде, что у него имеется еще собрат по несчастью — Кики Заноза, Странник, который тоже сбился в декорациях с базового пути и также не может пока на него вернуться. Два клинических случая одновременно — это наверняка уже не крах личных дарований, а только их временный сбой в результате пагубных воздействий внешней среды, если только не эпидемия, что вряд ли. Хотя, с другой стороны, вражеский катер в Месиво как-то проник — стало быть, враг действительно обладал мощным потенциалом во всех смыслах, и это следовало на будущее учесть.

Тем временем Карриган открыл эгнот и тут же передал его Илли со словами:

— Это тебя.

Голс и Рейчел успели уже произвести несколько выстрелов в направлении покинутого отрезка, но оттуда пока еще, слава Богу, никто не вывалился, и, более того, поглядев наверх, Михаил убедился, что и без того узкая невзрачная лазейка, висящая прямо над морским пейзажем, с каждым мгновением все более сужается, так что протиснуться в нее теперь не то что катеру, но и человеку уже вряд удалось бы.

— Рэт?.. — прошептала Илли, глядя в свои эгнот с таким выражением лица, как будто ей показывали там сцену из какого-то ужастика с пожиранием детей.

Сначала эгнот молчал, потом из него донесся тихий голос, разумеется, живо заинтересовавшим всю компанию, но Карриган заглушил этот голос нарочито громкими и очень насущными высказываниями:

— Нам следует оставаться здесь и придерживать погоню, пока эта щель окончательно не закроется. Потом будем менять отрезки до тех пор, пока не найдется место, где Проводник сможет нащупать дорогу. Тогда можно будет уйти...

— ...Должна вернуться... Ничто не угрожает... Твое положение... Мой долг... — едва улавливал Михаил обрывки фраз из эгнота, прорывающиеся сквозь речь Карригана.

— Что там тебе говорят? — не выдержав наконец, прервал Петр Карригана и шагнул к Илли. — А ну-ка дай мне, я с ними сам побеседую!

Карриган заступил Петру дорогу, и неизвестно, чем бы все закончилось — Михаил ожидал какого-нибудь неуловимого приема со стороны Петра с непредсказуемыми пока еще последствиями для Карригана, — как вдруг произошло нечто еще менее предсказуемое: Илли, размахнувшись, отшвырнула от себя эгнот, и он полетел по широкой дуге, с явным намерением упасть прямо в море; в тот же миг Петр вдруг временно исчез из поля зрения Михаила, и ему показалось, что на какую-то долю секунды исчез и Карриган — его исчезновение Михаил воспринял как легкую рябь в глазах, вроде дефекта изображения в старом пленочном кинофильме: есть фигура — нет — и опять она есть на том же самом месте как ни в чем не бывало. Петр отсутствовал немного дольше, в течение нескольких мгновений, и за эти мгновения Странник, стоявший ближе всех к морскому пейзажу, ни с того ни с сего резко взмахнул руками и сиганул рыбкой в воду, составив компанию пролетавшему мимо него эгноту. Брызги полетели, волна пошла, но никакого звука от падения в воду Занозы, а тем более — эгнота до зрителей почему-то не долетело: незримая грань между реальностями, оказывается, все-таки существовала и не пропускала звук, так что Заноза, упав в «картину», находился там теперь, как будто за звуконепроницаемым барьером. Сразу после этого события у кромки воды объявился Петр в лежачем виде — якобы «загораю на бережку». Странник вынырнул неподалеку от «берега» и тут же погреб к земле — он явно не имел намерения доставать эгнот из поглотившей его пучины; а Михаил уж было засомневался — не за прибором ли, часом, Заноза так самоотверженно нырнул? Однако было совершенно очевидно, что в данном случае спасение утопающих эгнотов Заноза считает делом рук их утопителей, если у тех явится охота, а сам он если о чем и мечтает, так только о том, чтобы вновь и как можно скорее оказаться на благословенной суше. И до этой суши ему было, в общем-то, рукой подать — два-три гребка, не больше, — как вдруг на втором гребке Заноза резко остановился и отпрянул — можно даже сказать, шарахнулся назад, насколько в воде можно было шарахнуться, а секундой позже прямо перед ним, преграждая ему путь к берегу, высунулась из воды у самого края картины зеленая бугристая морда огромнейшей рыбы с растопыренной зубастой пастью.

Те, кто стоял поблизости от картины, прянули от нее в паническом ужасе, как лошади от паровоза. Надо отдать должное Голсу — он, хоть и стоял вдалеке, среагировал мгновенно, заорав пронзительно:

— Ложись!!!

Михаил упал на руки, не успев еще толком сообразить, как им теперь выручать Занозу и почему для этого надо ложиться, ощутив только по отчаянному тону приказа, что коллективное залегание должно в какой-то мере способствовать спасению Странника. Карриган оказался уже лежащим, Петр и без того лежал, Илли упала ничком, будто ей выстрелили в самое сердце, Скалди и Попрыгунчик с Бельмондом тоже беспорядочно попадали, каждый в меру своей реакции, а Бол Бродяга и впрямь на этот раз рассыпался, словно карточный домик, как бы выпал в осадок, словом — тоже по-своему залег. Стоило всем заземлиться, как воздух над их головами прорезали ослепительные лазерные вспышки: Рейчел с Голсом расстреливали из двух стволов чудо морской фауны, доверчиво высунувшееся на поверхность из безопасных глубин в надежде всего-то навсегда легко

перекусить чем Бог послал. Михаил, приподняв голову, наблюдал за событиями: рыбина высывалась из воды все больше, полностью загородив Занозу своей осклизлой тушей, по бокам у нее обнаружились маленькие, словно крылышки, умильно трепещущие плавнички; складывалось впечатление, будто громадина надеялась с их помощью покинуть водную стихию и взмыть упитанным воробышком в небесную синь. «А что ж, кто его знает...» — подумал Михаил, вспомнив гигантского летучего снегососа. Лучи лазеров полосовали разожравшегося подводного ангелочка вдоль и поперек обширной, пупырчатой, как у жабы, спины, да только без малейшего результата. Чего, собственно, Михаил и опасался: вчера лазерники оказались бессильны против нечисти из Кляксы, а теперь, похоже, не в силах были преодолеть, и звук, неосязаемой, практически условной грани между двумя мирами. То есть иллюминация на спине у чудовища играла отменная, на зависть любой звезде эстрады, а вот убойную силу этот праздничный фейерверк, пройдя через границу, утратил полностью. «У Занозы ведь тоже есть где-то там лазерник! — отчаянно думал Михаил, в бессильной ярости прожигая чудовище огненным взглядом, столь же, увы, неэффективным, как и ослепительные лучи лазеров. «Хоть бы он догадался его применить!» Хотя, судя по положению рыбицы — она, отчаявшись, как видно, взлететь, падала сейчас эффектно в глубь картины, — Заноза вполне уже мог быть у нее в брюхе.

— Карриган! Сделай что-нибудь! — воззвал Михаил к единственному человеку, который — он в этом не сомневался — знал, чем можно сейчас помочь Страннику — если только тот еще жив. И наткнулся, словно с разбегу, на бетонную стену, на темный, насмешливый, все понимающий взгляд. «Не поможет...» — мгновенно понял Михаил. А в следующий миг вдруг совершенно ясно осознал, что ему самому необходимо сейчас немедленно сделать. Не раздумывая больше ни секунды, тотчас же забыв о Карригане, Михаил рванулся на четвереньках к Петру, крича уже по дороге через плечо:

— Отставить огонь!!!

Достигнув Петра, Михаил на него практически набросился и с криком «Дай сюда!!!» вырвал у него из рук лазерник. Потом, уже задним числом, Михаила удивило, как это брат его послушался и не оказал активного сопротивления при столь бесцеремонной конфискации у него оружия. Но факт остается фактом: свой лазерник Петр отдал, можно сказать, добровольно по не слишком-то вежливой просьбе младшего брата. Завладев оружием, Михаил шагнул к морскому пейзажу, на котором и моря-то уже не было видно из-за гигантской рыбьей спины — больше, по правде говоря, смахивающей на жабью, — протянул руку с лазерником через незримую границу в тот мир и нажал на спусковой крючок уже по ту сторону неуловимого барьера. Луч лазера, оперевшись в спину чудовища, прочертил на ней наискосок черную дымящуюся полосу. Издай при этом морское чудо-юдо какой-нибудь рев или хотя бы тяжкий утробный выдох, свидетельствующий о том, как ему сделали больно, и Михаилу сразу бы полегчало; может быть, рыбище его и издало, да звуковой барьер не позволил Михаилу им насладиться. Он увидел только, что чудовище опустило нос и с грандиозным всплеском без малейшего звука ушло под воду, правда, ушло как-то слегка боком, наподобие получившей повреждение атомной подводной лодки. Поднятая погружением волна разбилась о сушу, на которой стоял Михаил, окатив его с ног до головы солеными брызгами — как бы подобием победного салюта. Но Михаилу было сейчас не до брызг, равно как и не до победных салютов: чудовище скрылось, оставив после себя на поверхности одни только суматошные волны, и ни малейшего следа Кики Занозы — хотя уж если и приходилось искать какие-то следы там, на воде, так только кровавые.

Михаил все вглядывался в толщи вод и не заметил, что стоит у края картины уже не один — к пейзажу подтянулись постепенно практически все и молча смотрели на воду, уже не ожидая чуда, лишь отдавая молчанием последний долг веселому сероглазому пареньку, с которым их, на его беду, свела нечаянно судьба, оказавшему им бескорыстную помощь и так нелепо только что погибшему.

Михаил понял, что не один он страдает душой, когда услышал рядом тихий всхлип: это заплакала Скалди, уткнувшись куда-то в своего Бола. А раз по Страннику плакала Скалди — значит, ему уже наверняка не суждено было воскреснуть.

— Бедный мальчик, — пролепетал дрожащим голосом Фредди Бельмонд. — Такая ужасная смерть!..

И в этот поистине скорбный момент откуда-то снизу из картины высунулась мокрая рука и уцепилась за «раму» — то есть за скользкую почву у края картины. Все скорбящие бросились в едином порыве вперед, рискуя отдавить всей толпой эту нетвердую руку, но Михаил успел к ней первым, отбросил лазерник и, схватив Странника за запястье — а в том, что рука принадлежит именно Страннику, не возникало никаких сомнений, — стал тянуть его из моря на берег. Причем его почему-то очень вдохновил тот факт, что с другой стороны ему принялся помогать не кто иной, как Бол Бродяга. И все же радость вызволения Странника живым из передраги была не на шутку омрачена: вытаскивая Занозу, Бол попытался схватить его за вторую руку, и тут обнаружилось, что кисть правой руки у Занозы отсутствует напрочь; из осиротевшего запястья щедро лилась ярко- алая кровь. Михаил, как истинный санитар, уже прикидывал в уме возможные методы первой помощи при откусении конечностей, но стоило и С Болом полностью вытянуть Странника на сушу, как их тут же решительно оттеснили женщины: у Рейчел в подсумке нашлась небольшая аптечка, и она принялась умело накладывать Занозе жгут; Скалди же просто присела рядом, обняла Странника за плечо и вдруг по-настоящему разрыдалась.

— Ей, детка, не переживай так! Завтра новая отрастет, — утешал ее мокрый, синеющий на глазах Заноза.

— Отрастет, конечно! — Скалди зло смахнула слезы. — Я уж думала, что эта гадина тебя сожрала. Интересно, как бы ты завтра воскрес, если бы оказался у нее в брюхе?

— Я бы воскрес где-нибудь в другом месте, — морщась, с улыбкой ответил Заноза. Скалди с сомнением покачала головой.

— Помнишь Жи́ра Горбуна? Он пропал в прошлом году, перед самым уходом Бола. Говорят, что он попал на обед к этой твари. И больше никто его не видел. Он уже не воскрес!

Тут неожиданно из первых рядов подал голос Попрыгунчик, прикусивший язык под грузом впечатлений, кажется, с самого вчерашнего вечера, а теперь вновь, на общую беду, обретший дар речи.

— Зря вы все-таки туда прыгнули, — компетентно заметил он. — А раз уж прыгнули, то надо было тыкать ее чем-нибудь прямо в глаз!

— В глаз?.. — озадачился Заноза. — Что-то я не заметил у нее на брюхе глаз. И все-таки я ее прикончил!

— Мишке скажи спасибо, — донеслось откуда-то сзади ворчание Петра. — Кабы не он, рассекать бы тебе сейчас морские глубины у нее в пузе вместо пассажира!

Заноза озабоченно посмотрел на Михаила и поведал:

— Я ткнул ей лазерником в самые зубы, выстрелил, ну и... — Он красноречиво кивнул на свою искалеченную руку, над которой уже заканчивала трудиться Рейчел. — Значит, ты

ее тоже?.. Выходит, что мы ее с двух сторон, вместе пришкварили?

Михаил неуверенно кивнул Страннику и отыскал глазами Карригана — тот оказался неподалеку, околичивался, как всегда, возле Илли не принимая участия в общей беседе с пострадавшим. «Неужто он знал, что Заноза и сам справится с чертовой рыбой?.. Может ли такое быть?..» — думал Михаил, вспоминая спокойный, насмешливый взгляд Карригана в самую критическую для Занозы минуту. Впрочем, с Карриганом давно уже было ясно, что в его лице их сопровождает одна сплошная загадочная темень. А вот что касается Илли, так ее теперешнее состояние всерьез Михаила обеспокоило: такой хмурой, более того — подавленной, он видел ее впервые. Не напрасно же Илли еще в отеле отреклась от своего эгнота: похоже, что перед тем, как зашвырнуть прибор в море, она получила через него какую-то очень недобрую весть — ясен пень, потому и швырнула! Но ведь что же тогда выходило — что границы между мирками в Месиве не являются препятствием для пространственной связи?

Михаил взглянул машинально вверх: спасительный узкий фрагментик, так удачно отрезавший их от погони; уже полностью закрылся иными словами, просто исчез из галереи, как не было.

— Ну все, хватит! Пора отсюда убираться, пока копы не отыскивали сюда другую дорожку через Месиво! — заявил Петр, поднимая с земли свой пистолет. Стоило ему произнести последние слова, как откуда-то сверху, прямо с неприветливых небес в близлежащий лесок посыпались люди. Петр вскинул лазерник, моментально схватились за оружие Рейчел с Голсом. От неминуемой гибели беспарашютных десантников спасло только то, что они были не в форме бойцов спецназа и больше всего походили на простых мирных граждан, совершающих туристическую экскурсию по экзотическим местам. Таких туристов с неба свалилось трое, в том числе и одна девушка — ярко-рыжая, как падающая звезда.

— Не стреляйте! Это свои, — поспешно предупредил Заноза, поднимаясь с земли. К нему уже приближался стремительным шагом, почти бежал крупный седой мужчина с решительным выражением на грубо очерченном, словно вырубленном из цельного куска дерева лице.

— Кики, где ты шляешься?! — зарычал он еще издали. — Я его ищу по всему Перекрестку, а он закопался в Месиве, как моль в тряпье!

Тут его взгляд упал на забинтованную укороченную руку Занозы, и пиратское лицо неожиданного гостя несколько озаботилось.

— Э, да ты сегодня, как я погляжу, инвалид!.. Клякса?

— Да нет, — Заноза махнул равнодушно уцелевшей рукой, глядя на рыжую девчонку, приближавшуюся в сопровождении второго мужчины, державшего в руке, как это ни странно, не оружие, а самый обычный «дипломат». — Так, споткнулся... — Кики обернулся к остальным и представил им вновь прибывшего: — Это папаша Костен, глава нашего клана. — И вновь обратился к гостю: — А что такого эпохального за мое отсутствие стряслось, что вы меня по всему Перекрестку ищете?

— У нас крупная разборка с Рексами за твой подлинник, — деловито сообщил папаша Костен.

— Так. Ты уже знаешь об этом подлиннике?..

— Когда Рексы всерьез искалечили мне машину, стало ясно, что у них подлинник, а уж Толик просветил меня, у кого Герд его позаимствовал. Так что готовься, предстоит клановая дуэль.

— Где? буркнул Заноза без особого энтузиазма.

— Как всегда, у Стержня. Выбор оружия на усмотрение сторон, не используя подлинников. — Заноза, кажется, облегченно вздохнул. — Без тебя, сам понимаешь, никак не обойтись! Ты должен будешь сам забрать свой подлинник. Привет, Бол! — крикнул Костен человеку-мешанине. — Вернулся наконец? Вовремя! Пошли с нами, предстоит горячее дельце!

— А она почему с тобой, она же из Рексов? — спросил Заноза, кивая на новую девушку, которая в это время уже оживленно болтала со Скалди.

— Осу я взял на всякий случай в заложницы. Толик мне ее прямо тогда и вычислил. Удачно мы с тобой его в этот раз подобрали!

— Так ты с ним с тех пор все не расстаешься? — кисло поинтересовался Заноза.

— Да я с его помощью уже весь клан собрал! Рексы наверняка не успеют полностью собраться к твоему прибытию, так что им теперь не сдобровать! А мы тебя вот только искали...

Он окинул наконец-то взглядом окружающих, с интересом внимающих их непонятной беседе.

— А ты тут, я смотрю, геройствуешь? Последний народ из Месива выводил? Тоже дело! Сейчас как раз их с собой и прихватим.

Михаил насторожился: кажется, намечалась переброска группы по декорациям без его чуткого руководства. В таком случае ему впервые пред стояло испытать, как это в ощущениях — преодолевать дорогу между мирами не Проводником, всего лишь ведомым.

— Да мы отсюда с утра выйти не можем! — пожаловался Заноза. — Клякса ночью пошалила, загадила все пути. Ума не приложу, как вы-то сюда добрались?

— Да, были кое-какие помехи, — согласился небрежно папаша Костен. — Но ничего, вместе мы их выведем. — Он пересчитал глазами всю компанию. — Среди них Странники есть?

— Двое помогут, — уверенно сказал Заноза.

Рано, выходит, Михаил расслабился — не пришло еще его время филонить при переброске из мира в мир в качестве живого груза. Да и Карригану, как видно, не придется бездельничать.

— Эй, ребята, приготовились! — крикнул Костен остальным. — Уходим к Стержню, пятеро на загривке!

Не успел Михаил как следует сосредоточиться, как базовая реальность открыла ему свои туманные объятия. Но вот беда — никакой дороги на сей раз под его ногами не возникло! Поэтому вместо того, чтобы куда-то пойти, он немедленно начал падать. Всерьез запаниковать ему помешала лишь ясная уверенность в том, что падает он не один, а в большой компании единомышленников, вроде как в коллективном затыжном прыжке, только без спасительного кольца, за которое можно было бы в случае чего дернуть. Но этой меры, к счастью, и не потребовалось — в результате не очень продолжительного падения пятки Михаила ударились совершенно безболезненно во что-то твердое. Это была она — долгожданная дорога. Но какая дорога! Не похожая ни на одну из тех, которыми он уже ходил между мирами, хотя хоженных троп — чего греха таить — было у него здесь пока не так уж много. Сейчас под его ногами лежала широченная бетонная трасса с невысокими выступами с двух сторон, вроде узких тротуарчиков. Складывалось впечатление, что дорога эта построена специально для тяжелого военного транспорта. Михаил-то был до сих пор

уверен что базовая реальность дика, нехожена и первобытна. А здесь, оказывается, уже и трассы военные проложили, и технику, наверное, по ним гоняют из мира в мир на продажу милитаристы проклятые. Куда ведет дорога, было пока неясно — впереди она терялась в тумане.

Михаил пошел вперед, не оглядываясь, но продолжая ощущать, что двигается по дороге в большой компании, и даже чуть-чуть угадывая попутчиков боковым зрением. Кажется, он кого-то еще вел за собой — по крайней мере очень старался это делать, однако теперь усилие было настолько невелико по сравнению с прошлыми разами, что он так и не понял, удалось ли ему помочь Странникам или они вели остальной народ самостоятельно. Туман поначалу просто отступал, словно дразнясь, в десятке шагов перед ними, потом вдруг они его неожиданно быстро достигли и прошли насквозь. Михаилу показалось, будто он прорвал своим телом какую-то тончайшую материю, и после него в этой материи непременно должна остаться дырка с очертаниями его фигуры. Первым его желанием было обернуться, чтобы полюбоваться на проделанную дыру, но открывшаяся перспектива заставила Михаила на время позабыть о том, что там творится за его спиной.

Он стоял на пологой возвышенности, впереди простиралось огромное поле, поросшее низенькой рыжеватой травкой, с небес ласково пригревало родное желтое солнышко. Воздух же над полем колыбался, полный призрачного движения: воздух этот представлял собой невероятную смесь самых разных пейзажей, едва уловимых, словно фантомы, наложенные один на другой. Присмотревшись, можно было различить городскую площадь с оживленным движением; в потоке машин брезжили очертания шикарной загородной виллы, сквозь которую проглядывал, в свою очередь, густой дремучий лес. И еще много чего можно было здесь увидеть, была бы охота вглядываться. В этой закваске из миражей двигались, не замечая друг друга, проходя друг друга насквозь, не только люди, но и какие-то другие существа, похожие на людей и не очень — какие-то гигантские насекомые, ящерицы и даже вроде бы рыбы. А между тем поле оставалось полем, видимым, несмотря на множественные иллюзорные помехи, из конца в конец. В сотне метров перед Михаилом опускался с небес, упираясь в землю, широкий столб ярко-голубого света. Внутри столба висел невысоко над землей предмет, очень напоминающий ручной пулемет. И еще одна довольно-таки примечательная деталь здешнего пейзажа бросилась в глаза Михаилу: по всему этому замечательному полю по ту сторону голубого столба были разбросаны танки, то есть мощные бронированные машины с торчащими впереди пушками. Если верить глазам а в данном случае им уже, к счастью, как-то не очень верилось, — танки были не призрачные, а настоящие, ничуть не похожие на видения, как прочий разнообразный наполнитель здешнего воздуха.

— Вот это они зря! Эти чайники им выйдут боком! — раздался рядом с Михаилом голос папаши Костена.

Михаил уж было решил, что от избытка впечатлений его начали одолевать галлюцинации, но вовремя вспомнил, что попал в эту бредовую местность не один, а в команде специалистов. И, стало быть, ему есть у кого проконсультроваться, что за бардак здесь творится. Но, стоило Михаилу обернуться, ему стало временно не до вопросов, потому что сзади тоже нашлось на что полюбоваться. Странники и вся остальная команда, включая Илли, Карригана и Бола Бродягу, находились рядом, но за их спинами вместо ожидаемой туманной завесы с предполагаемыми дырками высилась бесконечная гряда пестрых курганов. Михаилу понадобилось несколько секунд для осознания того, что стоят они не

перед чем иным, как перед грандиозной свалкой, и вроде как именно из нее, а не из какого-то там загадочного тумана они все только что и явились в этот мир. Свалка выглядела вполне реальной, и даже более того — она вовсе не пустовала, а, напротив, кипела жизнью: по мусорным грудам лазили во множестве хорошо одетые граждане и с озабоченным видом в них копались.

— Ребята, кончай возиться, мы на месте! — крикнул папаша Костен, хватая Кики за здоровую руку и вздергивая ее вверх.

Обитатели свалки ответили приветственным шумом и бодрящим звяком: все они разом оставили свои изыскания и стали спускаться с курганов вниз, производя попутно в горах слежавшейся рухляди серии обвалов и лавин. Как выяснилось, приличного народу на свалке околачивалось гораздо больше, чем можно было ожидать, люди сыпались с нее по всей протяженности мужчины, женщины и даже дети. Все они были вооружены, но в основном почему-то холодным оружием, чем-то вроде сабель и узких мечей. У кого-то они были в ножнах, но большинство держали это древнее оружие ближнего боя в руках, и создавалось впечатление, что они нарыли сей примитивный арсенал в мусорных кучах, где ему по большому счету действительно давно уже и полагалось находиться.

— Молодцы, ребята! Сражаемся на битсах, как условились! — провозгласил Костен, принимая у кого-то из рук увесистый меч. Воткнув его перед собой в землю, он поднял руки над головой и распорядился: — Все прочь от свалки на десять шагов!

Народ, только что спустившийся, можно сказать, с горных круч (или с куч, что все-таки будет ближе к истине), моментально подчинился приказу и отхлынул, освободив широкую полосу земли перед грудями хлама. Отойдя, все они — и даже дети — замерли молча, словно в ожидании какого-то важного события, которое должно было вот вот произойти. Костен стоял неподвижно с закрытыми глазами, простерев вверх руки, губы его беззвучно шевелились. Михаил, находившийся с ним совсем рядом, напряг слух, но услышал лишь едва уловимые отзвуки согласных. Однако у него возникла непонятно откуда уверенность, что Костен произнес вначале какое-то длинное заклинание, а потом стал проговаривать заковыристые имена, именно имена, а не названия — Михаил почему-то в этом не сомневался. И тогда воздух перед ними заколебался, заслоился, как в знойный летний полдень, и над свободной полосой земли начали возникать одно за другим потрясающие создания, выстраиваясь постепенно перед людьми в ряд через равные интервалы. Одновременно в лица зрителей дохнуло, словно из металлолитейного цеха, волной разогретого металла. Первым появился грандиозных размеров жук-рогач, весь серебряный, точно побывал недавно в серебрянке, с воинственно торчащим впереди единственным рогом («Вот уж действительно носорог так носорог, не придерешься», — потрясся втайне Михаил); рядом с жуком образовалось еще одно громадное насекомое: какая-то помесь богомола со скорпионом, такой же, как и жук, редкостной раскраски. И пошло, и пошло, и замелькало в глазах у Михаила, как на приеме у психиатра, оснащенного самой современной техникой: чем дальше, тем все больше убеждаешься, что ты и есть тот самый полный псих и шизофреник, которого он так долго ищет себе в напарники. На фоне свалки появлялись какие-то длинноногие крокодилы, двухголовые пантеры, львы с птичьими головами, волки о шести ногах, чешуйчатые лошади на драконьих лапах. Кстати, единственными, на ком более или менее отдыхал потрясенный разнообразием взгляд, были вполне отвечающие общепринятым канонам упитанные дракончики. Весь этот бредовый зоопарк объединял один общий признак: каким бы неожиданным ни оказывалось каждое новое существо, оно

обязательно имело все тот же характерный цвет и отблеск, словно было отлито из серебристого металла. Металлический зверинец обнаруживал несомненные признаки жизни: богомолы и жуки шевелили лапками, драконы крутили головами, представители рода кошачьих выгибались, потягиваясь, крокодилы нервно подергивали хвостами, а лошади переступали с одной чешуйчатой лапы на другую, и это всеобщее нетерпеливо движение играло и переливалось в разбегающихся глазах Михаила миллионами солнечных бликов. Когда Костен, произнеся последнее тайное имя, открыл глаза, этим глазам уже было на что порадоваться: перед людьми выстроился длинный паноптикум чудовищ, детищ явно кого-то из древних богов — не иначе как весельчака Диониса, произведенных им на свет скорее всего в приступе белой горячки.

Еще при первом явлении Михаил ощутил необоримую потребность увеличить расстояние между собой и тем, что возникало перед ним в непосредственной близости — причем ноги уже сами приняли решение унести бедное тело куда-нибудь подальше от событий; но тут со спины его подперло что-то большое и мягкое, вцепившись клещом в его локоть, и не дало Михаилу возможности не только убежать, но даже попятиться. Конечно, хотелось бы, чтобы это была Илли, но, судя по всем приметам, путь к бегству ему отрезал Бельмонд, не сделавший ноги сам, очевидно, только потому, что его парализовало от страха. Остальные присутствующие гуманоиды — как люди, так и Странники — также застыли на месте, возможно, по той же причине, что и бедняга Фредди. Однако само воспоминание об Илли в момент вернуло Михаилу утраченное мужество. Он досмотрел спектакль до конца вместе со всеми и только потом нашел в себе силы произнести полусшепотом:

— Это что?..

— Это битсы, — весело отозвался Кики Заноза, как будто речь шла всего-навсего о названии какого-нибудь экзотического растения.

Михаил тут же ощутил, как ослабла хватка Бельмонда на его локте, да и сам он сразу почувствовал невероятное облегчение и даже что-то вроде легкого разочарования. Вот и всегда так: стоит кому-то дать загадочному явлению какое-то, пусть даже непонятное название, и часть жуткого очарования уже потеряна вместе с изрядной долей страха перед неведомым. Кики, кажется хотел добавить к названию еще что-то, что наверняка окончательно сорвало бы с потрясающих пришельцев ореол загадочной жути, но их имидж спас на время от разоблачения папаша Костен, отдавший как раз в этот момент громогласный приказ своей армии:

— На конь!!!

Вполне возможно, что для Странников команда прозвучала как-то иначе, но по-русски Михаил воспринял ее именно так. Окружающий народ, не колеблясь ни секунды, хлынул вперед и штурмовал неведомых битсов с той же ловкостью, с какой карабкался недавно по «горным» кучам. И полминуты не прошло, как все Странники, включая женщин и детей, уже сидели верхом на смирных, аки овечки, серебряных монстрах, представляя собой со стороны довольно внушительный кавалерийский корпус. Михаил так и не смог отделаться от ощущения, что все всадники очень походят на беззаботных отдыхающих, каких-то курортников, обзаведшихся архаичным оружием и навестивших экзотический музей, где им разрешили немного посидеть верхом на экспонатах.

Внизу осталась лишь все та же небольшая группа Странников и людей, сколоченная еще в Месиве, во главе с папашей Костеном. Костен крикнул, обращаясь к своей армии, уже полностью, судя по всему, готовой к бою:

— Сейчас я поговорю еще раз с Довертом, потом начнем, только по моему сигналу!

Михаил вспомнил про танки и оглянулся. Значит, вот как здесь принято осуществлять клановые дуэли. Оригинально, ничего не скажешь!

Окруженные, словно легкой газовой завесой призрачным маревом миражей, танки пока что стояли неподвижно, на передней машине Михаил разглядел двух человечков, сидящих на броне. «Выбор оружия на усмотрение сторон, — припомнилось Михаилу. И выбор транспорта, видимо, тоже. Михаил оценивающе взглянул на легкомысленную армию Костена. — Неужто они на этом вот, да с мечами наперевес, попрут на танки?..» — проползла недоверчивая мысль. Его попутчики из тех, кто не мог причислить себя к славному роду Странников, также молча с интересом глазели туда-сюда, сравнивая, наверное, как и Михаил, соотношение сил в грядущей потасовке. Двух мнений, похоже, быть не могло: соотношение это было явно не в пользу клана Прорва. Единственное, что как-то утешило Михаила в сложившейся обстановке, так это то, что Илли не выглядела больше столь подавленной — кажется, пестрота новых впечатлений слегка ее встряхнула, развеяв ее мрачное настроение.

Папаша Костен между тем закрыл глаза, как бы сосредоточиваясь, и сказал негромко:

— Доверт, мы уже на месте.

— Вижу, — раздался где-то рядом такой же негромкий ворчливый ответ.

Михаил невольно огляделся. Не сразу до него дошло, что они являются свидетелями какого-то прогрессивного метода переговоров, и голос доносится к ним непонятным образом с той стороны поля. Вероятно, Костену отвечал кто-то из тех двоих, что устроились верхом на переднем танке.

Раз ты видишь нас, то должен видеть и свою дочку, — продолжал папаша Костен.

— Вижу, вижу, — опять проворчал бесхозный голос, как будто хозяин его стоял от собрания где-то в двух шагах. Михаил понял, что речь идет о рыжей девчонке, и не сомневался, что это огненное сокровище даже издалека должно быть видно гораздо лучше, чем всю их компанию, вместе взятую. Пленница вела себя непринужденно и в данную минуту с интересом слушала разговор своего похитителя с ее далеким папенькой.

— Мое предложение такое: вы оставляете нам подлинник — наш подлинник, Доверт! — а мы отдаем вам твою Осу. И расходимся с миром, — сказал Костен.

— Нет! — отрезал голос.

— Тебе что же, выходит, наплевать на дочку? — искренне удивился папаша Костен.

— А куда она денется? — усмехнулся невидимый собеседник. — Ты, что ли, Костен, ее удочеришь?

— Удочерит, удочерит! — неожиданно весело подала голос Оса. — Он меня за Кики замуж выдаст!

Она кокетливо склонила голову к плечу и смешно наморщила веснушчатый нос, глядя с некоторым вызовом на Занозу. «А и вправду, что еще с ней можно сделать? Она же Страница!» — подумал Михаил. Но Занозу, кажется, беспечное предположение Осы всерьез задело.

— Все, хватит! — рявкнул он папаше и, повернувшись к Осе, решительно велел ей: — Уходи!

Она высоко подняла брови, с таким видом, словно не расслышала, как бы переспрашивая. «Ась?» Папаша Костен со своей стороны изумленно молчал.

— Кому сказал?! Иди отсюда! Уходи к своим! — прогонял разгневанный Заноза

смешливую заложницу. Она, хмыкнув, пожалала плечами — не хотите, мол, на мне жениться, так я и не настаиваю — и пошла через поле к танкам, светясь сквозь миражи вторым рыжим солнышком, время от времени насмешливо оглядываясь на Занозу.

— Ну и зря! — высказался смущенно папаша Костен. — Из вас получилась бы отличная парочка!

— Ты для этого ее и заловил? — зло поинтересовался Заноза. — Ну спасибо! Не мог придумать для сватовства что-нибудь попроще?

— Сказал тоже, попроще! За здорово живешь Доверт ее тебе никогда не отдаст! — с понимающей ухмылкой заметил спутник Костена, которого тот величал, кажется, Толиком.

— Ну это мы еще посмотрим! — упрямо заявил Заноза.

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мне пора, — молвил Толик и, неопределенно махнув «дипломатиком» в сторону свалки, добавил: — Дела!

— Вернись, Проньра! Я тебя маршалом сделаю! — воззвал ему вслед папаша Костен. Толик, не оборачиваясь, заметно прибавил шагу.

Заноза, усмехнувшись, обернулся к Карригану и сразу стал серьезен.

— Советую вам уйти в декорации, сейчас здесь начнется заваруха. Если останетесь, то держитесь подальше.

Карриган понимающе промолчал.

— Декорации, декорации, тошнит уже от ваших декораций, — пробурчал за Карригана Петр. — Пока здесь остаемся!

Заноза его уже не слушал — об опасности он их предупредил, и на этом, видимо, считал свою миссию добровольного помощника беглой бригаде законченной, а теперь вместе с папашей Костеном направлялся к ближайшему рогатому жуку.

Скалди с Болом отделились от компании еще раньше: пока суд да дело, они успели раздобыть себе где-то — не иначе как в тех же мусорных кучах — по сабле и вскарабкаться на одного из стоящих поблизости голенастых крокодилов. Папаша Костен, взобравшись на загривок к жуку, поднес первым делом руку козырьком к глазам и обзрел из-под нее окрестности. Как раз в этот момент над полем пронесся ровный гул, пришедший, вне всякого сомнения, со стороны противника.

Михаил и его спутники, стоявшие, несмотря на совет Занозы, все там же, то есть прямо перед армией, на переднем, так сказать, ее фланге, дружно, как дисциплинированные бойцы, повторили жест генералиссимуса: загородив ладонями глаза от солнца, посмотрели в поля: вражеский военачальник, он же несостоявшийся Занозин тесть Доверт, оказывается, уже отдал приказ о начале боевых действий. Оса почти бежала и была сейчас неподалеку от голубого столба, где-то на полпути к своим, а танки уже не стояли, а быстро двигались сквозь иллюзорное марево, оглашая равнодушные к столь решительной военной экспансии миражи гулким ревом.

Пока маленькая компания, прочно утвердившаяся перед войском, наблюдала за действиями противной стороны, Костен, не теряя больше времени даром, подал команду «в атаку!». Его стальная кавалерия лавинообразно рванула с места, лихо — с криками, лязгом и тяжелым топотом, огибая с двух сторон группу случайных свидетелей закипающей межклановой свары. Карриган едва успел отдернуть в сторону Попрыгунчика, позабытый всеми, тот под общий шумок подобрался к жуку-рогачу и производил уже что-то вроде экспериментального соскреба с ней членистой ноги; еще миг, и самостийного натуралиста снесло бы к здешней чертовой бабушке этой самой членистой ногой. Заноза и Костен,

промелькнувшие мимо на спине жука, что-то горячо между собой на скаку обсуждали, надо думать — кроили наскоро план предстоящего сражения, и явно думать позабыли за батальными проблемами о своих недавних горемычных попутчиках. Зато со спины бегового крокодила им помахала рукой на прощание Скалди.

— Что это за место такое глючное они выбрали для своих разборок? — спросил Петр, прищурясь вслед удаляющейся армии, как показалось Михаилу, с некоторой завистью.

— Это центр Перекрестка, — сказал Карриган. — Здесь, у Стержня декорации, сходятся и теряют свою власть над теми, кто способен уйти в базовую реальность.

— Так этот синий столб, стало быть, и есть Стержень? А что это за ствол внутри него плавает?

— Это, я так понимаю, предмет кланового спора.

— Выходит, вся свара из-за обычной пушки?..

Если Карриган и намеревался просветить спутников по поводу спорного оружия, висящего в Стержне, то не успел этого сделать: танковый корпус противника дал по врагу первый залп, судя по мощности разнесшейся над полем звуковой волны — из всех орудий. Секунды через две миражи вокруг идущей цепью кавалерии Костена расцвели каскадами взрывов. Некоторые снаряды попали в цель: пара серебряных монстров были снесены и полетели кувыркком, роняя оседлавших их людей и сшибая ближайших соседей. Один снаряд взметнул фонтан земли неподалеку от непричастной к событиям группы зрителей: как видно Рексы в большинстве своем не отличались меткостью, а может быть, кому-то из танкистов показалось, что там-то, возле помойки, и обосновался главный вражеский штаб.

Петр и его команда лишь слегка пригнулись. Илли спряталась за Карригана. Михаил тоже невольно отступил назад, но всего лишь на шаг — пусть не думает, что он такой уж слизняк и трус и вообще это только от неожиданности, а в следующий раз она может смело прятаться и за него. Попрыгунчик отскочил назад, как минимум, на метр, потом обернулся, после чего отделился от компании и проследовал к свалке со словами:

— Кажется, оттуда будет лучше видно...

— Я, пожалуй... Мне надо... Надо бы отойти... залепетал Бельмонд, пятясь к мусорным грудам.

Карриган покачал отрицательно головой, глядя на поле боя так, словно это не кто иной, как именно он только что «легким манием руки» двинул в бой свои металлические полки, и проронил с видом стратега-консультанта:

— Не стоит. Вряд ли они будут еще сюда стрелять.

После вражеского залпа армия Костена прибавила ходу, торопясь поскорее сократить отделяющее ее от врага расстояние. Странники, похожие издалека в своих летних одеждах на пестрых бабочек, опустившихся на спины чудовищ, выхватили на всем скаку свои мечи и сабли что, наверное, выглядело бы вполне уместно в прошлые века для обычной кавалерийской атаки и угрожающе размахивали ими над головами, как будто бы полные решимости искромсать сейчас танки противника с помощью сабель в мелкую стальную стружку. Петр презрительно хмыкнул, а в следующее мгновение сабли и мечи в руках у Странников вспыхнули разом, вмиг обернувшись длинными ослепительными лучами.

— Ага, вот это уже дело! — удовлетворенно, хоть и с некоторым удивлением в голосе произнес Петр.

В то же время некоторые из битсов — те, у которых имелись хоть какие-то намеки на крылышки, в их числе, кстати, и дракончики — расправили эти свои летательные

приспособления, отделились от земли и взмыли вверх настоящей стальной эскадрилей. Взлетел, вращая, как лопастями, двумя серебристыми крыльями, и тот самый жук, на заливке у которого примостились Кики с папашей Костеном. «И как их только оттуда не сдует? Ветер ведь, наверное, от этих крыльев, как от вертолета», — удивился Михаил вскользь, потому что удивляться по-настоящему уже просто не хватало сил, да и некогда было. Танкисты принялись поливать авиацию врага из зенитных пулеметов, на башнях заухало даже что-то вроде переносных зенитно-ракетных установок; одновременно танки не забывали постреливать бронебойными уже практически в упор по надвигающейся кавалерийской цепи на битсах. Однако лучевая атака противника с потрясающей быстротой выводила танки из строя: один за другим они останавливались, дымясь, некоторые прямо на ходу разваливались, роняя обрезанные лазерами пушки, теряя на ходу зенитки, людей и прочие запчасти.

— Почему они не используют лазерники? — поинтересовалась у Карригана Рейчел, увлеченно, как испанка на корриде, следящая за боем.

— Битсы отличные отражатели, лучевое оружие против них бессильно, — снизошел до пояснения Карриган.

— Так зачем им тогда танки, сражались бы тоже на этих битсах!

— Далеко не каждому под силу вызвать битсов, и только единицы знают способ заставить их стать своими сторонниками.

Петр недоверчиво покосился на Карригана.

— Хочешь сказать, что Костен ЗАСТАВИЛ их себе помогать?

— Скорее ржавоглота заставишь травку щипать! — высказал свое мнение Голс.

— Вот и я о том же, — обронил Карриган, пристально глядя вдаль. Окажись сейчас чисто случайно где-нибудь поблизости Бодо Паркокри, он, без сомнения, тут же бросился бы писать с Карригана портрет великого полководца всех времен и народов. Положительно, не зря Рексы по нему пальнули — да и кто бы на их месте удержался?

Жук, на котором сидели Заноза с Костеном, уже долетел до Стержня и шел возле него на снижение, в то время как Кики с папашей полосовали лазерами первый танк, как раз приближавшийся к Стержню. Танк со своей стороны отвечал им усиленным огнем ракетной установки и пулеметными очередями, не приносящими жуку никакого видимого урона, лишь слегка сбивающими его с намеченного курса, до тех пор, пока обе эти его огневые единицы не были уничтожены меткими лучевыми ударами сверху. Сам танк тоже был практически уничтожен: он загорелся, кособочась на ходу, что выглядело как-то неестественно. Для мощной бронированной машины, и наконец остановился, уткнувшись в землю наклонившейся вперед, обрезанной у самого основания пушкой: складывалось впечатление, что горящий танк споткнулся о собственную пушку. «Сейчас рванет боекомплект!» — азартно подумалось Михаилу. Однако прежде, чем это его предсказание сбылось, из танка выскочили и побежали в разные стороны двое танкистов — остальные, вероятно, не смогли пережить своего стального друга. Одного из танкистов Михаил моментально опознал по оранжевой шевелюре — это была, без сомнения, Оса, она припустила во всю прыть, подальше от пылающего еще пуще ее волос танка. Второй танкист сразу ринулся к Стержню. Заноза спрыгнул с жука, хотя тот не успел еще приземлиться, вскочил, отбросил свою саблю и кинулся наперерез танкисту. Заметив его, танкист остановился, вытянув вперед руку с зажатым в ней лазерным пистолетом. И в этот критический момент за его спиной взорвался боевой друг, сиречь танк, полностью оправдав предчувствия Михаила. Танкиста швырнуло

взрывной волной вперед к самому Стержню, где он и упал, но тут же приподнялся, пытаясь дотянуться до Стержня, чтобы завладеть висящим там внутри, словно в невесомости, предметом спора. Но в это время к танкисту подоспел Заноза и ударом ноги отпихнул его в сторону от вожделенного предмета. Спорное оружие уже практически принадлежало Занозе, стоило ему лишь протянуть руку в столб голубого света, но почему-то он не торопился ее туда протягивать. Вместо этого Заноза подождал, пока его противник-танкист поднимется с земли, и оделил его прямым ударом в челюсть, причем ударил он, как это ни странно, забинтованным обрубком руки, где под бинтами должна была торчать кость.

Голс присвистнул и протянул восхищенно:

— Ничего себе инвалид!..

От второго удара — здоровой рукой — контуженый только что танкист сумел ловко уклониться. Лазерник свой он, судя по всему, уронил еще при контузии, так что вынужден был теперь вступить в рукопашный бой, навязанный ему великодушным инвалидом Занозой. Пока эти двое обменивались первыми ударами, вокруг них закипало настоящее побоище. Обе стороны еще до столкновения понесли друг от друга изрядные потери, тем не менее те, кто до этого столкновения дотянул, получили возможность в полной мере потешить свой боевой дух: противники, покинув спины своих монстров и свои горящие танки, бросились друг на друга врукопашную, и вокруг Стержня завязалась наконец решающая битва. Чем-то эта битва напомнила Михаилу пьяную матросскую драку в приморском кабаке: не используя сабель и лазерников, противники вдохновенно дубасили друг друга кулаками, а также ногами, то есть — занимались откровенным руко- и ногоприкладством, в том числе и женщины, а дети шныряли между танками и стоящими неподвижно монстрами, выслеживая друг друга, и, выследив, занимались тем же. Одна только Оса не принимала участия во всеобщем спарринге: она стояла возле Стержня, наблюдая за боем между своим соплеменником и Занозой. При этом ни она, ни кто другой из увлеченных потасовкой не сделал попытки посягнуть на спорное оружие: похоже было, что непосредственный спор за оружие считался у них делом тех двоих, что мерялись силой возле Стержня, а для всех остальных конфликт был просто прекрасным поводом немного повоевать и даже пустить друг другу кровь, а в довершение отвести душу в хорошей драке. Они вполне могли позволить себе смертельные игры, не опасаясь при этом за свою жизнь. Странники — что с них возьмешь! И выходит, что единственными, кто мог бы действительно пострадать на этом куликовом поле, были незваные зрители, скромно приютившиеся возле местной общественной помойки.

Так размышлял Михаил Летин, подумывая уже и о том, куда бы ему со своей компанией двинуться по окончании просмотра, когда заметил вдруг над дерущимися странное движение воздушной субстанции. Миражи, на которые он давно уже перестал обращать внимание, выгибались причудливыми узорами вокруг одной точки неподалеку от Стержня. «Батюшки, да это же...» Не успел он сформулировать мысленно свою мгновенную догадку в конкретное слово, как миражи вокруг критической точки разошлись кругообразно, и в воздухе над полем межклановых разборок возникло именно то, что всплыло мгновением раньше перед внутренним взором Михаила: а именно — имперский катер преследователей.

— Ах ты сволочь настырная! Дерьма тебе в реактор! — процедил Петр.

— Лучше — взрывчатки, — невозмутимо усовершенствовал рацпредложение Петра Владимир Карриган.

— Мишка, уводи! — велел Петр.

Михаилу показалось, что он находится на очередной репетиции их коронной сцены: те же, в боевой декорации. К привычной, повторявшейся уже не раз ситуации явно чего-то не доставало, и Михаил тут же понял: не хватает милого сердцу звукового сопровождения из Карриганова кармана. Всеобщее, несомненно, воспоминание было достойной эпитафией погибшему прибору, небольшому произведению искусства, перевернувшемуся сейчас, наверное, в своем плавучем гробу, то есть в чреве у дохлой рыбы.

Михаил огляделся напоследок — все ли на месте — и с удовлетворением отметил возвращение с мусорного наблюдательного пункта Попрыгунчика. Все были в сборе. Он сосредоточился и без малейшего на сей раз усилия ощутил под ногами что-то базовое, но процесс был бесцеремонно нарушен распоряжением Карригана:

— Повремени-ка минутку!

Обернувшись, Михаил удивленно уставился на неизменно самоуверенного преступника международного пошиба. Карриган, глядя в поле, где среди неподвижных битсов и танков все еще продолжался разухабистый клановый мордобой, произнес отчетливо:

— Странник!

— Некогда! — раздался рядом злой запыхавшийся голос.

— Дружеская просьба, — сказал Карриган. — Мы тебя сегодня выручили, выручи и ты нас. Клади этого вояку, бери свою пушку и попробуй сбить из нее вон ту птичку!

«Та птичка», висевшая до сих пор неподвижно, сориентировалась наконец, кажется, в боевой обстановке и нащупала своими радарными необходимыми ей объектами. Заноза как раз уложил противника ударом искалеченной руки в нос, когда катер резко покинул место своего прибытия и направил стремительный полет прямо к небольшой группе наблюдателей в мусорном интерьере.

— Мишка, уводи! — вновь жестко приказал Петр. — Из этого ствола ему имперца не сбить!

— Тут резак нужен! — нервно заметил Голс.

Михаил стоял, не отвечая, устремив взгляд к основанию Стержня. Окончательное решение вновь было за Проводником, и он его уже принял. Он не сомневался — раз Карриган сказал «сбить», значит, это действительно возможно. Только почему Заноза двигается так медленно? А катер приближается быстро, слишком быстро! Он уже на полпути, а Заноза еще только протягивает руку в столб голубого света и берет свой подлинник. «Подлинник! Вот как называется это оружие, предмет спора двух могущественных кланов Перекрестка! Он действительно способен сбить имперца», — неожиданно понял Михаил. И в этот миг, когда сомнения его окончательно развеялись, он каким-то собственным внутренним усилием сместил вдруг индикаторы времени на двух неведомых секундомерах. По большому счету он так и не понял, что именно произошло и как он это сделал, но катер преследователей теперь надвигался не так стремительно и неотвратимо, подобно лихой судьбе, а плыл сквозь миражи, преодолевая пространство неторопливой воздушной субмариной. А там, далеко внизу, Странник почти неуловимыми по быстроте движениями выдернул из Стержня подлинник, вскинул его к плечу и выстрелил. Из ствола его оружия протянулся к катеру длинный сверкающий палец. Эффект от выстрела оказался для большинства наблюдателей неожиданным: антилазерное покрытие, как-никак, должно было надежно защищать имперца от лучевого оружия. Но тогда оставалось предположить, что преследователи срочно решили проверить на мягкость здешние почвы и специально ради этого резко изменили направление своего маршрута,

подстреленный катер скользнул наискось вниз, устремляясь на встречу с землей.

— Хороший выстрел! Спасибо, — произнес Карриган, а в следующий миг земля содрогнулась, принимая на свою многострадальную грудь порцию тяжелого металла, имеющего почему-то обыкновение летать по небу, аки пух, и, к сожалению далеко не аки пух с этого неба падать.

— Мог бы быть и получше, — проворчал Петр; катер, вспахав при падении глубокую борозду, ушел на треть в землю, но при этом, ко всеобщему разочарованию, не взорвался.

— Квиты, — скупно уронил голос Занозы. Сам Заноза далеко внизу стал кричать что-то уже сверху неслышное, махая над головой только что добытым и уже испытанным в деле предметом спора. Дерущийся народ оторвался от своего увлекательного занятия и в большинстве своем бурно и очень эмоционально обрадовался, а в меньшинстве — отчаянно загрустил. Пока Странники внизу копошились, кто радуясь победе, кто оплакивая свое поражение, Карриган бросил на Петра вполне однозначный взгляд: я, мол, свое дело сделал, теперь ты можешь дальше командовать.

Петр долго оценивающе глядел на Карригана, потом с тем же изучающим выражением — на подбитого имперца, после чего произнес задумчиво:

— А не пора ли нам расстаться?..

— Что ж, я не возражаю, — как ни в чем не бывало сразу согласился Карриган. — Разойдемся прямо сейчас. — Он обернулся к Михаилу. Надеюсь, наш Проводник не против?

Окружающий мир померк на мгновение в глазах у Михаила Летина. Конечно, им суждено было рано или поздно расстаться. Но чтобы ни с того ни с сего, прямо сейчас, вот так неожиданно...

— Нет!.. То есть да! Я против!.. Или мы уходим все вместе, или... Или вообще никуда отсюда не двинемся! — решительно заявил он, упрямо склоняя голову в направлении брата, словно намеревался боднуть его немилосердно при малейшем возражении.

Петр в досаде сжал челюсти, разжал и опять сжал. Желваки на его скулах разыграли танец невысказанных проклятий. Он указал пальцем на поверженный катер.

— Посмотри сюда! — велел он брату. — Ты думаешь, что там внутри все передохли? Как бы не так! Очень скоро имперские борзые очухаются и займутся ремонтом своего корыта, а потом опять кинутся в погоню за этой парочкой! Если мы с ними сейчас не расплюемся, то нам никогда не уйти от погони!

Михаил поднял на Петра недобрый взгляд исподлобья и выдал, как припечатал:

— Я сказал — нет.

Они глядели друг на Друга — два брата, как два непримиримых врага, и Михаил — фактический хозяин ситуации, ясно ощутил, что брат готов в эту секунду скорее убить его из своего лазерника и остаться вовсе без Проводника, чем уступить. Сам Михаил не намерен был уступать, без малейших при этом позывов к убийству.

В эту решающую минуту к Петру подошла Рейчел и, обняв его рукой за спину и положив ему голову на плечо, сказала, указывая другой рукой в поле:

— Смотри-ка, а куда это они все собрались?

Напряжение момента было нарушено нехитрой дипломатией Рейчел. Все оглянулись невольно в указанном ею направлении.

Странники — и победители и побежденные, карабкались вместе, помогая друг другу, на серебряных животных, стоящих до сих пор смиренно на тех самых местах, где седоки их покинули, ринувшись в увлекательную драку не на жизнь, а на разудалость. Стоило двум

замирившимся, видимо, кланам, расположиться в тесных компаниях на спинах у битсов, как причудливые звери начали один за другим таять в воздухе.

— Намылились куда-то отмечать мировую, — предположил Карриган и добавил небрежно, как бы между прочим: — Нам тоже пора.

Михаил, кивнув согласно, покосился на Петра, и в это время неподалеку от компании вновь образовался огромный серебряный жук-рогач. На заплечной пластине у жука сидело аж пятеро Странников: кроме Занозы и папаши Костена, там поместились Оса и Бол Бродяга, между ними пристроился еще какой-то незнакомый носатый тип, судя по понурому виду — представитель проигравшей стороны. Заноза ловко перебрался к жуку на рог и оттуда уже спрыгнул на землю, за ним все то же самое проделал не менее ловко полиэтиленовый мешок с Болом.

— Ребята, у нас к вам есть одна просьба, — начал Заноза, подходя. — Бол хочет пойти с вами. Здесь, на Перекрестке, ему никто не может помочь, он решил попытаться счастья в декорациях. Возьмете с собой Бродягу? В ваших делах он не помеха, а при случае и подсобит чем.

Бол, нейтрально перетасовываясь, выплыл из-за спины Занозы и установился с ним рядом. Глядя сейчас на Бола, Михаил ощутил вдруг всей своей одинокой душой удивительную и редко кому присущую атмосферу дружелюбной надежности, исходящую, как ни странно, от этого перемешанного человека.

Петр молчал, переваривая неожиданную просьбу. Молчал и Карриган. Молчали с любопытством все остальные.

— Конечно, возьмем, — сказал Михаил, делая шаг к Бояу с сильным желанием хлопнуть его по плечу, но так и не решился выбрать, какая из частей, расположенных поблизости, может сыграть в данном случае роль плеча. Зато он увидел в первый раз глаза Бола Бродяги — зеленые, ясные, с чуть приметной карей грустинкой в глубине, они проплыли прямо перед лицом Михаила и проследовали далее, обратившись на Занозу.

— Вот и порешили, — удовлетворенно произнес Бол Бродяга, улыбаясь белозубо где-то на своем правом крае и протягивая с левого края руку Занозе. — Присмотри тут без меня за Скалди, не пускай ее больше в Месиво, — сказал он, пожимая Кики его уцелевшую левую руку. — И лови момент, пока Доверт на том свете, — он многозначительно подмигнул, покосившись на жука, на спине которого Оса, пользуясь остановкой, производила в данный момент какие-то санитарные операции над носатым парнем.

— А где Скалди? — решился спросить Михаил, подозревая уже, что девушке опять не повезло и она находится сейчас примерно там же, где упомянутый только что папаша Осы Доверт.

— Со Скалди все в порядке, — правильно понял его опасения Заноза. — Просто они не любят прощаться.

— Наверное, вряд ли еще увидимся. Прощай на всякий случай, — сказал Михаил, протягивая по привычке Страннику свою правую руку. Заноза усмехнулся, хлопнул левой его по плечу и, развернувшись, пошел к ожидающему его рогатому транспорту. Похоже, что он тоже не любил прощаться, тем более — навсегда.

Пока всеобщее внимание было занято Болом, Занозой и жуком, к Михаилу бочком-бочком подобрался Фредди Бельмонд и, вновь вцепившись в его локоть и, встав на цыпочки, умоляюще зашептал ему на ухо:

— Прошу вас, очень прошу, давайте сейчас вернемся в отель! Ведь вам все равно теперь,

куда идти! А там вы сможете отдохнуть, переждать... А там, глядишь, и назад его вернуть... А?

На целостность двух потерянных этажей, оторванных в родной реальности от фундамента, Бельмонду, конечно, рассчитывать не приходилось, но он все еще, как видно, продолжал надеяться вернуть на место в целости хотя бы первый этаж, не задумываясь о том, что это покинутое место в данный момент может быть занято руинами.

Михаил и в самом деле понятия не имел, куда ему вести компанию после отбытия Странников. Раз погоня обнаруживает их каким-то образом по следу, то не все ли равно, куда идти — почему бы, в самом деле, и не в «Донской орел»? Как-никак там действительно можно временно расположиться, да и местность вокруг отеля им уже знакома. Кроме того, пока имперцы будут чинить свой катер, след беглецов может и выветриться, и тогда там, в отеле, погоня будет искать их в последнюю очередь. С другой стороны, где-то в тех краях могли до сих пор обретаться федералы, отставшие от погони. Хотя это представлялось маловероятным: скорее всего второй катер затерялся в декорациях на Перекрестке.

— Ладно, посмотрим, — сказал Михаил Бельмонду, утешительно похлопав его по руке. Обнадеживать старика не стоило: одно дело принять решение, и совсем другое — осуществить его здесь, на Перекрестке, учитывая к тому же их недавнюю конфронтацию с Петром.

Пока Михаил шептался с озабоченным Бельмондом, грандиозное насекомое вместе с Занозой и остальными пассажирами растворилось в замешанном на миражах воздухе, словно кусок сахара в галлюциногенном чае.

— Уходим, — бросил Михаил спутникам, стараясь не глядеть на Петра и сразу переключаясь на поиск базовой дорожки.

— Минутку, Проводник! — во второй раз отвлек его от исполнения профессиональных обязанностей Карриган. — Я же говорил, что мы находимся в центре Перекрестка. Под твоими ногами сейчас лежит базовая реальность. Так что путь отсюда лежит для нас примерно вон в том направлении, — и он сделал куртуазный жест в сторону свалки.

— Большое спасибо. Понятия об этом не имел, — с предельной сердечностью поблагодарил Карригана Михаил, так, чтобы услышал Петр: мол, недомудрила чего-то твоя голова — расставаться за здорово живешь с таким специалистом! То, что в данной ситуации им, в принципе, мог помочь и Бол Бродяга, не имело значения: Бол был в команде новобранцем, в то время как Карриган представлял собой испытанный кадр с целым арсеналом универсальных возможностей и раз за разом продолжал доказывать свою незаменимость.

Глянув в последний раз на зарывшегося носом в землю имперца, не подававшего пока признаков жизни, Михаил направился размашистыми шагами к свалке, стараясь уже по мере приближения разглядеть желанный путь, пронизывающий мусорные курганы. «Попробуем все-таки выбраться отсюда к отелю, — решил про себя Михаил. — А в случае чего — кто мне помешает сразу же увести группу в другую декорацию? Уж верно, не федеральная полиция!» «Ну-ну», — произнес насмешливый голос в голове у Михаила, прежде чем высящиеся перед ним пестрые груды исчезли, поглощенные таинственной пеленой базовой реальности.

Глава 9

РЕАЛЬНОСТЬ ТРЕТЬЕГО РОДА

Дорога, возникшая на сей раз перед Михаилом, словно была проложена здесь какой-то путеукладочной компанией из его родного мира: привычное с детства лодбитовое покрытие, по которому так удобно было гонять мяч, ездить на машине, бегать, да и, в конце концов, просто ходить, стелилось сейчас под его ногами, окруженное со всех сторон мерцающей туманной взвесью. Как знать — возможно, эта дорога имела свойство иногда казаться такой, какой Проводник хотел бы ее видеть? Как бы там ни было, теперь Михаил твердо решил испытать, как далеко простираются его способности Проводника. Он впервые вел свою группу в известное ему место и хотел, если, конечно, это получится, закончить переход прямо в холле «Донского орла». Как это осуществить на практике, Михаил Летин понятия не имел, зато его второе «я», то есть Проводник, считал, что для попадания в необходимое место ему достаточно всего лишь мысленно на этом месте сосредоточиться. Двигаясь по дороге с грузом спутников, смиренно влачащихся за его плечами в незримой сети, Михаил сосредоточил мысли на розовом холле и совершенно ясно уловил момент, в который он с этим холлом каким-то непостижимым образом совместился. Тогда он остановился и сразу распустил гипотетическую волевою сеть, освобождая первым делом от ее силков своих попутчиков. Базовая дорога из-под ног тотчас же пропала, туман моментально рассосался, открыв перед взглядами беглецов покинутый ими, казалось бы, давным давно, а на самом деле только вчера розовый интерьер и в обрамлении этого интерьера самую неподходящую для них сейчас компанию: холл отеля оказался буквально наводнен ходячими оружейными арсеналами в серой униформе. На хорошую реакцию, кстати, оккупанты отеля не жаловались, более того — у них она напоминала скорее какой-то условный рефлекс: стоило Михаилу увидеть «серые береты», как в следующий миг все они, и даже те, что стояли только что спиной, развернулись мгновенно к вновь прибывшим и уже держали их на прицелах.

— Стоять! Не дергайся, Летин! Руку отрежу! — резко пролаял «берет», расположившийся за стойкой, где Михаил привык видеть девушек, и совершенно, в отличие от них, эту стойку собой не украсивший. Физиономию этого самостийного портье Михаил однажды уже имел счастье лицезреть в эгноте, при переговорах Петра с полицией, перед самым их уходом из родной реальности.

— Ну и влетели!.. — досадливо просипел позади Голс.

— Теперь все медленно, я повторяю — медленно! — достали оружие и бросили его на пол! — продолжал распоряжаться новый «портье».

Михаила его распоряжения не касались, поскольку оружия у него не имелось. Кроме того, Михаил, не отличавшийся отменной реакцией, все же предчувствовал, что нечто в этом роде может их здесь ожидать, и поэтому немедленно занялся исправлением своей ошибки, то есть — самоликвидацией из отеля вместе со всей своей группой. Пока позади него трое вооруженных каторжников медленно избавлялись от оружия, он уже вновь стал единым целым со своим внутренним Проводником и не только нащупал межпространственную дорожку, но и приступил к осуществлению коварной мести наглому майору Барни, торжествующему уже легкую победу, ради которой ему не пришлось даже вылезать из-за стойки. Михаил вновь, как в первый раз, простер зону своего влияния целиком на весь зал,

не забыл захватить в эту зону своих попутчиков и, крикнув мысленно Карригану: «Владимир, помогай!» — двинулся вперед по открытой лишь ему дороге. Позади стукнулись глухо о ковер три брошенных лазерника, а в следующий миг розовый холл полностью очистился от слуг закона — Михаил, по сути, выдернул из-под них отель, унеся его с собой в базовую реальность. Так что все «серые береты», лишившиеся помещения, вместе со своим начальником, потерявшим облюбованную им стойку, должны были оказаться теперь на свежем воздухе, посреди голой пустыни. Правда, где-то там поблизости в пустыне находился их полицейский катер, великодушно оставленный в распоряжение полиции ускользнувшими от них похитителями недвижимости.

Куда ведет новая дорога, Михаил не знал. Он уже понял, как выводить отряд в желаемое место, вся загвоздка была в том, что он пока еще не знал здешних мест и не представлял себе даже примерно, чего именно ему надо желать. И хотя среди его «ведомых» опять имелся Странник — Бол Бродяга, но тот не торопился сбивать Проводника с выбранной им дорожки, что и естественно: Болу наверняка было все равно, в какой из декораций искать лекарство от своего редкостного недуга. А между тем с каждым шагом становилось все очевиднее, что дорога Михаилу попала на сей раз какая-то сомнительная: туман за окнами как будто бы сгущался и все более темнел, да и с самим отелем происходило что-то неладное. Зал вокруг Михаила по мере его продвижения вперед неуловимо изменялся, чем дальше, тем больше, становясь постепенно совершенно неузнаваемым. Изменялся также воздух в зале — Михаил мог бы поклясться, что воздушная субстанция, снабжающая кислородом его легкие, быстро и прямо-таки катастрофически уплотняется. Но, поскольку повернуть назад Михаил не мог и свернуть куда-нибудь в сторону с каверзной дороги также не представлялось возможным, ему ничего другого не оставалось, как идти по ней вперед, все дальше, вместе со всем грузом, при молчаливой поддержке Карригана и, возможно, Бола Бродяги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда дорога наконец закончилась, Михаил отказывался уже узнавать помещение, которое он на себе волок, а кроме того, отказывался понимать, как он умудряется еще дышать тем сиропом, в который превратился наполняющий это помещение воздух. Туманная пелена за окнами если и растаяла, так то, что после нее осталось, оказалось еще более неопределенным: в распахнутых окнах плавала теперь какая-то слоистая сине-зеленая муть. Очень походило на то, что Михаил привел свою группу в то место, которое больше всего соответствовало его теперешнему настроению: хмарь, муть и неопределенность.

Опустив с облегчением свой нелегкий груз, Михаил обернулся на спутников и тут окончательно утратил ощущение реальности происходящего: позади него стояла бригада натуральных утопленников со светящимися глазами. Все они были, без сомнения, узнаваемы, но ровно настолько, насколько может быть узнаваем человек по портрету какого-нибудь крутого сюрреалиста, отождествляющего мир, как минимум, со склепом, а людей в нем, соответственно, — с мертвецами, ведьмами и вампирами. Михаил переводил изумленный взгляд с одного попутчика на другого: цвет их лиц представлял сейчас оригинальную смесь оттенков в синей гамме — от бирюзы до ультрамарина. Волосы у всех сильно отдавали в зелень. Но главное изменение претерпели их глаза: какого бы цвета они ни были в реальном мире, сейчас очи у каждого светились ровным голубоватым светом. Взгляд Михаила непроизвольно задержался на Илли. «Ох, девочка!.. Не приведи Господь тебе сейчас в зеркале себя увидеть!.. Кондратий ведь может хватить без подготовки...»

Впрочем, новый имидж роковой ведьмочки в какой-то мере ей даже шел. Рейчел, по мнению Михаила, в облики русалки даже похорошела. В отличие, например, от Фредди Бельмонда или Попрыгунчика. Бедняга Бельмонд напоминал теперь эдакого неряшливого упитанного вампира, а Попрыгунчик смотрелся его антиподом — вампиром отощавшим. На брата, Карригана и Голса без содрогания смотреть было просто невозможно: троица зомби, покинувших уютные склепы, чтобы поохотиться за свежим человеческим мяском. Наверняка и сам он выглядел теперь не лучше, хотя желания покусать окружающих у него пока еще, слава Богу, не возникало. Оцепенение слегка отпустило Михаила лишь при взгляде на Бола Бродягу — каждая отдельная запчасть Бола обзавелась маленькими плавничками и рыбьим хвостиком, так что Бол, в отличие от остальных, выглядел в новом неожиданном образе довольно забавно и походил теперь на какой-то самодвижущийся аквариум. Вся команда хранила растерянное молчание, оглядывая в смятении друг друга и преобразившееся помещение, отделанное в прошлом, кажется, австралийским розовым кедром. Сейчас отделка зала напоминала бурый мшистый капролит. Электрические светильники превратились в причудливые образования, вроде шарообразных мочалок, но продолжали почему-то при этом светиться. Стойка и кресла сохранились, однако слегка видоизменились и поросли мхом, так что входить с ними в какой-то осязательный контакт не возникало ни малейшего желания.

— Батюшки, да что же это?.. — первым подал голос упитанный вампирчик Фредди Бельмонд, протянув вопрошающе нетвердую синюшную руку в направлении своей любимой, совершенно неузнаваемой стойки.

— Бред какой-то, — вякнул из-за его спины тощий вампир и, нервно хихикнув, повалился в ближайшее мшистое кресло. Валился он несколько замедленно — слишком густой воздух слегка замедлял движения, лишая их резкости.

— Вот так приехали!.. Ну, Мишка, ты даешь! — произнес натуральный зомби Петр, наклоняясь к полу за своим лазерником. Но на пятнистой поросли, в которую обратился ковер, брошенных лазерников не обнаружилось: Михаил, похищая в очередной раз недвижимость, не позаботился о том, чтобы захватить в сеть брошенное оружие, и все три лазерных пистолета остались лежать в чистом поле по соседству с облапошенной группой захвата.

— Да вы не волнуйтесь так, — донеслось успокаивающе со стороны аквариума-Бола. — Это реальность такая метаморфозная. Третьего рода. Когда вернемся отсюда, все станет на свои места.

— Что значит «третьего рода?» — живо встрепенулся тощий вампир, он же — Попрыгунчик. — Я вас правильно понял, что существуют еще какие-то «первый» и «второй» род реальностей?

— Ну да, разумеется, — откликнулся Бол. Михаил нашел глазами в аквариуме ту рыбку, которая была ртом Бродяги, и увидел, что рыбка-рот удлиняется, растягиваясь в улыбке. Наверное, Болу показались забавными люди, ничего не смыслящие в декорациях и рискнувшие при этом по ним странствовать. Скорее всего он, конечно, снизошел бы до того, чтобы объяснить им разницу между родами реальностей, как и ему, наверное, когда-то в детстве в первый раз ее объяснили, не раздайся в этот момент стук в дверь. Стук был уверенным и даже каким-то официальным.

Новорожденные ведьмы, вампиры и зомби тревожно переглянулись. Тот из них, что недавно еще был Петром, сплюнул себе под ноги и буркнул, нервно засовывая в карманы

безоружные руки:

— И здесь начинается!..

В дверь еще раз настойчиво постучали, после чего Бельмонд, окинув молчаливую компанию светящимся взглядом загнанного на солнцепек вампира, произнес нерешительно:

— Войдите!..

После его разрешения дверь распахнулась, и в холл быстро вошли один за другим четыре вооруженных синеличных утопленника в черных бесформенных балахонах и с ними — один понурый, безоружный водяной — маленький старичок с всклокоченной бородой и волосами цвета зеленки. Утопленники держались уверенно и даже как-то по-хозяйски, старичок водяной смотрелся в их окружении приговоренным преступником, ведомым на эшафот. Шкафообразный громила, вошедший первым и выглядевший несомненным начальником отряда, остановился прямо перед Михаилом и произнес с сильным гортанным акцентом, однако по-русски и вполне понимаемо:

— Попрошу ваши документы, граждане!

«Оп-ля! Вот тебе, бабушка, и единая ментальность!» — порхнула в голове у Михаила подозрительно паническая мысль, в то время как руки его принялись уже сами собой произвольно шарить по карманам в поисках несуществующих документов. Но объяснение с властями решительно взял на себя Петр.

— Какого черта вам здесь надо? — рявкнул он, выступая вперед и угрожающе посверкивая своими новыми «лучистыми» глазами. На Петре тотчас же сфокусировались четыре пары столь же лучистых глаз-прожекторов, а кроме того — четыре черных дула. Оружие у гостей было на вид довольно своеобразным, но похоже, что огнестрельным.

— Попрошу ваши документы, документы на собственность, а также разрешение на постройку этого здания на данном участке!..

В конце фразы говорящий слегка запнулся — взгляд его упал на Бола Бродягу.

— Та-а-ак... — протянул он. — А это что такое?

— Не твое дело! — огрызнулся Петр, все более синее, из чего Михаил сделал вывод, что Петр постепенно начинает закипать.

— Ладно, там разберемся, — заключил командир отряда, полностью игнорируя устрашающую игру красок на физиономии собеседника, хотя дома Петру в такой кондиции давно бы уже принялись вызывать неотложку. Впрочем, какое там! Слуга Божий с осинovým колом в руках — вот бы кто по нему сейчас точно плакал в родной реальности, потому что стадия клинической смерти и даже стадия захоронения выглядели на его исторической родине гораздо краше. Другое дело здесь. Вполне возможно, что в данной реальности все было как раз наоборот, то есть — чем румянее и белее, тем, соответственно, ближе к холодной могиле. — Попрошу всех следовать за мной! — распорядился местный страж порядка, кивая головой на выход. Четыре ствола указали одновременно в том же направлении.

И тогда стадия закипания переросла наконец у Петра в стадию решительных действий.

— Бой! — уронил он, исчезая неожиданно из общего поля зрения.

Практически одновременно с его исчезновением произошло сразу несколько событий: во-первых, так же покинули пределы видимости Рейчел с Голсом, а во-вторых, в-третьих и так далее до пяти, попадали на пол, полностью лишившись чувств, представители местной власти. Потом трое пропавших каторжников возникли над бесчувственными телами, наподобие синеоких ангелов смерти, склонились над ними и деловито их обезоружили.

Старичок водяной, оставшийся после расправы над слугами закона целехонек, начал осторожно бочком-бочком продвигаться к двери.

— Эй, дед, ты куда? — строго окликнул его Петр.

— А туда! Ухожу я отсюда! — неожиданно грубо заявил старичок, приосанился и решительным шагом потопал к двери.

— погоди, дед! Поговорить надо! — крикнул ему вслед Петр. Задерживать деда насильно он почему-то не торопился, хотя сделать это ему ничего не стоило.

Старичок действительно тут же остановился, обернулся и спросил с пробудившимся интересом:

— Вы кто будете-то? Иностранцы, что ли?

— Типа того, — дружелюбно кивнул Петр. Лицо его уже приобрело здоровый нежно-голубой оттенок. Михаил должен был отдать брату должное — Петр умел налаживать контакты с людьми, когда это было ему необходимо.

— То-то я и гляжу, говор у вас больно чудной. И рыбок чудно разводите, — заметил старичок, зыркнув на Бола Бродягу, и продолжал охотно: — Зря вы это затеяли! То есть здание это напрасно здесь возвели! Уходить вам надо теперича из этого здания! Все равно скоро власти заявятся и разнесут этот ваш ампир в щепки! А не уйдете — и вместе с вами разнесут!

— А куда ж нам податься-то, дед? Мы ж нездешние, — посетовал Петр.

— Так это... — Дед почесал в зеленой бороде, поглядел на распростертых на полу стражей порядка, покосился на оружие в руках Петра и изрек: — А я почему знаю?!

Сказав так, водяной занервничал, затоптался, бросая встревоженные взгляды на дверь, — ему, очевидно, не терпелось поскорее смыться из этого незаконнорожденного здания. Тогда в разговор нашел нужным вступить Бол Бродяга.

— У вас здесь в ходу деньги? — спросил он у словоохотливого водяного, приближаясь к говорящим.

— Ух ты!.. — произнес дед, выпучивая глаза и делая шаг назад, поближе к надежной стеночке.

— Покажите-ка мне вашу монету, а лучше, если найдется — купюру покрупнее.

— А зачем это? — подозрительно насторожился дед, забывая даже размазываться по стенке.

— Да не бойтесь, мне только взглянуть, — успокоил его Бродяга.

— Ишь ты... — Заинтригованный дед порылся в своем рубище, извлек из него смятую бумажку, расправил и показал издалека. — Ну гляди!

— Поближе можно! — Бол подался к деду. Тот шатнулся испуганно назад, к спасительной стенке.

— Ну, ну! Ты не очень-то...

— Теперь с другой стороны, — попросил Бол.

Дед рачительно разгладил купюру и, продемонстрировав другую ее сторону, спросил:

— Ну, все, что ли? Насмотрелся?

— Так... — уронил Бол, отстраняясь от деда, и его рыбки-руки уплыли ненадолго куда-то в глубь аквариума. Когда они вновь вынырнули к окраине и подплыли под нос к деду, в каждой оказалось по ровненькой, перетянутой резиночкой денежной пачке.

— Ой... — сказал водяной, мигнув удивленно глазами на зрителей. Зрители в большинстве своем выглядели не менее удивленными.

Дедок нерешительно взял одну пачку, осмотрел придирчиво, достал из нее купюру, ощупал, обнюхал, проверил на свет и тут же торопливо сцапал вторую пачку.

— Значится, так! — молвил он, деловито запихивая деньги в глубины своих обносков. — В этой незаконной постройке вам оставаться, конечно, нельзя. Есть у меня, значится, тут неподалеку одно местечко. Можете там денек отсидеться.

— Ну так пошли! Веди нас, дед, в это свое местечко! — заключил Петр так успешно повернувшиеся переговоры. На столь внушительное финансовое вливание в местную экономику со стороны Бола Петр, разумеется, не рассчитывал.

— Погодите! — возопил вдруг Фредди Бельмонд, кидаясь первым к двери. — Зачем нам с ним идти? — продолжил он, загораживая собой едва узнаваемого, поросшего бурым мхом орла. — Может, лучше сразу в другую, как ее там, реальность, во вторую или в первую, вместе с отелем, а?..

— Везде свои проблемы! Да не мельтеши ты! — рявкнул Петр, отстраняя Бельмонда с дороги. Тот бросился к Михаилу.

— Прошу вас, давайте попробуем! Есть же и другие места! Другого рода! Он же сказал, что здесь мой отель разнесут в щепки!

Михаил только сочувственно покачал головой. Он рад был бы помочь Бельмонду, но сейчас просто по-настоящему устал и не чувствовал себя способным опять волочь на себе отель в неизвестные реальности. К тому же Петр был прав — в других мирах их наверняка поджидают новые неприятности, в то время как здесь уже проделана определенная работа: вырублено четверо представителей власти, налажен контакт с местным населением, и уже вроде бы даже наметилась перспектива где-то отдохнуть. Обойдя несчастного Бельмонда, не найдя даже слов, чтобы его утешить, Михаил вышел вслед за Петром на улицу.

Реальность, в которую он перенес на этот раз отель, очень смахивала на подводный мир, вот только субстанция, заменявшая здесь воздух, была все-таки гораздо прозрачней и легче, чем вода, хотя гуще и тяжелее обычного воздуха. И все-таки теперешнее местопребывание «Донского орла» больше всего походило на подводный город. Отель, как выяснилось, стоял в самом центре широкого дворика, вокруг громоздились серые строения причудливой архитектуры. Чем-то эти здания напоминали детские сооружения из песка, возводимые ежедневно маленькими строителями на пляжах всех земных морей, но только куда большие по размерам: аляповатые и бесформенные, но подчиненные, безусловно, какому-то общему архитектурному замыслу, с редко натыканными окошками, в которых кое-где горел свет. Между тем на дворе, судя по всем приметам, стоял погожий летний денек: в мутно-зеленых небесах не барахталось ни единого облачка (хотя не факт, что в этом мире вообще водились облака), в то же время солнце там в зените очень даже барахталось — под видом бледно-желтого колеблющегося пятна. А дворик в целом оказался довольно уютным: безлюдный, поросший, как травой, низкорослыми водорослями, вполне в принципе пригодный для того, чтобы временно здесь окопаться. Кабы не явившиеся не ко времени здешние слуги закона, в просторечии — менты. «То ли чутье у них во всех мирах собачье, то ли существует между ними все-таки какая-то телепатическая межпространственная связь, — думал Михаил. — Вот она где — истинная-то ментальность в действии!»

Предприимчивый дед, покинув незаконную новостройку, сразу торопливо зашагал через двор к ближайшему проходу между двумя башнями. Орел — он же дверь отеля — жалобно клекотал — то есть поскрипывал, — выпуская из холла неверных постояльцев, вновь перенесших его в незнакомую местность и опять бросающих на произвол судьбы. Скрипнул

в последний раз укоризненно, закрываясь за Бельмондом, и умолк. Уже трогаясь со всей компанией вслед за новым провожатым, Михаил оглянулся в последний раз на отель: извини, мол, старый приятель, что не могу и тебя взять с собой. «Ни одного попутчика не бросил бы в беде, а тебя вот — приходится. Прости...» Повинившись мысленно перед «Донским орлом» и все же продолжая ощущать себя в какой-то мере предателем, Михаил постарался сосредоточиться на преодолении здешнего пространства: хотя передвигаться в этом так называемом воздухе было гораздо легче, чем, например, под водой, но усилий требовалось гораздо больше, чем при обычной ходьбе, при этом постоянно возникало настойчивое желание поплыть.

Одна из башен, между которыми им предстояло пройти, сильно клонилась к другой, как не в меру растолстевшая березка к баобабу, и, если добавить к ней мысленно архитектурных изысков, вполне могла бы претендовать на роль Пизанской (падающей в родной реальности вот уже больше тысячелетия и так до сих пор и не павшей). Проходя под ее угрожающей сенью, Михаил невольно внутренне напрягся — показалось на мгновение, что именно прихода чужеземцев из иных реальностей этой псевдопизанской башне не доставало много лет, чтобы было на кого в конце концов эффектно обрушиться. Но башня все-таки устояла перед искушением, позволив небольшой группе интуристов, замаскированных под местных жителей, выйти без лишних приключений на улицу вслед за гидом-водяным.

Улица оказалась довольно широкой, залитой ровным серым покрытием, и на ней царило то, что здесь, наверное, было принято считать оживленным городским движением: по мостовой перемещались черепашьими темпами редкие прохожие, в то время как транспортные средства, имеющие преимущественно обтекаемые формы, плавали наверху в несколько ярусов.

Интуристы свернули за дедом направо и некоторое время преодолевали улицу, любуясь на частые вывески — больше, собственно, любоваться здесь было не на что: архитектура по обе стороны громоздилась довольно однообразная, транспорт над головами проплывал какой-то стандартный, ничем практически, кроме величины и цвета, не различающийся. «То ли дело на родной земле!..» — ностальгически вздохнул Михаил. Хотя вывески-то как раз и напомнили ему о том, что реальность эта не только находится на его родной планете Земля, но и имеет некую таинственную психологическую (или ментологическую?) связь с его родиной; все вывески оказались написаны по-русски, кириллицей, но с колоритными ошибками, отражающими наглядно местный специфический акцент. Сразу по выходе на улицу в глаза бросилась надпись под изображением неоновой торта: «ЙЕСТАРАН», которую Михаил расшифровал как «ресторан», далее шел «БАДК» — он и в Африке «бадк», особенно при перманентной простуде, и с «КУАЗИНО» все было ясно без перевода. Озадачили Михаила две крупные вывески, расположенные напротив друг друга: зеленая надпись с завитушками гласила «ГРЫБЫ», строгая красная — «ОПТЕКА». Грибы, конечно дело хорошее, и ничего не было плохого в том, что они здесь так популярны. Вот только грибы ли в этом магазинчике продавались? А не рыбы ли часом какие-нибудь на букву «г»? А «ОПТЕКА», это что такое — аптека? Или оптика?.. Никаких стеклянных витрин наглядной агитацией здесь не было и в помине, так что удовлетворить любопытство можно было, только зайдя внутрь заведения. Возможно, что двусмысленные вывески были своего рода хитрым способом заманить в магазин лишнего лопухого клиента. Михаил, например, непременно зашел бы куда-нибудь, скорее всего — в «ГРЫБЫ» (дома грибы были его любимым блюдом, особенно — жаренные в сметане), если бы зеленобородый провожатый

не развил тем временем потрясающую для здешнего сгущенного воздуха скорость. Да и было от чего ее развить: группа привлекала к себе пристальное внимание окружающих, виной чему был в основном, конечно, Бол Бродяга. При виде перемещающегося по улице косяка рыбок странных конфигураций прохожие оборачивались и откровенно глазели вслед, транспортные средства притормаживали и зависали сверху, грозя устроить в скором времени на оживленной воздушной магистрали пробку. Пара синешеких упырят выскочили из-за угла на плоских дощечках с маленькими пропеллерами и тут же принялись виться вокруг Бола, дразня составляющих его рыбок и предпринимая даже наглые попытки их ловить. В конце концов рыбка-рот Бола устрашающе щелкнула зубами, едва не укусив одного упыренка за палец, а рыбка-рука сунула под нос второму кукиш. Восторгу молодого поколения не было границ!

— Чего пристали, рыбок, что ли, никогда не видели?.. — сердито прикрикнул на них дед, ныряя в узкую подворотню. Упырята, облетев напоследок Бола еще по разочку, нехотя отстали.

Темные извилистые переулки, по которым пришлось потом довольно долго плутать, напомнили Михаилу подводный лабиринт в игре ESO, проще говоря — «Второе морское нашествие». Попадающиеся изредка навстречу местные жители с горящими глазами очень его в этой ассоциации укрепили, хотя, в отличие от виртуальных монстров в ESO, были совершенно не склонны к агрессии, а совсем наоборот — ненавязчивы и даже пугливы.

В конце концов, миновав очередную грязную подворотню, компания оказалась в мрачном тупичке, вроде крохотного внутреннего дворика: из окружающих домов сюда выходила одна дверь, да и та забитая досками, похожая на какой-то черный ход, которым давно уже не пользовались. Само место навеяло на Михаила подозрения, что дед завел их, как Сусанин поляков, в такие трущобы, где их можно теперь либо бросить без особых угрызений совести, либо устроить им здесь с друзьями-упырями засаду и ограбить — интуристы-то, видать, попались богатенькие, деньгами швыряются, почти как агитаторы предвыборными листовками. Хотя вряд ли дед и впрямь намеревался грабить вооруженный отряд, уложивший на его глазах в секунду четверых представителей власти. Просто место было такое — наводящее невольно на мысли о грабежах и насилиях, которые, как пить дать, не раз тут совершались.

Водяной подошел к единственной двери и для начала огляделся, чего можно было, в принципе, и не делать: компания полностью заняла маленький закоулок, так что вряд ли здесь нашлось бы еще место для кого-нибудь постороннего. Убедившись, что кругом толпятся лишь свои — то есть исключительно личности, оплатившие гордое право называться «своими», — дед постучал в дверь условным стуком, подождал немного, после чего сам же ее и открыл, просто потянув на себя — дверь была забита наживую, только для вида. За дверью высветилась узкая лестница, ведущая вниз. Дед, сердито засопев носом, шагнул в дверь и стал молча, не оборачиваясь, спускаться. Михаил, пропустив вперед всю команду, зашел последним и предусмотрительно запер за собой дверь на тяжелую металлическую щеколду, обнаружившуюся у нее с внутренней стороны. Спустившись затем вниз, он оказался в круглом коридоре, на первый взгляд совершенно нерукотворном: примерно такие тоннели оставляли за собой гигантские круглые черви на какой-то из планет-заповедников, причем прогрызали они эти ходы в твердых породах. Названия планеты Михаил, правда, не помнил, зато самих червей видел довольно часто — в рекламных роликах, где этот завлекательный — по мнению гениев от рекламы — образ

эксплуатировался просто безбожно. Кстати, вопрос о том, разумны ли эти безобидные, в сущности, твари (в смысле — черви), до сих пор горячо дискутировался в научных кругах. Так вот, что касается данного коридора — от обиталища грандиозного червя он все-таки кое-чем отличался, в частности, наличием своего рода осветительных приборов; у червей в норках было темно, и отважные туристы-следопыты бродили там в поисках хозяев с фонариками, тогда как здесь с потолка свисали в изобилии некие образования, больше всего напоминающие тускло светящиеся сопли. Вдоль стен располагались в беспорядке «двери», вернее — продолговатые отверстия, высотой примерно в человеческий рост. Некоторые из них были занавешены чем-то вроде длинных водорослей. Гости толпились внизу у лестницы, осматриваясь, дед прошел немного по коридору, заглядывая в «двери» и бурча на ходу:

— Устроили проходной двор... Ворота нараспашку, заходи кому не лень... Облавы на вас тут, как я погляжу, давно не было...

Из-за второй двери что-то невнятно в ответ прошебуршало и донесся раскатистый храп.

— Тьфу! — от души плюнул дед, зыряка в третью дверь, и, обернувшись, махнул пригласительно рукой. — Вот, давайте-ка сюда!

Вняв приглашению, они прошли гуськом по коридору и нырнули мимо гостеприимного деда в помещение, оказавшееся изнутри натуральной малогабаритной норой. Если быть до конца справедливым, комната больше напоминала уютную берлогу. Для медведя, надо понимать, уютную: ни один медведь-гризли не отказался бы от такого роскошного лежбища, учитывая к тому же полное отсутствие в нем мебели. Вся мебель, а конкретно — кровати заменяли здесь разбросанные по полу подстилки матрасного типа весьма сомнительной чистоты. «Ура!..» — совершенно искренне подумал Михаил Летин при взгляде на раскинувшееся перед ними матрасное изобилие, ощущая себя не просто медведем, а счастливейшим из медведей. Спутники в большинстве своем тут же наглядно продемонстрировали полную солидарность с Михаилом, радостно оккупировав ближайшие лежанки. Не стал исключением даже Бол Бродяга, не говоря уже о Попрыгунчике с Бельмондом: одной ночевки на полу оказалось для них вполне достаточно, чтобы научиться ценить изделие, хоть отдаленно напоминающее матрас. Михаил тоже не прочь был бы немедленно рухнуть на что-то относительно мягкое, но медлил, заметив, что Илли не торопится устраиваться на отдых: она стояла в дверях вместе с Карриганом, о чем-то с ним перешептываясь.

— Ну дед, спасибо! Удружил! — от души поблагодарил Петр, растягиваясь блаженно на матрасе.

— Так вы здесь, значит, отдыхайте, а я пошел, — донесся откуда-то из коридора голос скромного благодетеля. Самого деда уже в дверном проеме видно не было — усвистел, видимо, на выход. Михаил сильно подозревал, что у водяного чешутся руки немедленно и с толком промотать честно заработанный капитал. Тем временем Илли закончила шептаться с Карриганом, прошла мимо Михаила в глубь берлоги и уселась там сердито на матрас, спиной ко входу. У Михаила создалось впечатление, что они поссорились. Карриган вместо того, чтобы тоже пристроиться на отдых, шагнул к двери.

— Куда собрался? — остановил его на пороге голос Петра.

Карриган ответил через плечо:

— Пойду добывать хлеб насущный. Моя девушка проголодалась.

— Неплохая мысль... Насчет хлеба насущного, — произнес Петр, медленно перетекая из лежачего положения в сидячее.

— А еще насущней — насчет горючего, — хохотнул со своей лежанки Голс.

— Вот только одному тебе столько хлеба и горючего не дотащить, сколько нам на всех надо, — продолжал Петр раздумчиво.

— Я с ним пойду, — заявила неожиданно только что улегшаяся Рейчел и тут же встала, всем своим видом давая понять, что сакраментальный вопрос, кому идти за хлебом, решен и дальнейшему обсуждению не подлежит.

— Ну да, пошла как-то коза за капустой! — криво усмехнулся Петр. — Все спиртное по дороге выпила и сказала, что так и было.

— Но капусту-то донесла! — отпарировала, улыбаясь, Рейчел.

— Капусту-то? Донесла, а как же. До первого же встречного козла.

Голс хмыкнул. Рейчел, напротив, перестала улыбаться, глаза ее полыхнули недобро: ни дать ни взять ведьма в гневе, того и гляди забормочет лихие слова и закидает всех неугодных квашеной капустой. Михаил подсадовал мысленно: «Что ж они раньше-то не догадались, насчет хлеба и прочего? Могли бы затариться по дороге, в тех же «ГРЫБАХ» — возможно, кстати, что здесь это что-то вроде «БУЛОЧНОЙ».

Петр неторопливо поднялся и объявил:

— Ладно, идем втроем. Остальным ждать здесь. Мишка, отдыхай, копи силы. Мы скоро. Голс, остаешься тут за дежурного.

Тем временем Бол, раскиданный в беспорядке по матрасу, успел скомпоноваться обратно в аквариум и выдвинулся на середину комнаты со словами:

— Я тоже пойду.

Петр качнул головой отрицательно, но Бол тут же пояснил:

— Вам понадобятся деньги. На хлеб. Да и мне негоже разлеживаться — не для того я с вами в декорации пошел.

Охота спорить у Петра, кажется, пропала. Судя по молчанию Карригана, отстраненно стоявшего у выхода, словно разговор его вовсе не касался, — он не имел ничего против, чтобы взять с собой в поход за хлебом сколько угодно попутчиков. Михаил взглянул на Илли — она уже улеглась, не побрезговала несвежим матрасом, — повернувшись при этом ко всем присутствующим спиной. Сомнений не было — что-то все-таки между ней и Карриганом произошло, уж больно они походили на поссорившихся влюбленных. Как ни странно, факт их размолвки Михаила на сей раз вовсе не радовал, а навевал почему-то неясную тревогу. Пока он жевал свое тревожное ощущение, пытаясь уяснить его причину, четверо добровольных ходоков за хлебом покинули только что обретенную берлогу. Тут Михаил осуществил наконец свое первоначальное намерение — растянулся на ближайшем матрасе, заложив руки за голову, и приготовился немного поразмыслить о теперешнем их положении, местонахождении и в связи с этим — о сомнительном статусе всей компании в новом «подводном» мире, но вместо этого мгновенно уснул.

Глава 10

ПОСЛЕДНИЕ ВЕДЬМЫ

Илли лежала с открытыми глазами, повернувшись лицом к стене. Серая бугристая поверхность стены немного успокаивала глаз, по крайней мере она была единственным, что не слишком действовало сейчас на нервы. Как никогда в жизни, ей необходимо было теперь остаться одной. Хотелось отвести наконец душу, приказать им всем — убирайтесь! И она непременно бы так и сделала, имейся хоть малейшая надежда на то, что они подчинятся ее команде и уберутся. Оставят ее в одиночестве, хоть ненадолго. Особенно раздражало в последнее время постоянное присутствие рядом Карригана с его всепроникающим взглядом. Не шло из памяти его мысленное замечание, выданное им еще там, в Месиве, с меткой небрежностью записного знатока человеческих душ. Тогда, бросив в море эгнот, не в силах еще поверить в очевидное — в то, что Рэт Эндарт — ее Рэт — не просто на стороне изменников, что он принимает участие в погоне за ней... тогда ей пришлось выслушать утешительное послание Карригана: «Никаких причин для печали, детка. Ты была ему всей душой предана, не так ли? Отрицать бесполезно, я — свидетель. И ты им предана. Так о чем горевать — тебе же ответили полной взаимностью!..» Сказать в ответ ей было нечего, да и не стоило того...

Что-то происходило вокруг, что-то мелькало, иногда даже занимая ее внимание, впрочем ненадолго. Время от времени — возникало острое желание заплакать. Да что там — попросту зареветь. Чисто по-женски — горько, безутешно и в голос. «Рэт, здесь глубоко!.. Дай руку!» — «Ты же хотела научиться плавать? Плыви!..»

Мир вокруг продолжал вращаться, скользить бестолковой чередой пестрых событий, едва задевая по краям сознания, как по стертой шестерне, заставляя еще ее двигаться, но без понимания происходящего, без смысла. А ведь у нее была цель... Ее собственная цель — единственный надежный стержень в поглотившем ее мировом водовороте, последний спасательный канат, за который, пожалуй, стоило еще ухватиться. И она за него, конечно же, в конце концов ухватилась. Лишь тогда отчаяние, грызущее сердце голодной волчицей, слегка разжало беспощадные зубы. Унылую душу осенили смысл и ясность, а вместе с ними родилось первое решительное слово: «Хватит!!!» Пусть эти ее так называемые попугачики, все эти проводники, попрыгунчики, винегреты и прочие барахтаются и дальше в своих бестолковых декорациях, дерутся, умирают, гоняются за монстрами, сами превращаются в монстров и катятся в тартарары! Ей с ними больше не по пути, у нее имеется своя задача, и она наконец-то займется ее осуществлением! И Карриган ей отныне не указ, а только помощник, обязанный подчиняться ее воле, раз уж он вызвался ей помогать! Вот так примерно, не выбирая особо вежливых выражений, она и сказала Карригану. А затем выдала первый приказ — немедленно возвращаться в родную реальность и приступать там к поискам давно обещанного корабля. Как осуществить обратный переход — это не ее проблема, хотя она не сомневается, что он с этой задачей отлично справится и без Проводника. Разговор этот происходил, пока остальная группа устраивалась на очередной долгосрочный привал в реликтовом подвале, куда их привел чудной зеленой старикашка. Она ожидала услышать в ответ от Карригана старую песню про единственный верный путь, который не ей выбирать, потому что он — этот путь — сам уже ее выбрал, и готовилась дать Наблюдателю хорошую отповедь: приставлен наблюдать, вот и наблюдай, помогая, когда

велено, а уж командовать — довольно! Это изначально было и остается ее прерогативой! Но, к ее удивлению, Карриган на сей раз не стал спорить, а согласился сразу, лишь поставив условие: он найдет для нее корабль и отправится за ним немедленно, но сама Илли должна оставаться временно до его прихода вместе со спутниками здесь, «на дне». Она в ответ заявила, что не собирается ждать его возвращения, сидя безвылазно в сырых катакомбах в компании бандитов. Тогда Карриган дал понять, что ей вовсе не обязательно ожидать его именно здесь: он, мол, найдет ее впоследствии, где бы она ни оказалась. «Впоследствии» — это звучало вдохновляюще, особенно в его насмешливых устах. Однако ей поневоле пришлось смириться, утешаясь тем, что она все же заставила его наконец подчиниться своей воле. А то, что он бросает при этом на произвол судьбы ее — Хранителя, которого обязан, по его же собственному признанию, беречь и опекать, пусть ляжет тяжким бременем на его совесть. Но в принципе, по большому счету, это была ее первая настоящая победа над Карриганом с начала безумного бегства. Хотя удачи, надо признать, имели место и раньше. Об одной своей нечаянной удаче она вспомнила сейчас, лежа лицом к стене и ощущая, как постепенно возвращается отпустившая на время боль. Опять накатила стылая волна тоски, вновь одиноко и бесприютно заплакало в груди самое обыкновенное женское сердце, потерявшее любовь. Приложив руку к груди, она ощутила там, под одеждой, у самого сердца камушек, подаренный ей старухой ведьмой. Или, быть может, феей?.. «Позови — помогу, — зашептал внутри незабываемый голос. — Советом, аль еще чем... Все тебе полегче будет...» А надо ли, чтобы было легче?.. Надо! — поняла она. Еще как надо! Перед ней поставлена задача, способная изменить судьбу целого мира, и для ее осуществления необходимо, чтобы прошлое ушло, сторело, развеялось серым пеплом!

Ей даже не пришлось доставать талисман из кармашка. Она только решилась попросить о помощи, приложив к нему ладонь, и сразу оказалась вне своего тела, вне помещения, в котором ее тело лежало, и, похоже, вообще вне какого-либо реального пространства. Ничего подобного она не ощущала в прошлый раз, когда звала подмогу в полуразрушенном магазинчике, объятom со всех сторон тьмой. Тогда она просто кричала мысленно, как в огромную трубу: «Помогите!!! На помощь!!!» — пока ее зов не оборвал рывок черного щупальца, незаметно обвившего ноги. Никакого ответа она тогда не услышала и решила поначалу, что так ни до кого и не докричалась. Но все-таки ее крик достиг чьих-то ушей — или, может быть, чьих-то мыслей — ведь помощь все-таки пришла! Теперь же не крик, а она сама летела куда-то в прохладной ветреной ночи, и платье из невесомой материи, непонятно когда ею надетое, струилось ласковым трепетным ручьем вдоль ее тела. Страх не было. Лишь стремление достичь наконец того места, куда она уносилась до сих пор только в сокровенных мечтах — туда, где ее поймут и, быть может, помогут... Да и просто понять — разве это уже не значит — помочь?

В конце концов она не то чтобы куда-то прилетела, просто вокруг нее, все еще летящей сквозь ночь, сама собой образовалась хорошая компания. Что в них было хорошего — в этих растрепанных девчонках, рыжих, черных и белокурых, веселых и задумчивых, возникающих со всех сторон из темноты и купающихся в теплой ночи, как в ласковом море? Да все в них было хорошо — их легкие движения, приветливые лица, их легкие платья, и какое-то непередаваемое ощущение радости общей встречи, осознание причастности к одному особому кругу — тайному сообществу последних ведьм, способных от души смеяться, плакать навзрыд и летать по ночам, способных еще любить во все сердце в этом огромном равнодушном мире. Она была теперь среди своих, ее понимали без слов, и никакого

значения не имело здесь то, что она — императрица, обреченная от рождения на одиночество своим высочайшим титулом, что она не такая, как все. Выше всех... Только теперь до Илли дошел смысл слов старухи: «Мало таких, как ты, осталось, ох и мало...» Вовсе не ее миссию Хранителя имела в виду старуха. Их действительно было мало — не таких, как все. Последних ведьм. Одиноких, каждая — по-своему. И ей вдруг подумалось, что вряд ли, наверное, все они были так же прекрасны и молоды в жизни, какими выглядели теперь. Скорее всего Илли не узнала бы их при встрече в реальном мире, ведь видела сейчас только суть — тот самый пресловутый душевный облик, который не каждому дано разглядеть за грубой оболочкой из плоти. А может быть, даже — как знать? — среди них кружила в танце, юной, неузнаваемой, и та самая древняя старуха, подарившая талисман?.. Об этом Илли могла только догадываться. Но подозревала, что первый ее призыв о помощи достиг совершенно иных сфер, нежели теперь. Налицо была многофункциональность талисмана: когда помощь требовалась против реального агрессора, она и явилась во плоти. На этот же раз Илли звала сердцем, и на зов устремились те немногие, что могли ее понять, потому что были с ней одной сумасшедшей крови. Ей даже не пришлось ничего объяснять им: они слышали ее беду, знали о ее боли и порхали вокруг заботливо, словно бабочки, старающиеся крыльями заглушить огонь на груди подружки, слишком близко подлетевшей к коварному пламени свечи. Они говорили с ней мысленно наперебой, хотя их реплики не перебивали, а как бы дополняли одна другую:

— Он тебе еще нужен?.. — Это рыженькая в зеленом платье с огромными изумрудными глазами.

— Если нужен — он твой, только свистни! — Жгучая брюнетка в узком красном туалете.

— Скоро все изменится, и он вновь будет с тобой! — Хрупкая белокожая фея, нежная и светлая, как ангел.

— Если, конечно, сумеешь простить... — Это, кажется, та синеглазая, резкая, что летит чуть позади справа.

И вдруг, она же:

— Хочешь его увидеть?

— Прямо сейчас?..

— Прямо сейчас!

В их обществе ее охватили головокружение и беспечная легкость, сродни опьянению от нескольких фужеров шампанского. Все показалось легко и просто: она увидит Рэта, и окажется, что предательства не было, просто ее обманули, показав в эгноте очень качественный галлофантом.

— Хочу!

Она думала, что увидит его со стороны, предположительно — как на экране. Но все произошло совсем иначе: подруги-ведьмы исчезли из поля ее зрения так же внезапно, как появились; возможно, потому, что сама она начала стремительно падать вниз, словно утратила в мгновение ока благоприобретенную способность летать. Падение длилось секунды и напоминало спуск в скоростном лифте, причем с выключенным светом. В конце воображаемой лифтовой шахты ее поджидал большой сюрприз: она не просто увидела Рэта Эндарта, она упала с неведомых высот прямо в ту точку пространства, в которой Рэт в данный момент находился. Слегка опомнившись, Илли с трудом постигла смысл происходящего с ней феномена: она была с Рэтом — это факт. Но не полный. А полный

факт состоял в том, что она ощущала Рэта, как себя самое — в высшей степени странное и непривычное ощущение. Его тело было и ее телом тоже — хотя наверняка в меньшей степени, — и телу этому было плохо: оно лежало на жесткой кровати, опутанное поверх пижамы какими-то проводами и трубочками, было вялым и непослушным, открытые глаза созерцали белый потолок. У тела болела голова, ныла правая рука и в груди тоже что-то ныло. Илли тут же поняла, что знает, так же как знал это Рэт, что находится его бедное тело в лазарете с сотрясением мозга, переломом предплечья и трех ребер и что все эти многочисленные увечья обрушились на него в момент соприкосновения с землей подбитого имперского катера. Из чего следовало, что Рэт действительно находился в этом проклятом катере и, следовательно, принимал-таки участие в предательской погоне. Но, может быть, он пошел на измену с тайным намерением ставить палки в колеса преследователям и помогать так или иначе своей невесте?.. Блаженны влюбленные, потребляющие пачками утешительные пилюли с этикетками «наверное» и «может быть»: пока они верят, им улыбается счастье. А основа их счастья — хоть они об этом и не подозревают — состоит в том, что им недоступна подлинная абсолютная близость. Беглянка Илли, она же — урожденная Эвил Даган — императрица, властительница и прочее и прочее, свято хранившая свою честь для первой брачной ночи, оказалась неожиданно для себя так близка с мужчиной, как не мечтала ни одна опытная развратница, да еще умудрилась при этом сохранить себе невинность. И не дай им Бог этой самой абсолютной близости, потому что ей была теперь доступна истина — голая и беспощадная, подобная некрасивой женщине, с которой силой сорвали одежду.

Самым сильным чувством, непрерывно, несмотря на ранения, кипящем в Рэте, оказалась досада — на то, что устоявшееся комфортное существование перевернулось внезапно, и так для него неудачно, пустив под откос все его грандиозные планы на будущее. Борьба с новой властью было выше его сил и возможностей, особенно после того, как ему доходчиво объяснили, что подчиниться, смилив свои амбиции, будет гораздо выгодней для него же: тогда за ним обещали сохранить наследственную власть в домене его отца. Посильное содействие в поимке беглой невесты учтётся ему особо. В противном же случае избалованному принцу пригрозили пожизненной ссылкой. Ни о какой любви в сложившихся обстоятельствах не могло быть и речи, хотя нежное «Вилли» теплилось еще где-то под обломками прежнего независимого характера, порождая смутные чувства вины и раскаяния, старательно заглушаемые мыслями о щекотливости своего теперешнего положения, о необходимости совершенного шага, да о свободе собственного выбора, в конце концов!

— Полно, Рэт, разве это ТВОЙ выбор?! Разве ты теперь свободен?! Опомнись, Рэт Стань же собой!!!

Рэт напрягся, с трудом приподнимаясь. Илли почти как свое собственное восприняла его смятение. Без сомнения, он как-то чувствовал ее глубинное присутствие, мог ее слышать! Всей своей сугью, спрятанной сейчас где-то в укромном уголке его сознания, она ощутила, как он отыскивает ее в себе, тянется к ней — отчаянно, лихорадочно, слепо, словно в бреду; ему так давно нужна была она, ее тепло, ее помощь!

— Я здесь, с тобой, Рэт! Я тебе помогу! Я тебя не оставлю! Только уходи отсюда! Беги, пока еще не поздно!

Он медленно встал, обрывая с себя провода и шланги, шатнулся от головокружения и резкой боли в груди и все же сделал шаг, другой, оперся рукой о стену. «Ну же, принц, вперед!» — подбадривала она, стараясь взять на себя большую часть его боли. Он двинулся

вдоль стены, дошел до угла и остановился, склонив голову.

«Ну, что же ты?..»

Не поднимая головы, он неожиданно произнес:

— Дверь!

В тот же миг пол исчез из-под его ног, и Рэт, потерявший под собой опору, провалился в темный длинный колодец. «Аварийный гипер», — не успев толком испугаться, догадалась Илли еще прежде, чем Рэт выпал из тьмы гиперколодца прямо в пилотское кресло небольшого спасательного катерка. Бывшей императрице, благодаря ее бывшему инструктору Карригану, был известен этот тип катеров: обычный четырехместный челнок-спасатель, способный вынести при необходимости до восьми пассажиров. Оказавшись в челноке, Рэт почему-то не торопился готовить его к старту. Он сидел, опустив руки, уставясь неподвижно в слепой экран перед собой. Что-то неладное творилось в его голове: что-то там возбуждало, ширилось, давило, заливало гнойной массой сомнений только что вспыхнувшую живую искру.

«Что я делаю? Куда я полечу? Я ведь не смогу даже вернуться в свое родное пространство!..»

«Не бойся, это я, Вилли, я — с тобой, я тебя не оставлю! Сделай же последний шаг! Мы найдем тебя, подберем, разыщем, где бы ты ни был! Верь мне!»

«Бред... Но даже если и нет, если, допустим, это не бред и она мне действительно поможет, то на что я буду обречен, присоединившись к ней? На вечное бегство?.. А что получу взамен? Сомнительную радость близости с женщиной, которая не может гарантировать мне ничего, кроме пожизненного клейма изгоя?»

Захлебнувшись на мгновение в душных глубинах его сознания, отравленных ко всему еще отчаянной злостью на все и на вся, Илли отпрянула в панике от своего бывшего жениха, словно вынырнула на свет Божий из вязкой трясины. Разочарованная душа жаждала сейчас надежного приюта и, наверное, поэтому тут же очутилась в собственном теле, преодолев в момент пространства и расстояния, не повидавшись даже напоследок с подругами-ведьмами. Что они, безусловно, заслужили ее благодарность, она поняла лишь спустя несколько минут, окончательно придя в себя после мистического вояжа: она искала и не находила в себе ни былого отчаяния, ни боли, ни даже ненависти. Разве можно ненавидеть человека за то, что он такой, какой есть, что он тебя не любит, да и никогда по-настоящему не любил? Любовь ведь не вызовешь по заказу, если ему вообще дано было любить, в чем она теперь очень сомневалась. Единственное, чего был, пожалуй, достоин Рэт Эндарт, — так это жалости. Для ненависти он был слишком мелок; ведь ненависть, как известно, — обратная сторона любви, а любила она, оказывается, кого-то совсем другого — человека со своими недостатками и слабостями, но все же гордого и смелого, верного себе и знающего цену своему мужскому слову, короче говоря — нереального, ею же самой придуманного принца. Найди она даже сейчас в себе силы простить предательство, ей просто некого было прощать: принц оказался соломенным пугалом, а его любовь — воздушным замком, воздвигнутым на болоте. Возможно, что ее тайный визит в сознание Рэта, как и сам способ получения таким образом информации, был не совсем честным. Но ведь ее случай — особый! И она непременно поблагодарит новых добрых подруг — за то хотя бы, что они сумели это понять. Только благодарить придется как-нибудь в следующий раз: вновь покидать тело и созывать их прямо сейчас только для того, чтобы выразить им свою признательность, не было ни сил, ни смысла. Слишком уж она измоталась за пару последних

сумасшедших дней и хотела теперь лишь одного — забыться, погрузиться в сон, благо какое-то подобие кровати ей в этом псевдозагробном мире предоставили.

Сон подобрался незаметно, как большой ласковый кот, и уже обнял ее своими мягкими белыми лапами, как вдруг его спугнули шум и резкие крики, донесшиеся, очевидно, из коридора. Милостиво пожаловавший было сон мгновенно, чисто по-кошачьи испарился без надежды на возвращение. Разлепив глаза, Илли обернулась к дверному проему, увидела мелькающие в коридоре черные балахоны и тут же с досадой поняла, что желанный покой, увы, даже сниться ей в ближайшее время не намерен.

Глава 11

ИЗ ПЛЕНА В ПЛЕН

Михаилу снился кошмар. Чаяния его заботливых родителей неожиданно и совершенно не ко времени сбылись: редкий дар Проводника — проклятие всей его предыдущей жизни — исчез именно теперь, в этом метаморфозном мире, после чего все его спутники, не исключая Илли и даже единокровного брата Петра, отбыли обратно в свой мир, бросив бесталанного Михаила доживать свои дни в реальности третьего рода. И вот он, бывший Проводник, а ныне — лицо без конкретных занятий и без определенного места жительства, одинокий и покинутый, обзаведшийся уже зеленой бородой по пояс, сидит перед распахнутыми дверями «Донского орла» с протянутой рукой, выпрашивая у его новых постояльцев-вампиров мензурку кровушки или, на худой конец, — горсточку грибов на пропитание. И подходит к нему, сирому да голодному, давешний мент в черном балахоне, пинает его ногой под кобчик и говорит сердитым голосом:

— Вставай, ублюдок!

А вампиры-постояльцы лезут пачками из окон и орут радостно:

— За шиворот его! В морду — и в отделение!

Увесистый пинок, усугубленный поощрительными напутствиями, избавил, к счастью, Михаила от продолжения кошмарного сновидения. Но суровая действительность оказалась в некотором роде продолжением сна, вернее даже — третьей его серией, причем именно третьей, а не второй. (Краткое содержание пропущенной второй серии: спутники возвращаются к герою, устыдившись своего бесчестного поступка, часть из них уходит, чтобы принести оголодавшему Михаилу поесть, остальные бреют ему бороду, после чего укладывают на матрас, и все это — под постоянным строгим присмотром бдительной милиции.) Третья серия начиналась практически с того же, на чем закончилась первая, только что Михаилом просмотренная, но, соответственно, в другом интерьере: над ним нависал гробовым видением трехдневный утопленник, сиречь — здешний представитель закона в черном, и синяя его рука простерлась уже прямоком к Михайлову горлу — хорошо, если только за шиворот схватить, а то кто его, упыря, знает...

Подхлестнутый самыми нехорошими предчувствиями относительно замашек здешнего ОМОНа, Михаил прянул из-под протянутой к нему руки, как таракан из-под тапки, перевернулся и моментом вскочил на ноги — и откуда только прыть взялась спросонья? Слуга закона тут же устроил Михаилу шмон с пристрастием. Он, оказывается, забрел в их уютную ночлежку с целой ротой коллег: набившись всей толпой в тесную берлогу, они не оставили Михаилу даже возможности плюнуть с досады, не рискуя при этом попасть в представителя власти. Этим-то коллегам и принадлежали, очевидно, разбудившие Михаила зрительские выкрики. Оказывается, Илли и Попрыгунчик были уже на ногах и под конвоем — вообще в данном помещении трудно было сейчас оказаться не под конвоем, — а бедняга Бельмонд как раз поднимался с матраса, кряхтя и только что не плача: невероятными трудами и лишениями завоевал он наконец себе право понежить пухлые бока на этом поистине королевском ложе, и вот, стоило ему только прикорннуть, как они опять тут как тут, эти неусыпные блюстители порядка, слетелись, чтоб им ни дна ни крыши, как назойливые комары (в смысле вампиры) в хозяйскую спальню! — так расшифровал Михаил кряхтение Фредди, потому, наверное, что таковы примерно были и его собственные мысли

по поводу неожиданного визита, в просторечии — облавы, не иначе как накарканной сегодня на их головы прохвостом-водяным.

— Вы не имеете права! — вякнул, не сдержался-таки Попрыгунчик. — Мы являемся представителями иностранной державы, и мы...

«...будем жаловаться...» — закончил за него мысленно Михаил, поскольку Попрыгунчик умолк на полуслове — ближайший омовенец сунул ему слегка прикладом под челюсть. Героизм Попрыгунчика, как давно уже выяснилось, имел свои, вполне определенные границы. У Михаила, правда, он даже этих границ не достигал: ему и в голову сроду не приходило вступать в пререкания с ОМОНОм. Потому что голова — и в частности челюсть — дороже.

Как ни странно, нигде не было видно Голса, оставленного вроде бы Петром за сторожа. «Не за подмогой ли часом Голс побежал до ближайшей булочной?.. Неужто он рассчитывает отбить нас по дороге?» — размышлял Михаил, не давая ходу мыслям о предательстве Голса, даже на правах досужей вероятности, в то время как добрая дюжина конвойных уже выводила их из берлоги, словно особо опасных бандитов, толкая стволами по коридору и затем вверх по лестнице — наружу. А там их уже поджидал соответствующий транспорт: напротив выхода, заняв собою чуть не все пространство небольшого двора, зависло довольно крупное транспортное средство, напоминающее крытую галошу на воздушной подушке; даже увидев этот аэромобиль случайно на улице, Михаил вряд ли ошибся бы в его назначении: труповозка либо тюремный автобус. Конвойные затолкали бесцеремонно четверых задержанных представителей иностранной державы через откидную дверь в заднее отделение галоши, сами же погрузились в переднее; в разделяющей перегородке имелось зарешеченное окошко, пример но такое же находилось в заднем отделении на потолке. Льющийся оттуда свет, хоть и скудный, позволил Михаилу разглядеть еще с десятков арестантов, сидящих прямо на полу (сидений тут попросту не было) и взятых, как видно, только что на той же хазе. До того Михаил, правда, ни одного соседа так в глаза и не увидел, но, судя по оборванной грязной одежде задержанных, их обреченному виду и явно нездоровому розоватому оттенку их физиономий, постояльцы раскрытого недремлющими органами бомжатника докатились до самого дна социальной ямы. А уж их безрассудство — в просторечии пофигизм — достиг, наверное, полных пределов, раз уж они даже двери в собственную обитель перестали запирать. Тут Михаил вспомнил с запоздалым раскаянием, что и сам он поленился сегодня второй раз пойти и закрыть дверь за братом и другими хлебодобытчиками. Вот облава и пожаловала запросто, прямо как к себе домой, и повязала беспечных хозяев, а заодно с ними ни в чем не повинных гостей.

Погрузившись в тюремную машину, они вчетвером тут же молча, не стовариваясь, уселись на пол: Илли оказалась с Михаилом плечом к плечу, Бельмонд с Попрыгунчиком тоже устроились поблизости. Едва успели присесть, как галоша рванула с места. Да больно уж лихо рванула! Пассажиров заднего отделения моментально смешало в общую кучу; кучу эту снесло сначала поголовно к задней стенке, а потом пошло кидать от стены к стене — явление вполне естественное для незакрепленного груза на ухабистой дороге. Хотя дело тут было, кажется, не в дороге. А скорее в том, что городские переулки были в большинстве своем узковаты для данного транспортного средства, и, чтобы их преодолеть, водитель давал попеременно своей галоше то левый вертикальный крен, то правый. Не исключено, что в прошлом он был гонщиком, возможно даже — неоднократным призером.

На старте Михаил едва успел ухватиться за Илли, а она в ответ, видимо, чисто

инстинктивно вцепилась ногтями в Михаила. Вот оно, простое и незамысловатое мужское счастье! Так, сцепившись, они и полетели. Не факт, правда, что объединение усилий давало им реальное преимущество в общей свалке, однако Михаил старался, как только мог, защитить собою Илли от ударов об стены и о пролетающих попутчиков, по мере сил принимая их на себя. Один раз ему даже удалось отпасовать обеими ногами в сторону летящего на Илли пузом вперед Фредди Бельмонда. Бесчеловечные условия транспортировки превратили несчастного толстяка в совершенно неуправляемое стихийное бедствие для кучи-малы рахитичных попутчиков. Правда, некоторым везунчикам он подворачивался время от времени в качестве спасательной перины. Попрыгунчик, в свою очередь, летал по ящику смертоносным бумерангом без руля и без ветрил. Только здешний густой воздух, слегка замедлявший его блистательный полет, спасал прочих от тяжких увечий, так как Попрыгунчик приложился, похоже, абсолютно обо всех и обо вся — об Михаила-то уж точно раза три-четыре приложился самыми разными, но почему-то неизменно острыми частями тела. Словом — скучать в дороге не пришлось, прокатились весело, с ветерком и даже, как это ни странно, без жертв. Так только, мелочи: по десятку синяков на брата да, может, три-четыре сломанных ребра на всю компанию — считай, только косточки порастрясли. А все потому, что доехали быстро.

Когда водитель галоши решительно затормозил, перед пассажирами окончательно выписался поистине чемпионский рельеф его характера: человек, очевидно, простой и открытый, а главное — все привык делать от души. Михаил, умудрившийся как-то заранее почуять беду, успел в долю секунды оттолкнуть Илли в угол, а уже в следующую ее долю самого его погребло напоследок под лавиной попутчиков, брошенных необоримой силой инерции вперед при остановке. Лицо Михаила оказалось при этом прижато к передней оконной решетке, за которой глазам, выпученным от давления навалившихся сзади народных масс, открылся, как наяву, настоящий салон первого класса: в удобных креслах, установленных по четыре в ряд, располагались «черные балахоны», надежно пристегнутые ремнями. Могло же, оказывается, кому-то и в этой адской галоше ехать хорошо и с комфортом! Пока «балахоны» деловито отстегивались от своих кресел, народные массы как-то резко прекратили давить сзади на Михаила. Он в результате сполз по стеночке вниз и вновь оказался сидящим на полу, почти как в начале сей развлекательной поездки. Судя по окружающей клинической картине, Михаил оказался из арестантов самым крепким — как-никак он все-таки еще сидел. Если не считать Илли: она тоже более или менее сидела, неподалеку от него, в спасительном углу. Остальные заключенные, в их числе Попрыгунчик с Бельмондом, валялись, можно сказать, у их ног, опривольно распростершись друг на дружке. Дверь в задней стенке наконец откинулась, и арестованным было приказано выходить наружу по одному.

«Не отбили-таки нас сподвижники по дороге, да и мудрено бы им было...» — взгрустнул Михаил, покидая первым лихой тюремный транспорт. И тут же обернулся назад, чтобы подать руку Илли. Наконец-то он мог спокойно проявить галантность по отношению к ней, не опасаясь при этом поползновений вечно преуспевающей конкурирующей стороны. Но опять-таки не вышло: на сей раз скромный знак внимания к даме грубо прервали слуги закона. Они оттащили Михаила от протянутой ему из машины руки и повели его, заломив руки, в низкое строение, чем-то смахивающее снаружи на крупногабаритную землянку. «Девятое отделение милитцый», — прочел Михаил светящуюся табличку, красующуюся на виду рядом с дверью. «С кем боролись — от тех все и померли!» — сказал бы в подобном

случае его дед Панас. У беспутного деда, правда, имелся еще один вариант данной поговорки с другой концовкой: «С кем боролись, от тех и залетели», — но этот перл он приберегал для бабки Эвелины и вообще предпочитал блистать им при женской половине семьи и прочего человечества.

Короче говоря, водворили Михаила, а вслед за ним Илли и остальных задержанных в зарешеченную камеру, проще говоря — в местную КПЗ, как и повелось — грязную и тесную для такого количества арестованных. Сотоварищи из народа сразу повели себя как блудные сыновья, вернувшись в родной дом после длительной заграничной командировки: все они тут же как ни в чем не бывало завалились спать прямо на полу, не оставив на нем практически свободного места и нисколько не озаботившись полным отсутствием в камере постельных принадлежностей. Впечатление складывалось такое, будто в берлоге их оторвали на время от сезонной спячки, и при первой же возможности они все моментально вновь в нее погрузились. Михаил со своей небольшой группой так и остались стоять у самой решетки, все еще не в силах осознать свой новый гражданский статус и привыкнуть ко всем обстоятельствам, вполне логично из этого статуса вытекающим. Они все еще находились в процессе привыкания, когда перед решеткой появился, гремя ключами, набыченный шкаф черного дерева — не иначе как местный дежурный надзиратель. Повозившись немного с ржавым замком, он открыл решетку и ткнул пальцем в Михаила:

— Выходи!

Прозвучало это так, словно Михаила первым из задержанных вызывали хмурым утром на расстрел. А что ж, кто его знает — здешнее уголовное право... Выходя, он взглянул на прощанье на Илли — впервые за время их знакомства открыто и долго, как в последний раз. Должно быть, цвет его лица приобрел от переживаний нездоровую румяность: слишком уж озабоченным взглядом она его проводила. «Неужели переживает за меня?» — окрылился Михаил, неожиданно открыв для себя один из секретов непредсказуемой женской натуры: чтобы узнать подлинное отношение к себе женщины, необходимо оказаться приговоренным, как минимум, к расстрелу. Но его последний час, как вскоре выяснилось, еще не пробил. Михаила провели в помещение, отделенное стеклянной перегородкой от здешней приемной, приказали сесть на стул возле рабочего стола дежурного и подвергли самому обычному допросу. А вот этому уже удивляться не приходилось: они вчетвером наверняка смотрелись белыми воронами на фоне прочих здешних постояльцев и вызывали у стражей порядка вполне естественный профессиональный интерес.

— Ваше имя, фамилие, место жительства! — официально приступил к дознанию сидевший за столом щуплый офицер. Его subtilность несколько удивила Михаила: худых ментов ему до сих пор как-то не доводилось видеть, ни в своем, ни в каком-либо другом мире. Может быть, правда, здесь их было принято откармливать непосредственно на службе, доводя постепенно до принятых в правоохранительных органах стандартов. Но все-таки, невзирая на личности, имелось во всей ситуации что-то смутно родное и знакомое "Михаилу до боли в солнечном сплетении.

Подлинное имя Михаила, как и его домашний адрес, ничего криминального в себе, разумеется, не содержали, но выкладывать их он, естественно, не собирался, потому что истина грозила ему опять же заключением, но только в здешней психиатрической лечебнице. И, хотя на любое заключение ему, Проводнику, было по большому счету плевать, он решил не дергать лишней раз судьбу за ее и без того уже редкие усы, а вдохновенно принялся развивать версию Попрыгунчика:

— Мой есть иностранец. Нихт ферштеен. Донт спик инглиш. Андастенд?..

— Нихт ферштен, значит? — офицер по-пролетарски прищурил флюоресцентный глаз. — А документы куда подевал? Паспорт твой где?

— Майн докьюмент? Вор забралаь.

— Украли, значит? — офицер нервно постучал ручкой по столу. Михаил понял, что легенду он выбрал правильную — с иностранцем, ясен пень, на допросе не очень-то развернешься. Офицер стукнул ручкой в последний раз, словно радист, поставививший точку в радиограмме, и продолжил: — Где, когда, при каких обстоятельствах?

— Не понимайль. Что есть обст-о-ятель-ность?

— Ваньку валяешь?!

Офицер, решившись наконец, всем своим щуплым видом дал понять, что сейчас будет бить Михаилу морду.

— Я требовайль себе адвокат! — приосанившись, заявил Михаил с апломбом.

— Я тебя в последний раз спрашиваю, — с грозовой ноткой в голосе предупредил офицер. — И советую отвечать по-человечески! Кто такой, откуда и как попал на хазу?!

— Отвечайль только в присутствии мой адвокат! — уперся с гордым видом Михаил.

— Так, хорошо. — Офицер ткнул концом ручки в бумагу. — В какое посольство обратиться?

— Не понимайль ваш язык! Требовайль адвокат!

На этом разговор, протекающий в духе интернационального согласия и взаимопонимания, зашел во временный тупик. Дежурный стал записывать что-то в своих бумажках, изредка бросая на допрашиваемого исподлобья острые, как иголки, взгляды. Вполне возможно, что он принимал теперь Михаила за крупную рыбу (или грибы), случайно выловленную в мелкой луже и не желающую говорить по душам. В принципе так оно, конечно, и было. Да только гриба эта была не по его мелким зубам. Михаил мог даже не косноязычии, при разговоре, ведь он и так говорил по их понятиям с акцентом. Но уж если косить под иностранца, так косить до конца! В процессе содержательной беседы Михаил частенько устремлял взгляд на крупный предмет яйцеобразной формы, висящий почти под самым потолком кабинета наподобие плафона, однако безо всяких видимых подвесов. Дело в том, что это антигравитационное яйцо являлось вовсе не разновидностью люстры, а представляло собой не что иное, как местную разновидность телевизора. Изображение в нем, правда, мелькало не бог весть какое качественное, звук едва доносился, зато, похоже, смотрелась картинка одинаково из любой точки помещения, возможно также, что и снизу. Сначала по этому, так сказать, ящику показывали песни и танцы подводных народов, потом закрутилась довольно любопытная и свежая — на взгляд Михаила — реклама, после чего начались, судя по всему, новости: возникший на экране элегантный красавец упыристической наружности — подлинный Дракула в беззубом варианте — принялся с аристократическим достоинством излагать информацию, перемежая ее показом документальной хроники.

Офицер все копался в своих бумажках: не иначе как сравнивал подозрительную рожу иностранного гостя с отпечатками — в смысле с фотокопиями — рож известных преступников: а ну как повезет и отроется что-то похожее? Но, судя по разочарованному вздоху, с которым бумаги были в конце концов отложены, ни одной мало-мальски похожей будки, сулящей прозорливому ястребу закона скорое продвижение по службе, Так на него из бумаг и не глянуло.

— Я могу быть свободен? — брякнул Михаил, нечаянно выпадая из своего сценического косноязычного образа. Зря, выходит, старался, язык ломал — не вышло из него Сары Бернар. Но собеседник, как это ни странно, совершенно не отреагировал на очевидный прокол: от позорного фиаско и закидывания синими помидорами Михаила спас его собственный доморощенный иностранный акцент.

— Вы задерживаетесь вплоть до выяснения личности! — объявил офицер и бросил стоявшему у двери конвойному: — Увести!

Михаил начал подниматься, усмехаясь мысленно: «Стало быть — пожизненно!» Вряд ли зеленый — в смысле молодой — блюститель порядка догадывался, что пытаться надолго задержать непонятливого иностранца было равносильно попытке запереть в клетку вольный ветер. Вставая, Михаил бросил невзначай последний взгляд в телевизионное яйцо. Да так и замер на полусогнутых. Показалось на мгновение, что ему начинает мерещиться, хотя ничего сверхъестественного увиденный факт в себе не содержал: в яйце показывали самый обыкновенный «Донской орел», и комментатор, стоя напротив незабываемой двери, выдавал горячие новости: о таинственной постройке, возведенной в рекордные сроки на одном из пустующих городских дворов, о расправе над милицейским патрулем из четырех человек, находящихся сейчас в госпитале (до сих пор в бессознательном состоянии) и, наконец — о приметах скрывшейся с места преступления банды. Тут застывшего на месте Михаила взял под локоть конвоир, но действия его были пресечены командой начальника:

— А ну-ка постой!

Заинтересованный реакцией Михаила, он также обратил внимание на передачу в своем «яйце-визоре» и увеличил звук. В результате они прослушали перечень примет распоясавшейся шайки, набравшейся наглости построить для себя на муниципальной земле личную «малину», не согласовав даже ее возведение с властями. Перечень, правда, оказался небогатым и ограничивался в основном описанием потрясающего передвижного аквариума с диковинными рыбками, напоминающими по форме различные элементы человеческого тела. Остальные сведения о членах удивительной преступной банды, возводящей где попало дома и таскающей за собой повсюду аквариумы, были сбивчивы и весьма неопределенны: по показаниям немногочисленных свидетелей, количество их колебалось от семи до тринадцати человек, одето большинство из них было в обгорелые лохмотья, и среди них имелись две или три женщины. В заключение на экране вновь объявился красавец Дракула и призвал мирное население к содействию властям в поимке бандитов, предупредив напоследок, что преступники вооружены и очень опасны.

«Не сходятся приметы-то!» — потер мысленно руки Михаил. Остальной группе, разгуливающей сейчас по городу в сопровождении Бола, вряд ли грозила опасность присоединиться к своим товарищам в КПЗ: у них имелось оружие, с ними был Карриган, да и Рейчел с Петром были не лыком шиты. Кроме того, Бол мог в любую минуту перекинуть «шайку» в другое измерение. Михаил также мог бы с чистой совестью уводить из этого мира Илли и других оставшихся с ним подопечных, кабы не его сомнения относительно теперешнего местоположения Голса.

Тем временем офицер уменьшил звук и вновь подступился к спроваженному уже было арестованному:

— Итак! Что тебе известно об этой шайке? Говори! По глазам ведь вижу, ты что-то знаешь!

Михаил, снисходительно хмыкнув, вновь уселся и поведал:

— Я любить... Как это по-вашему?.. Рыбки! Очень любить рыбки! Или грибки? Плохо говорить...

— Кончай ломать комедию! Чистосердечное признание... Короче, сам знаешь. Так что колись, пока не поздно. Все равно ребята в госпитале скоро очнутся и всех вас опознают!

«А вот это не факт, насчет «очнутся!» — подумал Михаил, а вслух заявил:

— Меня нельзя опознавать! Мой не есть грибка!

— Значит, гражданин, по-хорошему мы говорить отказываемся? — неожиданно ласково протянул офицерчик. Где-то Михаил уже эту фразу слышал, и, кажется, даже не один раз, причем именно из уст представителей правоохранительных органов. Единая ментальность продолжала давать о себе знать буквально на каждом шагу!

Офицер между тем нарочито медленно обернулся к охраннику:

— А ну-ка, Витяй, объясни этому сраному иностранцу, где у нас грибки зимуют!

Витяй за спиной ощутимо и угрожающе надвинулся. «Дело пахнет произволом!» — тревожно просигнало в мозгу у Михаила. Ребята в госпитале, может, и очухаются когда-нибудь в конце концов, а шустрому менту явно не терпелось самому раскрыть это необычное дело, пророчащее головокружительный скачок в его задрипанной карьере.

— Я требовал адвокат!!! Ви не имейте прав!!! — заорал Михаил, вскакивая с места — отчасти с помощью Витяя, который уже сгребал его тем временем сзади за шиворот. «Ну все, гады, держитесь! Щас я вам устрою!..» — озверел в душе Михаил, вознамерившись для начала двинуть конвойному в пах коленом, а уж куда и чем бить потом — осенит по ходу дела. Никогда раньше, даже в самых своих кошмарных фантазиях, Михаил не представлял, что способен озвереть до такой степени, чтобы подраться с ментами, да еще не где-нибудь, а в их дежурном отделении! Да и кто бы на такое осмелился?! За исключением, конечно, терминатора из одноименного древнего боевика. Что и говорить — положительно же подействовали на него приключения последних двух суток!

И тут вдруг окружающий мир как-то резко (и очень вовремя) подпрыгнул со всем своим содержимым вокруг Михаила и стремительно ринулся куда-то вдаль, в мгновение ока скрывшись из глаз. Его сменил на время бледный туман, явно не имеющий никакого отношения к базовой реальности. Поплавав неопределенное время в тумане, Михаил услышал где-то вдали все повторяющийся звук, напомнивший ему надоедливый до оскомины трезвон будильника. Звук этот доносился, по видимому, из затерявшегося в тумане мира, и именно он — то есть звук — помог Михаилу в конце концов вновь с этим миром состыковаться.

Когда Михаил открыл глаза, в них отразился тревожный мерцающий полумрак. Он подозрительно огляделся с вполне резонной для Проводника, ступившего на скользкий путь, мыслью: «А туда ли я, граждане судьи, попал, откуда выпал?..» Помещение, на полу которого Михаил раскинулся во всю ширь, было вроде бы то же самое, только почему-то пропало нормальное освещение, «яйцевизор» наверху не работал, надсадно, как телефон в пустом доме, надрывался разбудивший Михаила сигнал тревоги, и главное — он, задержанный, пребывал теперь здесь, можно сказать — в святая святых в совершенном одиночестве! Оба слуги закона куда-то таинственно сгинули. Но все это было, как тут же выяснилось, еще не самое главное: не успел Михаил подняться с пола, как из-за стеклянной перегородки до него донеслись крики, топот и звук падения тела, потом снова топот, крики и опять падение — на сей раз одного за другим сразу нескольких тел. Короче говоря — место было то же самое, откуда его отправили в туман, но происходило в этом месте что-то

его устроителями явно не предусмотренное и за версту отдающее криминалом. Михаила почему-то сразу неудержимо потянуло залезть под стол. Не зря, выходит, он давеча вспомнил о терминаторе; как сказал бы дед Панас — помяни дурака, он и появится. В роли терминатора, как почти сразу заподозрил Михаил, должен был выступать Петр или Голс, а скорее всего они орудовали вместе, наверняка и Рейчел с Карриганом не остались в стороне. И в данную минуту отделение подвергалось организованному нашествию терминаторов. «Бедное отделение!..» — почти искренне посочувствовал Михаил и сделал попытку выбраться из «святая святых», подойдя к двери и подергав ее за ручку. Дверь оказалась запертой. Тогда он, не мудрствуя особо, взялся за ближайший стул и, размахнувшись, душевно саданул им в стекло. Стул разбился. На спинку, сиденье и четыре ножки. «Стулом-непробиваемое», — резюмировал Михаил, роняя спинку и прислушиваясь. Снаружи было тихо, беготня и крики больше до него не доносились, из чего можно было заключить, что основную часть криминальной трагедии он пропустил, а теперь уже практически все кончено, и торопиться на подмогу (к терминаторам, разумеется, а не к «милитцьи»), в общем-то, уже поздно. Ему ничего другого не оставалось, как усесться на хозяйское место за столом и смиренно ждать освобождения.

И освобождение в конце концов пришло. По ту сторону загородки появился Голс, налитой ультрамарином — прямо как Петр в свои лучшие минуты, — с местным огнестрельным приспособлением наперевес. Увидев Михаила, он сделал ему резкий знак рукой в сторону — пригнись, мол, не маячь, — после чего с помощью трофейного оружия проплавил для него в стекле довольно большое выходное отверстие. Выбравшись через это отверстие в приемную, получив при пролезании несколько мелких ожогов о края, Михаил поблагодарил невнятно на скорую руку Голса и помчался первым делом в глубь отделения на поиски Витяя, у которого были ключи от камеры, где томила Илли. Неподалеку, кстати, от камеры он его и нашел, заглянув по дороге в лица по меньшей мере семи убитым, раскиданным в беспорядке по коридорам и у дверей открытых кабинетов. Витяй лежал на спине, убитый выстрелом лазера в грудь; наскоро ощупывая его карманы, Михаил на время задержал дыхание: едкий запах горелого мяса, пропитавший уже густой воздух всего отделения, вблизи убитого был силен до тошноты. Зла на Витяя Михаил не держал — такая уж у парня была работа, — о сострадании старался не думать: работу обычно выбирают по наклонностям.

Нащупав ключи в нижнем кармане балахона, Михаил их забрал, добежал несколько шагов до камеры — спящих там, к слову, не осталось и в помине, все местные жители массово воспряли от спячки и столпились у решетки, оттерев куда-то в тылы неприспособленных к тюремной юдоли «иностранцев». Поискав наскоро среди них глазами Илли и не найдя, Михаил принялся торопливо отпирать решетку.

— Хотел ее проплавить, да рискованно — наверняка половину бы из этих кротов покосил, — сообщил откуда-то сзади Голс. Он, очевидно, совершил этот вопиющий к отмщению теракт в одиночестве, потому что, кроме него, никого из своих в разоренном отделении не наблюдалось. Должно быть, Голс преследовал по пятам тюремную галошу или прохожих порасспросил, где ему ближайшее отделение искать (хорошо, что отделение оказалось именно то, которое надо).

Замок наконец поддался, решетка распахнулась сама собой, и на волю лавиной нечистот из отстойника хлынул вначале поток здешних блудных сыновей, поспавших немного под родным кровом, чтобы при первой же возможности удариться обратно в блуд.

Когда поток схлынул, вышли наконец и те, ради кого, собственно, и была открыта клетка: первой из каземата шагнула настоящей принцессой в опале слегка растрепанная, но неизменно гордая Илли, а вслед за нею пародией на пару телохранителей, не заслуживающих особого доверия, — Попрыгунчик с Бельмондом.

— Быстрее! Надо уходить! — занервничал Голе, и тут же, словно в подтверждение его слов, откуда-то издали, со стороны входа донесся приглушенный шум, сопровождаемый суматошными криками. Затем в коридор выскочили несколько заключенных — из тех, что покинули клетку последними — и пробежали в панике мимо, скрывшись в глубинах отделения. «Мишка, уводи!» — послышалось Михаилу, как наяву, но, поскольку Петра рядом не стояло, Михаил безо всяких напоминаний настроился уже почти на базовую реальность, как вдруг, оглядевшись, как всегда, напоследок, обнаружил отсутствие в своем окружении Голса. «Да чтоб его!.. Опять исчез!» — осерчал Михаил, отпуская на время своего внутреннего Проводника. Голс, вероятнее всего, скрылся в направлении выхода, собираясь очистить группе дорогу от явившегося в отделение батальона мстителей. Он, как видно, окончательно сжился с ролью терминатора, позабыв о том, что выходить отсюда им вовсе не заказано тем же путем, каким они сюда входили — вернее сказать, через который большинство из них сюда вводили.

Едва сдержавшись, чтобы не плюнуть с досады, Михаил заколебался: стоит ли сейчас идти искать Голса у выхода, где он наверняка опять устроил лазерную резню, или лучше переждать, затаившись в каком-нибудь из кабинетов? Как вдруг в коридор вышел со стороны приемной высокий человек в явно нездешнем роскошном одеянии зеленого цвета, но с характерным для данной местности цветом лица, глаз и волос. В руке он держал самый обыкновенный, безо всяких местных своеобразностей лазерник. По пятам за ним шли вооруженные бойцы, неузнаваемые на лица, но вполне зато узнаваемые по цвету формы. Беглецов, укрытых силой обстоятельств, казалось бы, куда уж надежней (разве что в тюрьме), настиг и здесь выводок серых спецкостюмов.

Михаил сделал попытку загородить собой Илли, но она, с неожиданной силой его отстранив, выступила вперед.

Человек в зеленом остановился от них в нескольких шагах и, усмехаясь победно, произнес с полупоклоном:

— Прошу Вас следовать за мной, Ваше Величество!

«Издевается», — понял Михаил. Зеленый господин поднял глаза на Михаила, выпрямился и указал на него пальцем:

— И вас! Прошу!

Он сделал пригласительный жест на выход.

Попрыгунчика с Бельмондом он проигнорировал, так что те, видимо, имели полное право считать себя свободными гражданами подводной страны и отправляться отсюда на все четыре стороны этой страны. Илли высокомерно прошла мимо зеленого предводителя, подчеркнуто на него даже не взглянув. Михаил двинулся следом, остальные, разумеется, — тоже. Бельмонд по пути сделал робкую попытку обратиться к новоявленному вершителю судеб:

— Вам должно быть известно, что сюда перенесли мой отель... «Донской орел»... Я прошу посодействовать... Его необходимо вернуть обрат...

Тут они вышли в приемную, и лепет Бельмонда оборвался, словно ему резко свернули звук. Внезапно как вкопанная остановилась Илли.

Поперек приемной лежал в луже крови отчаянный смертный терминатор Голс — мертвый, с запрокинутой неестественно головой и запекшейся красно-черной раной на шее. Вернее, даже не раной; голова его была практически отрезана и лежала почти под прямым углом к завалившемуся набок телу. Кровь, как Михаил уже успел заметить, была и в этом мире такой же красной.

Илли попятилась назад и уперлась спиной в Михаила. Он машинально, без сомнений, без мыслей взял ее за плечи и сжал их, наверное, до боли.

— Убрать! — распорядился начальник отряда, и двое солдат проворно оттащили тело в сторону. Чтобы, стало быть, не загоразивало дорогу.

И тогда Михаил решил. «Увожу! Прямо сейчас. И все равно куда. Хуже уже не будет». Но не успел он сосредоточиться, как почувствовал чье-то легкое прикосновение к своему затылку. Потом сзади донесся голос:

— Не советую. Будет больно.

Михаил мотнул головой, стряхивая вражье прикосновение. «Кого, сволочь, надеешься запугать?!» И нырнул очертя голову в базовую реальность.

Его поглотила привычная мерцающая пелена, под ноги легла дорога. Но сделать по ней хотя бы один шаг оказалось невозможно: Проводник стоял на дороге между мирами, заключенный, словно в пасть хищника, в тесную клетку, утыканную изнутри сверкающими кинжальными лезвиями. Потрясенный, не желая верить в очевидность плена более для него реального и непреодолимого, чем любая тюрьма в декорациях, Михаил попытался все-таки шагнуть вперед. Лезвия вошли в тело легко, без малейших препятствий, словно он был мармеладной статуэткой, лишенной костей, но опутанной зато сетью сосудов и сверхчувствительных нервных тканей, воспринимающих боль куда сильнее, чем обычные человеческие нервы.

Безумная, непереносимая боль. Шаг назад — боль. Провал. Темнота.

Глава 12

ПОЛСЕРДЦА ЗА КОРАБЛЬ

— Где эта бестолочь?! Клаус, я хотела бы все-таки знать, почему ты приставил ко мне эту негодяйку и долго ли вы вместе с ней будете надо мной издеваться?

— Но, дорогая, ты же сама послала ее за зеркальным лаком...

— Можно подумать, что она отправилась за ним в другую часть галактики!

— Не надо так нервничать, Герда, время ведь пока есть...

Звезда имперского галоэкрана Герда Брюксвальд повела гневным взглядом в тот угол, где рядом с зеркалом мялся ее теперешний продюсер — Клаус Юдкофф, мечтающий, как и все они, стать по совместительству сердечным другом звезды, но не успевший пока завоевать еще и эту престижную должность.

— Ах, вот как? У тебя, оказывается, еще есть время? И поэтому, по-твоему, я должна ее ждать?

Герда запустила пальцы в бесподобное сооружение из локонов на своей голове, извлекла оттуда миниатюрный «Чудопарикмахер» — прибор, формирующий определенную прическу, сделанный в виде дорогой заколки, и швырнула его на туалетный столик. Сооружение на голове моментально рассыпалось на отдельные локоны. Тряхнув перед зеркалом растрепавшейся белокурой шевелюрой, Герда сдернула со своих розовых ушек жемчужные клипсы и шваркнула их на столик. Та же участь постигла ажурные золотые браслеты, сорванные звездой с божественных запястий.

— Ну вот! А теперь поехали на студию! Может быть, после того, как я появлюсь на площадке в таком виде, ты наконец удосужишься подыскать мне новую прислугу!

— Но, дорогая, тогда мне придется подыскивать тебе сразу хорошего гримера, костюмера и горничную! Кроме того, у нее прекрасный вкус!

— У нее?! Прекрасный?! Вкус?!

С этими словами звезда поднялась из кресла, протянула руку к своей алебастровой шее, и на туалетный столик полетело ожерелье из перевитых золотых нитей со вставленными в них мелкими жемчужинами.

— Ее рекомендовал сам Дюбуа, а ты ведь знаешь...

— Так вот! Пусть эта бестолочь отправляется обратно к Дюбуа и может обмазать его с головы до ног зеркальным лаком!

— Боже мой, Герда! Ты еще не готова?

Встрепанная и раскрасневшаяся, но прелестная даже в гневе, звезда бросила взгляд в зеркало и сдавленно застонала: в зеркале отражалась часть гостиной, и как раз через эту часть к ней спешила жена лучшего на Земле и во всем земном протекторате сценариста Шедри Кляйна — Роза Кляйн, в сопровождении пропавшей прислуги.

— Милая моя, на кого ты похожа?! Сегодня на съемках должен быть Иван Волкофф! Неужели ты еще не в курсе? Он ищет героиню для своей очередной сумасшедшей космической эпопеи! — Роза обернулась к сопровождавшей ее девушке: — Стел, немедленно займись ей! — И опять к Герде: — Я надеюсь, ты на меня не в обиде? Я встретила ее на улице и позаимствовала у тебя буквально на пять минут, чтобы сделать прическу. Она просто чудеса творит! Ты знаешь, что это она гримировала Джизель Безье на пробы к знаменитому Волкоффскому «Коллапсу»? Ничего об этом не слышала? Не

удивительно! Эта выскочка Джизель так возгордилась после званого обеда у самой великой императрицы! Она с тех пор считает нас недостойными даже своего кургузого мизинца! Когда я встретила ее на последних съемках у Салли Уэлкама, она не удосужилась мне даже кивнуть! А теперь, когда императрица в опале и Земля не присоединилась пока еще к федерации, она из кожи вон лезет, чтобы пробраться в постель к нашему лорду-протектору! Ты представляешь, куда метит эта драная подзаборная парижская кошка?! Шедри сказал, что она сумела достать приглашение на большой правительственный прием!..

Пока Роза говорила — а остановить ее, особенно на таком взводе, было практически невозможно, — Клаус Юдкофф успел ретироваться в направлении прихожей. Стел тем временем порхала возле Герды, укладывала ей волосы и красила ногти, на глазах превращая сердитую полу- дикарку в шикарную ухоженную куколку. В довершение Стел несколькими прикосновениями сменила Герде платье, создав вместо узкой «змеиной кожи» золотую струящуюся тунику, открывающую одно ослепительное плечо, перехваченную ближе к груди заколкой в виде свернувшейся ящерицы с двумя глазами-жемчужинками. Роза, умолкнув на мгновение, тихо ахнула и тут же вновь зафонтанировала:

— Ах, Герда, ты прелесть! Волкофф будет полным идиотом, если не возьмет тебя на эту роль! А что я говорила! Ты наконец-то нашла себе продюсера, твой Юдкофф — чистое золото! Ты даже не представляешь, каких трудов ему стоило переманить для тебя Стел у Соки Моусли! Думаешь, почему Соня не пригласила тебя на свою вечеринку в эту пятницу? Хоть она и не умнее тех мраморных статуй, которые понаставила у себя во всех углах, но понимает, что теперь ты ее просто затмишь!

Юдкофф ждал их у верхней двери на улицу и помог дамам шагнуть в ожидающую их у самого порога второго этажа роскошную джонку, снабженную для пущего сходства маленьким декоративным парусом. От дома Герды до студии «Галактика-фильм» было рукой подать — всего несколько кварталов, и всю дорогу Роза потратила на то, чтобы снабдить звезду последней информацией, в какой-то у Герды Брюксвальд, как всегда, по наблюдениям Розы, обнаруживались катастрофические пробелы. А если бы она не была вечно занята лишь своей блистательной персоной, то давно бы уже знала, что Волкофф уже предлагал эту главную роль в своем новом фильме... Кому бы она думала?.. Ни за что не поверишь! Той самой девчонке, гримерше, что сидит сейчас на заднем сиденье за их спинами! Истинным наслаждением для Розы было поглядеть, как воротит нос эта мнимая аристократка, сама-то начинавшая, как всем известно, девочкой на побегушках в какой-то из третьесортных студий. А почему Волкофф в конце концов не отдал эту престижную роль малышке Стел? Да потому, что она отказалась с ним переспать! Обыкновенная студийная козочка для услуг, которая, как повелось, дает всем, от статистов до помрежей, отказалась дать самому Волкоффу!

— Представь себе, милочка! И я тебе советую, как только он возьмет тебя на роль, сразу избавляйся от этой скромницы! — шептала Роза, наклонившись к уху Герды и осторожно косясь назад. — Только будь с ней поаккуратней, а то как бы она не передумала. Бросится с досады ему на шею, и главная роль у нее в кармане! Чего уж проще! А ты как думаешь! А то ты не знаешь, как пробиваются в звезды! Поблагодари ее за услуги, скажи, что больше в них не нуждаешься, и перешли ее ко мне. Это будет выглядеть для нее даже в некотором роде повышением.

Герда молчала, отчужденно глядя на проплывающие мимо городские красоты. Ах-ах, какие мы сдержанные! Можно подумать! Тем не менее от Розы не укрылось, что звезда

скребет зеркальными ногтями по подлокотнику кресла, рискуя всерьез испортить дорогую обивку. Жаль, что дорога была недолгой, не то Роза выдала бы еще кое-что такое, от чего Герде просто грех было бы не выдрать с мясом у кресла оба подлокотника, да еще и изгрызть всю его шикарную спинку в придачу! Вместе с известием о приезде Волкоффа Роза подхватила сегодня слух, что прибыл он в Москву не откуда-нибудь, а из Верхней Империи, вовсе не ради того, чтобы любоваться на Герду Брюксвальд, а только в надежде уломать сниматься в своем новом фильме и спать с ним, великим, в одной кровати строптивую гримершу. Однако джонка уже заплывала на территорию студии, и Роза Кляйн промолчала, предусмотрительно решив не выкладывать все свои козыри раньше времени, а подождать, что случится сегодня на съемочной площадке. А то ведь, чего доброго, так можно лишиться себя дополнительного спектакля, куда более увлекательного, чем весь этот героико-фантастический бред, который штампует ежедневно и еженощно, забывая о сне, о еде и даже о красавице жене (в первую очередь — о жене!), ее малахольный муженек.

Джонка преодолевала неторопливо территорию огромного комплекса, минуя множество зданий как древней, так и современной архитектуры, пролетая над маленькими парками, озерами и экзотическими островами съемочных площадок; киностудия представляла собой своего рода независимое государство со своей суверенной территорией, существующее в большом городе в то же время как бы отдельно от него и живущее по собственным весьма своеобразным законам. Мало кто догадывался, что большинство космических эпизодов и сцен на загадочных планетах снимаются именно здесь, на студии, а вовсе не на просторах космоса; если артистам и доводилось залетать в какие-то там неведомые миры, то происходить это могло когда угодно, но только не во время съемок.

Джонка приземлилась перед распахнутыми дверями высокого голубого купола, именованного в просторечии семнадцатым павильоном. Большую часть этого павильона занимал бассейн, предназначенный для съемок эпизодов о борьбе человека со штормами, бурями, водоворотами, с разного рода подводными чудовищами и прочей слякотью, связанной испокон веков в сознании человечества с водной стихией. Павильон как будто бы мирно дремал, но появление звезды с небольшим эскортом его разбудило: включились прожектора, задвигались камеры, а в бассейне зародилась крупная волна. Подкатившись к тому краю, у которого неосторожно остановилась Герда, а вместе с ней Роза, Юдкофф и Стел, волна накрыла их всех — не с головами правда, а, по крайней мере, до пояса. Женщины дружно взвизгнули, но рассмеялась, оценив по достоинству эту шутку, одна только Стел.

— Пьетро, твои штучки?.. — пятясь от бассейна, буркнул Юдкофф.

— Какого черта, Сандрелли! Ты испортил мне все платье! — закричала Герда, гневно озираясь. Павильон казался пустым: кроме звезды и ее спутников, на освещенном юпитерами пространстве не видно было ни одного человека. Роза молчала, делая попытки отжать свой подол: она, конечно, рассчитывала на представление, но не предполагала такого бурного его начала, к тому же вовсе не планировала принимать в нем участия.

— Зачем тебе платье, Герда? — раздалось в ответ из динамика, расположенного над бассейном. — У нас ведь на сегодня намечена сцена с осьминогом, если я не ошибаюсь? Давай раздевайся и ныряй! Осьминога я тебе обеспечу!

— Да ты... Ты...

«Подмоченную» звезду слегка переклинило от ярости, так что она не смогла даже

продолжить фразы, а вместо этого развернулась и быстрыми решительными шагами устремилась к выходу.

— Герда, погоди! — воззвал Юдкофф, кидаясь за ней следом и уговаривая уже на ходу:

— Ну перестань, не кипятись, ты же его знаешь...

В это время дверь павильона упала с издевательским лязгом прямо перед носом у разгневанной звезды. Она, естественно, вынуждена была остановиться, обернулась и крикнула невидимому насмешнику:

— С меня достаточно, Сандрелли! Полезай сам к своему осьминогу в задницу! И можешь отправить туда прямо сейчас весь свой отснятый материал!

Павильон молчал. Похоже, что его незримый хозяин всерьез обдумывал последнее предложение своей главной героини. Как вдруг неподалеку от нее шагнул из темноты невысокий мужчина лет тридцати с серьезным внимательным лицом и длинным белым шрамом над левой бровью. Даже если у кого-то возникли бы сомнения относительно его персоны, то эта отметина, о которой в кинематографическом мире ходили самые невероятные и фантастические слухи, безошибочно его рекомендовала.

— Прошу вас, не сердитесь на Пьетро, — произнес Иван Волкофф со спокойной уверенностью человека, не нуждающегося в представлении. — Просто я хотел на вас посмотреть.

Герда слегка растерялась, не сразу, видимо, сообразив, как ей теперь себя вести: смена в мгновение ока гнева на милость могла уронить ее в глазах Волкоффа. Но, сказав последние слова, он протянул ей руку, и Герда, слегка пожав плечами, протянула ему в ответ свою — так, мол, и быть, прощаю, раз уж вы за него так просите. Он проводил ее обратно до бассейна, в котором волны гуляли уже вовсю, и крикнул куда-то во тьму так и не рискнувшему появиться Пьетро:

— Можешь начинать!

— Стел, хватит плескаться, вылезай! Мы начинаем! — донеслось из темноты.

Среди волн вынырнула темноволосая голова и поплыла к берегу. Пока Волкофф наводил дипломатию, а Роза с Клаусом были заняты в сторонке посильными попытками просушить одежду, не снимая ее, Стел, оказывается, коль скоро ее все равно уже намочили, пошла дальше купаться. Герда уже начала раздеваться, когда Волкофф направился к тому краю бассейна, у которого Стел должна была вот-вот пристать. Звезда неторопливо, со знанием дела обнажала свое блистательное тело, а знаменитый режиссер тем временем вылавливал из бушующих волн гримершу. Как раз к тому моменту, как он наконец ее выловил, несравненное тело звезды погрузилось в стихию.

Правда, вскоре оно частично всплыло и потребовало раздраженно:

— Пьетро, умерь эти волны! Ты что, решил меня сегодня утопить?

— Малышка, ты тонешь! — раздалось ей в ответ. — Твой корабль только что потерпел крушение! Борись с волнами! Борись!

На восьми камерах, установленных вдоль бассейна, зажглись красные огоньки, пять камер заработали под водой, и сверху начали опускаться еще четыре. Герда, вспомнив, должно быть, о Волкоффе, перестала возражать и начала отчаянно бороться за жизнь.

В это время немногочисленные зрители в количестве двух, затаив дыхание и позабыв о собственной просушке, наблюдали в обоюдном волнении, но не за борьбой звезды не на жизнь, а на смерть с могучими волнами, а за обычным разговором, происходящим у другого края бассейна. Как ни странно, это банальное зрелище интересовало их куда больше, чем

злоклочения героини будущего фильма, невзирая даже на то, что до них не доносилось из разговора ни единого слова. И хорошо, что не доносилось, потому что качественное озвучание данной сцены грозило бы зрительному залу коллективным обмороком от избытка диаметрально противоположных переживаний.

— Подумай еще раз о моем предложении, — говорил Волкофф, присаживаясь на корточки возле мокрой и веселой, как дельфин, Стел, усевшейся на краю бассейна, опустив ноги в воду.

— У тебя был вагон времени, неужто так никого и не нашел? — отвечала она, проводя руками по лицу и по волосам, заливанным волнами в самую обворожительную прическу «алля морская кошечка».

— Я много кого нашел и все же предлагаю тебе попробовать..

— Приглядиись к Герде. Она хоть и взбалмошная, но действительно неплохая актриса.

— Я не могу, отказываюсь понимать, почему я до сих пор тебя уговариваю? — Удивление в голосе Ивана Волкоффа сочеталось с поистине профессиональным упорством. — Я предлагаю тебе не просто роль. Это блестящая карьера, мировая известность — все, о чем мечтают тысячи таких, как ты. Или, может быть, ты мечтаешь до конца жизни просидеть в гримершах?

— До конца жизни — о нет! Но пока что это меня устраивает.

Волны бились о края бассейна, плюясь брызгами в Волкоффа и захлестывая ему ботинки, Стел болтала ногами, создавая тем самым в атмосфере дополнительные крупные осадки, но он продолжал разговор, терпеливо снося штурмующую его со всех сторон сырость:

— Хорошо, тогда так: я прошу тебя только сделать пару проб. Ничего больше! Вполне возможно, что ты просто не потянешь, и тогда я переключусь.

— К чему пробы, если я все равно не буду сниматься?

— Ты можешь просто мне помочь?.. Хорошо, скажу тебе прямо: я не могу работать, я пролетаю со сроками, теряю актеров и все потому, что я не вижу никого другого в этой роли! Это какое-то бредовое наваждение! Я должен сделать пробы, чтобы убедиться, что ты ничего не можешь! Тогда я успокоюсь и найду другую актрису.

— А если вдруг окажется, что я все же кое-что могу? — спросила она, подставляя ладони новой волне и улыбаясь.

— Тогда докажи мне это!

Между тем вода в бассейне взбурлила, как будто бы закипая: в его глубинах открылся подводный шлюз, и оттуда на поверхность к «тонущей» Герде стало подниматься огромное бесформенное тело. Но Герды оно почему-то так и не достигло, а застряло на полпути к поверхности, после чего медленно опустилось обратно на дно. Занемогшее чудовище еще не достигло дна, как погасли камеры, улеглось волнение в бассейне, и над картиной внезапного шпильевого затишья разнесся голос Пьетро Сандрелли:

— Герда, вылезай! У нас авария! Перерыв на полчаса!

В ответ из бассейна раздался безумный захлебывающийся визг. Герда в его центре вынырнула из воды почти до половины, и стало видно, что на ее груди сидит какая-то коричневая тварь, очень напоминающая большую жабу. Герда забарахталась, отчаянно визжа, — кажется, она никак не могла оторвать от себя неожиданный приз, — камеры моментально опять включились. Стел вскочила на ноги, Волкофф, поколебавшись мгновение, бросился в бассейн, не раздеваясь, и поплыл короткими резкими саженками на

выручку к звезде. У воды бегал, заламывая руки, Юдкофф, Роза тоже подошла к самому краю бассейна и наблюдала, широко открыв глаза и даже не мигая, чтобы, не дай Бог, не пропустить ни единой мелочи из развернувшихся событий. В это время за спиной Стел из темноты донесся негромкий зов:

— Шалой!..

Она резко обернулась, замерла на миг и медленно пересекла границу тьмы и света. Там, в полумраке, стояли четверо, один из которых отличался, мягко говоря, несколько странной фигурой, вернее сказать — полным отсутствием того, что принято было называть фигурой. Но она видела из них только одного — того, что стоял впереди остальных и кого она узнала бы из тысяч по одному лишь голосу, даже просто по выражению, с которым только этому голосу дано было произносить ее тайное имя.

Легким алым вихрем вспыхнуло в сердце слово и едва не сорвалось с губ, но он не дал ему сорваться, опередил:

— Зови меня Владимир Карриган. У меня к тебе дело. — Он поглядел в направлении бассейна, где все еще продолжались плескотня и суматоха. — Давай только для начала уйдем отсюда.

— Дело? Вот как? Интересно... Кстати, буду очень признательна, если ты будешь называть меня Стел. Значит, этот сюрприз в бассейне — твоя работа?

Она даже не спрашивала, а как бы констатировала факт.

— Угадала. Своего рода отвлекающий маневр.

— Что ж, пойдём!

После этих слов, как ни странно, никто из них не сделал ни шагу. Зато окружающий их павильон шатнулся, накренился и изогнулся, словно бы сопротивляясь могучей неведомой силе, вздумавшей для чего-то его отжать, и вдруг не выдержал, перестал сопротивляться, смазался, закрутился, перемешиваясь в серую однородную кашу.

Это длилось недолго — вскоре бесцветная пространственная манка стала обретать новые краски, образуя постепенно вокруг небольшой компании совершенно иную картину, полную тепла и солнечного света, насыщенную запахами разогретой земли, леса и дикого цветения. Они оказались на широкой лесной поляне, поросшей густой травой и луговыми цветами.

Тот, кто назвал себя недавно Карриганом, обернулся к своим спутникам, среди которых, помимо человека без фигуры, находились еще один мужчина и одна женщина, и произнес:

— Предоставляю в ваше распоряжение сей первобытный уголок земной природы. Располагайтесь, где найдете нужным. Можете отдохнуть. Мы здесь пробудем долго.

Петр, оказавшийся в свете дня угрюмым и недовольным типом, в ответ заворчал сердито:

— На травке, что ли, располагаться? А жрать ты нам что тут предложишь? Цветочки?

Карриган несколько театральным жестом хлопнул себя по лбу.

— Ах да! Мы ведь, помнится, отправились за провиантом.

Он слегка поклонился похищенной даме, словно в галантном приветствии, но слова, сказанные им при этом, были далеки от романтики, а отдавали скорее атмосферой семейной кухни:

— Стел,образи-ка моим друзьям чего-нибудь перекусить. — И добавил чуть извиняющимся тоном: — Это, как-никак, всегда было по вашей женской части.

Она возмущенно приподняла брови — ни дать ни взять негодующая жена, в дом к которой завалился среди ночи бывший муженек с кучей приятелей, но ничего не сказала, лишь перевела взгляд куда-то на лужок за их спины, несколько мгновений напряженно туда смотрела и наконец уронила, указав в том направлении пальцем:

— Там.

Изголодавшиеся попутчики Карригана коллективно обернулись и увидели разложенную неподалеку на траве белую скатерть, сервированную так, словно она прилетела сюда вместе со всем содержимым, по меньшей мере, с какого-нибудь королевского пикника: среди изобилия блюд и приборов возвышались призывно несколько кувшинов, в центре натюрморта красовалась бронзовая ваза с фруктами. Лесные запахи почтительно присмирели, задавленные донесшейся с ветерком волной изысканных гастрономических ароматов. Первым сдвинулся с места и уплыл по этой волне Бол Бродяга, за ним последовала Рейчел. Петр, буркнув через плечо:

— Ладно уж, уговорили, — оказался последней жертвой гипнотической волны.

— А ты по-прежнему мастер, — заметил Карриган, оставшийся в результате наедине со Стел. — Не сомневаюсь, что на вкус все это не менее превосходно.

— У тебя есть возможность в этом убедиться, — ответила она, натянуто усмехнувшись.

— Может быть. Позднее, — сказал он, не отрывая от нее внимательного взгляда, и, вразрез с этим пристальным взглядом, продолжил небрежно: — А как ты смотришь на то, чтобы воплотить в жизнь что-нибудь помасштабней?

— Кажется, мы подошли вплотную к цели твоего визита?

Она не скрывала саркастической нотки в голосе.

— Ты, похоже, до сих пор на меня в обиде?.. — спросил он.

Она молчала, глядя на него в упор.

— Так почему же тогда согласилась со мной пойти?

— Да так. Из любопытства. Так что тебе нужно?

Простой и прямой вопрос, хочешь не хочешь, требовал такого же простого и прямого ответа.

— Корабль.

— Ты собрался в кругосветное плавание?

— Что-то в этом роде. Ты поможешь? Помолчав несколько секунд в раздумье, она сказала:

— Может быть. Но с одним условием... Мне интересно, что движет тобой на этот раз. Тысячелетие назад, когда мы расстались, это была власть. Ты женился на смертной ради того только, чтобы править в одной небольшой звездной системе. Теперь, правда, такого рода власть равносильна званию вождя в туземном племени.

— Тогда это была Власть.

— Да. Над первой во Вселенной космической империей. Сейчас, правда, когда появилась возможность править целой Вселенной, от высшей власти осталась одна только видимость. И все же там наверху опять заварилась какая-то свара. Значит, и ты участвуешь в этой грызне?.. Ну, конечно. Я могла бы догадаться гораздо раньше.

Он протестующе взмахнул рукой.

— Оставим пока вопрос о власти. Ты, насколько я понял, поставила мне условие. Я на него согласен. Тебе интересно, что мною движет? Так вот: дело в том, что...

— погоди!.. Я тебя слишком хорошо знаю. Ты сейчас поклянешься основами

мироздания, что собрался совершить на этом корабле паломничество по святым местам, и хотелось бы мне увидеть человека, который тебе бы не поверил!

Он обезоруживающе развел руками:

— Кажется, я имею дело именно с таким человеком.

Взгляд ее оставался пристальным, непреклонным.

— Я хочу заглянуть в тебя.

— Хм... Желаеть проинспектировать мои мысли?

— Не мысли. Я хочу знать, что ты несешь в своем сердце.

— Мои сердечные дела имеют какое-то отношение к вопросу?

— Область своих личных дел ты можешь от меня закрыть. В лучшем случае там опять обитает какая-нибудь всегалактическая принцесса. О худшем случае я умалчиваю. Хотя, раз речь идет о тебе, можно сразу ставить на худшее — не ошибешься.

Он помолчал, прищурясь, затем произнес медленно:

— А вдруг принцесса захватила все здание, от подвалов до чердаков?

Она наконец-то улыбнулась, скептически изогнув бровь.

— Вот-вот. Рассказывай ей эти сказки. Очень способствует. Только я-то ведь знаю — ни одной женщине, ни смертной, ни бессмертной, не захватить полностью твоего сердца. Увы, увы! Нам не приходится мечтать даже о его половине; разве что о каком-нибудь заброшенном уголке.

— Надо ли тогда блокировать от тебя какой-то заброшенный уголок?

— Думаю, надо.

— Ты боишься?

— Просто не интересуюсь.

Стоит ли признаваться мужчине, что не хочешь заглядывать в тайники его сердца потому лишь, что даже теперь, спустя тысячелетие, боишься не найти в них себя?

— Будь по-твоему. Смотри.

Они стояли с минуту молча, словно отгородившись прозрачным колпаком от остального мира, просто глядя друг другу в глаза. Потом она опустила взгляд и неопределенно усмехнулась, качнув головой. Выдержав паузу, сказала:

— Уговорил. Пожалуй, я согласна тебе помочь.

— Само собой. Таков был уговор.

— Скрепленный подписью, печатью и нерушимой клятвой?

— Нет, только твоим словом.

— Не жульничай. Я сказала «может быть».

— Выходит, я ослышался? Или кто-то другой произнес только что «я согласна»?

— Ладно. Будет тебе корабль.

Она поглядела в том направлении, где его спутники, сидя на травке, отдавали сейчас должное сотворенному ею обеду. Любопытное зрелище представлял собой со стороны насыщающийся Бол Бродяга: его руки подносили пищу ко рту, и та исчезала в нем, совершенно непостижимым образом достигая, видимо, тех элементов организма, куда пища следует отправляться после попадания в рот.

— Это твой будущий экипаж? — спросила Стел.

— Там поглядим, — отмахнулся он. — Ты, я надеюсь, не против, чтобы приступить прямо теперь?

Она лукаво прищурилась, чуть дернув плечом.

— Торопишься? Но ты ведь, кажется, хотел отведать мою стряпню?

— Я сказал «может быть». Не стоит нагружаться перед работой. — Он деловито посмотрел на солнце. — Думаю, я могу рассчитывать на сутки. Как считаешь, уложимся?

— Если не отвлекаться, управимся к утру.

В спокойном ее ответе прозвучала едва слышная горькая нотка.

— Подробности обсудим по ходу дела, — заключил Карриган, словно не заметив этой нотки, и развернулся, внимательно оглядывая поляну и что-то прикидывая в уме. Потом отошел к пирующим и, взяв бесцеремонно за края скатерть с обедом, скомандовал: — Примите кувшины.

— Зачем это? — удивилась Рейчел, оторвавшаяся только что от куриной ножки, держа теперь ее в руке, как маленький жезл.

— Иначе упадут.

Кувшины были торопливо подхвачены, после чего Карриган отбуксировал скатерть, роняя по дороге блюда, под деревья у края поляны.

— Я буду занят примерно в течение суток, — сказал он подтянувшейся следом за скатертью троице. — В вашем распоряжении окрестности, на поляну прошу не выходить в целях вашей же безопасности.

— А какого хрена нам тут ждать? — любезно поинтересовался Петр.

— Репчатого, — не менее любезно отозвался Карриган, уже направляясь к противоположному от Стел краю поляны. В принципе, ничто не мешало Петру удалиться прямо сейчас в любом выбранном им направлении, не дожидаясь явления загадочного репчатого хрена. Тем паче что никакая погоня ему в данной местности наверняка уже не грозила, а именно к этому он, как помнится, изначально стремился. Однако уходить он никуда не стал, а вместо этого опустил на траву рядом с Болом и Рейчел, и они все вместе молча продолжили трапезу, наблюдая между делом за происходящим на поляне. Поначалу, правда, ничего сверхъестественного там не вершилось: Карриган и Стел уселись на разных концах поляны лицами друг к другу и сидели так, не шевелясь, словно окаменели, или скорее — уснули среди бела дня с открытыми глазами.

— Медитируют, — предположил Бол Бродяга, запивая это свое предположение вином из резного металлического кубка. Вино, как перед тем и пища, таинственно кануло в пустой промежуток позади его рта.

— Это у них такой бесконтактный секс, — выдала свой взгляд на происходящее Рейчел.

— Кто о чем, а обезьяна — все о бананах, — пробурчал Петр, опуская медленно на землю свой кубок и глядя пристально куда-то в центр поляны: там над самыми верхушками трав начало возникать бледно-золотое мерцание. Остальные также отключились временно от трапезы и стали наблюдать за странным атмосферным явлением, позабыв о комментариях. Мерцание постепенно разрасталось, принимая форму легкого золотого облака, внутри которого зарождалось что-то зыбкое, неясное, едва пока уловимое для глаза. Но происходило это таинственное зарождение очень медленно. Так что зрители, понаблюдав какое-то время, в конце концов вернулись к трапезе, не забывая, однако, поглядывать между делом на поляну.

Капризное время, имеющее обыкновение то мчаться, как поезд, то ползти, наподобие улитки, а порой и просто бессовестно спать, струилось ленивой медленной рекой над заповедным уголком земной природы. Изысканный обед был уже давно съеден, вина выпиты, и солнце пробиралось уже сквозь верхушки деревьев к горизонту, когда золотое

сияние заняло все пространство над поляной, окутывая собою нечто пока необъяснимое, сложное и изменчивое, растущее там внутри, вспыхивая, перетекая и застывая в гармонии все новых форм и деталей, слой за слоем, как бы возводя себя самое. Солнце в конце концов опустилось за лес, и вкрадчивый сумрак сгустился между деревьями, подползая осторожно со всех сторон к поляне, а зрители все сидели у ее края, забыв о сне, наблюдая, как двое в полном безмолвии творят над диким островком земли нечто неведомое и, должно быть, чуждое ей, но тем не менее каким-то непостижимым образом с нею гармонирующее. С наступлением темноты двоих свидетелей таинства незаметно сморило сном, третий же, сам не имеющий конкретной формы, уснул лишь под утро, когда загадочное творение в золотом ореоле, выросшем к тому времени в грандиозный мерцающий купол, начало наконец приобретать определенные очертания.

Глава 13

ДРАГОЦЕННОЕ ТЕЛО

Как ни странно, но очнулся Михаил от того, что тело его куда-то катилось. Катилось-катилось и в конце концов обо что-то ударилось. Особой боли он при этом не ощутил, из чего следовало, что раны, полученные им только что в базовой реальности, искалечили не его тело; похоже, что в жестокий плен на заповедной дороге попал его внутренний Проводник, и именно он зализывал сейчас раны где-то в потаенном уголке души. Возможности у преследователей Карригана оказались гораздо шире, чем Михаил мог себе вообразить. Но размышления о том, как же ему теперь выручать из беды свою вторую натуру, пришлось отложить на неопределенное время; в первую очередь ему предстояло разобраться со странным поведением и местонахождением их общего с Проводником брэнного тела.

Не успел Михаил открыть глаза, как тело его уже катилось в обратную сторону, при этом ноги придавило по пути чем-то тяжелым и мягким, а под ребра ткнулось что-то острое. Открыв наконец глаза, Михаил увидел, что катится он по полу довольно тесного помещения, причем катится вместе с двумя разнокалиберными вампирами — Попрыгунчиком и, соответственно, Бельмондом. Не составляло большого труда догадаться, что все они в данный момент заперты в какой-то из кают того самого катера, что преследовал их всю дорогу, был подбит ими у Стержня, после чего, очевидно, в рекордные сроки починился, увязался за ними в реальность третьего рода и настиг их в конце концов у разоренного Голсом «оделения милитцыи». Было также очевидно, что катер этот в данный момент куда-то движется. Условия транспортировки пленных в катере неземного происхождения ничем практически не отличались от недавних в милицейской галоше; похоже, что единое ментальное пространство действовало не только в пределах Земли, а являлось, видимо, чем-то вроде Вселенского стихийного бедствия. Но сам факт нового заключения наяву и даже бесспорный факт плена в базовой реальности временно потеряли значение для Михаила, когда он обнаружил отсутствие в этой новой передвижной КПЗ Илли. Ему сразу пришло в голову, что ей, как женщине, предоставили здесь отдельную каюту. Если так, то об этом наверняка должны были знать Попрыгунчик с Бельмондом — судя по всему, они добровольно предпочли жестокий плен вольному прозябанию в «подводном» городе. В любом случае они должны были знать что-то о последних, пропущенных Михаилом событиях. Поэтому Михаил, невзирая на девятибалльную качку и не собираясь дожидаться ее окончания, сграбастал кувыркающегося рядом Попрыгунчика за лацкан его бежевого пиджака и собрался уже было приступить прямо с налету к допросу, как их обоих садануло еще раз об стену, прижало к ней и накрыло сверху Бельмондом, отчего все трое обрели на какое-то время подобие опоры в лице стены, притянувшей их к себе, вроде как магнит — любимые гвозди. Именно в этот момент избыточная плотность воздуха, характерная для реальности третьего рода, начала ощутимо уменьшаться, и Михаил увидел, как изменяются на его глазах лица спутников, обретая постепенно цвета, присущие человеческим лицам в нормальном мире. Поняв, что катер покидает реальность третьего рода, и к нему — то есть к самому Михаилу — также возвращается в данный момент его обычный облик, Михаил пожалел на мгновение, что в мире загробных метаморфоз ему так и не попалось на глаза ни одного зеркала. Хотя, конечно, может, оно и к лучшему: глянул бы разок на свое посмертное

отражение и приобрел бы, чего доброго, пожизненную фобию к зеркалам. «Посинеть мы всегда успеем», — решил про себя Михаил. Потом притянувшая их стена вроде бы размагнитилась, Бельмонд перестал давить и отвалился на пол. Камера больше не ходила ходуном, и собственное тело, если поставить его на ноги, уже должно было бы, по идее, сохранять равновесие. Но ставить себя на ноги Михаил пока что не рискнул, тем более что для общения с окружающими этого и не требовалось. Рука его продолжала сжимать ворот Попрыгунчика, к нему-то Михаил и обратился:

— Где Илли?

Тот вместо ответа возмущенно рванул на себя свой многострадальный пиджак. Раздался треск, и в руке у Михаила остался бежевый лацкан. Михаил, поглядев в изумлении на дело рук своих, машинально протянул лацкан обратно Попрыгунчику. Тот хмыкнул неопределенно, но лацкана не взял, а указал пальцем в лицо Михаилу, дополнив этот издевательский жест фразой, полной роковой загадочности:

— Ха-ха!

Это заставило Михаила вновь пожалеть об отсутствии поблизости зеркала. На его вопрос Попрыгунчик в результате так и не ответил. Вместо него откликнулся грустным голосом Бельмонд:

— Хорошо, что вы очнулись. Ее увел тот человек в зеленом. Она требовала, чтобы нас оставили при ней, но он приказал бросить нас сюда, а ее увел. Она еще успела шепнуть мне два слова: «Ищите дверь».

Бельмонд умолк, и все дружно посмотрели на единственную в помещении дверь — естественно, запертую, — после чего на трех лицах отразилась общая мысль примерно такого содержания: «Нашли. И что дальше?»

— Нет, — возразил этой общей мысли Михаил. — Здесь должна быть еще какая-то дверь. Которую надо искать!

И они принялись искать. Вскоре выяснилось, что каземат им достался на удивление комфортабельный: почти сразу Михаил обнаружил рядом с дверью ряд кнопок, при нажатии на которые из стен появлялись стулья, столики и даже кровати, куда можно было, оказывается, пристегнуться, знай пленники об их существовании заранее. Зря, выходит, Михаил грешил на всегалактическое ментальное пространство — вполне возможно, что не таким уж оно было и вездесущим. Разобравшись с мебелью, трое заключенных продолжили обследование своей благоустроенной камеры. Когда на стенах не осталось ни единого выступа и ни одной вмятинки, куда бы по нескольку раз не нажали, они принялись обшаривать пол, распределив его на три зоны. Михаил уже заканчивал прощупывать свой отрезок, ползая по нему на коленях и помянув уже неоднократно Бога, черта и прочий иконостас, когда Попрыгунчик добрался в своей «зоне прощупывания» до угла, сел в нем и заявил во всеуслышание:

— Бесполезно!

Убедившись, что сумел привлечь к себе всеобщее внимание, он картинно махнул рукой в сторону единственной, сразу найденной ими двери и произнес:

— Ну какая тут еще может быть дверь?!

Присовокупив мысленно к перечисленному иконостасу Попрыгунчика с его неуместным выпендрежем, Михаил собрался уже продолжить поисковые работы, но так и застыл, глядя в одну точку в углу, потом оглянулся на Бельмонда, позабывшего в этот момент контролировать свою челюсть. Наверняка Попрыгунчику, взгляни он на них теперь,

польстила бы такая благодарная реакция на его бездарное в общем-то высказывание. Но в том-то и дело, что взглянуть благосклонно на двух потрясенных сокамерников было уже некому: едва успев сказать последнее слово, Попрыгунчик исчез из помещения — просто-напросто сгинул, улетучился, как опытный факир с дешевого представления.

— Туда! — только и сказал Михаил, едва ощутил возвращение к своему языку речевой функции. Бельмонда он запихнул в угол первым и заставил его повторить дословно, громко и отчетливо всю заключительную фразу Попрыгунчика (на всякий случай), благо она еще, можно сказать, витала в воздухе.

— Ну какая тут еще может быть дверь?.. — послушно, но неубедительно промямлил Бельмонд, стоя в углу с виноватым видом, словно дитя, застуканный за поеданием рождественского торта. И добавил: — Как вы полагаете, его уже разнесли в щепки?..

— Кого?.. — не сразу вник Михаил в сакраментальную суть вопроса.

— Мой «Донской орел»...

— Да цел ваш отель! Точнее... Короче — цел, я его сам сегодня по «яйцевизору» видел! — обнадежил Михаил Бельмонда. Затем принялся его наставлять: — Сосредоточьтесь! Повторите еще раз, только резче, решительней! В приказном тоне! Дверь!!! Ну какая!!? Тут еще?!!

— Дверь! — немного взбодрился Фредди. И канул куда-то, не иначе как в эту самую «дверь», не успев продолжить.

Окрыленный успехом Бельмонда, Михаил заступил на его место и повелел:

— Дверь!

И провалился, сглотнув прыгнувший к горлу желудок, в темный тоннель, успев запоздало озариться тревожной молнией-мыслью: «А что, если эта «дверь» ведет куда-то наружу? Катер-то ведь, судя по всему, в полете находится...» Но поворачивать назад оглобли было уже поздно, да и не к чести: довольно подло с его стороны было бы остаться в камере, когда товарищи по несчастью уже улетели из нее в полную неизвестность. Не успело все это пронестись в мозгу у Михаила, как он уже миновал тоннель и плюхнулся с разлету во что-то упругое, очень смахивающее на удобное кресло. Возблагодарив мысленно всем скопом Бога, черта и прочий иконостас вместе с Попрыгунчиком, Михаил огляделся. В кабине небольшого челнока, куда его вынесло посредством аварийного гиперкоридора, имели место еще три таких же кресла — все три, кстати сказать, уже занятые. Михаил оказался в заднем ряду, рядом с ним ворочался, как боров в птичьем гнезде, Бельмонд, с пилотских кресел к ним обернулись Попрыгунчик и Илли. Слава Богу, она уже была здесь! И не то чтобы обернулась, а просто покосилась назад через плечо и, убедившись, что все благополучно прибыли, уронила невозмутимо:

— Стартуем!

— Стоп! — возразил Михаил, углядевший тем временем впереди на приборной панели нечто знакомое, и велел Попрыгунчику: — Давай-ка поменяемся местами!

Михаил, хоть и не являлся для них больше Проводником, ощутил при виде Илли ту же спокойную уверенность, что неизменно сопровождала его в моменты их странствий между мирами. Она тут, рядом, и значит, все идет как надо, и ему лишь необходимо обеспечить, чтобы и все дальнейшее прошло так же безупречно. Иначе ей грозит новый плен, а ему — расставание с нею, скорее всего — уже навеки.

— Информация о старте челнока должна будет, насколько я понимаю, сразу поступить на основной пульт, и наше бегство будет обнаружено, — сказал он Илли, усаживаясь рядом с

ней во второе пилотское кресло.

— Придется рисковать. Иного выхода нет! — отрезала она с видом капитана торпедоносца, принявшего решение идти на таран, потому что на борту кончились торпеды.

— Есть, если здесь имеется непосредственный выход в систему катера.

— Разумеется. Но доступ заблокирован, к тому же наше подключение тут же засекут!

— Нас в любом случае тут же засекут, стоит только тебе подать команду к старту.

Она спросила жестко, по-деловому, не выпадая из образа отчаянного капитана, который очень ей шел, как, впрочем, и любой другой образ:

— Ты можешь обмануть систему?

— Попробую, — ответил он, доставая из специальной выемки на пульте единственную знакомую ему деталь — металлическую пластинку на длинном проводке. Это был немного чудной и замысловатый, но все-таки несомненный пси-сенсор, через который мысленные команды должны были подаваться на компьютер или на эгнот — как в данном случае. Эгнота Михаил хоть никогда в личном владении и не имел, но имел зато не раз по случаю и как истинный фанатик виртуального дела давно уже уяснил и классифицировал для себя все принципиальные сходства и различия. Михаил приложил ко лбу пластинку, и она моментально к нему прилипла. Несмотря на уклончивый ответ, данный только что Илли, сомнений в себе Михаил не испытывал: уж если его брат Петр — любитель в компьютерном деле по сравнению с Михаилом — сумел перепрограммировать корабль забарьерной разведки, то ему ли, профессионалу, не запудрить казенные мозги какому-то катеру, пусть даже и имперскому!

Илли тем временем, пробежавшись пальчиками по пульту, скомандовала:

— Действуй!

Перед ними, справа от пилотских кресел, вспыхнули одновременно два листка терминала.

Работа оказалась настолько несложной, что это даже несколько разочаровало Михаила: соскучился он, честно говоря, скитаясь в чужих декорациях, по любимому делу. Зато, закончив, он мог быть уверен — дежурь сейчас за пультом в рубке катера хоть сам черт, и он бы не усомнился, что подключение из спасательного челнока было следствием контрольной саморегуляции системы, а сам челнок стоит и будет стоять на приколе, педантично докладывая на командный пункт о своем наличии, вплоть до первой аварийной ситуации.

— Теперь стартуем, — дал добро Михаил, снимая сенсор со лба и передавая его Илли. Она, к его удивлению, вернула пластинку на пульт, приготовившись управлять челноком вручную. «Традиция?» — предположил Михаил, но не стал отвлекать ее лишними вопросами, а обернулся к Попрыгунчику с Бельмондом и велел им не курить и пристегнуть ремни (последнее на полном серьезе), после чего с чистой совестью пристегнулся и сам.

— Они не засекут открытие шлюзовой камеры? — повернулась к нему Илли с некоторой благосклонностью во взгляде, подразумевающей, к сожалению, насколько он понял, всего лишь уважение к его профессиональным талантам.

— Вся аварийка сейчас под обманкой и выдаст им стопроцентный глюк. Извини, профессиональный жаргон. Нас могут засечь снаружи, когда отшвартуемся. Попробуй сразу камнем упасть вниз.

— Вопрос еще, какой там окажется «низ», — заметила она, уже нажимая на приборной панели команду «старт». И только тогда Михаилу пришло в голову, что, пока они тут кувыркались по чужому огороду и совали наглые лапы в заблокированные капустные грядки,

огород этот — в смысле катер — мог уже не только выйти в космос, но и пришвартоваться там к космическому кораблю. Замечание Илли говорило о том, что она вовсе не исключает подобную возможность. В таком случае их челнок походил бы теперь на кочерыжку, упакованную уже в две мощные одежки — в катер и в космический корабль, и распаковка — то есть бегство — этой кочерыжки из одежек представлялась бы в таком случае, мягко говоря, проблематичной.

Сомнения умудрились навалиться на Михаила в тот единый миг, когда Илли нажимала на «старт», но так же ментально улетучились, потому что в камеру хлынул свет — это распахнулись шлюзовые двери, и челнок упал в открывшуюся под ним бездну. То есть это Михаил по ощущению стремительного падения предположил в первый момент, что под ними открылась именно бездна. Но стоило челноку выпасть камнем (по совету Михаила) из шлюзовой камеры, как снизу на них надвинулась огромная темная масса, поросшая деревьями. Оказалось, что имперец не только не покинул пределов Земли — что было, в общем-то, беглецам на руку, — но и шел сейчас сравнительно невысоко над нею, каковое обстоятельство вполне могло закончиться для них фатально. Спасли положение только мастерство и хорошая реакция Илли: она сумела уклониться от тесного контакта с планетой, умудрившись вывести челнок из состояния падения буквально в последнюю секунду, когда он уже сшибал днищем верхушки самых невезучих в лесу деревьев. Нечего и говорить, что пассажирам при этом пришлось пережить массу не самых приятных в их жизни ощущений, как физических, так и моральных. Зато на катере, похоже, так ничего и не заподозрили: когда Михаил, уверовав в то, что еще жив, посмотрел на небо, то обнаружил в нем только клонящееся к закату солнце. Об имперском катере в небе к тому времени остались разве что воспоминания.

Заложив великолепный крутой вираж, принудивший все независимые внутренние органы Михаила по-братски спрессоваться, Илли выровняла челнок и повела его на большой скорости над лесом.

— Интересно, скоро ли нас хватятся? — спросил Михаил в пространство, как бы сам у себя, но втайне все-таки рассчитывая на ответ.

— Надеюсь, что не скоро, — отозвалась она и продолжала, на радость Михаила: — Я дала понять, что смертельно устала, сказала, что буду спать, и велела никому меня не беспокоить вплоть до прибытия на Сатвард. Полагаю, что у гвардейцев не хватит наглости меня тревожить...

«У меня бы точно не хватило. А вот у гвардейцев... И откуда она такая на мою грешную душу свалилась?.. С Луны, что ли?»

Илли вдруг повернула голову, и пару секунд они озабоченно смотрели в глаза друг другу.

«Люблю Луну, — подумал Михаил. — Вообще Луна — лучшая планета в Солнечной. После Земли, конечно. Иначе бы они оттуда сюда не падали».

Челнок дал изрядный левый крен. Илли мгновенно сосредоточилась на управлении.

— Почему ты не пользуешься для управления пси-сенсором? — спросил ее Михаил.

Она покосилась на него с некоторым любопытством, спросила:

— А разве у вас это принято?

— Нет, но ваши технологии более совершенны, и они должны бы позволять...

— В принципе да. Но тут дело не в технологиях.

— А в чем?

— А в том, что мышление — постоянно текущий и не всегда управляемый процесс. Команда может возникнуть в голове непроизвольно, любая посторонняя мысль может быть принята за команду, поэтому каждый мысленный приказ требует дополнительного подтверждения. И подтверждение — какое бы оно ни было — может так же непроизвольно возникнуть в мозгу в самую неподходящую секунду. Пси-сенсор хорош для виртуальности. Когда речь идет об управлении реальными аппаратами, он ненадежен и даже опасен.

Она говорила со знанием дела, как настоящий профессионал. Михаил слушал и тихо млея, думая о том, сколько же всего им пришлось пережить вместе, прежде чем между ними завязался наконец этот первый диалог на отвлеченные темы. Да Бог с ним — с пси-сенсором. Руками, в конце концов, тоже иногда не мешает поработать, а то, того и гляди, отсохнут в процессе эволюции. Но вот она ему что-то объясняет, и этого, оказывается, вполне достаточно для воцарения полной мировой гармонии в отдельно взятом спасательном челноке.

Они все летели и летели, Илли, просветив Михаила, давно уже умолкла, а лес все не кончался, простираясь окрест бескрайним колышущимся океаном. «Где же это мы, интересно, находимся?» — думал Михаил, скользя взглядом по окружающему зеленому колыханию. Судя по изобилию лиственных деревьев, спасательный челнок с четырьмя спасенными бороздил воздушный простор скорее всего где-то над средней полосой. Очень хотелось верить, что эта «средняя полоса» принадлежала их родной реальности. Потому что иначе дело было швах. В любом случае им необходимо было как можно скорее избавиться от своего спасителя — то есть от имперского челнока. Лучше всего было бы его уничтожить (вот она, человеческая благодарность!). Но прежде беглецам не мешало бы подыскать другой транспорт, поскольку, где бы они сейчас ни находились, им следовало бежать из этих благодатных мест как можно дальше. В своей земной реальности смена транспорта не составила бы проблемы, стоило им лишь добраться до какого-нибудь людского поселения.

Наконец лесные дебри внизу рассекла коричневая ровная стрела дороги. Если судить по цвету, дорога была своя, характерная для той реальности, в которой Михаил с детства обитал и куда очень рассчитывал вернуться — как, без сомнения, и все его товарищи. Настроение у Михаила резко повысилось, хоть он и старался его осаживать — все-таки цвет дорожного покрытия являлся хоть и необходимым, но еще недостаточным признаком его родного мира. Развернув челнок, Илли повела его над дорогой. Вскоре впереди, чуть в стороне от дороги показалось среди деревьев широкое бревенчатое здание с плоской крышей. Подлетев ближе, они увидели выведенную на крыше зеленой неоновой краской огромную надпись: «У ЛЕШЕГО». На углу крыши возвышалась колоритная пристройка в виде покосившейся избышки, по краям стояли несколько силовых кресел и небольшой грузовой аэрокар: в родной Михаилу реальности такие грузовички ласково величались «летающими бычками». Крыша, служившая посадочной площадкой, с русской надписью, креслами и «бычком» представляла собой уже вполне достаточное доказательство того, что имперец вернулся со своей добычей в тот единственный мир, который был в равной мере родным и для беглецов, и для их преследователей.

Посадив челнок на крышу в районе большой буквы «Ш», Илли отстегнулась от кресла и выбралась наружу через откинувшуюся слева часть корпуса. Михаил, также отстегнувшись, собрался уже за ней последовать, но поглядел на пассажиров заднего ряда и временно забыл о своем намерении. Бельмонд, сопя носом, освобождался от ремней безопасности, и с ним, судя по всему, было все в порядке. Тревогу внушало состояние Попрыгунчика: он сидел

неподвижно, съехав под ремнями как-то набок, глаза его были закрыты. «Уснул, что ли?» — подумал Михаил и крикнул, перегнувшись через спинку:

— Эй, подъем! Приехали!

Михаил до сих пор не знал, как зовут бежевого господина, и не мог поэтому окликнуть его по имени. Окрик привлек наконец к соседу внимание Бельмонда, сам же Попрыгунчик на зов не отреагировал. Тогда Михаил перегнулся еще дальше назад и похлопал его по щекам. Попрыгунчик не просыпался. Голова его безвольно моталась от плеча к плечу. Похоже, что дела его были плохи.

— Илли! Позови людей, кого-нибудь! Скажи, что человеку плохо! — крикнул Михаил, выпрыгивая из челнока.

Илли, успевшая уже отойти к пристройке, обернулась удивленно, немного поколебалась, словно собираясь о чем-то спросить или что-то сказать, но Михаил махнул нетерпеливо рукой:

— Скорее!

— На пульте внизу справа есть медицинский блок! — крикнула она. — Синяя кнопка! Прикладывается к шейной артерии!

Перед ней распахнулась дверь большого грузового лифта, и она вошла в него, напоследок еще раз встревоженно оглянувшись.

Михаил просунулся до половины в челнок, увидел внизу у дальнего края пульта синюю кнопку и нажал ее. Из пульта выдвинулся небольшой — сантиметров десяти в длину — металлический четырехгранник, Михаил его схватил и, перекинувшись к заднему сиденью, попытался пристроить прибор бесчувственному Попрыгунчику на шею. Медицинский блок на шее пострадавшего держаться отказывался.

— Разрешите мне вам помочь, — попросил похоронным голосом Бельмонд. — Если это стандартный блок, то там на торце должна быть кнопка...

Кнопку Михаил обнаружил, нажал и с посильной помощью Бельмонда приладил наконец прибор на шею Попрыгунчику. Присосавшись к артерии, что твой ромбовидный кровосос, прибор загудел едва слышно, и на верхней его грани стали вспыхивать поочередно маленькие разноцветные лампочки.

— Инъекции делает, — тихо пояснил Бельмонд, не глядя на Михаила, и добавил убито: — Бесполезно...

Михаил вопросительно вскинул глаза на Бельмонда, не веря своим ушам, ожидая, что ослышался, и не переспрашивая, чтобы не услышать подтверждения последнему его слову.

— Я не подозревал, я думал, что он уснул, — бормотал Бельмонд. — А у него, наверное, сердце... Приступ...

— С чего вы взяли, что он умер? — спросил Михаил каким-то не своим, неожиданно хриплым голосом. Не мог Попрыгунчик умереть теперь, выйдя невредимым из переделок, ставших смертельными для троих настоящих хищников, давших бы сто очков вперед десятку таких, как он; умереть, вернувшись в родную реальность, где ему ничего больше не грозило, умереть не от пули, не от лазера, а просто так — тихо скончаться на заднем сиденье спасательного челнока. Не мог, не имел права! Не укладывалась просто-напросто после всего пережитого такая смерть в сознании у Михаила.

— Пока вы говорили с девушкой, я посмотрел его зрачок. Он не реагирует на свет...

А ведь они даже не знали его имени!..

— Вы не знаете, как его зовут?..

Бельмонд виновато развел руками:

— Может быть, у него есть какие-то документы в карманах...

Чувствуя, как внутри натягивается жесткая колючая нить, готовая вот-вот порваться, Михаил ощупал карманы бежевого пиджака. Во внутреннем кармане обнаружилась пластиковая карточка. Михаил достал ее, прочитал: «Игнатий Рагволдович Семиручко. Доктор зоологии, ихтиологии, биоастрокоаголлетики, член-корреспондент Киевской академии наук».

Вот, оказывается, кем был их невезучий героический попутчик. Михаил вспомнил битву в дилижансе, Наталью... Потом перед ним, как наяву, всплыл образ «ученого», страшного «профессора», преследовавший его с самого детства. Игнатий Рагволдович. Семиручко. Ужасный доктор Моргенштерн из его детских кошмаров. Один из Моргенштернов. Кто бы мог подумать...

— Прошу прощения...

Михаила неожиданно оттеснили в сторону, и к Попрыгунчику склонилась высокая элегантная дама в сером платье с идеально ровной и гладкой, словно у куклы, прической «под пажа» — ну вылитая Мери Поппинс на пенсии. Оказалось, что ее привела Илли, а Михаил просто не заметил, как они подошли. Дама пощупала Попрыгунчику пульс, приоткрыла веко. Сказала:

— М-да... — И обернулась к Михаилу: — Будьте добры, поверните его вот так и поддержите за плечи. Я уложу его в кокон.

— Куда вы его понесете?.. — спросил Михаил, поворачивая и держа Попрыгунчика так, как она велела.

— Мужайтесь, не все еще потеряно, — ободрила она Михаила и пояснила: — У нас в медпункте есть реанимационная капсула.

Дама подняла руку на уровень головы Попрыгунчика. Из ее пальцев стала быстро выдвигаться, изгибаясь над телом профессора Семиручко, длинная и тонкая, как провод, антенна. Михаил не сразу разглядел зажатый у нее между пальцами «паучок» — приборчик на ремешке, перекинутом на запястье. Когда конец антенны коснулся ног Попрыгунчика, вокруг тела вспыхнули силовые нити, полностью окутав его мелкой, мерцающей голубоватыми искрами сеткой. Едва тело было «упаковано», дама развернулась и пошла быстрыми шагами к избушке, держа руку на отлете. «Кокон» с профессором оторвался от сиденья и поплыл за ней, как похоронная гондола или, скорее, летающий саркофаг. После этого из челнока наконец-то получил возможность выбраться и Бельмонд. Они втроем последовали за дамой, Михаил спросил у нее на ходу:

— Вы не подскажете, где мы находимся?

— Гостиница «У лешего», — коротко ответила она.

Что и говорить — исчерпывающий ответ. Подразумевающий, видимо, всемирную известность. Вроде как: в Москве.

— Я имел в виду — что это за местность?

Она одарила его удивленно-изучающим взглядом.

— Вам на карте показать?

«М-да. Тяжелый случай, — подумал Михаил, подразумевая, разумеется, себя и свою компанию. — Впрочем, какая нам теперь разница, в какой именно точке нашей необъятной Родины гнездятся лешии? Хотя оно и любопытно», — подумал он и вновь обратился к даме:

— Прошу прощения, а вы?..

— Я Татьяна Радич, хозяйка этой гостиницы, — представилась она.

«Стало быть, вот как в наше прогрессивное время выглядят лешии. И их, оказывается, не миновали эмансипация с феминизацией, клюквы им обеим в реакторы. Развесистой».

Михаил протянул даме пластиковую карточку Попрыгунчика:

— Это его визитка. Сообщите потом его родным...

Она обернулась.

— А вы сами?

— Боюсь, что у нас не хватит времени дожидаться его воскрешения. Нам необходимо срочно улетать.

Они подошли к лифту. Завозя туда кокон с Попрыгунчиком, Татьяна Радич окинула быстрым внимательным взглядом Михаила и его спутников, обернувшись, скользнула глазами по распахнутому челноку, сказала:

— Прошу вас, не улетайте пока. Подождите меня. Всего десять минут.

Лифтовая изба уже закрывалась, когда из нее неожиданно донеслось:

— Думаю, что я смогу вам кое-чем помочь.

Лифт закрылся. Михаил переглянулся с Илли.

— Она что-то заподозрила. И может вызвать полицию, — сказала Илли. — Я улетаю немедленно. А вы... — Она вдруг оглянулась на челнок: — Ах да!..

И, сорвавшись с места, побежала к аппарату. Михаил понял, что не за оставленной на сиденье сумочкой, и рванул следом.

— Я с тобой! — крикнул он, догоняя ее у распахнутой двери челнока.

Она, уже запрыгнув внутрь, к величайшей его радости кивнула:

— Хорошо! Но сейчас отойди!

Он, рискнув поверить ей на слово, послушно отошел на несколько шагов. Через несколько секунд Илли уже покинула кабину и пронеслась мимо Михаила по направлению к силовым креслам. Он поспешил следом, оглядываясь через плечо на покинутый челнок. Тот сам собой закрылся, после чего бесшумно поднялся над крышей и полетел в сторону утопающего в лесном горизонте солнца. Михаил порадовался догадливости Илли, сообразившей сделать из челнока великолепный отвлекающий объект; его-то собственная смекалка застряла, помнится, на «уничтожить».

Фредди Бельмонд так и стоял возле лифтовой пристройки, одиноким извоянием скорбящего на проводах в последний путь. Кажется, внезапная кончина Попрыгунчика (не факт еще, кстати, что необратимая) вконец его доконала. Михаил, приостановившись, крикнул Бельмонду:

— Не отчаивайтесь! Возвращайтесь домой!

Хотя его стараниями Бельмонд, кажется, уже окончательно лишился дома. Михаил собирался еще добавить, что постарается вернуть впоследствии на место похищенную им часть «Донского орла», хотя, по его мнению, теперь легче было бы построить новый отель. Просто Михаил не знал другого способа взбодрить старика. Как вдруг избушка за спиной Бельмонда открылась, и оттуда раздался сначала крик:

— Погодите!

А потом из нее вышла быстрыми шагами хозяйка гостиницы. «Зря она это», — подумал Михаил с сожалением: практика неопровержимо доказала, что не приносят они счастья владельцам частных заведений. Одна жертва уже налицо — стоит тут, на крыше чужой гостиницы, обездоленная, всеми покинутая, терзая сердце, а теперь рядом с ней, похоже,

наметилась вторая.

— Я подозревала, что вы не станете меня ждать. Поэтому поручила вашего больного своим девочкам. Не волнуйтесь — все, что только возможно, будет для него сделано, — заговорила хозяйка, подходя к стоящим у самых кресел Михаилу и Илли. Остановившись напротив, она склонила голову и несколько секунд помолчала, словно собираясь с мыслями, потом продолжила довольно спокойно: — Дело в том, что незадолго перед вами вернулся мой сын. Он сказал, что видел в небе чужой катер... Ничего не говорите! — она бросила быстрый взгляд на Илли. — Мы действительно хотим вам помочь. Вам не следует пользоваться силовыми креслами. Они автоматические, запрограммированы на определенные маршруты, а вам, путешественникам, захочется, наверное, куда-нибудь свернуть, осмотреть красоты... Так вот: вы можете взять нашего «бычка». Когда он будет вам уже не нужен, поставьте его в режим поиска, он сам вернется домой...

— Спасибо, — произнес Михаил, так и не решившись спросить, чем же вызвана ее неожиданная забота; представлялось маловероятным, чтобы радушная хозяйка ссужала всех проезжающих своим служебным транспортом.

— Если проголодаетесь, то там, за креслами, найдете, чего пожевать, — напутствовала Татьяна Радич, пока Михаил с Илли забирались по очереди в маленькую кабину. Михаил оказался за рулем — благо курсы авиавождения были у них обязательным предметом еще в школе — и, уже стартуя, вспомнил о том, что так и не выяснил у хозяйки географического местоположения ее гостиницы, а она, должно быть, от волнения тоже забыла просветить их на сей счет. Останавливаться ради этого Михаил уже не стал, лишь махнул ободряюще на прощание рукой хозяйке и совсем уже увядшему, как фиалка на морозе, Бельмонду, так и стоявшему покинуто у лифтовой избушки.

Поднявшись над гостиницей, Михаил сделал над ней прощальный круг, заодно прикидывая, в какую сторону горизонта им безопаснее теперь лететь. Имперский катер, когда они из него выпали, двигался, как помнится, на юг, и за ним направляться явно не стоило. Пустой челнок-обманка улетел на запад, вслед за садящимся солнцем. Убегать в противоположном направлении — то есть на восток — было бы еще той военной хитростью, поэтому Михаил выбрал нечто третье — северо-восток. Положив «бычка» на курс, Михаил поручил дальнейшее управление автоматике и полез шарить за сиденье в поисках продуктов. «За окнами» вечерело, путь перед ними лежал, судя по всему, неблизкий и вновь совершенно неведомый, и сейчас Михаилу предстояло сервировать их первый ужин наедине. Михаил уже подозревал, что состоять этот романтический ужин будет все из тех же неромантических консервов. Он даже проклял свое невезение, когда не нашел позади своего кресла ящика с консервами, и не сразу поверил в свое счастье, обнаружив вмонтированную в заднюю стенку «стряпуху», иными словами — походный кухонный автомат. С помощью специальной кнопки Михаил ликвидировал у своего кресла спинку — она уехала под сиденье, — развернулся, врубил «стряпуху» и пробежал в размышлении глазами по загоревшемуся рядом со скудной клавиатурой — всего пять кнопок — небогатому перечню блюд: там их было обозначено три вида, все с интригующими названиями, и два вида напитков — чай и пиво. Он заказал для начала «Грибную рапсодию» (столько в последнее время думал о грибах, не мешало бы наконец их поесть), на что «стряпуха» подмигнула ему издевательски красным глазом: «Рапсодию, — мол, — тебе подавай? А нету!» — «А подать мне тогда «Хрустящие кораблики!» — «Перебьешься!» — нахально мигнула в ответ «стряпуха». У Михаила не оставалось выбора. И он потребовал последнее в ассортименте блюдо — «Бамбошки

кучерявые». «Стряпуха» зажгла благосклонно зеленый глаз — то-то, мол, — и выплюнула в податчик что-то продолговатое и блестящее.

— Гм-гм, — сказал Михаил, беря «бамбошку» и оглядывая ее искательно со всех сторон.

Обещанные в прейскуранте кучеряшки, как ни странно, на «бамбошке» отсутствовали. Вообще-то она очень смахивала на большой бутерброд с ветчиной, упакованный в пластиковый пакет. Тоже своего рода консерва. Ну да делать нечего. И он заказал еще раз «Бамбошки кучерявые», а к ним одно пиво и... Он обернулся на Илли:

— Тебе чай или...

Она спала. Склонив голову к плечу, уронив безвольно руки вдоль тела — так спят смертельно уставшие люди.

Михаил выключил «стряпуху», повернулся осторожно, с «бамбошками» на коленях и со стаканом в руке, ткнул пальцем под приборную доску. Оттуда выдвинулась подставка в виде небольшого столика, и он сгрузил на нее весь нехитрый ужин, который ему предстояло теперь осилить в одиночку. Он вернул своему креслу спинку, облокотился, пробежал взглядом по приборам и посмотрел еще раз искоса на Илли. Можешь трясти головой, щипать себя за руку или ударить по лбу, но вот она — рядом, спит под твоей защитой. Надолго ли еще рядом? Неважно. Главное, что есть эта минута, одна стоящая двадцати шести лет предыдущей спокойной жизни и двух последних безумных дней — все равно ведь не угадать, что ждет впереди.

Михаил потянулся к накрытому «столу», но прежде, чем приступить к ужину, включил на панели радио — с минимальным звуком, чтобы не разбудить Илли. Хотя ее, похоже, мудро сейчас было бы разбудить. Он принялся уже вскрывать бутерброд, как вдруг его заинтересовало то, что вещало радио — хотя никаких откровений он от него не ждал, включил лишь из чувства ностальгии по старой размеренной жизни, единственным постоянным спутником которой был самозабвенный бубнеж домашней радиоточки, перемежающийся музыкальными вставками разной степени усыпляемости. Но, черт возьми, эти сумасшедшие дни перевернули, оказывается, не только его отдельно взятую захолустную жизнь; они, как выяснилось из передачи, произвели настоящий переворот в мире, где ничего, фактически, не менялось вот уже на протяжении столетий. Оказалось, что стоило Михаилу ненадолго покинуть родной мир, как в нем была низвергнута императорская власть, в связи с чем Дальняя Империя, центром которой являлась Земля, вознамерилась стать самостоятельным космическим государством. По крайней мере, таковы были предположения ведущего радиопрограммы, поскольку лорд-протектор Дальней Империи, резиденция которого находилась на Земле, выразил негласный протест, не дав пока согласия на присоединение к федерации. Якобы в связи со всем этим на Земле сейчас находится представитель нового правительства, но, по информации из неофициальных источников, явился он сюда вовсе не для переговоров, а в погоне за Великой Императрицей, которая не была арестована, а бежала и находится теперь на Земле. Космический корабль Серединной Империи до сих пор висит под конвоем на орбите, а катер с представителем пропал где-то на Земле, но вылет с планеты ему запрещен, так как находящийся в нем представитель нового всегалактического правительства является теперь заложником безопасности Земли — пока, разумеется, неофициальным.

Уронив так и не вскрытый бутерброд на пол, Михаил наклонился вперед, уперев локти в колени, и замер. Перед ним возник, как наяву, командир имперского катера, в ушах

прозвучало издевательское: «Прошу вас, Ваше Величество!» По радио уже играла музыка. «Прошу вас, Ваше Величество...» В кабине вдруг обнаружилась катастрофическая нехватка воздуха. Избегая глядеть на Илли, он опустил боковое стекло, подставил лицо ворвавшейся в кабину струе ветра. В этом свихнувшемся мире возможно было все. Даже невозможное. Оно-то и оказалось, похоже, для его новой перевернутой Вселенной единственно возможным. Опаляющая ясность, похожая на вспышку сверхновой, пожирала белым пламенем недоверчивые мысли и робкие сомнения, и хуже всего было слово, что рождалось в огне этой ясности, — слово, которого он не хотел видеть и от которого невозможно было убежать, потому что весь мир превратился внезапно в это слово, оно пронизывало собою прошлое и будущее, оно было Михаилом, спящей рядом Илли — уже, увы, не Илли — и кабиной грузовичка, вечеряющим небом и лесом, оно заменило теперь воздух и врывалось в легкие с каждым порывом горького ветра из окна: «НИКОГДА». И с ним отныне ему предстояло жить.

Михаил выключил радио, взял стаканчик с пивом, осушил его махом, смял в руке и бросил на пол. Откинувшись назад, уставился бессмысленно в окно перед собой. «А разве раньше ты на что-то рассчитывал? Нет. Что ж, будем жить. А что еще остается делать?»

Из-за горизонта навстречу летело синее покрывало вечера, наполняя постепенно сумраком маленькую кабину, ложась на усталые веки успокаивающей темной ладонью. Михаил и сам не заметил, как упал в тревожный сон.

Проснулся он от того, что «бычок» тряхнуло и на лицо брызнули холодные капли. Первое, что он сделал, открыв глаза, — поднял боковое стекло. Снаружи, оказывается, стояло хмурое утро и лил дождь. В пелене дождя проносились время от времени мимо скользящими призраками причудливые летательные аппараты. А внизу вместо ожидаемого леса раскинулся неизвестный город. Михаил покосился на Илли — она еще спала, повернувшись во сне на бок и подвернув под себя ногу. Великие императрицы, оказывается, спят совсем как обычные девчонки. У него, впрочем, уже была возможность в этом убедиться. Между ними на подставке лежал одинокий бутерброд в целлофане, второй валялся на полу рядом с помятым стаканом. Выходит, все-таки не приснилось. Подобрал стакан и бутерброд, Михаил бросил их в утилизационное окошко под столом, подумал и бросил туда же второй бутерброд. Раз уж они оказались над городом, то вполне могли позволить себе небольшую остановку и в кои-то веки нормально позавтракать, а заодно и узнать, что это, собственно, за город удостоился сегодня посещения коронованной особы.

В это время впереди по курсу замаячило что-то большое и пока неопознанное, но определенно квадратное. Когда обозначились детали, стало ясно, что прямо на них летит, омываемая потоками дождя, большая двухэтажная изба, сложенная в лучших русских традициях — с резными наличниками и с кирпичной трубой на крыше, из которой, невзирая на дождь, шел хилый дымок. «Бычок» вильнул вправо — сработала автоматика, и в следующий миг изба уже благополучно проносилась за окном по левому борту. Но не успела она еще окончательно пронестись мимо, как ее залил поток ослепительного белого света, хлынувшего откуда-то сверху, словно в облаках прямо над избой проделали персональную осветительную дыру.

— Это они, — донеслось до Михаила справа от Илли — очевидно, она только что проснулась, — в то время как изба резко остановилась, на мгновение замерла в воздухе, после чего стала возноситься ввысь. Михаил, чуть пригнувшись, поглядел — а куда это ее потащило? Там, в небесах, представлявших собой сейчас смесь воздуха и воды в

соотношении примерно один к трем, висело большое темное тело и влекло к себе невинную избу, случайно попавшую в радиус действия гравиконденсора, очерченный конусом белого света. Повезло же Михаилу проснуться буквально за минуту до того, как их вновь настиг настырный враг, похожий на какое-то наказание свыше, посланное в противовес удаче, сопровождавшей Михаила с самого начала его межпространственной одиссеи. Вот и с избой тоже вовремя подфартило. Господь Бог хоть и стал, без сомнения, снисходить до Михаила, но как-то двойственно, при этом слишком уж активно. Пока на катере поняли свой промах и отпустили постороннюю избу, Михаил переключился на ручное управление и, врубив форсаж, бросил «бычка» в сторону и вниз — к спасительным махинам домов, в лабиринт улиц, где еще оставалась слабая надежда затеряться. Серая громада города рванулась навстречу, понеслись мимо мокрые здания, шарахающиеся в стороны аэролодки и аэромобили — благо что сейчас, в дождь, их плавало над улицами не так уж много.

Направо... Еще... С дороги, черт бы вас!... В переулок... Пардон, девушка... Под арку... Ложись, мужик!.. Лево... Угол... Право... Башня... По периметру ее... За зонтик, бабуля, надо крепче держаться! И вообще в дождь надо дома сидеть!... Стена... Вве-е-ерх... Вниз!... Замысловатая же здесь архитектура! Кто так строит?...

Чтобы вписываться в многочисленные архитектурные изыски, Михаилу пришлось сбросить скорость, хотя угрожающая тень стелилась над домами, преследовала сверху, не отставая. Внезапно после очередного крутого поворота впереди вместо ожидаемой улицы выросла стеклянная громада куполообразного здания. Слава Богу, что оно оказалось стеклянным, а не железобетонным: «бычок» произвел по зданию лобовой таран, влетев в купол наподобие огромного метательного снаряда, вместе с лавиной битого стекла. К счастью, обошлось без жертв, потому что людей — в обыденном понимании этого слова — внутри купола не оказалось. Там, на полу просторного зала, стояли рядами наполовину прозрачные шарообразные капсулы, внутри которых лежали люди. Едва увидев капсулы, Михаил понял, что вломился без приглашения, пробив потолок, не абы куда, а в одно из земных отделений пространственной сети.

— Привет героям виртуального фронта! — буркнул Михаил, собираясь удалиться из помещения тем же способом, каким сюда явился — то есть пробив для себя еще одну — выходную — дыру в противоположном конце куполообразного потолка.

Как вдруг почувствовал властное прикосновение к своему локтю и одновременно услышал команду, поданную взволнованным голосом:

— Садимся здесь!

Она, разумеется, была вольна распоряжаться. И не только потому, что охота велась сейчас персонально за ней.

Михаил посадил машину на свободный от капсул участок в центре зала и повернулся к Илли, спрашивая всем своим видом: «Какие будут дальнейшие распоряжения?» Она, не обращая на него больше внимания (а о каком, собственно, внимании может мечтать шофер коронованной особы?), выскочила из кабины и побежала вдоль капсул, приостанавливаясь и оглядываясь на бегу, словно разыскивала здесь кого-то. Прежде чем последовать за ней, Михаил пробежался напоследок пальцами по приборной панели: включил поисковый блок и поставил таймер — приступить к поискам родного дома через полчаса. Люди, отдавшие им свой грузовик, достойны были благодарности, если и не королевской — на данный момент вряд ли возможной, — то хотя бы в виде простого выполнения их единственной просьбы. Покидая грузовик, он окинул быстрым взглядом потолок-купол: погоня почему-то не

спешила его окончательно снести и, что не менее странно, по факту битья потолков посредством грузового транспорта в элитарном клубе с последующим беспардонным вторжением туда все того же транспорта почему-то до сих пор не явилась милиция.

С такими удивленными мыслями Михаил захлопнул дверцу и побежал разыскивать Илли, затерявшуюся уже где-то среди законсервированного в капсулах народа. Он несколько раз останавливался, прислушиваясь, но звука шагов так и не услышал. Наконец, пробегая мимо очередного ряда шарообразных «консервов», он увидел Илли: она стояла возле одной из капсул, разглядывая человека, замурованного в ней. Заслышав шаги, она обернулась, потом опять посмотрела в капсулу, и вид у нее при этом был озабоченный до крайности.

Михаил на секунду замялся, не сразу решив, как ему теперь к ней обращаться. Потом махнул рукой — могли же в конце концов и ошибаться эти самые «неофициальные источники»! И сказал ей:

— Ты чего тут стоишь? Отсюда надо бежать.

К неудовольствию Михаила, прозвучало это примерно с той же степенью убеждения, какая звучит в голосе взрослого, уговаривающего упрямого ребенка отойти от витрины со сладостями.

Она как-то безнадежно-упрямо качнула головой, положив ладонь на покатуую поверхность капсулы, внутри которой лежал, запакованный в спецкостюм, худой, длинный и, кроме этого, абсолютно ничем не примечательный мужчина. Мол, ты беги, а я тут с ним останусь. «Родственника, что ли, она здесь нашла? — озадачился Михаил. — Хотя — какое там!.. Но как теперь быть — вот вопрос? Не насильно же ее из этого колумбария утаскивать?..»

Вдруг она встрепенулась:

— Ты ведь специалист! И должен знать способ вытащить его из капсулы!

«Зачем?» — чуть было не брякнул Михаил, но вовремя сдержался: к чему лишние объяснения, они только отнимут драгоценное время. Он указал на закрытый металлический блок, вмонтированный сбоку в капсулу.

— Там есть пси-сенсор, но достать его и вызвать по нему из сети оппонента может только человек, знающий его личный код.

Ей, конечно, так же, как и Михаилу, было известно, что человека, ушедшего в сеть, можно было изъять из нее только по вызову: пользователь, извлеченный из капсулы без вызова, как правило, входил в состояние комы и погибал в течение первых же часов, не приходя в сознание.

— Но тебе ведь ничего не стоит разгадать этот код! Там, в челноке, я же видела, как ты это сделал!

— Могу, когда я в сети. Но, чтобы мне сейчас попасть в сеть, необходимо сначала взломать этот ящик.

Вопрос казался исчерпанным: поцеловаться с родственничком ей сейчас не удастся, это ясно. Самое время уносить ноги. Но Илли словно прилипла к этой чертовой капсуле, и по всему было видно, что она ни за что ее не бросит, как если бы там было замуровано ее единственное дитя.

Михаил, обураваемый жаждой действовать, а если конкретно — бежать, раз с этим пока ничего не выходило, обследовал ящик. Тот оказался заперт на цифровой код. Михаил, увы, не был специалистом по примитивным устройствам, которые надо было взламывать с помощью отмычек или автогенов: как сказал однажды его виртуальный напарник в сети:

«Мы — ломщики информационных барьеров, виртуозы, а не медвежатники!»

Откуда-то с улицы донесся вой милицейской сирены и тут же оборвался. Что-то там снаружи происходило любопытное, раз никто до сих пор не являлся по души двух беглецов и по совместительству — злостных осквернителей общественных зданий: не исключено, что катер преследователей сам неожиданно превратился в добычу, должно быть, куда более ценную, по мнению милиции, чем какие-то пьяные хулиганы на грузовике. А может быть, кстати говоря, и купол здесь был самовосстанавливающийся?

Михаил поднял голову к потолку, желая удостовериться, на месте ли еще проделанная ими дыра. Пробоина оказалась на месте, но лицезрел ее Михаил не больше мгновения: именно в тот момент, когда он задрал кверху голову, пробоина исчезла. Вместе с потолком. Как ни странно, вместо того, чтобы восстановиться, поврежденный купол самоликвидировался, а точнее — истаял без следа прямо на глазах у Михаила и Илли. Но, хотя потолок и исчез, на них не упало сверху ни капли дождя, и неба они не увидели — его полностью загоразивала некая металлическая плоскость, очень похожая на днище огромного аппарата — определенно не имперского катера, — зависшего над зданием. Несколько секунд они, замерев, наблюдали это новое неожиданное явление, непонятно пока — дружественное или враждебное, как из центра грандиозного днища на Михаила и Илли пролился ослепительный поток белого света. В следующий миг Михаил ощутил, что ноги его сами собой отрываются от пола.

— И его! И его тоже! — закричала Илли, прижимая уже обе ладони к капсуле и чуть ее не обнимая, словно надеясь самостоятельно ее поднять. Неизвестно, был ли услышан кем-нибудь ее крик или нет, в любом случае он оказался лишним: они стояли настолько близко к капсуле, что она также попадала в границу ослепительного сияния и волей-неволей стала подниматься вверх вместе с ними. Под капсулой внизу что-то лопалось и трещало — наверное, обрывались провода и шланги, подводящие к ней питание. — В ваших капсулах есть аварийные блоки питания? — крикнула Илли Михаилу чуть не в самое лицо, как будто он находился на другом конце зала.

— Разумеется, они же ваши, лицензионные, — ответил ей Михаил вежливо и негромко. «Привыкай, вот она, участь императорских лакеев: на тебя орут, а ты благодари и расшаркивайся!»

Зал, уставленный шарами, уплывал все дальше вниз, похожий сверху на огромный лоток с большими человеческими икринками. Забавная мысль пришла в голову Михаилу при взгляде на них — посети Землю представители какой-то неизвестной негуманоидной цивилизации и увидь они эту картину, наверняка пришли бы к выводу, что человек размножается икрометанием. Следующая мысль оказалась еще забавнее — неопознанный аппарат действительно принадлежит неизвестным пришельцам, и в данную минуту происходит похищение с Земли женской и мужской гуманоидной особи вместе с их биологическим потомством — икринкой.

Пока Михаила осеяли фантастические откровения, его вместе с Илли и капсулой втянуло в корабль. Под ними сам собой образовался пол, сияние померкло до степени нормального освещения, потеряв свою притягательную силу и опустив их посреди большого светлого помещения.

— Добро пожаловать на корабль! — раздался в этом помещении знакомый голос. — А теперь будьте добры, пожелайте попасть в центр его управления!

Михаил поглядел на Илли, она ответила ему растерянным взглядом. Ему показалось,

что он угадал ее мысль, потому что и сам в этот момент подумал: чтобы пожелать попасть в центр управления, надо было, по идее, знать хотя бы примерно, что этот центр собой представляет. Ни Михаил, ни Илли этого не знали, тем не менее, естественно, попасть туда желали; возможно, именно поэтому они оказались в следующий же миг в небольшом зале — пустом, если не считать четырех кресел, установленных в ряд перед стеной, полностью представлявшей собой экран. В креслах, развернувшись к Михаилу и Илли, сидели все те, с кем их разлучила судьба в реальности третьего рода, то есть пропавшая бригада хлебодобытчиков в полном составе. В центре восседал Карриган, по правую руку от него расположились Петр и Рейчел, Бол оккупировал собою кресло слева. За спинами же у них стелились сплошной пеленой низкие тучи, щедро отдающие свою влагу лежащему внизу городу. Ни милицейских «акул», ни каких-либо других летательных аппаратов поблизости, как ни странно, не наблюдалось, хотя вдали их летало довольно много. Кстати, нигде в доступной обозрению части пейзажа что-то не видать было имперского катера.

— Поздравляю! — произнес Карриган. Глядел он при этом только на Илли, из чего Михаил сделал вывод, что поздравление предназначено лично ей, как и вся последующая речь: — Я подозревал, что один из них находится где-то на Земле. Не зря же нас здесь так завертело! Я позабочусь о капсуле. С его воскрешением, пожалуй, не стоит пока торопиться.

Он перевел взгляд на Михаила и заговорил с ним так, будто отвечал на заданный только что вопрос:

— Совершенно верно — это именно от нас вы только что так отчаянно удирали. Об имперце можешь забыть. Хотя мы действительно пересеклись с ним по дороге; в результате этой встречи ему пришлось кардинально изменить маршрут и навестить окрестности черной звезды Мадлены.

— Ему конец?.. — быстро спросила Илли.

Карриган ответил:

— Пассажиры в безопасности. Думаю даже, что они довольно скоро оттуда выберутся — скоро, разумеется, по их теперешним понятиям времени.

— Закинул бы их прямо на карлик — и дело с концом, — проворчал со своего места Петр и спросил у Михаила: — Голс на Земле? Жив?

Пересказывать сейчас подробности всех злоключений и гибели Голса у Михаила не было ни желания, ни времени, поэтому он ответил коротко:

— Его убили.

Петр, поиграв скулами, коротко кивнул, мол, так я и думал — и произнес индифферентным тоном экс-командующего:

— Подбирать, я так понимаю, нам здесь больше некого. Не пора ли куда-нибудь двигаться?

Карриган, не торопясь с ответом, предложил сначала любезно Михаилу и Илли:

— Присаживайтесь!

После чего, полуобернувшись на город, ответил Петру:

— А чем вас, собственно, не устраивает это место?

Снаружи в воздухе — то есть практически в воде — плавала к этому времени целая стая «акул»; они шныряли, сверкая мигалками, на расстоянии около пятидесяти метров от корабля. Ближе почему-то ни одна не подлетала.

Михаил оглянулся — прямо позади них образовались, оказывается, еще два персональных кресла. Уже усаживаясь, он вновь обратил взгляд к экрану и невольно

сморгнул: там не было больше ни «акул», ни дождя, не было хмурого неба и города, похожего на туманную галлюцинацию, потому что названию его так и суждено было, похоже, остаться для них загадкой (уж не Москва ли часом, вон и избы вовсю порхали, и архитектура — конем, в смысле «бычком», не объедешь?). Теперь перед ними распахивала черную пасть космическая бездна, полная звезд. Но, кроме звезд, там светились еще что-то, очень похожее на затейливое кольцо, соскользнувшее в незапамятные времена с пальчика беспечной богини и затерявшееся среди галактик. Кольцо висело впереди, чуть правее, занимая примерно четверть экрана, и казалось металлическим, хотя светилось собственным синеватым светом.

— Где мы теперь? — как ни в чем не бывало поинтересовалась Илли. Ее слова заставили развернуться к экрану всех, кто еще не успел.

— В космосе, — обронил Карриган, как будто у кого-то могли остаться на сей счет сомнения. И добавил задумчиво: — У конца одной древней космической дороги.

— Великая дорога лангов? Вечных бродяг? — подала насмешливо голос Рейчел.

— Они еще не были бродягами, когда прокладывали свою великую дорогу. Тогда они были расой великих мечтателей. К тому же самой, пожалуй, целеустремленной из всех рас в этой Вселенной.

— Я слышала о лангах, — сказала Илли. — Вот только не уверена, доводилось ли мне их видеть.

— Если бы видела, то не забыла бы, — насмешливо покосился на нее через плечо Петр. Она спросила:

— Разве они не гуманоиды?

— Гуманоиды, а как же. Но только... Нет, это надо видеть!

Михаил настоящих лангов тоже никогда не видел, потому что их вообще мало кому довелось видеть. Зато он слышал про них немало историй — особенно в детстве, потому что ланги были любимыми персонажами многих космических сказок и легенд. Одна из таких легенд повествовала о великой дороге лангов, и звучала она примерно так. Когда-то давным давно ланги были одинокой затерянной цивилизацией, запертой в своей звездной системе, поскольку не умели еще преодолевать гигантских космических расстояний. Но настал однажды великий в их истории день, когда их ученые нашли наконец способ перемещаться мгновенно из одной точки пространства в другую. Однако для мгновенного перемещения необходимо было сначала создать между этими двумя точками особый коридор из мощных силовых колец. И ланги принялись за дело, выбрав своей целью ближайшую к их системе звезду, вокруг которой астрономы обнаружили наличие планет. Расстояние между двумя соседними кольцами должно было составлять несколько тысяч километров, но что такое тысячи километров по сравнению с непостижимыми пропастями, разделяющими даже соседние звезды? Столетия летели за столетиями, научный гений, открыв этот единственный способ, оказался заперт в каком-то роковом тупике, искал и не находил других путей для прорыва к иным мирам. И ланги продолжали строить свою дорогу, из поколения в поколение, сосредоточив все силы и знания цивилизации на единственной необъяснимой мечте — вырваться за отпущенные природой пределы, победить равнодушное пространство силой и волей десятков поколений, чтобы дотянуться до другой, пусть даже самой близкой космической печи, отдающей в пустоту чудовищные количества энергии, чтобы рано или поздно породить поблизости от себя жизнь. Поколения всходили, зрели и увядали, на планете полыхали войны, сменялись общественные строи и правители, но одно

оставалось неизменным — кольцо нанизывалось за кольцом вопреки всем бедам и катаклизмам; ведь ланги по природе своей были потрясающе целенаправленны и упрямы, в течение столетий они упорно слагали свои жизни на алтарь одной древней, банальной в общем-то истины, гласящей: дорогу дано осилить только идущему. Великий путь был проложен уже на две трети, когда их собственную планету нашли неожиданно братья по разуму — гуманоиды, подобные самим лангам, давно освоившие переход через гиперпространство, дружелюбные, готовые к сотрудничеству. Потрясенные беспримерным упорством лангов, они открыли им суть гиперперехода. И тогда ланги, создав собственные корабли, бросились на просторы Вселенной. В течение нескольких следующих десятилетий они полностью покинули свою планету, как заключенные покидают открытую тюрьму, и рассеялись по бескрайнему космосу, став в нем вечными бродягами, нигде надолго не задерживаясь и никогда не оседая, ценив из многообразия его даров превыше всего лишь один дар — абсолютную свободу, оплаченную ими чрезмерно высокой ценой.

Михаил никогда не верил в эту легенду: по его мнению, чем надрываться столетиями над дорогой, лангам проще было бы долететь до соседней звезды на обыкновенной ракете. Но вот оно, доказательство, — невинно голубело перед ним, опровергая всю его примитивную, чисто человеческую логику.

— Стало быть, это и есть их легендарная дорога? — спросил Петр. — Выходит, она и в самом деле существует? — И, обернувшись к Карригану, поинтересовался насмешливо: — Никак ты собрался ее завершить?

В голосе Петра определенно сквозило любопытство: в самом деле, от Карригана можно было ожидать чего угодно. Не зря же, надо думать, он их сюда привел. Тот ответил, не поворачивая головы, глядя на неподвижно висящее в пустоте кольцо:

— Просто дань старой привычке. Посидеть иногда на обочине заброшенной дороги.

И таким древним духом неприкаянных странствий повеяло от его слов, что им невольно прониклись все, обратившие сейчас взгляды к тускло светящемуся эллипсу, завершающему собой последний пролет недостроенного космического моста. «Устанавливая это последнее кольцо, ланги еще не подозревали, что освобождение уже близко, вот-вот на подходе, и что весь их тысячелетний труд окажется напрасным...»

— Любой труд напрасен, — произнес вдруг Карриган, опять, похоже, запустивший телепатический щуп в заповедные мысли Михаила. — Рано или поздно всему, что было создано — и завершеному, и незавершеному, — суждено обратиться в прах.

Михаил предпринял попытку прищемить этот нахальный щуп мысленной дверью, одновременно возражая вслух:

— Завершенное творение двигает прогресс, по незавершеному остается память как урок для будущих поколений...

— Будущие поколения тоже обратятся во прах. Да и сама Вселенная не бессмертна.

— Зачем тогда все?.. Ведь Вселенная зачем-то существует?.. — не сдавался Михаил, надеясь, кстати, раздавить хвост щупу этим своим убийственным доводом.

Карриган горестно вздохнул.

— Я постепенно прихожу к выводу, что этот дурацкий вопрос «зачем?» заложен в основу мироздания. И когда мы на него ответим, наступит конец света. В целях приближения этого конца я готов даже высказать свою версию ответа. Бесспорно, что разум, начиная с определенного этапа развития, делает попытки создать подчиненный себе мир, для которого он будет своего рода «создателем». Вы уже давно этим грешите, вызвав к

жизни так называемый «виртуальный мир» и без конца его совершенствуя. Спрашивается — зачем вы его создали? Как я понимаю — для собственного удобства и развлечения. Кем являетесь вы для обитателей вашего «виртуального пространства»? Естественно — высшими существами, то есть богами, всемогущими, всесильными и всемилостивыми. Кем являются они для вас? Наборами заданных программ, чья виртуальная смерть не стоит гибели обычной живой мухи, потому что настоящей убитой мухи вам уже вовек не воскресить, а виртуальных героев вы можете вызывать к жизни снова и снова, в разных вариантах и с разными — для них — последствиями. Идем далее. Чем совершенней разум, тем сложнее сотворенный им мир. Сотворенный — опять же — для собственного удобства, развлечения и мало ли еще для чего: с совершенством разума усложняются, соответственно, и его задачи. Кажется, я уже ответил на ваш вопрос. Кстати, как вам мой пример? По-моему, он безупречен.

— А по-моему, он смахивает на дерьмо, — мрачно высказался Петр.

— А истина, дорогой мой, чаще всего именно на это и смахивает.

Тут впервые с начала разговора подал голос Бол Бродяга.

— Но конец света еще не наступил, — заметил он. — Выходит, что ваша версия ошибочна.

— По крайней мере, вы можете с полным правом на это рассчитывать, — отечески-снисходительно усмехнулся Карриган.

Михаил почувствовал, как оседают постепенно на дно души и залегают там до времени колючие осколки этого разговора: каким-то неприкрытым намеком, прозрачной аллегорией звучали слова Карригана; уж больно сам он походил на описанного им легкомысленного жестокого бога, спустившегося поиграться в свой «виртуальный мир».

— Перейдем к делу, — закрыл вопрос Карриган, действительно переходя на деловой тон. — Я хочу представить вам своего штурмана, — он развернулся, коротко указав рукой на Илли. Все хором поглядели на нее, как бы заново изучая в этом новом качестве.

Петр скептически хмыкнул и, буркнув: «Конкуренция, ети его...» — скроил такое выражение лица, что всем стало понятно: он едва сдерживается, чтобы не сплюнуть на пол.

— Впрочем, вы уже знакомы, — констатировал Карриган. И продолжил загадочно, обращаясь уже к ней: — Процесс раскручивается, и я надеюсь, что теперь он пойдет куда быстрее. В данный момент тебе необходимо только задать направление на любую симпатичную тебе планету. Не обязательно называть ее координаты — в памяти корабля заложена информация о миллиардах миров, ты можешь отдать конкретный приказ или пожелать чего-то абстрактного — он найдет в своем архиве мир, наиболее соответствующий твоему пожеланию, и доставит нас туда. Дав, разумеется, предварительно его точные координаты и испросив твоего подтверждения. Вот, собственно, и все, что от тебя пока требуется. Ты готова приступить прямо теперь?

«Здрасьте!» — выдал Михаил нарочито громкую мысль, возмущенно шипящую, вроде как убегающее молоко или, скорее, серная кислота в щелочи. В кои-то веки оторвались от погони, впервые оказались в безопасности, затерявшись в глубинах космоса в благоустроенном космическом корабле, как тебе уже намекают практически открытым текстом, что нечего, мол, тут рассиживаться, когда на тебя уже точат зубы далекие абстрактные миры. Ни тебе прийти в себя от посещений предыдущих райских уголков, ни поесть, ни отдохнуть, ни помыться, в конце концов!

Эту молочно-кислотную мысль Карриган оставил без ответа — видимо, пропустил

«мимо ушей». Но зато, похоже, ее каким-то образом восприняла Илли. Могучая все-таки вещь — телепатия! Обостряющаяся, видимо, между двумя голодными организмами, особенно после перенесенных совместно стрессовых ситуаций.

Илли покачала отрицательно головой — за себя и за Михаила.

— Я должна отдохнуть. Успокоиться. Разобраться в себе. Надеюсь, это возможно?

— Разумеется, — смилостивился Карриган. — Хотя в таких ситуациях лучше всего действовать наобум, не думая. Но — на все твоя воля.

«Слава Богу, что не твоя!» — схамил ему мысленно Михаил, пользуясь неограниченной свободой телепатического слова. Всемогущим и всемилостивым полубогам, развлекающимся в этом мире, иногда не мешало бы вспоминать о том, что его коренной обитатель — человек, хоть и создан «по образу и подобию», запрограммирован еще и на еду, на отдых и на многое другое, ради чего он вынужден отрываться время от времени от поставленных перед ним совершенным разумом невразумительных задач.

— Все желающие могут разойтись по своим апартаментам, — объявил Карриган, по-прежнему игнорируя мысленные наезды Михаила. Ему, как пить дать, было не привыкать: за мысль, понятно, к ответу не привлечешь, она тебе не воробей — не успел подумать, а она уже вылетела. — Чтобы попасть в свою каюту, вам достаточно только этого пожелать, — невозмутимо вещал Карриган. — Корабль доставит вас в одну из свободных комнат и закрепит ее за вами в дальнейшем. Покои снабжены всеми удобствами, пища доставляется немедленно при первых признаках голода...

«Засек все-таки мою мысль?» — ехидно телепатировал Карригану Михаил. Тот упорно не реагировал на мысленные шпильки, как хороший хозяин игнорирует плохое поведение гостей. Он продолжал свою политинформацию:

— Вы можете пожелать еще чего-нибудь — кино, музыка, личный бассейн — все, что в возможностях корабля, он вам предоставит, если это не противоречит вашей безопасности и моим приказам. Можете также ходить друг к другу в гости.

Закончив краткий инструктаж по пользованию золотой рыбкой, в чреве которой они, оказывается, поселились, он опять обратился к Илли:

— Когда созреешь для решения, явишься сюда, сядешь в любое кресло и скажешь вслух: «Я готова». Мы все тебя услышим.

Как бы в противовес не слишком-то вежливой речи, он учтиво склонил голову, после чего развернулся на сто восемьдесят градусов и замер, от давшись созерцанию окрестностей древней дороги, давая обществу понять всем своим видом, что первое собрание космического жилтоварищества закрыто.

Михаил поднялся из кресла, повинувшись старой привычке, а вернее даже сказать — неосознанному древнему рефлексу, шепнувшему из подсознания: прежде чем куда-то пойти, необходимо сначала встать на ноги. Одновременно с ним воздвиглось практически все собрание, за исключением председателя: мощная все-таки сила — эти первобытные рефлексы!

— Да, кстати! — произнес вдруг Карриган, не оборачиваясь и ни к кому персонально не обращаясь, но Михаил-то понял, в чей огород летит камушек. — Должен вас предупредить, что корабль я воспринимаю как часть себя. Так что любые попытки вторгнуться в его управляющие системы с целью, как вы это называете, перепрограммирования или чего-либо подобного, будут наказаны немедленно и жестоко.

— Это как же понимать? — спросил Петр вызывающе. — Что, мы здесь вроде

пленников?

— Вас сюда не под конвоем заводили. И выйти отсюда вы можете в любую удобную для вас минуту.

За сим они и отбыли.

«Апартаменты», куда Михаила перенесло буквально со скоростью мысли, поразили его в первую очередь своим сходством с каютой недоброй памяти имперского катера, где он томился с Попрыгунчиком и Бельмондом, помнится, не далее как вчера. Словом — сплошные голые стены, испускающие, правда, дневной свет, зато не радующие глаз ни единой дверью. «А где же обещанные санитарные удобства?» — возмутился разочарованный в лучших чувствах Михаил. И моментально очутился в тесной комнатке, наедине с желаемым предметом. «Тесно-то как», — явилась ворчливая мысль, и стены комнатки тут же отделились от Михаила на изрядное расстояние, то же самое проделал и потолок. Так что они с предметом остались стоять, как два бледных тополя, в центре помещения размером примерно с небольшой спортивный зал. «Стены-иллюзоры», — решил Михаил, не раз уже бывавший в такого рода помещениях, способных воспроизвести вокруг посетителя самую его смелую пространственную фантазию. И, не подумав о возможных последствиях, пожелал на пробу: «Хочу бассейн!» Желаемое тут же возникло от него по правую руку, но, только шагнув к бассейну и убедившись, что и сам он, и вода в нем настоящие, Михаил оценил по достоинству способность корабля к самостоятельному логическому мышлению: затребованный сгоряча бассейн вполне мог бы образоваться не возле Михаила, а непосредственно вокруг него. Как корабль производит расширение отдельного жизненного пространства внутри себя, не стесняя при этом прочих своих помещений, Михаил так и не понял, что, впрочем, не помешало ему воспользоваться удобствами, бассейном, а потом затребовать себе еще и душ. Пожелав побриться после душа, он встретился впервые за последние дни лицом к лицу с самим собой, то есть с зеркалом, и понял наконец, на что намекал наемный Попрыгунчик своим загадочным «ха-ха»: под правым глазом цвел, наподобие пиона, радужный бланш — единственный, похоже, след, оставленный в этом мире безвременно почившим надзирателем Витяем.

Набравшись некоторого опыта общения с «золотой рыбкой», Михаил вернулся в свои пустынные апартаменты и тут же обставил их в три приема и довольно простенько — кроватью, стулом и столом. Причем последний появился уже накрытым, хотя сам Михаил не догадался сразу заказать себе обед.

Чисто визуально обед приглянулся ему сразу — были тут и горячие блюда, и закуски, и вино, и даже, кажется, давно желанные «грибы». Но прежде, чем ознакомиться с данным натюрмортом поближе, у Михаила хватило выдержки неподвижно посидеть за столом в попытке вообразить какой-нибудь экзотический пейзаж, чтобы заказать его себе для интерьера. Однако мысли категорически отказывались заниматься пейзажами, поскольку приступили уже вплотную к трапезе, и ему пришлось в конце концов ограничиться жалким пожеланием «чего-нибудь красивого». Последствия не заставили себя долго ждать и оказались более чем грандиозными. Михаил вместе со столом очутился внезапно на ровной каменной площадке, представлявшей собой плоскую горную вершину, вокруг громоздились другие горные вершины, покрытые, как и полагается, ледниками и вечными снегами, а заходящее солнце обращало эти слежавшиеся снега и ледники в застывшие симфонии красок неповторимой чистоты и нежности. Михаил не сомневался на сей раз в иллюзорности окружающего пейзажа, хотя с его возникновением воздух несколько похолодел и стал как

будто бы разрезанным. И вообще все вокруг — горы, снега и даже клонящееся к закату солнце — выглядело настолько реальным, что подходить к краю пропасти и прыгать вниз для проверки он точно не рискнул бы. Кстати, на том же плато, которое Михаил попилал в данный момент, сидя за своим обеденным столом, пребывала и совершенно неуместная односпальная кровать, вполне, впрочем, косящая своею девственной белизной под колоритный высокогорный сугроб. Так что панорамы она не портила. Михаил, полюбовавшись видом, с аппетитом приступил к обеду, хотя место располагало скорее к возвышенным раздумьям, чем к прозаическому принятию пищи. Обед, к слову, оказался выше всяких похвал. Расправившись с ним довольно быстро, Михаил ликвидировал стол с грязной посудой, соорудил под собой вместо стула удобное кресло и, ощущая себя каким-то Али-Бабой, откупорившим бутылку (или лампу?) с услужливым джинном, пожелал посмотреть, какие еще имеются в его распоряжении виды. Видов оказалось несметное количество, на все случаи жизни — от безысходной депрессии до состояния романтических грез.

Его сейчас вовсе не тяготило одиночество. Кроме того, как это ни странно, исчезло желание размышлять о таинственной связи между вселенскими политическими катаклизмами и своей скромной судьбой. Одиночество оказалось необходимо ему само по себе, как данность, словно старый проверенный друг, способный успокоить мятущуюся душу, ободрить и поддержать без слов, просто самим фактом своего присутствия.

Налюбовавшись вволю на пейзажи, Михаил вернул стенам их первоначальный вид, после чего перебрался на кровать и приказал им — то есть стенам — погаснуть. Совсем. В результате его объял такой крошечный мрак, в котором вполне можно было спать, не закрывая глаз, потому что разницы не было никакой. Неожиданно это беспросветье вспыхнуло мириадами звезд, но лишь спустя мгновение Михаил догадался, что звезды во тьме зажглись только потому, что он в самом деле этого хотел. Так, под звездами, он и уснул.

Спать ему пришлось, судя по собственным ощущениям, не слишком-то долго. И проснулся он не по собственному желанию, а оттого, что был разбужен, и разбужен самым древним в этом мире способом: его обнимала женщина, лежащая в его постели, причем обнимала не как-нибудь абстрактно, а со вполне конкретными намерениями. Как помнится, женщин на корабле было две, и не надо было зажигать света, чтобы понять, которая из них к нему явилась. Тем паче, что вела она себя как весенняя кошка, забравшаяся в логово к самцу.

Ни разу в жизни Михаил не отказывал женщине. Но ни одна из них до сих пор не пыталась так бесцеремонно и до такой степени откровенно использовать его для своих сиюминутных потребностей. Поэтому он отстранил ее от себя, крепко взяв за плечи, и сказал как можно мягче:

— Так не пойдет...

— Почему? — мурлыкнула она.

Вопрос, учитывая ситуацию, претендовал на категорию безответных, но Михаил перед ним не спасовал.

— Потому что, — ответил он, продолжая лежать, удерживая ее на расстоянии вытянутых рук и видя на фоне звезд только темный силуэт, похожий на движущуюся туманность. Ту еще туманность. Теплую. Нагую. С нежной кожей. С узкой талией. И с массой других умопомрачительных подробностей. (Эх, девчонки, кошки вы мои мартовские!) Ему, оказывается, и в самом деле нужна была женщина. Так нужна — ну

просто до зарезу. И желательно — прямо сейчас. Но... Конечно, в жизни существует масса непоборимых нужд. Но эта была все же из числа поборимых. — Уходи, — велел ей Михаил.

А мгновением позже он уже летел куда-то среди звезд, причем не в переносном, а в самом буквальном смысле. Совершив жесткую посадку всю спиной на пол, Михаил первым делом пожалел о том, что не сообразил еще в полете запросить для себя у корабля мягкой посадки. Второй его мыслью было, как это женщины умеют ловко переворачивать все с ног на голову. Подразумевал он при этом не столько себя, сколько саму ситуацию, выглядевшую теперь примерно так. Затащил озабоченный самец в свое логово невинную девушку для произведения над ней развратных действий, а девушка попала из забарьерных разведчиков, с норовом. Словом, не повезло половому маньяку, боевая девчонка ему подвернулась, — и преступный сластолюбец оказался в результате сброшенным на пол своей пещеры не солоно хлебавши. Приподнявшись с пола, Михаил обнаружил, что целомудренная жертва уже исчезла из его апартаментов — поторопилась, видимо, унести нетронутыми свои прелестные ноги и прочие прилегающие к ним прелести из гнезда гнусного насильника. «Наверное, к Карригану пошла», — предположил Михаил. Хотя, зная женщин — а Михаил тешил себя надеждой, что он их худо-бедно знает, — Карриган должен был бы, по идее, занимать в этой своеобразной очереди первое место. Тогда — соответственно предполагаемой женской логике — выходило, что к нему, то есть к Михаилу, Рейчел явилась уже от Карригана. «М-да... Весна, что ли, у нее на родине пришла? Пора любви, и все такое?» Впрочем, а какое ему — то есть Михаилу — было по большому счету дело до ее сугубо интимных проблем, а так же до ее логики? Абсолютно никакого!

Облегченно вздохнув — все-таки легко отделался! — несостоявшийся насильник перебрался с пола на свою пустую — слава Богу! — кровать, где вскоре и уснул безмятежным сном усталого маньяка.

Второй раз он проснулся опять же не по своей воле. А потому, во-первых, что внезапно настало утро, настолько солнечное, что свет ударил по сетчатке глаз даже через веки. А во-вторых — это когда он уже их открыл, — оказалось, что возле его постели появилось еще одно кресло. В кресле сидел его брат Петр, занятый пристальным разглядыванием своего младшего брата Михаила. Должно быть, Петр, в отличие от некоторых, предпочитал ходить в гости по утрам и поэтому устроил здесь в честь своего визита дневную иллюминацию. Кстати, одет он был теперь в точности так же, как раньше, еще до визита на пожарище в Месиве — пошив не иначе как от «золотой рыбки». Его молчание и пристальный взгляд предвещали какие-то очередные неприятности для Михаила, но, поскольку от Петра в последнее время и не приходилось ожидать ничего, кроме проблем, Михаил сделал вид, что ничего такого не замечает — даст Бог, пронесет. На всякий случай он спросил даже:

— Что, уже пора?

Хотя и так было очевидно, что ничего еще не пора. Тут Петр заговорил:

— Ты знаешь такую дагосскую игру «вышибала»? — сказал он.

— Квест? — спросил озадаченный со сна Михаил.

— В каком-то роде. На Дагоссе она принята между женихом и невестой. Прежде чем пожениться, невеста в течение года крутит хвостом, а жених должен лупить всех ее поклонников, доказывая, что он лучший.

Михаил молча ожидал продолжения, при этом в душе его уже начали зарождаться самые нехорошие предчувствия на предмет целостности своего второго глаза.

— У нас за Барьером эта игра считалась нормой отношений между мужем и женой.

Только в более жестоком варианте.

Михаил ждал. К черту догадки. Он поверит только собственным ушам.

— По нашим правилам, я должен бы тебя убить. Но, поскольку ты мой брат, я только предупреждаю: больше не подставляйся.

Все. Яснее некуда.

Михаил вскочил на ноги, но обратил на это внимание только уже нависая над Петром, схватив его за грудки. В голове при этом высветилась какая-то не совсем генеалогически правильная, но все же наиболее подходящая к случаю мысль: «Я тебя породил, я тебя и убью!»

— Так это ты?.. Аткина?..

Петр усмехнулся криво и сказал, дыхнув Михаилу в лицо, словно отставной дракон, убойным перегаром:

— Аткин знал. Все они знали. Сами нарывались. Бросали мне вызов.

Только теперь Михаил понял, что брат пьян. Так, значит, Аткин был не первым. Михаил встряхнул брата.

— А Заноза? Ты же его нарочно столкнул к этой твари! По твоей милости человек остался без руки!

То, что Заноза наверняка обзавелся уже новой рукой, не имело сейчас значения для Михаила. Скалди ведь сказала, что рыба способна по-настоящему навеки сожрать Странника, и это значило, что Заноза спасся тогда только чудом.

— Ты меня достал, — устало произнес Петр, беря Михаила пятерней за челюсть и отталкивая его от себя.

Оторвавшись от Петра, Михаил отлетел назад и упал спиной на кровать. Надо заметить, что Петрова женушка сегодня ночью обошлась с Михаилом менее благосклонно — она-то кинула его не на кровать, а с кровати. Наверное, это у них семейное — швырять куда попало не угодивших им персон. То есть не швырять — этой чести они удостоили только Михаила, как ближайшего родственника. Других они просто убивали.

— Я тебя предупредил. Не подставляйся, — повторил Петр, поднимаясь.

— Карригана ты тоже уже предупредил?

Брат исчез из его комнаты, ничего не ответив. То ли он не услышал вопроса, то ли просто не захотел его услышать. Да Михаил и спрашивал не ради ответа. Это был просто удар ниже пояса — единственный жалкий удар, который он смог нанести Петру за Аткина и Занозу, за всех тех, кого он не знал, тех, что заплатились своими жизнями еще раньше, став жертвами матримониальной игры двух параноиков.

Михаил так и остался лежать, уставясь, не мигая, в сияющий потолок. Спать больше не хотелось. Мысли толпились в голове, наступая друг другу на ноги и толкаясь локтями, как люди у касс космопорта. Петр сказал, что все они знали и сами нарывались. Можно себе представить механизм этого «нарывания»: достаточно вспомнить, как это происходило у нее с Занозой. Или как сам Михаил «нарвался» незадолго перед визитом Петра. Чем же интересно, он ей так не угодил, что она решила отправить его на конвейер по производству мертвецов, в который она превратила его брата? Что он, Михаил, мог сделать такого, чтобы она вынесла ему смертный приговор? А Заноза, на котором она повисла практически сразу? Красивый самец, жалко, если другим достанется? Или дело в чем-то, что объединяло их — Проводника и Странника? Может быть, всему виной был их талант? И причина в сознательной или подсознательной зависти к людям, умеющим делать то, что не дано делать

другим? Если так, то... В команде имеется еще два таких человека. Карриган этой доброй супружеской чете явно не по зубам. Выходит, что теперь очередь Бола?..

Михаил резко сел на кровати. Прав он или нет, Бола в любом случае следует предупредить. И лучше сделать это прямо сейчас, не медля. Если уже не поздно. Что мешало Рейчел отправиться к Болу сразу от Михаила? Ничто вроде бы. Разве что ярость. Прежде чем упасть в сюрреальные объятия Бола, девушке не вредно было бы немного поостыть.

Михаил вскочил с постели — благо, что ложился он на случай тревоги не раздеваясь, — пожелал попасть к Болу и уже в следующий миг оказался на небольшом травянистом островке почвы — примерно пять на пять метров жизненного пространства, — дрейфующем в прозрачном солнечном воздухе среди других таких же островов — сверху ровных, поросших травой, снизу земляных и с корнями, но только пустующих. Данный же остров грех было назвать пустующим, потому что на нем стоял Михаил, оглядываясь и размышляя, куда в этом новом месиве мог подеваться Бол Бродяга. Хотя, конечно, — бассейн, спортзал, массаж, игротека — и мало ли какими еще удобствами «золотой рыбки» мог в данную минуту пользоваться Бол, покинув свою каюту, переделанную им предварительно в «землю обетованную», плавающую среди других, «необетованных» земель. Михаил было заколебался, стоит ли ему подождать Бола здесь или попросить «рыбку» перенести его прямо к Бродяге, где бы тот ни находился, рискуя при этом нарушить его личный интим. А вдруг он уже с Рейчел? Как раз сейчас? Футбольным мячом прямо в лоб бабахнула страшная мысль: «А ну как Петр его уже того?..» Но тут как раз довольно высокая — где-то по колено — трава неподалеку от Михаила зашевелилась, и над ней галлюцинацией безумного гения о конце мира собрался Бол Бродяга.

«Живой!» — отлегло первым делом от сердца у Михаила. А вторым делом еще больше отлегло, потому что, увидав еще раз перед собой воочию Бола, Михаил не смог представить себе способа, каким Петр мог бы расправиться с человеком, и без того уже существующим в состоянии разрезанности на мелкие кусочки.

— Привет, Бол! Извини, если разбудил, — начал Михаил, соображая, как бы ему подходившей объяснить Болу суть нависшей над ним угрозы.

— Привет! Да ты садись, не стой, — сказал Бол, приближаясь. — Молодец, что зашел. Сейчас, кстати, чего-нибудь перекусить организуем.

— Я к тебе по важному делу, — сообщил Михаил, оглядываясь. Обнаружив возникшее за своей спиной кресло, он присел в него и продолжил: — К тебе тут случайно Рейчел не заходила?.. Прости — наверное, слишком личный вопрос, но это на самом деле важно.

— Хм, — сказал Бол, вырвав тем временем еще одно кресло напротив и между ними — накрытый стол. — Такой уж важный?

Михаил энергично кивнул — мол, можешь мне поверить.

— А в чем дело? Ну да, заходила недавно.

— Черт!

Вот ведь ушлая баба! Везде она успела!

— С ней что-то не так? — обеспокоился Бол.

И в это время где-то рядом раздался голос Илли, такой близкий, словно она сидела с ними третьей за столом:

— Я на месте.

— Черт! — снова выдал Михаил и торопливо объяснил Болу: — Остерегайся Петра Рейчел — это его жена, и между ними свои заморочки... Сейчас уже недосуг объяснять.

Короче — будь начеку!

— А чего там объяснять, все понятно, — сказал Бол. — Только я ее не трогал.

— Я тоже ее не трогал. Но, не будь я его братом, он бы меня уже прикончил.

— Ну, пусть теперь меня попробует. Флаг ему в руки, — усмехнулся рот Бола, пребывавший все это время на самом верхнем ярусе архитектурного ансамбля. Михаил в очередной раз подивился особенностям абсолютного языка: неужели Бол и впрямь упомянул про флаг, или это прозвучало только в русской интерпретации фразы?

Бол между тем продолжал с досадой:

— Жаль, перекусить не успели. Придется с собой брать.

Обе его руки протянулись над столом, одна подхватила бутылку, вторая — тарелку с каким-то горячим блюдом и унесли их куда-то в глубины его разрозненного организма. Михаил запасаться не стал, поскольку голода пока не испытывал, да и не имелось у него таких карманов, куда можно было бы спрятать целую тарелку, да еще без ущерба для ее содержимого.

В зале управления они с Болем оказались почти одновременно. Остальные были уже тут. Карриган пребывал на своем прежнем месте; вполне возможно, что он так и просидел здесь все время передышки, глядя на последнее кольцо дороги лангов в размышлениях о тщете всего сущего. Илли теперь занимала соседнее с ним кресло, Петр и Рейчел расположились по другую его руку, на спинках их кресел висело оружие — те самые причудливые лазерники из реальности третьего рода. Михаил едва скользнул по ним взглядом — состояние его в данную минуту было таково, что более пристальное внимание к родственничкам вполне могло спровоцировать его на семейный скандал, вряд ли сейчас уместный. Он занял свободное кресло рядом с Илли, Бол усилием творческой мысли соорудил себе в ряду с того же края еще одно кресло. Как только все устроились, Карриган обратился к Илли:

— Приступай.

Все замерли, уставясь в космическое пространство в ожидании радикальных перемен пейзажа. С минуту ничего не происходило, и эта минута, как водится, показалась Михаилу более продолжительным отрезком времени, чем весь недолгий срок их пребывания на корабле. «Снизойшла бы хоть до сообщения, куда теперь путь держит, — думал он, чувствуя, что от напряженного взглядывания звезды наинают колоть глаза. — Как-никак нам в ту же сторону». Висящее в пустоте древнее кольцо почему-то напомнило ему сегодня чеку чудовищной гранаты, укрытую в безмерных пространствах Вселенной так, что сами эти пространства охраняют его надежнее любых секретных бункеров. Миллионы, миллиарды лет висит эта чека на одном месте и ждет своего часа — когда придет кто-то, знающий заветный код, состоящий всего-навсего из ее точных координат. Придет и дернет. И тогда...

Пространство впереди внезапно вспыхнуло белым и голубым светом. Михаил вздрогнул, шатнулся назад в суеверном ужасе бедового пророка: «Накаркал!..» Потом подался вперед. Лишь спустя пару секунд он понял, что оказался свидетелем не апокалиптического взрыва Вселенной. Просто чернота космоса сменилась мгновенно и очень резко обычным белым днем какой-то планеты, причем день этот, как выяснилось при окончательном наведении в глазах резкости, был даже не из самых солнечных. Но белым он являлся в прямом смысле, потому что на той части планеты, вблизи которой корабль вышел из... прыжка?.. Михаил понятия не имел, как именуется такой прогрессивный способ космоплавания. Но тем не менее: расстилавшаяся под ними на довольно близком расстоянии часть суши была сплошь

покрыта снегом. Еще там росли деревья. Много деревьев. Вообще говоря — ничего, кроме деревьев, там и не росло. Зато их внизу наблюдался целый лес. Что-то очень похожее на елки, елки и еще раз елки. И так до самого горизонта.

— Если я не ошибаюсь, планета Дьюгарь. Родина лангов, — великодушно просветил Карриган всех несведующих.

— Брошенная планета, — спокойно уточнил Петр. Хмель с него, кстати сказать, уже как рукой сняло.

Илли обернул... ь вопросительно к Карригану:

— И что теперь?

— Насколько я понял, ты захотела побывать на планете лангов. И еще ты хотела чего-то чистого до абсолютной белизны. Прошу прощения за такие сугубо личные подробности. Стало быть, мы прибыли именно туда, куда надо. И для начала попробуем здесь просто осмотреться.

Михаил подумал было, что Карриган имеет в виду визуальный осмотр окрестностей. Но тот, помолчав несколько секунд, сообщил:

— По информации корабля, разумной жизни под нами в радиусе пяти километров нет. На юго- западе имеются древние постройки, в которых, похоже, есть разумная жизнь. Значит, двигаемся на юго-запад.

Корабль ментально воспринял приказ: лежащая перед ними зимняя панорама, накрываясь, поехала в сторону, потом выровнялась и понеслась стремительно навстречу: корабль взял курс на юго-запад. Из-за горизонта бескрайним одеялом выплывал все тот же заснеженный лес. В какой-то момент прямо по курсу в воздухе образовалось золотое облако нечетких очертаний. Огибать это подозрительное воздушное явление Карриган, по всей видимости, не собиравшись, так что в конце концов они в него врезались и пролетели насквозь, при этом по экрану забарабанил снаружи как будто бы крупный град. Михаил вгляделся в экран и понял, во что корабль влетел по пути своей разогнавшейся массой: облако оказалось стайей довольно крупных насекомых, больше всего смахивающих на большекрылую золотую саранчу. «А может, это здешние пернатые?» — размышлял Михаил, с любопытством разглядывая распластавшийся перед ним на экране крылатый силуэт, поминая попутно с грустью профессора Семиручко, путешествовавшего с ними инкогнито под полевым псевдонимом Попрыгунчик. Вот бы кто сейчас порадовался!.. Саранча среди зимы роится! Это ж просто потрясающ-щ- ще! Михаил поймал себя на том, что озвучивает мысленно вероятную реакцию Попрыгунчика. «Эх, Игнатий Рагволдович, героический бедовый профессор, истинный ценитель женских прелестей, лучший друг летающих «носорогов», жив ли ты теперь? Если жив, то не поминай лихом!»

Вскоре после того, как саранча осталась позади, впереди среди лесов выросло большое темное нагромождение — не иначе как обещанные кораблем древние постройки с вероятной разумной жизнью внутри. Постройки быстро приближались, разрастаясь в размерах. Если они и были древними, то выглядели все равно очень и очень даже ничего себе. Михаил ожидал в лучшем случае каких-нибудь величественных руин, но то, к чему они стремились сейчас с большой скоростью, было похоже на мощную крепость, построенную в форме ромба. В центре возвышалась огромная ромбовидная же башня, широкие стены также были украшены тремя своеобразными башенками. Лишь когда крепость оказалась почти под ними и корабль завис над ней, то, что Михаил издали принял за три башни, оказалось малогабаритными космическими кораблями, стоящими на посадочных площадках,

сооруженных прямо на стенах — их ширина вполне это позволяла.

— Да здесь, похоже, какая-то база. Неплохо они устроились! — заметил Петр и прибавил, разглядывая пристально сооружение внизу: — Не советовал бы здесь садиться.

— Если вам интересно мое мнение, то мне тоже не нравится это место, — высказался Бол Бродяга.

— И мне, — сказал Михаил. Не в том дело, что крепость, похоже, действительно была чьей-то тайной базой, где вряд ли будут рады незваным гостям. Просто как раз перед высказыванием Бола Михаил ощутил странный дискомфорт внутри собственного сознания, вызвавший мгновенный ледяной озноб по всему телу, словно к нему прикоснулось изнутри что-то чужое и заведомо враждебное, сунулось осторожно, вкрадчиво и быстро, как будто изучая или пробуя на вкус.

— Хорошего в этом месте действительно мало, — не стал отрицать Карриган. Потом, поглядев искоса на молчаливую Илли, продолжил: — Но нам все-таки придется туда заглянуть. Я имею в виду себя и своего штурмана. Остальные могут остаться на корабле, я намерен перед посадкой отослать его на орбиту.

Последовало короткое молчание. Первым его нарушил Бол.

— Я остаюсь, — сказал он.

— И я, — присоединился Михаил. Он не колебался ни секунды, просто не сообразил сразу предать гласности свою позицию.

Четверо определившихся обернулись на Петра и Рейчел.

— Да не пошла бы к дьяволу ваша орбита! — заявил Петр. — Я предпочитаю посмотреть, что за сморчки здесь окопались.

— Единогласно! — хмыкнула со своего места Рейчел, проголосовав «за» поднятием руки.

— Идем на посадку, — подытожил Карриган, кажется, ничуть не удивленный этой неожиданной демонстрацией единства в команде, раздираемой внутренними противоречиями с самого момента своего образования.

Сразу после его слов Михаил ощутил, что кресло под ним пришло в движение, отъезжая куда-то назад и вправо, тот же маневр совершало с ним на пару кресло с Болом. Петр и Рейчел также куда-то поехали вместе со своими креслами. Одновременно окружающий их зал управления стал с потрясающей быстротой сжиматься, стены надвинулись со всех сторон, экран впереди уменьшился в десятки раз, обратившись практически в лобовое стекло, потолок приблизился на расстояние вытянутой руки. В результате перепланировки они оказались сидящими в три ряда, похоже, что в кабине небольшого аппарата. Причем Михаил с Болом попали во второй ряд, Рейчел с Петром — на галерку, в третий. Илли и Карриган, соответственно, занимали теперь два пилотских кресла, хотя ничего похожего на пульт перед ними так и не возникло. Михаил услышал, как Илли тихо спросила у Карригана:

— С ним все будет в порядке?

И догадался, что она беспокоится о похищенном ими с Земли человеке в капсуле. Не иначе как там — в смысле в сети — и впрямь проводил свой отпуск какой-нибудь член императорской фамилии, до сих пор безмятежный и так и не подозревающий о своем похищении с Земли любимой племянницей.

— Исключительно твоими молитвами, — серьезным голосом ответил Карриган на вопрос Илли. Затем Михаилом ощутил легкий толчок, и его вжало в кресло. Пейзаж впереди накренился, горизонт уехал вверх, а крепость, заняв весь экран, стала быстро приближаться:

спускаемый аппарат, бывший недавно залом управления, отделился от корабля-матки и шел на посадку прямо на широкую крепостную стену, следуя примеру уже стоявших там кораблей. Как только они сели — неподалеку, кстати, от одного из кораблей, — у челнока исчезли боковые стенки. Можно было подумать, что они просто стали прозрачными, если бы в кабине тут же после их исчезновения не воцарился подлинный собачий холод (от которого раздетому практически человеку сразу хочется завывать по-собачьи). Со всех сторон их окружали теперь застывшие голубоватые волны сугробов, и бороздить их в летних туфлях у Михаила не возникло, как ни странно, ни малейшего желания. Михаил, ударившийся в дрожь уже в самый момент исчезновения стенок, покосился впервые с некоторой завистью на Бола: хорошо ему, наверное, — вон у него какая теплая воздушная прослойка между запчастями, на морозе аж видно, как она там внутри него функционирует, прямо как кровь по артериям.

Из кабины он, конечно, все-таки вышел, и все остальные тоже; а куда деваться, раз уж прилетели? Правда, вот именно куда теперь деваться, было пока неясно. Справа — заснеженные лесные просторы, слева — темная башня, при каждом взгляде на которую кожа Михаила, мерзнувшая снаружи, покрывалась мурашками еще и изнутри, а между ними, как раз под ногами залетных гостей — сооружение в виде стены, куда им необходимо было срочно отыскать какой-нибудь вход, чтобы не обратиться в ледяные скульптуры в течение ближайших же минут. Но заняться поисками входа им так и не пришлось: не успели гости сделать и шагу, как на стене объявились хозяева. В районе стоявшего поблизости космического корабля что-то загудело и заскрипело, словно там открывались какие-то двери; потом над снегами выросло шесть голов, а за головами появилось, понятно, и все, что к ним положено природой. Короче говоря, снизу к ним наверх поднялась платформа с шестью гуманоидами. Лангов среди них определенно не имелось: четверо из них были альтесками — людьми с ртутным цветом кожи и с желтым цыплячьим пушком, покрывающим у них ту область голов, где у нормальных людей растут волосы; одному не повезло уродиться кивром — невысоким, квадратным, с головой в виде большого бугра, вырастающего прямо из плеч и с приплюснутым бородавчатым лицом болотного цвета; шестой оказался человеком — худощавым, сутулым, с глубоко запавшими бесцветными глазами и с такими же бесцветными волосами, неопределенного возраста, хотя пола-то определенно мужского. Одеты все шестеро были в свободные костюмы одинакового цвета — синие с серебром. И самое главное — то, что заставило Михаила даже временно позабыть про забористый мороз: альтески и кивр держали в руках лазерники, человек был вооружен пространственным резакром. Когда руки с оружием только вырастали, вслед за плечами, над сугробами, Петр едва заметно напрягся — вот-вот исчезнет из поля зрения, — подобралась, взявшись за свою пушку, и Рейчел. Карриган, не оборачиваясь, сделал им короткий останавливающий жест рукой. И они остались стоять, где стояли, убрав за спины свои «автоматы», наблюдая явление нижних конечностей вооруженного отряда. Но Михаила все-таки немного согрела (правда, чисто морально) надежда, что разоружить данный отряд не составит труда для Петра в дальнейшем.

Когда шестерка окончательно воздвиглась над снегами, тот из них, что был человеком, качнул своим оружием и приказал громко на межгалактическом:

— Руки вверх!

«Поздновато он что-то про руки вспомнил. Пока они тут эффектно воздвигались, можно было уже раз десять в носу поковыряться», — думал Михаил, поднимая одновременно вверх

свои окоченевшие руки. Остальные его спутники также подчинились команде, даже обе руки Бола всплыли из его теплых глубин, где они, наверное, грелись, и установились рядышком, как ушки на вершине у круто замешанного «зайчика». Михаил обратил, кстати, внимание, что кисти поднятых рук Илли были белыми и с синевой, почти как окружающий снег, и лицо ее на фоне сугробов почти не выделялось. «Эх, вот кого надо бы погреть! Обморозится же девчонка!..» — подумал Михаил, но соображений о том, как ее можно согреть, тем более в сложившейся ситуации, так и не возникло.

— Подойти, встать на подъемник! — донеслась следующая команда от человека с резаком. Михаил, прежде чем двинуться через сугробы, оглянулся на аппарат: нельзя его было оставлять здесь так, открытым, — присвоят ведь эти васильки! Но аппарат, оказывается, уже успел самостоятельно закрыться; снаружи он выглядел как непроницаемая зеркальная капля, висящая в нескольких сантиметрах над снежным настом. Поди-ка такую умыкни! Она от тебя мало того, что улетит, да еще на прощание обстреляет чем-нибудь. В том, что обстреляет, можно было не сомневаться, хотя на первый взгляд капля выглядела совершенно безобидно.

Они пошли по сугробам до платформы. Сугробы оказались глубокими, снег по дороге немилосердно набивался Михаилу в ботинки — то ли дело памятная манна! — впрочем, онемевшим ногам было уже почти все равно. Подошли к большому квадратному участку, свободному от снега, на котором стоял интернациональный отряд местных сторожей, и встали на него рядом с ними, как было приказано. Тут их первым делом с пристрастием обыскали, у Петра и Рейчел, само собой, сразу конфисковали лазерники. Не тронули одного только Бола, ограничившись пристальным совместным просмотром своеобразного «зайчика», наивно, видимо, полагая, что имеют дело с человеком (или кем там он был по их понятиям), которого можно пронзить взглядами насквозь.

Платформа тем временем пошла вниз, опуская своих пассажиров в шахту с каменными стенами. Стены эти сплошь были покрыты выпуклыми изображениями, вроде фресок. Вверх уходили одна за другой настоящие картины, где присутствовали горы, моря, леса и разные животные — чудные и не очень. Имелись на картинах и изображения людей — самых обычных, как это ни странно, хомо сапиенсов, — выписанных с большим мастерством и даже в некотором объеме. Створки наверху медленно сходились. Безоружные люди, вооруженные нелюди и окружающие их каменные картины погружались постепенно во мрак. Через несколько секунд после того, как темнота вокруг стала полной, подъемник остановился. А в следующий момент в глаза арестованным внезапно хлынул дневной свет и одновременно раздался грохот, сопровождаемый металлическим лязгом — как будто где-то рядом разматывались длинные железные цепи. Благодаря свету почти сразу стала ясна причина лязга и грохота: платформа стала теперь частью пола в большом помещении все с теми же каменными фресками на стенах; единственная стена без росписей, находившаяся прямо перед ними, как раз в данную минуту откидывалась наружу с помощью цепей; эта стена, оказывается, не ограничивалась потолком, а была гораздо длиннее, так как являлась перекидным мостом, соединяющим эту комнату с центральной башней крепости. Но это было только первое открытие шестерых добровольных — практически — пленников замка. Второе же заключалось в том, что вооруженная охрана, взявшая их в плен, исчезла, оставив пленников одних, ускользнув каким-то образом из помещения без единой двери — за исключением, разумеется, откидной стены-моста. И еще — третье: здесь хозяйничал все тот же дьявольский холод.

— Надо идти туда, — проговорила Илли слабым голосом, кивнув на башню, и, обхватив себя руками, села на корточки. Кажется, она начала всерьез замерзать. Михаил, похерив к чертям все субординации, присел с ней рядом, обхватил за плечи и принялся тереть их ладонями. Она даже не сопротивилась — совсем заоченела. С другой стороны к ней придвинулся Бол Бродяга и тоже частично окутал Илли собою, отдавая ей свое тепло. Как ни странно, но Карриган стоял все это время, словно самый отмороженный, уставясь неподвижным взглядом на открывшуюся перед ними зловещую башню, как если б она была Вавилонской. Петр и Рейчел не реагировали на мороз вовсе, даже не ежились в своих летних нарядах — Михаил что-то слышал о технике внутреннего самообогрева, очевидно, их в разведке и этому научили. Сам он в данную минуту просто забыл о холоде, его даже в жар бросило — так он испугался, что она замерзнет здесь, прямо на его глазах. Вот тебе и вся техника самообогрева — страх, настоящий страх за другого, дорогого тебе человека.

— Штурман, у тебя есть еще энергоконцентратор? — оглянулся Михаил на брата, впервые называя его не по имени, а профессиональным прозвищем.

Тот тряхнул головой отрицательно:

— К черту! Хватай ее, и пошли в башню! Все равно здесь больше некуда деваться!

Михаил вдруг понял, что не одному ему эта башня внушает безотчетный ужас: сразу ведь было ясно, что отсюда их путь лежит теперь только в башню, но ни Петр, ни Рейчел, ни даже Карриган не торопились ступить на ведущий туда мост.

Михаил подхватил Илли на руки и первым пошел на мост. «К черту! Мы еще посмотрим, кто кого! И нас не так-то просто укокошить!» Остаться здесь, искать других выходов — ни на что уже не было времени, потому что она замерзала прямо у него на руках. Когда он проходил мимо Карригана, тот наконец очнулся от своего столбняка, молча наклонился к Илли и, взяв ее руки в свои, дунул поочередно ей в обе ладони, не удосужившись объяснить Михаилу смысла своих действий. Затем ступил вместе с Михаилом на мост.

Глава 14

ЧЕЛОВЕК ЗВЕРЯ

Они опять вернулись ни с чем. Силы уже на исходе, скоро он уже не сможет подняться с трона. Но он даст им еще один шанс — последний. Это значит, что вновь предстоит ждать. Дни, быть может, недели. Если и на этот раз они прилетят пустыми, он отдаст их Зверю. Всех. Этим уже не жалко. Они стали слабыми, перестали приносить добычу. Раз так, то они годятся только в пищу Зверю. А значит — и ему. Зверь, как всегда, поделится с ним частью свежей силы, даст очередную порцию бессмертия. Его долю. И тогда он сам, как уже не раз бывало, отправится в путь. За новыми слугами — молодыми и сильными, за настоящими добытчиками для Зверя. Потому что иначе Зверь возьмет его. Силы, что ни день, тают, он почти уже не встает, и все потому, что Зверь голоден. Но последний шанс он им все-таки даст. И тогда уже скормит Зверю. Жаль, что в слуги годится не каждый, и приходится искать их самому. Иначе он никогда не выходил бы отсюда. Жил бы здесь вечно вместе со Зверем. Это единственное, чего он хочет. Жить. Жить вечно. Таково их соглашение. Заключенное слишком давно, чтобы стоило вспоминать о тех временах. Единственное, что он помнил отчетливо, — так это то, что с самых младых ногтей мечтал о бессмертии. И он получил его, сумев вызвать Зверя и заключить с ним соглашение. Ведь только Великому дано было стать союзником Зверя. Зверь сделал его вечным. Он стал единственным Вечным Хранителем которому не нужны наследники для передачи своего дара. Правда, существовала еще опасность, что Зверь в конце концов когда-нибудь пожрет и его самого... А в состоянии ли он его пожрать? Быть может, Зверь его просто запугивает — боится, как бы Хранитель не отправил его обратно в адскую тьму? Интересная идея! Давно уже не было таких свежих мыслей! Откуда они сегодня? Что-то творится за стенами башни. Да-да, что-то там приближается, и он это чувствует! Но хочет ли он этого?.. Да, хочет! И главное — этого хочет Зверь! Оно войдет сюда, чтобы никогда уже больше отсюда не выйти. Они объединятся, и сила Зверя удвоится, учетверится, она станет неиссякаема! Это будет уже не просто сила, это будет реальная власть!.. Над чем? Неважно! Зверь знает — над чем, он разберется. А значит, узнает и он, и он получит свою долю власти, иначе нельзя, ведь они со Зверем — одно, а скоро, быть может, и вовсе сольются в единое целое! Остается только немного подождать. Совсем немного...

Глава 15

ДВЕ СТИХИИ

Она встала на ноги, когда за их спинами упала с гулким грохотом, словно погребальная плита, кованая дверь. Но оттаивать Илли начала еще на мосту, примерно на его середине, где у Михаила возник спонтанно мысленный разговор с Карриганом. Именно тогда Михаилу пришло в голову, что человек, заперший в клетку его Проводника, был наверняка одного поля ягода с Карриганом, и это означало, что Карриган вполне мог бы поспособствовать в освобождении его альтер эго. И еще он подумал, что как был по жизни безнадежным отморозком, так и остался, потому что разговор об этом надо было заводить гораздо раньше. А Карриган неожиданно взял да и ответил:

— Тебе и самому ничего не стоит освободиться из этой клетки. Дерзай, Проводник. Как говорят у вас — повышай квалификацию!

Тогда Михаил и почувствовал, что она шевельнулась и потеплела, хотя на мосту царствовал все тот же лютый мороз. А теперь она, совсем уже живая и теплая, решительно отстранилась от Михаила, и он в результате поставил ее на ноги. Вот и осуществилась его мечта, хотя и с точностью до наоборот: он-то мечтал спасти ее, унеся на руках от опасности, а вместо этого сам принес туда, где даже воздух казался настоящим на тягучем ужасе, густеющем с каждым новым вздохом еще и оттого, что опасность эта была неведомой. Помещение, куда их так ненавязчиво пригласили, оказалось чем-то вроде огромной прихожей, и в нем было значительно теплее, чем снаружи. На стенах горели факелы, и обязательные здесь стенные росписи как будто неуловимо двигались, отчего сами стены казались живыми, дышащими и источающими угрозу. Факелы горели и у перил широкой каменной лестницы, ведущей наверх, к большой двустворчатой двери.

— Там, — уронила Илли и первая шагнула к лестнице. А они, естественно, пошли за нею следом.

«Погибать, так свободными!» — решительно подумал Михаил и прямо на ходу сделал попытку вызволить своего Проводника из базового плена. Все вокруг прямо-таки вибрировало, сочилось опасностью, и хотя они пришли сюда не для того, чтобы от этой опасности бежать, а скорее затем, чтобы с ней бороться и, разумеется, победить, но что они будут делать, если враг станет одолевать?.. Бол не сможет увести всех. На Карригана надежда шаткая — у него какие-то глобальные конфликты с мировой предопределенностью. Одна надежда на себя — он, Проводник, должен быть в этот момент свободен.

Итак, пока ноги Михаила медленно отсчитывали ступени, сам он уже вошел в контакт с Проводником, стоящим там, на базовой дороге, в окружении сияющей клетки из лезвий. Но воля к тому, чтобы сломать эту клетку, мгновенно съезжилась в песчинку и юркнула куда-то в почки, а оттуда проследовала в мочевого пузырь, потому что Оно было здесь, совсем рядом, Оно уже припало на брюхо, готовясь к прыжку, и выжидало только каких-то последних, отмеренных им самим шагов и мгновений. Крохотным, еще не сожранным страхом уголком сознания Проводник поставил своим верхним и нижним конечностям диагноз «паралич», и в этом параличе бессилия, разлитом по жилам первобытным ужасом, он услышал где-то вдали слова Карригана, сознавая, что предназначаются они для Илли:

— Ты должна достать иглу, что заткнута у него сзади за воротом. Ты подойдешь к нему и обнимешь — он не будет противиться, он этого ждет. Поцелуй его и вытащи иглу.

Михаил попытался вникнуть в смысл подслушанной фразы, как вдруг его окатило грандиозным валом определенно мистических помоев: глаза и разум застлало душным всплеском неизмеримо чужой, черной и страшной ярости. Оно тоже услышало. И Оно бросилось.

Он шарахнулся обратно в свое тело, такое маленькое и беззащитное, ступавшее, оказывается, в этот момент на очередную ступеньку, и успел еще засечь последнюю, самую краткую долю того мига, когда черная масса метнулась на них со всех сторон, словно таилась здесь в каждой щели и трещине, сливаясь над ними, наваливаясь и поглощая мир. И уже не сам он ускользнул в базовую реальность, а Нечто вытянуло его туда, Чтобы выпить, растворить в себе не только его физическое тело, но и того, кто в этом теле жил, любил, мечтал и коченел от страха, того, кто уводил это тело и умел уводить других в иные реальности. Здесь Оно выглядело иначе — как отвратительное бордово-красное желе, двигавшееся, дрожа и жадно чавкая, со всех сторон и сверху, лишь не проникая почему-то в его клетку, куда он попал сразу, едва хищное Нечто приволокло его сюда, выдернув насильно из реального мира. Его тюрьма превратилась неожиданно в его же крепость, и кажется, что крепость довольно надежную. Остальные оказались здесь же, только за пределами крепости: справа сжался в комок Петр, слева Бол делал отчаянные попытки сгруппироваться, чтобы желе его не растащило, за ним чуть поодаль бессильно дергалась Рейчел. Илли среди них Михаил не увидел, не видать было в бордовом океане и Карригана — наверное, он успел защититься и защитить ее, как когда-то в Месиве. Остальных теперь защитить было некому. Кроме него, Михаила, Проводника. А он... Он заключен, не в силах сделать ни одного движения, он пленник, опутанный своей тесной клеткой, как муха паутиной... Паутиной! Клетка — это паутина. Только он не муха, а паук. В своей паутине. В паутине, которой он может опутать все, что ему заблагорассудится! Михаил растопырил руки. Их почему-то было много. И ног тоже было много. Все правильно, так и должно быть. И сеть, вот она, егс серебряная сеть рвется, послушная, под его мохнатыми лапами, и кусок ее уже летит на Бола, окутывает и собирает воедино расплывающиеся части. А этот кусок для Петра. Братец, где ты, куда тебя унесло? Ага, вверх. Щас вернем. Шея растет, вытягивается, голова достигает Петра, хватает его зубами и тащит вниз. Вот так, сюда давай. Здесь кусок для тебя. Да что ж ты так сжался, не бойся, это я — твой брат Миша! Значит, так, сеточка, тебе руководящая директива — этих двоих вынести за пределы красного живоглота и там отпустить! Теперь Рейчел... Бордовая масса давит со всех сторон, мнет лапы, хочет сожрать. Сети мало... Мало? Да он же — генератор сети, ее производитель, сетевой магнат, он весь набит сетью!!! Вот она, вот, моя родимая, ткись, сама ткись, мне некогда, я руковожу! Желе что-то не на шутку разволновалось, забурлило, а потом распалось на множество разновеликих кусков, и каждый из этих кусков обратился в прозрачного бордового уroda. Михаил-паук оказался в окружении жаб, циклопов, скорпионов, горгон и прочего в том же духе, для чего в человеческом языке просто не имелось названий, хотя пауки среди них тоже имелись, и в большом количестве (а куда ж без них?). Все они полезли на Михаила, он оказался в самом их центре. Но первоначального ужаса в душе как не было — враг перестал быть неведомым, он находился теперь перед ним, во плоти всего своего военного потенциала и оказался вообще-то знакомым, уже как то раз ими битым. Так что вместо того, чтобы испугаться — на что эта скотина, черная снаружи, красная внутри, наверняка и рассчитывала, — Михаил- паук вошел в боевой раж: он стал закидывать врагов сетями с ловкостью профессионального факира, благо рук у него теперь было много, и глаза умели

глядеть сразу во все стороны. Вот так, правильно, раздвигай, захватывай, жми, зажимай с того краю, окружай, спрессовывай в студень, а где у нас эта ведьма Рейчел?.. Не вижу. Побежал искать. Аты, сеточка, работай, стискивай, пошла! А я тебе по пути еще материальчика подкину. Сеть ткалась где-то в тылах с невероятной быстротой целыми одеялами, тесня бордовую изнанку живоглота, стягивая, уминая и заключая его постепенно под узорчатый мелкоячеистый купол. Михаил побежал вдоль этого купола, ловко перебирая своими восемью лапами по лодбиту — да, кстати, — это был лодбит, потому что он так хотел! По пути ног у него стало опять две, и рук тоже, потому что он опять же так захотел. Но больше всего он хотел сейчас найти эту стерву Рейчел, а ее-то как раз нигде в проклянувшемся базовом тумане не вырисовывалось. Зато нарисовались Петр с Болом: оба они стояли впереди, прямо по ходу его следования и что-то делали с сетевым куполом — похоже, что безуспешно пытались его прорвать. Михаил сначала решил, что Петр замыслил какой-то хитрый план уничтожения Бола и пытается как раз сейчас его осуществить. Как вдруг он увидел Рейчел. Но не в тумане, а там, под сетью, — что-то висело в красной массе, неестественно скрученное и какое-то не вполне целое, но все еще напоминающее Рейчел, и видно было, как от нее отделяются, расплываясь во все стороны, мелкие частицы. Процесс уже пошел — тварь расщепляла ее, приступив к перевариванию. Михаил стал рядом с ними перед Рейчел, как врос с разбегу по эту сторону сети. Это была его сеть! Его! Отодвинув двумя руками в разные стороны Петра и Бола, он ударил кулаком в звено, и оно разошлось, пропуская его руку. Схватив за волосы то, что раньше было Рейчел, он протащил ее наружу через звено — она прошла, как газовая шаль через угольное ушко; лишние деформации вряд ли уже могли повредить тому, что от нее осталось. Взяв это на руки, он приказал своей сети: «Сожмись, насколько сможешь, и затвердей!» Потом, прихватив последним усилием воли Петра и Бола, шагнул в свою реальность.

Он стоял на верхних ступенях лестницы, залитой расплавленным варом, доходящим ему до щиколоток, шипящим и пузырящимся, однако не обжигающим ног. «Что, хреново? То-то. Будешь в следующий раз выбирать, на кого кидаться. Впрочем, о следующих разгах можешь забыть». На руках у него лежала Рейчел. Целая и довольно таки тяжелая. Но вряд ли живая. Он поглядел вперед. Двери, до которых они так и не добрались, были распахнуты, за ними открывался тронный зал — в самом деле тронный, потому что в противоположном его конце стоял на постаменте золотой трон, обтянутый красным бархатом. Надо было еще узнать, как там позади чувствуют себя Петр с Бродягой, но увиденное в зале мигом вышибло из Михаила тревогу за попугачиков и заставило даже забыть о необычном поединке, из которого он вышел только что победителем. Там перед тронном седой мужчина в коричневом с золотом балахоне обнимал Илли и тянулся к ее губам, а она отклоняла голову все дальше назад, обхватив при этом его за шею. Наконец он вцепился в ее губы.

Михаил с горловым рыком:

— Ах ты!..(дальше он просто задохнулся), — сорвался с места. И тогда позади мужчины прямо из воздуха соткался призрак ревнивого мужа, иначе говоря — Владимир Карриган с кинжалом в руке. И ударил этим кинжалом старого ловеласа между лопаток. Тот закричал страшно, отпуская Илли, стал медленно оборачиваться назад, оседая уже на полуобороте, и рухнул мешком к ногам Карригана и Илли. Она отступила на шаг, приложив ко рту запястье, тем же жестом его вытирая, и тоже упала.

Владимир Карриган, сделав свое черное дело, перешагнул через коричневое тело с торчащим в спине ножом, и заботливо склонился к Илли.

Вся драма длилась секунды. В течение этих секунд Михаил бежал к ним, уронив где-то по дороге Рейчел. Илли он достиг практически вместе с Карриганом и одновременно с ним опустился возле нее на колени. Она лежала на спине и, оказываясь, пребывала в сознании: глаза хоть и были полузакрыты, но взгляд их оставался осмысленным, ресницы подрагивали. Она глядела на Карригана. Губы ее тоже вздрагивали, пытаясь что-то сказать ему.

— Не надо, — уронил он.

Но она все-таки сказала:

— Как ты... смел?.. зачем?..

Напряглась, пытаясь приподняться, но не смогла, лишь чуть оторвала голову от пола и выговорила отрывисто:

— Там... Не было... Иглы...

Михаил заботливо подложил руку ей под голову. Карриган потянулся к ее кисти, повернул ее ладонью вверх и произнес удовлетворенно:

— Ты взяла Стихию.

Михаил перевел взгляд на ее ладонь, осторожно перевернул вторую кисть и так и оставил ее в своей — обе ее ладони и пальцы были изрезаны и все в крови. Она спросила:

— Но почему?..

— Потому что для этого тебе было достаточно слиться с ним в поцелуе, а мне — убить его в этот самый прекрасный миг в его жизни. Больше ему просто незачем было жить. Хотя сам он этого так и не понял.

Убить. Михаил поглядел через плечо назад. Там, у самой двери, Петр пытался привести в чувство Рейчел. Значит, она еще жива — иначе б не старался. Бол пребывал рядом с ними — на первый взгляд в полном составе. «Слава Богу, все целы!» Повернувшись обратно к Карригану, Михаил спросил у него мысленно: «А ты часом не надеялся, что сегодня еще кое-кого убьют?»

«Надеялся, а как же. Но не сомневался, что с этим ты справишься и без меня».

Илли вновь напряглась, и Михаил почувствовал, что она все силится и никак не может пошевелить даже рукой.

— Что со мной?..

— Человеку не дано удержать две Стихии, — ответил Карриган. — Одну тебе необходимо отдать... Мне. И немедленно. Иначе это будет стоить тебе жизни.

— Но, если я умру, как же тогда... Стихии?..

— Тогда нам придется стать посредниками между тобой и твоими ближайшими родственниками. Выбор небогатый. Отдать одну или потерять обе — вместе с жизнью. — Он помолчал в ожидании ответа. Не дождавшись, наклонился к самому ее лицу, спросил: — Так ты согласна?..

Она не отвечала. Михаил понял: еще мгновение — и он коснется ее губ.

— Нет, — сказала она. Рука ее в ладони Михаила шевельнулась.

— Ты, — сказала она.

Карриган резко выпрямился, взглянув в упор на Михаила. «Ну что ж... Ты ведь давно мечтал об этом? Считай, что тебе фантастически повезло. Единственному из миллиардов».

Михаил невольно покосился на труп: «Не единственному. Одному уже сегодня повезло».

«Единственному. Потому что ты останешься жить и будешь помнить».

Михаил взглянул на Илли. О том, чтобы поцеловать ее, он бросил мечтать с той ночи в

«бычке», когда прослушал последние земные новости. Раньше — да, мечтал. Но не при Каррйгане и не в ритуальных целях. И все же придется. Потому что из их разговора определенно выходило, что это должно спасти ей жизнь.

— Нет, — опять сказала она и чуть заметно усмехнулась. — Не надо... меня целовать... Сними медальон... у меня с шеи...

Выпустив ее руку, он провел пальцами по ее шее под воротом, нащупал цепочку и осторожно снял медальон, стараясь при этом не задевать ее по лицу и не уронить ей голову. Медальон был совсем темным, треугольным, с белой звездочкой посередине. Не вызывало сомнений, что он очень старинный.

— Положи его... мне в руку... И накрой... своей...

Он выполнил и эту ее просьбу. Подозревая, что волей обстоятельств совершает в своей жизни какой-то немаловажный шаг, но даже близко не догадываясь о его подлинном значении.

Глава 16

РЕШАЮЩИЕ БИТВЫ

Возвращение на крепостную стену отложилось в его сознании как некачественно смонтированная пленка — разрозненными кусками. Илли ожила. При содействии Карригана пришла в себя Рейчел, но оказалась в совершенно невменяемом состоянии — сродни полной прострации, порывалась все время куда-то уйти, и Петр ее постоянно придерживал. Следующим эпизодом они уже стояли на стене возле своей капсулы; кажется, перенеслись они туда каким-то нетрадиционным способом, но даже это не пробудило в Михаиле никаких новых догадок в отношении Карригана — ни подозрительных, ни разоблачительных. Поблизости над сугробами вновь начали прорастать головы — штук шесть, как и в первый раз, — и, кажется, это он, Михаил, спросил равнодушным голосом:

— А с этими что теперь делать?

И, кажется, Карриган ему ответил:

— Этим уже ничем не поможешь.

На что Петр — тут уж без сомнения Петр — ответил, что очень даже поможешь. И пошел в направлении голов. Дальше был провал. Следующее, что Михаил помнил, — он уже сидит в капсуле, стараясь ни за что не хвататься руками: ладони горели нестерпимо, с пальцев постоянно капала кровь. Петр, сидевший позади, гладил по голове безразличную ко всему Рейчел, и руки его тоже были в крови, а на коленях лежал «РП», что Михаил зафиксировал в сознании чисто автоматически.

Нежданно-негаданно он, Михаил Летин, — беспутная в общем-то личность, вольный скиталец по параллельным мирам и убежденный пацифист, получил на хранение оружие всегалактического масштаба. Зловещее, убийственное, разрушительное — он не в силах был подобрать слов, способных передать в полной мере всех ощущений, порожденных в груди одним только видом кристалла; чувствовал же он себя при этом так, как будто саму его душу медленно испарывали сверкающим мечом, издревле спавшим в своем каменном склепе и разбуженным ненадолго в честь передачи. Хотя сам ритуал передачи остался для Михаила своего рода мистической загадкой, но что-то в нем прогнулось, словно шаткие деревянные мостки под пятитонкой, принимая на себя груз грандиозной силы, заключенной в весьма сомнительный хрустальный плен. Прогнулось, но не сломалось! Выдержало! Панический ужас мешался в душе с каким-то неуместным детским восторгом — так должен ощущать себя ребенок, которому дали в руки пространственный резак и сказали: «Это теперь твое!» Лишь по пути к кораблю он начал понемногу внутренне прорастать из-под могучей тени незримо сопровождающего его теперь оккультного предмета и постепенно пришел в себя настолько, чтобы спросить мысленно у Карригана: «Что это?..»

Тот ответил сразу, не усомнившись, о чем идет речь:

«Если использовать твою терминологию и мою идеологию — это законсервированный вирус, а точнее — вирусы, заложенные в программу данной Вселенной».

Михаил не нашел ничего лучшего, как спросить:

«Зачем?»

Карриган на сей раз, как ни странно, спокойно воспринял сей сакраментальный вопрос.

«Возможно, что это одно из условий игры. Как там у вас в виртуальных игрищах — хорошие хотят найти главную бомбу и обезвредить, плохие, наоборот, — найти, чтобы все

взорвать».

Михаил воистину начал оживать: взгляд на события, с его профессиональной колокольни, представил их в менее чужеродном и более удобоваримом для него свете. Он даже дерзнул возразить Карригану:

— Логичнее тогда предположить, что консервация вирусов, которые невозможно уничтожить, была необходимым условием при создании программы.

Собственное предположение было куда более по душе Михаилу — как-никак он теперь являлся Хранителем этой хоть и законсервированной, но по сути своей все равно губительной штуки. Так же, как и Илли.

— Похоже, что мы с тобой начинаем находить общий язык, — насмешливо заметил Карриган вслух.

«Раз так, то ты меня поймешь, на что бы ты там ни был запрограммирован: на обезвредить или на взорвать — даже не надейся!» — заявил мысленно Михаил. А вслух сменил тему:

— Что это за тварь была там, в крепости? Что-то вроде охранника?

Бол, дремавший в кресле рядом, неожиданно ожил, сместил свои запчасти так, что к Михаилу выплыл, протолкавшись меж ингредиентами, его рот и подал голос:

— Оригинально ты ее скрутил! Я уж подумал, что это она тебя так на свой лад перекроила, и сам уже приготовился к тому же.

— Не она, а он, — поправил Карриган. — Демон-имитатор — такой же, как донимал нас в Месиве. Этот ланг еще до великого исхода умудрился вытащить с Темной Стороны маленького имитатора. Тот со страху прикинулся поначалу волком с человеческой головой, пообещал лангу бессмертие, только попросил взамен его кормить. Желательно чем-нибудь белковым и непременно одушевленным. Ланг на радостях принялся его откармливать, перевел на харчи всех зверей в округе, когда не осталось даже собак, кошек и крыс, принялся за людей. Сам, естественно, не справлялся, нашел себе помощников, поддающихся мозговому кодированию, по которому он был специалистом, они ему служили добытчиками, со временем сами шли на корм. Продолжалось это, как вы наверняка уже поняли, столетиями, со временем их деятельность приобрела космические масштабы. За это время между лангом и имитатором образовался своеобразный симбиоз, которому мы и положили конец своим бесцеремонным вторжением.

Карриган замолчал, и Михаил наконец получил возможность высказать вопрос, свербевший в голове с самого начала повествования:

— Значит, это был ланг? Но он же ничем не отличался от обычного человека!

— На первый взгляд. Но только ланги, в отличие от людей, никогда и никому не показывают свою спину. Иногда — если повезет — ты можешь увидеть ланга сбоку, но никогда — со спины, даже во время сна. Исключение составляют только мертвые ланги.

Карриган покосился через плечо на Михаила проницательным глазом: у того в это время всплывала в памяти недавняя сцена в тронном зале.

— Я ударил его в спину, — подтвердил Карриган, — но видел при этом его лицо, причем — в строгий фас. Ты можешь ходить вокруг ланга кругами, как дочерняя планета, и все время будешь лицезреть только его лицо и прочий фасад.

За разговором они чуть не упустили момент, когда капсула состыковалась с кораблем. Стыковка с кораблем на орбите произошла неожиданно и почти незаметно: они только что вышли из верхних слоев атмосферы, капсула летела ровно, как вдруг дрогнула и через

мгновение начала расширяться, становясь постепенно вновь залом управления. Кресла с пассажирами разъехались на прежние свои места перед раздувающимся, словно черный пузырь, экраном. Не успел экран достичь былых размеров, как на нем сменилась картинка. Эти мгновенные прыжки через Бог его знает какие бездны очень напоминали Михаилу смену иллюзорных пейзажей в здешней его «каюте». Как в сказке — моргнул Иван-царевич, а вокруг вместо сада с райскими яблоками уже кладбище с мертвецами. Сейчас перед ними, кстати сказать, и появилось в некотором роде кладбище, хотя и без мертвецов: корабль вернулся в окрестности упокоища напрасных трудов сотен поколений лангов. Впрочем, если верить заявлению Карригана, что любой труд в этом мире напрасен, то таким кладбищем являлась вся Вселенная. Словом, они опять оказались у обочины заброшенной космической дороги, на этот раз гораздо ближе к кольцу. Теперь хорошо была видна структура кольца. Оно состояло из нескольких слоев голубого металла разной ширины и отдаленно смахивало своей многослойностью на кольцо Сатурна.

Неожиданно напомнила о себе Рейчел: она поднялась со своего места и куда-то пошла.

— Так! — сказал Карриган, хлопнув себя ладонями по коленям. Словно повинуюсь этому хлопку, Рейчел остановилась и уселась на пол. А Карриган объявил: — Сейчас займемся ею, а заодно и еще одним нашим пассажиром.

Петр вскинул недобрый взгляд на Карригана:

— Что ты с ней хочешь делать?

— Лечить, мой мальчик! К сожалению, всего лишь лечить. Но для успешного лечения мне необходима консультация специалиста.

Сказав так, он развернулся к Михаилу.

Михаил, конечно, поднаторел в последнее время в санитарии. Но на лавры прославленного медика все же не рассчитывал.

— В вашей пространственной сети имеются реабилитационные службы для душевнобольных людей? — спросил Карриган, и у Михаила отлегло от сердца.

— Я не знаком со всеми службами — в сети их миллионы. Но до такого, по-моему, никто пока не додумался.

— Потому что до них никому нет дела, — вставил Петр.

— Мы можем создать новую службу такого рода?

Карриган сегодня точно был в ударе.

— Но для этого необходимо...

— Имея все исходные.

— Надо найти в сети специальную программу — «Творец». С ее помощью можно создать практически что угодно.

— Хорошо, с этим ясно. Теперь о следующем пациенте. Как достать человека из сети?

Михаил уже понял, о ком идет речь, и не стал вдаваться в детали — как да что, а ответил лаконично:

— Я смогу его вызвать. Только есть большая вероятность, что он не явится по вызову. Многие из них считают реальный мир лишь функциональным придатком сети и просто не реагируют на вызовы отсюда.

— Значит, чтобы его вытащить, нам придется поймать его непосредственно в сети.

Поколебавшись мгновение — Карригану, конечно, в этом мире было подвластно многое, — Михаил все-таки качнул головой отрицательно.

— Если человек стал постоянным обитателем сети, это значит, что там он — бог.

Всемогущий и так далее. Возможно, тебе и удастся его найти. Но даже не мечтай его оттуда вытащить. Там даже ты вряд ли будешь стоять больше, чем он.

— Думаю, это не совсем так...

Карриган откинул голову на спинку кресла и замер, уставившись куда-то вверх. Похоже, что средоточие его мыслей гнезилось примерно в тех же областях, что и у Михаила. Прошло всего секунд пять, когда край его рта дрогнул, искривляясь в медленной усмешке. Потом он заговорил:

— Ну, во-первых, еще не факт, что он там «бог». Ты судишь по себе, а ведь у вас, насколько мне известно, существует еще такая категория, как «игрун». Но даже если ты и прав, то у этого «бога» есть, по крайней мере, одно слабое место — он смертен. И он вернется, если мне удастся убедить его в том, что близится его смертный час в реальном мире.

— А если не удастся? — заинтересовался Петр.

— Он все равно должен будет навестить свое тело — так, на всякий случай, чтобы проверить.

— Допустим, он вернется, — согласился Петр. — На минуту или на пять — убедится, что с его телом все в порядке, и тут же уйдет обратно в сеть!

Карриган, прищурившись, сцепил на коленях руки и стал вдруг похож на крестного отца всегалактической мафии, заматеревшего в своей всесильности. И этот вселенский крестный папа проговорил так ласково, что крови стало холодно у Михаила в жилах:

— А кто ему позволит уйти обратно?..

— Карриган! — вдруг произнесла Илли. Все собрание, за исключением Рейчел, обернулось к ней, как будто все они были Карриганами. — Ты — лжец!

Все посмотрели на Карригана. Он сначала молча глядел на Илли с раздумчивым выражением: «Сожрать? — Не сожрать?» Потом обронил спокойно:

— Допустим. И что?

— Я поняла, чего ты добиваешься. Теперь ты и этого хочешь убить?!

— Кем бы я ни был, я только помогаю тебе в осуществлении твоих планов. Сейчас нам осталось лишь сделать последний шаг.

— Я запрещаю тебе его трогать! Ты немедленно вернешь нас на Землю! И там я уже сама разберусь, как с ним поступить!

Только теперь Михаил окончательно поверил в то, что перед ним — Великая Императрица. И еще у него появилось ощущение, что все они захвачены мощным течением, словно стали пленниками великой невидимой реки, несущей свои воды по строго определенному руслу. А та, которую он знал под именем Илли, делает сейчас попытку выбраться из этого неумолимого течения, ухватившись за пролетающий мимо хилый прибрежный кустик.

Карриган хмыкнул, откидываясь назад, — его- то пребывание в этой реке, судя по всему, вполне устраивало — и произнес с усмешкой:

— Давненько мне не закатывали сцен! — Потом усмешка на его лице стала еще шире, и он медленно подался вперед со словами: — А вот и мы! Однако быстро! И на сей раз, как это ни странно, очень вовремя!

Предметом общего внимания немедленно стал экран, на который Карриган любовался сейчас с обворожительнейшей улыбкой, как будто там нарисовался его именинный торт. Разумеется, никакими тортами в космосе и не пахло. А если бы там могло бы чем-нибудь

пахнуть, то сейчас там благоухало бы большим количеством железа. Пока капитан совещался с командой, а команда пререкалась со своим капитаном, доходя уже до откровенного бунта, на экране, никем не замеченный, возник посторонний металлический объект, а именно — космический корабль внушительных габаритов, обличья при этом определенно грозного. И появился он прямо на древней дороге лангов, то есть непосредственно в самом кольце.

— А не отвлекся ли нам на время от наших внутренних проблем для проведения переговоров? — спросил Карриган предвкушающе, судя по тону — сам у себя. И ответил сам себе в утвердительном смысле: — Дадим ему, пожалуй, последний шанс! — Потом закинул ногу на ногу и произнес в пространство: — Итак, чему мы обязаны счастьем вновь вас лицезреть?

Кажется, он уже приступил к переговорам. Хотя конкретно этот корабль Михаил лицезрел впервые, но было ясно, что с его имперской начинкой — подразумевая известный катер и его команду — им в последние дни приходилось иметь дело довольно часто. И корабль ответил на обращение: в зале раздался смутно знакомый голос, произнесший единственное слово:

— Сдавайтесь!

Этот решительный приказ, вызвавший некоторое замирание в груди у Михаила — так можно было приказывать только с позиции очевидной силы, — привел почему-то Карригана в еще более прекрасное расположение духа.

— Нет, мне это определенно нравится! — заявил он, падая на спинку как бы в состоянии «убили!» И продолжил: — Для усиления эффекта я бы на твоём месте еще добавил: «Вы окружены!»

Должно быть, невинное замечание Карригана было воспринято командиром корабля как личное оскорбление, потому что вместо ответа он выстрелил. Да не как-нибудь предупредительно пальнул, в целях демонстрации своего превосходства, а прямо и бесхитростно — в упор, не тратя времени на лишние дебаты.

По идее, ни Михаил, никто другой из команды Карригана не должен был увидеть этого выстрела по причине скоростной гибели практически в самый момент его производства. Однако они увидели не только сам выстрел, но и многое другое, необъяснимое законами физики, по крайней мере — теми ее законами, которые были известны человечеству на данный момент. Соответственно этим законам смещение пространства в пределах выстрела РП — то есть резака пространственного — считалось явлением неотразимым в силу самой своей природы. И это неотразимое явление — в смысле выстрел РП — тем не менее отразилось от корабля Карригана, как какой-нибудь банальный лазер, и, отразившись, полоснуло по своему первоисточнику. Последствия собственного выстрела оказались для вражеского корабля летальными: его переднюю часть фактически разорвало надвое, и через эту огромную искрящую пробоину в космос вылетело все, что имелось незакрепленного в поврежденных отсеках, в том числе и немалое количество людей; словно грандиозная космическая рыба, изготовленная из стали, резко распахнула беззубую, аварийно мерцающую изнутри пасть, и ее вырвало всем содержимым прямо на звезды.

Михаил, не в силах отвести взгляда от первой наблюдаемой им в реальности космической катастрофы, заметил боковым зрением, как подался вперед Петр и резко отвернулась, подняв руку к лицу, Илли.

— Идиот!.. — процедил Карриган, чье именинное настроение погасло мгновенно, как

факел, залитый ведром воды, стоило противнику произвести, практически по себе, этот гибельный выстрел. — Каким же надо быть законченным кретином, чтобы стрелять по моему кораблю сейчас, зная, что в нем находится!!!

— Я не отдавал команды стрелять!

Возникший неожиданно знакомый голос прозвучал теперь куда отчетливей, к тому же раздался он на сей раз прямо за их спинами.

Михаил понял, что собеседнику Карригана повезло остаться в живых — где-то там, в нетронутых недрах его корабля, — и Михаил знал при этом совершенно точно, что позади них находится только Рейчел. Но все равно невольно обернулся. Как и все его товарищи.

Рейчел действительно была там: по-прежнему сидела на полу, спиной к ним, покачиваясь отрешенно из стороны в сторону. А с нею рядом стоял, сложив на груди руки, человек в темно-зеленом костюме. Тот самый, что убил Голса и заточил в клетку Проводника в реальности третьего рода, тот, чей голос, доносившийся с чужого корабля, приказывал им только что сдаться.

Карриган поднялся ему навстречу. Мгновенно оказался на ногах Петр, Бол переместился всей кучей малой в стоячее положение. Михаил тоже встал вместе со всеми. Он вдруг опять ощутил, на сей раз гораздо отчетливей, свое состояние щепки, влекомой куда-то разогнавшимся бурным потоком, и понял: что он сейчас ни делай — стой, сиди, лежи, даже сядь он и качайся вместе с Рейчел, — он бессилен повлиять на течение этого потока, не может ни выбраться из него, ни изменить хотя бы на миллиметр свое теперешнее в нем положение. Илли, например, осталась сидеть, а могла бы вскочить, топтать ногами и требовать возвращения на Землю, но это тоже ничего бы не изменило, лишь продемонстрировало бы в какой-то мере ее отношение к происходящему.

Карриган собирался что-то сказать — сложившаяся мизансцена настоятельно требовала от него какой-то реплики, — да не успел.

— Ты проиграл! — прогремел человек в зеленом, театрально выбрасывая вперед руку с вытянутым указательным пальцем. Из пальца, словно из дула лазерника, полыхнул на мгновение яркий луч — только не красный, а зеленый, — вспыхнул, уперевшись в грудь Карригана, и погас.

Он-то погас, а вот Карриган в результате недолгого воздействия луча оказался замурованным по самый подбородок в прозрачную изумрудную глыбу, очень похожую на ледяную. В таком «обледенелом» состоянии он и произнес свое первое слово:

— Впечатляет!

Михаил ожидал, что он попытается освободиться из глыбы, хотя что можно было предпринять в его теперешнем положении? Только вещать, пользуясь тем, что ему поленились замуровать рот. И Карриган принялся вещать тоном покорившегося своей участи:

— Можно узнать, а почему ты решил соорудить из меня говорящую голову на постаменте, вместо того чтобы замуровать гуманно — всего, с головой?

— Окажись внутри этой ловушки твоя голова, она могла бы постигнуть ее секрет!

«Сокровище», свалившееся на их головы с погибшего корабля, продолжало стоять на прежнем своем месте: похоже, гость не был полностью уверен в том, что решающая победа досталась ему настолько минимальными усилиями, и продолжал пока ожидать от Карригана каких-то ответных военных действий.

— Растешь! — похвалил его Карриган, наклоня голову вправо-влево и пробуя

наклонить ее вперед, но не вышло — мешал подбородок, упершийся в глыбу. — А какие перемены произошли в мире с момента твоего возвращения! Смена власти, раскол, грядущая война — все как встарь, прямо любо-дорого! Ты потрудился на славу и даже сумел меня переубедить: я теперь считаю, что грех было бы пускать под откос такую перспективную Вселенную! В ней уже возрождается власть, и, честное слово, я даже буду не против, если ты возьмешь в свои руки бразды правления.

— Мне не нужна власть!

— Что ж, если ты предпочитаешь вернуться к своему Абсолютному Уединению, не стану тебя отговаривать. Кстати, коль скоро эта игра закончена, не удовлетворишь ли ты напоследок любопытство проигравшего, ответив на один маленький вопрос: каким образом тебе удавалось так безошибочно вычислять каждый раз наше местоположение? До сих пор я считал себя единственным обладателем подобного дара в нашей Вселенной.

Гость не отвечал, и Михаил понял: он не верит в бессилие Карригана и почти его не слушает, считая, что тот завел разговор лишь с целью пробить брешь в его внимании. А внимание это напряжено до предела и сосредоточено, но не на словах Карригана, а на терпеливом ожидании от него ответного удара.

— Да ты, похоже, сам не веришь в собственную победу, — усмехнулся Карриган, косясь вниз на свой «постамент». — Или ты считаешь эту страшную тайну достойной великого забвения?

Гость молчал. «Надолго ли его еще хватит? Ну, не хочет отвечать, так приступил бы уже, что ли, к каким-нибудь действиям!» — подумал Михаил. Ко всему еще он опасался за брата: какой бы он ни был сволочью, а все же Петька — брат родной и единственный, и решительности ему не занимать. Петр пока оставался на месте, но в любую секунду мог выкинуть что-нибудь из своего запредельного арсенала, а Михаил еще слишком хорошо помнил, чем кончилось столкновение с этим зеленым парубком для Голса.

— Не клеится что-то у нас разговор, — вздохнул Карриган. — Честно говоря, я и сам не люблю разговаривать с друзьями с позиции силы, но что поделаешь, если обстоятельства вынуждают!

После этих его слов гостя подстерегал неожиданный сюрприз, предотвратить который тот не смог, хотя и приготовился вроде бы к любым каверзам со стороны замурованного врага: с последним словом Карригана окружавшая его глыба мгновенно сконцентрировалась обратно в луч, а в следующий миг уже не Карриган, а его гость представлял собой монумент в прозрачной глыбе, он же — поучительный аттракцион «говорящая голова». Причем перестановка пьедестала произошла настолько быстро, что Михаил сначала увидел только ярко-зеленую вспышку и лишь потом, узрев ее последствия, воспроизвел для себя мысленно в замедленном варианте весь процесс.

Теперь слово было за новой «говорящей головой» — должна же была она, в смысле, конечно, он, высказать свое мнение по поводу незапланированной перестановки пьедестала. Но, поскольку гость, даже будучи коварно замурован в свою же глыбу, продолжал по-прежнему молчать — вполне возможно, что ему приморозило и язык, — то заговорил опять же Карриган:

— Не помню, говорил ли я тебе, что, пока ты воссоединялся в своей глуши с великими истинами, я сумел разгадать секрет абсолютного зеркала, иными словами — самого совершенного во Вселенной оружия защиты? Наверное, не говорил, иначе, потеряв корабль, ты, как говорят на Земле, не наступил бы сегодня второй раз на те же грабли и не сидел бы

теперь в собственной ловушке. Но, даже зная ее секрет, ты вряд ли сможешь от нее избавиться. Дерзай, пока я буду занят; у тебя еще есть шанс успеть до конца света. Кстати, подкину тебе на это время еще пищу для мозгов: я предполагал с самого начала, что на девочке пространственный маяк — подозреваю, что такими маячками была снабжена вся ее одежда. Пожелай я этого, и мне ничего не стоило бы найти его и ликвидировать.

Наконец-то гость не выдержал: всякая молчанка имеет свой предел, если только это не природная немота.

— Ошибаешься! — заявил он. — Маяк был внедрен в ее тело еще в младенчестве!

— Вот видишь, выходит, что и я могу иногда ошибаться. В некоторых мелких деталях, — признал, виновато разводя руками, Карриган. — Однако мы с тобой редко видимся и, по обыкновению, заболтались. А ведь у меня на сегодня еще намечена масса дел! Прошу прощения, но я вынужден вас немного потеснить!

Как оказалось, под «вас» Карриган имел в виду своего собеседника в глыбе и Рейчел, так и сидевшую с ним по соседству в течение всего разговора, полностью игнорируя происходящее, не обратив даже внимания на ледниковый паралич, сковавший внезапно ее нового соседа. Карриган махнул им небрежно рукой — дескать, в стороночку! — и словно огромная невидимая ладонь смела этих двоих, как шахматные фигуры, с центра доски к ее краю. А на том месте, где они только что стояли, появилась хорошо знакомая Михаилу шарообразная капсула с человеком внутри, и рядом с ней еще две — пустые и приглашающе распахнутые.

— С девушкой придется повременить, сначала займемся этим сновидцем! — говорил Карриган, направляясь к одной из пустых капсул, и, обернувшись к Михаилу, указал ему пальцем на вторую: — Прошу вас, доктор! Без вашей профессиональной помощи пациенту может грозить летальный исход!

Михаил, словно зачарованный, направился к капсуле. Теперь он понимал, что привлекло в свое время Илли к этому, как выразился Карриган, «сновидцу». Теперь и сам он ощущал необъяснимую связь с человеком в капсуле — такое примерно чувство добавилось с недавних пор в его отношение к Илли, и виной тому, без сомнения, был доверенный ему на хранение вселенский вирус. Впрочем, эта капсула, как и предложенное Карриганом дело, и сама по себе представляла для Михаила великое искушение, которое не дано понять человеку, не познавшему магии абсолютного могущества на просторах виртуального мира, как здравомыслящему обывателю не дано понять наркомана.

То, сродни гипнотическому, состояние, с которым Михаил устраивался в капсуле, слегка нарушил яростный протест, донесшийся со стороны замурованного гостя:

— Если ты это сделаешь, если только посмеешь — знай, что тебе не избежать наказания! Не на этом, так на том свете!

«И откуда только его выпустили? — подивился Михаил. — Не иначе как из сериала «Гибель империи». Мрачные какие-то ассоциации лезут в голову — не к добру это...»

Карриган, уже забравшийся в капсулу, размещаясь в закрепленном там спецкостюме, ответил между делом:

— Только не пугай меня, по своей старой привычке, геенной огненной! Дорога туда, как издревле подметили люди, вымощена благими намерениями, а в них меня до сих пор еще никто не уличил!

И закончил с усмешкой, раскидываясь в медленно закрывающейся капсуле: — Мои намерения претендуют исключительно на дорогу в Рай!

В голове у Михаила, почти к тому времени готового для ухода в сеть, лисьей тенью прошмыгнуло сомнение: «А ведь Илли тоже возражала против изъятия этого клиента из виртуальных грез...» Погружаясь в сеть, он шуганул лисью тень почти уже виртуальной мысленной метлой: Илли была слишком потрясена убийством ланга, державшего ее в тот момент в своих объятиях, чтобы судить теперь о действиях Карригана объективно. Если бы его целью была смерть Хранителя, он с таким же успехом мог убить ее саму или Михаила. Что же касается ланга — его смерть, по мнению Михаила, стала актом справедливого возмездия, хотя, без сомнения, и жестоким по отношению к Илли. Но, насколько понял Михаил, это был единственный способ забрать у него то, что Карриган нарек вселенским вирусом.

В следующий миг Михаил уже сидел в мягком кожаном кресле, а вокруг него образовался стандартный личный кабинет с мебелью и стенами, имитирующими дефицитный синий чилмарский дуб. Новичок, без сомнения, ощутил бы себя здесь истинным боссом, несмотря даже на то, что на столе, где у истинного босса полагалось бы находиться по меньшей мере двум эготам, скудно желтела единственная кнопка. Михаил со вздохом вдавил эту кнопку, и перед столом тотчас же возникла безукоризненная секретарша — миниатюрная барышня в костюме цвета бордо, затянутом на талии «в рюмочку», черноволосая, с нечеловечески огромными и блестящими голубыми глазами.

— Добро пожаловать в пространственную сеть! — прошептала барышня. — Будьте так любезны назвать ваш личный код и выразить ваши пожелания относительно дальнейшего времяпровождения в сети.

Михаил опять вздохнул — если хочешь иметь в виртуалке нормальных девушек, учись сам их себе создавать — и протянул руку над столом. Рука, мгновенно удлинившись, приняла форму осьминожьего щупальца, обвила барышню за талию, притянула ее на стол и аккуратно опустила прямо перед Михаилом.

— Предупреждаю, что насилие над информационной системой-гидом исключено! — сообщила она, полулежа перед ним на столе. — Рекомендую вам уровень одиннадцать — сто двадцать пять, третью ступень, сектор «зед».

— Извини, детка, — сказал Михаил, нажимая большим пальцем свободной руки ей на правый глаз. — Ты мне, безусловно, нужна, но совсем в другом качестве.

Последних его слов барышня уже не слышала, поскольку рассыпалась по столу горой маленьких серебристо-белых кубиков, каждый из которых состоял, в свою очередь, из множества мелких кубиков-сот, начиненных информацией. Михаил подался назад, обернувшись объемистой торбой с двумя широкими плоскими отростками — в прошлом верхними конечностями, — охватил этими лопастями столешницу и сгреб всю гору кубиков себе в Нутро. Закрылся, встряхнулся, сыто рыгнул и огляделся, вырастив себе четыре глаза на длинных стеблях: некоторые кубики могли упасть и закатиться куда-нибудь под мебель. И в этот момент перед столом, словно бдительный офисный охранник, явившийся мстить боссу за поругание и расчленение юной секретарши, вырос Карриган. В руке он держал кубик.

— М-м-да... — только и сказал он, обозрев критически Михаила, и бросил ему кубик.

Михаил мог бы подхватить кубик, подняв правую лопасть — чего он не сделал. Поэтому кубик попал ему в плечо, но за мгновение до того на плече образовался зубастый рот, поймал зубами кубик, схавал его, заглотил и тут же зарубцевался.

— Я так понимаю, что общей информацией мы теперь располагаем, — констатировал Карриган. — Самое время приступить к основной задаче.

— Приступим, — согласился Михаил, перемещаясь в следующий миг в пространство сети.

Их «кабинеты» выглядели отсюда как три огромных металлических куба-контейнера, висящих в пустоте, слабо подсвеченной далекими звездами служб-мегаполисов и огоньками, рассыпанными во множестве по поверхности самих контейнеров. Карриган был уже тут как тут, они вместе подлетели к рифленой передней стенке среднего куба и беспрепятственно проникли сквозь нее в прихожую пустующего офиса. Пустующего — в смысле отсутствия хозяина. Михаил, а с ним и Карриган оказались в комнате с каменными стенами перед дубовыми (на вид) дверями кабинета, запертыми на здоровенный — дубовый же — засов во всю дверь. У дверей горели факелы и стояла охрана из трех полуголых витязей в рогатых шлемах и с кривыми саблями в руках. Атмосфера прихожей и выбор охраны сами по себе многое говорили о склонностях человека, с которым им предстояло в ближайшем будущем иметь дело.

Охранник, стоявший в центре, сделал шаг вперед, держа саблю перед собой, как на параде, и пророкотал:

— Нельзя!!!

— Зя! — Зя! — Зя! — Зя! — гулко отозвались со всех сторон каменные стены и, как это ни странно, угрожающе задрожали.

Михаил обернулся к Карригану:

— Займись пока охраной, а я...

Михаил запнулся на полуслове: оказалось, что вместо Карригана рядом уже стоит персонаж какого-то из древних мифов — вроде как древнегреческого, хотя в мифах и легендах Михаил силен не был — с невероятным количеством мускулистых рук, торчащих у него по всему телу, так что и тела-то как такового не было — одни руки со всех сторон, снабженные саблями, что немаловажно, да держащая их пара ног. Ну и голова, разумеется, что тоже немаловажно — где-то там среди рук проглядывала, наподобие ежика в лесной чащобе. Охранники, увидав перед собою столь очевидного злоумышленника, заблестели глазами и, взявшись покрепче за свои сабли, стали приближаться к нему с хищным видом, заходя с трех сторон, как волки на ягненка.

— Действуй! — донеслось до Михаила сквозь лес рук, ловко помахивающих саблями, как-то умудряясь при этом не ударять и даже не позванивать ими друг о друга.

— Ага, — отозвался Михаил, одновременно уже плавясь в неизвестную науке жидкость и растекаясь по щелям между каменных плит пола. Пока он тек, над ним зазвенело, засверкало, засвистело, заухало и затопало — охрана приступила уже к пересчету конечностей рукастого налетчика. Михаил тем временем достиг двери и всем своим разжиженным существом приник к ней, обтек, прощупывая каждый стык, ища со всех сторон и даже между бревен хотя бы крохотную лазейку. Поначалу старания его были напрасны — аляповатая с виду дверь оказалась подогнанной на удивление плотно. Но и Михаил был не просто жидкостью, а жидкостью потрясающе въедливой, при этом целенаправленно въедливой: вскоре он нашел в районе притолоки извилистый микронный коридорчик, ведущий определенно внутрь. Большого ему и не требовалось: была бы, как говорится, дырочка, а уж жидкость на нее найдется. Пока у порога закипала жестокая сеча, Михаил просочился через обнаруженный дефект дверной конструкции внутрь кабинета. От его собственного, только что покинутого кабинета этот отличался не только цветом (дефицитный синий дуб здесь заменяла еще более дефицитная красная парголь); в этом

кабинете также имелась секретарша, но это была секретарша так секретарша! Едва ее увидев, Михаил понял, что с проникновением в чужую штаб-квартиру проблема получения сведений о ее владельце далеко еще не решена. Во-первых, сидела леди прямо на столе. Во-вторых, была практически совершенно не одета, за исключением узенькой золотой цепочки, поблескивавшей у нее на шее. И наконец, в третьих, — не успел Михаил пролиться на пол и сформироваться во что-то более или менее фигуристое, как она уже тянула к нему соблазнительные руки, издавая при этом приоткрытыми губами волнуемый призывный звук, не вполне членораздельный и от этого звучащий еще более страстно.

Кто другой мог бы прийти в заблуждение относительно ее намерений, но только не Михаил: завлекательная дева являлась не чем иным, как элементом охранной системы, судя по всему, гораздо более опасным, чем стражники, занятые сейчас Карриганом у входа; скорее всего она представляла собой парализующую ловушку — так называемого «заглота», способного не только обездвижить свою жертву, но и высосать из нее всю информацию, с неизбежными разрушительными последствиями для личностной памяти жертвы и даже для самой личности, если некому будет освободить ее вовремя от «заглота». Пока Михаил разглядывал красу-девицу, уделяя особо пристальное внимание ее глазам (тоже небесно-голубым), а также всем более или менее выступающим частям тела, она спрыгнула со стола и шагнула к нему, по прежнему простирая вперед руки. «Эге, да мы еще и мобильны!»

— Иди ко мне! — велела она.

«Так мы еще и говорить умеем!»

— Щас иду! — сказал он, делая шаг вправо; там в углу стояла декоративная ваза с каким-то веником, и это было как нельзя более кстати: меньше всего ему хотелось сейчас рисковать своим психическим здоровьем, прикасаясь к девушке «голыми руками». С другой стороны, сия подозрительная икебана могла быть еще одной дополнительной пассивной ловушкой, поэтому прежде, чем прикоснуться к вазе, Михаил для проверки выстрелил в нее из ладони кубиком с информацией — ничего более подходящего на роль испытательного снаряда у него не имелось, приходилось жертвовать информационным фондом. Кубик, звякнув о вазу, отскочил и благополучно приземлился на пол, но еще прежде, чем он коснулся пола, Михаил уже держал вазу в руке. Собственно, то, что он держал, перестало быть вазой в тот самый момент, как он к ней прикоснулся; бесполезный сосуд в руке у Михаила моментально превратился в предмет первой необходимости при конфликтных ситуациях, иными словами — в симпатичную дубинку.

Тем временем голая девица, вместо того чтобы стоять на месте в ожидании кавалера, медленно к нему приближалась. Налитые груди безупречной формы соблазнительно покачивались, глаза красавицы лучились таким откровенным вождением, словно ее проморили здесь целый год взаперти и в воздержании от плотских утех и довели бедную затворницу до того, что теперь она готова была изнасиловать первого же грабителя, проникшего в ее узилище, окажись он даже — как Михаил поначалу — аморфной жидкостью.

— Какие милые глазки! Начнем, пожалуй, с левого, — проговорил Михаил, пятясь от нее вдоль стены, как шокированный девственник, и вскидывая руку с дубинкой почти что охранительным жестом — мол, изыди, Сатана! Дубинка молниеносно удлинилась, ударив соблазнительницу тупым концом в широко распахнутый левый глаз. Голова ее резко мотнулась назад и тут же вернулась на свое прежнее место, словно боксерская груша на гуттаперчевом держателе.

— Не бойся, глупенький, — проворковала она грудным голосом, что твоя влюбленная голубка, продолжая наступать на Михаила, не забывая при этом тянуть к нему жадные руки.

«Левый не катит, попробуем правый!» Дубинка метнулась ко второму ее глазу не менее метко, чем к первому, и, к сожалению, с аналогичным результатом. «Глаза отпадают, идем дальше».

— Тебе будет хорошо, так сладко, как никогда в жизни, — бормотала красавица, трясаясь, как в лихорадке, преследуя его по пятам и совершенно не реагируя на град ударов, поражающих по очереди самые болезненные участки ее тела. «Могу себе представить!» — подумал Михаил. Впрочем, у него обозначилась уже реальная перспектива не только представить сладость ее объятий, но и ощутить ее в полном Объем: они совершали уже второй круг по кабинету, и движения ее все ускорялись, а он все еще — как бы это по деликатней выразиться? — не нащупал ее слабого места. Ее глаза впились в него не мигая — казалось, что они действуют уже на расстоянии, гипнотизируют, лишая подвижности не только его тело, но и ощутимо тормозя мышление. «Не худо бы покопаться в ее программе... Потом... Сейчас главное — не допустить прямого контакта». Уже с трудом удерживая логическую нить, он деформировал, как бы расплавил внутри себя все кубики, исторг их на поверхность своего существа и разлил по себе наподобие защитного слоя. Сделал он это как нельзя вовремя: она уже держала его за плечи, обнимала, окутывала его собою, вбирала в себя, заглатывая всем телом, как голодная амеба. Глаза ее все еще продолжали светиться прямо перед ним, слившись в продолговатый расплывчатый омут, высасывающий из Михаила остатки его независимой личности. Ужом прошуршала по краю ускользающего сознания последняя мысль: «Может, попробовать наоборот? Не нажатием, а...» Уж напоследок решительно ударил хвостом: «Давай! — Левый!» Сохранившейся еще толикой воли он заставил себя податься вперед, прямо к нежно-голубому омуту, вздернул подбородок вправо, схватил зубами длинные ресницы ее левого глаза и дернул...

Принудительные объятия, почти уже подарившие сопротивляющейся своему счастью жертве блаженство полного забвения, резко разжались, вместе с ними ушло оцепенение, а к замороженным мозгам тут же вернулась былая ясность. Как таковой красавицы в кабинете уже не было — она соскользнула к ногам Михаила длинной радужной лентой. Конец ленты оказался зажат у Михаила в зубах, но на радостях челюсть облегченно отвисла, и он его выронил. Не подвела его все-таки старушка интуиция, значительно обострившаяся за последние, богатые приключениями дни, сразу подсказала — левый! Правда, защитный информационный слой, спасший его от мгновенного паралича, оказался полностью слит. Да ведь не куда-нибудь слит, а на эту самую ленту, а с ней мы сейчас разберемся по-свойски! В груди у Михаила образовалась узкая щель, вроде как в почтовом ящике. Правая рука, обратившись длинным шланговидным манипулятором, подхватила конец ленты, запихнула его в щель, и лента, извиваясь лениво, покорной змеей втянулась в недра почтового ящика, то есть само собой — в Михаила. «Вот так вот! — подумал он самодовольно. — Сожри сам или тебя сожрут — первый закон эволюции, он же — основной принцип деятельности информационных взломщиков — подлинных венцов этой эволюции, распутившихся махровым цветом на просторах виртуального мира!»

Михаил подошел к столу — в его центре беззащитно зеленела единственная квадратная кнопка. Присев на край стола, Михаил протянул к кнопке свой манипулятор, по пути преобразовавшийся обратно в руку. Первый этап — насильственное проникновение, — оказавшийся несколько более сложным, чем представлялось вначале, тем не менее был

благополучно завершен. Теперь начинался второй, самый легкий — снятие информации о клиенте, после чего предстояла настоящая работа — его поиск и, наконец, обработка — самый сложный этап, если, конечно, клиент не пожелает вернуться в покинутое тело добровольно, на что еще в принципе оставалась надежда. В противном же случае для того, чтобы обеспечить Карригану нормальный контакт с объектом, подразумевающий определенное взаимопонимание, придется производить глобальные изменения на той службе, где они все, даст Бог, будут к тому времени находиться. «Короче — за работу!»

Глава 17

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

Багровое солнце зловеще растекается по горизонту, как дырявый бычий пузырь, и сталь визжит в руках, алая не от его лучей, а от взятой ею крови. Ржавый ветер пьян от крови, и прах под ногами давно уже превратился в кровавую кашу, а пурпурное небо походит на бездонные ворота в лучший мир — ворота, истекающие кровью тех, кто сегодня туда уже отправился. А вот и еще! И еще! Вы не защитники, вы свора псов — воющая свора, и ваш прекрасный белый город будет сегодня нашим, он тоже будет красным, потому что захлебнется в крови, он и сейчас уже красный, он весь забрызган пролитой нами кровью, как и все вы, как ваша земля и ваше небо!!!

— Эх ты, брат, размахался!

— Что?..

Зигфрид оглянулся через плечо — там, за спиной, где должен был биться Афтандил, никого не было — ни Афтандила, ни осадившей его вражьей стаи, ни горы уже убитых им врагов. Там было просто поле — ровное и пустое, если не считать разбросанных по нему повсеместно нетесаных булыжников. И красное. Поглядел вперед — что за наваждение? Ни города, ни поредевшей когорты его защитников там больше не наблюдалось. Впереди оказалось все то же красное каменистое поле с одиноко торчащим поблизости корявым кустом. Зигфрид опустил меч и огляделся еще раз. Боевой запал как-то резко схлынул, под ребрами тоскливо екнуло что-то, давно им забытое, очень похожее на человеческое сердце.

— Кто это сказал?!

— Да я, я это сказал!

Из-за его левого плеча выступила и остановилась рядом фигура человека в черном. Краем глаза Зигфрид уловил колыхание черного плаща за его спиной, но, только полностью обернувшись на неожиданного собеседника, понял — то, что он принял поначалу за плащ, было на самом деле сложенными за его спиной огромными черными крыльями.

— Сердечко уже не то, чтобы города брать! Пришло и тебе время отворять ворота в лучший мир. Вот и узнаешь, кстати, — такой ли уж он лучший?

— Это ложь! Я бессмертен!

Резко развернувшись, Зигфрид полоснул черного мечом поперек тела. Меч прошел насквозь, словно рядом с ним стоял призрак. И этот черный призрак смерти продолжил, как будто не заметив нанесенного ему удара:

— Полно! А как же твое бедное тело? Или ты про него совсем забыл? А ведь ему доверена в реальном мире великая миссия! И теперь, когда ты умрешь, эта миссия грозит остаться незавершенной!

— Откуда ты знаешь?..

— Те, кто стоит у врат забвения, знают все. Это ли не лучшее доказательство того, что тело Хранителя сейчас умирает, не успев передать по наследству великий дар? Кто может предсказать, какими последствиями обернется это для твоего истинного мира?

Зигфрид засмеялся. Что может быть общего между ним, Зигфридом Завоевателем, и тем болезненным червяком, прикованным к виртуальной капсуле, которого он сбросил навсегда, как потертые доспехи, в том унылом однообразном мире, где этот червяк влачил когда-то свое бессмысленное существование?

— Умирает? Что ж, пусть так! Что мне до этого жалкого тела и до вашего скучного мира? Он выполнил свою миссию, создав настоящий, высший мир! Этот мир независим, он бессмертен, как и мы в нем!

— Ты ошибаешься. Твой виртуальный мир — лишь производная от мира реального, в котором ты родился и где можешь умереть с минуты на минуту. Как и твой Зигфрид, потому что он также лишь производная от Виталия Калиострова и с его смертью обречен исчезнуть!

Зигфрид почувствовал раздражение. Кто может угрожать ему, познавшему и испившему до конца оба мира, ощутившему всей своей сутью, какой из миров более подлинный? Он-то знает, что неподвластен смерти! Пускай она забирает свою дань — давно заброшенную им пустую оболочку Виталия Калиострова! Никто и ничто не в силах заставить его вновь в нее облачиться!

— Кто бы ты ни был, но ты пришел не по назначению! Ты ошибся, и сейчас я тебе это докажу! Я — не производная от Калиострова, потому что я и здесь остаюсь Хранителем Стихии, способной разрушить ваш проклятый мир!

Он отбросил меч. Здесь все было проще, не требовало таких невероятных мук и усилий, как в том, несовершенном, мире — стоило лишь захотеть, и могущественный кристалл — древняя угроза и вечный ужас ненавистного мира — уже мерцал, покорный, в его в руках. Здесь, в лучшем из миров, кристалл даже бессилён оказался причинить ему боль! Как просто оказалось решение — покончить с ним раз и навсегда! Почему же он раньше не догадался этого сделать?

Он поднял кристалл над головой, держа его двумя руками, намереваясь разбить о ближайший же камень. Черная тень собеседника метнулась, загоразвивая мир огромными крыльями, вцепилась, удерживая, в запястья. Зигфрид захохотал. Кто смеет противостоять Хранителю, принявшему решение уничтожить наложенное на него проклятое бремя? Сама Великая Стихия, стремящаяся испокон веков вырваться на свободу, была за него — он чувствовал, как она придавала держащим ее рукам — его рукам! — всеокрушающую мощь! Словно меч, он опустил кристалл на тело черного призрака. Подобно мечу, кристалл вспорол это крылатое тело, отрубив от него изрядный кусок, потом ударился о лежащий позади камень и разбился, словно взорвался — как будто его разорвало изнутри на миллиарды крошечных сверкающих частиц, таких ярких, что окружающий виртуальный мир померк в их свете до полной черноты. Померк, чтобы больше уже не вспыхнуть. Тьма, абсолютная тьма поглотила его, лишь острые осколки кристалла мерцали, разлетаясь, в воцарившемся мраке, наподобие юных звезд в только что взорвавшейся новой Вселенной.

Невольным свидетелем нового вселенского катаклизма был и Михаил Летин, присутствовавший при беседе Карригана с Зигфридом-Калиостровым под видом корявого куста. Теперь, пользуясь наступившим полным затемнением, он вновь преобразился в человека, вернее — думал, что преобразился, потому что себя он не видел, хотя принципиального значения это уже не имело; с внезапным наступлением ночи он ощутил себя одинокой душой, потерявшей собственное тело, плавающей во тьме и не представляющей, в какой стороне ей теперь это тело искать. Михаилу было совершенно ясно, что дело не в аварии отдельной службы, которой не повезло стать местом высвобождения Стихии — хотя служба-то вырубилась, это факт. Но при обычном аварийном отключении их просто выбросило бы в пространство сети. Сейчас же впечатление складывалось такое, будто вырубилась вся сеть — ее попросту не было, сколь бы невероятным это ни казалось. Окажись Михаил в подобной ситуации один, он сразу

бросился бы на поиски любых путей, способных привести его в уютные недра собственного реального тела. Но где-то рядом находился Карриган, да еще, насколько мог судить Михаил, — не совсем целый, а расчлененный посредством Стихии перед самым ее разбитием. Так что Михаилу предстояло первым делом отыскать в этой незапланированной звездной ночи Карригана для оказания ему, если это еще возможно, посильной помощи.

Михаил огляделся по сторонам. Он висел один среди пустоты и мрака, словно и впрямь попал в открытый только что космос, и ничего похожего на Владимира Карригана, на какую-то часть Владимира Карригана или хотя бы на кровожадного фанатика — его собеседника, в ближнем космосе не наблюдалось. Михаил не забыл, разумеется, чье именно извлечение из виртуальности было их первоначальной задачей, тем не менее кого-кого, а этого двинутого Зигфрида он больше искать не собирался: на корабле и без того хватает психов: два Хранителя, один винегрет, пара убийц-маньяков, один полубог, сегодня добавился еще один — в глыбе льда, чтобы вытаскивать туда из сети еще и завоевателя — для полного комплекта! Тем более, что и сам Зигфрид, насколько Михаил понял из подслушанного разговора, не горел желанием осчастливить своим прибытием покинутого им в капсуле на полном жизнеобеспечении своего фактического родителя Калиострова.

Тут Михаил обратил внимание на один из осколков-звездочек, не похожий на другие: в то время как остальные были ярко-белыми, этот единственный горел мутным темно-красным светом и летел, зловеще подмигивая, прямо на Михаила. Михаил слегка посторонился с его пути, как вдруг осколок, уже минуя его, буркнул тихо, словно бы через плечо:

— Давай за мной!..

Стало быть, красный осколок был Карриганом, что Михаил заподозрил еще при его многозначительном подмигивании. Обратившись такой же звездочкой, но только зеленой, Михаил пристроился в хвост красной. Уже по пути он заметил, что за ними увязалась, отделившись от звездного салюта, еще какая-то желтая козявка — никак мятежный Зигфрид образумился? Грядет все-таки пополнение в команде психов! Ладно уж, не прогонять же теперь. И они понеслись в кромешном мраке маленьким летучим светофорчиком, с каждым мигмом все ускоряющим свой полет. Карриган стремился вперед уверенно, никуда не сворачивая — похоже, что он знал путь домой, то есть в свою «золотую рыбку»; возможно, она подавала ему какой-то сигнал в мертвом океане, в который обратилась пространственная сеть — зная возможности «рыбки», Михаил бы этому не удивился. Впрочем, раз всемирная сеть была каким-то образом полностью выключена, то и ее пространство должно было обратиться попросту в ничто. Но стоило Михаилу задуматься, что же это тогда за мрак, в котором они со страшной скоростью несутся, как на память сразу пришли черные воды реки мертвых, и он предпочел больше на эту тему не размышлять — по крайней мере, до тех пор, пока не воссоединится с родным телом и не убедится, что оно, любимое, живо и здорово. И все же, как Михаил не ждал этого момента, возвращение «в себя» оказалось для него неожиданным: по-прежнему не видя вокруг ни зги, кроме путеводного красного огонька — Карригана, он внезапно потерял из виду и его — Карриган словно погас, — и тут же Михаил влетел, как светлячок в трясину, во что-то плотное, теплое и дышащее, сковавшее его отвратительным тяжким пленом, заметался было, пытаясь вырваться из этого на волю, как вдруг его озарило, где он находится. «Ну и дожил!» — подумал Михаил, давая капсуле команду открыться и начиная освобождаться от костюма. К постоянной боли в изрезанных ладонях он успел притерпеться еще до погружения в сеть, а

теперь даже ей обрадовался — страдаем, стало быть, живем! «Кому из знакомых рассказать — ведь обхохочутся, позору не оберешься! Виртуальный бог, краса и гордость, говоря без ложной скромности, земного хакерства, пугается до смерти, вернувшись из сети в собственное тело! И поди им объясни, что вернулся ты вовсе не из сети, а черт его знает из чего, чуть ли не с того света!»

Расстегнувшись и усевшись, Михаил, естественно, первым делом огляделся — не случилось ли тут чего нового за его отсутствие, и сразу понял, что да — случилось. Во-первых, незванный визитер успел уже освободиться от глыбы и стоял теперь возле капсулы Карригана, ожидая, как видно, его возвращения, чтобы вновь его в эту глыбу упаковать. «Мартышкин труд!» — усмехнулся про себя Михаил. Во-вторых, в зале появилось новое лицо — рядом с гостем находился крупный высокий парень в серой одежде, на вид какой-то встрепанный и вроде как немного не в себе. В одной руке парень держал бутылку, в другой — полную тарелку. Не иначе как это был второй беглец, телепортировавший с погибающего корабля прямо из-за обеденного стола, подхватив с собой все, что оказалось под руками, и не успевший еще прийти в себя от радости, что спасся. Кстати говоря, самого корабля на экране больше не было. Последнее кольцо древней дороги, в центре которого раньше находился корабль, теперь вращалось — внешний и внутренний слои кольца двигались против часовой стрелки, а слой между ними — по часовой. Все говорило о том, что дорога вдруг заработала и перенесла поврежденный корабль к самому своему началу, то есть куда-то в систему лангов. Да и наконец, в третьих, — нигде не было видно Бола Бродяги; Илли и Петр, заметив воскрешение Михаила, как раз вставали из своих кресел, Рейчел опять бродила по залу, а Бол из этого зала бесследно исчез. Маловероятно, чтобы он в такой ответственный момент скрылся по нужде, хотя, конечно, все может быть — организму ведь не прикажешь, тем более — такому неординарному организму.

Ближайшая капсула, где располагался Зигфрид-Калиостров, была пока закрыта, но Михаила это не особо сейчас беспокоило: где уж тут разбираться с Калиостровым, когда своих проблем подвалило по меньшей мере три, а может, и все четыре; капсула Карригана уже открылась, но выбираться из нее он почему-то не спешил. Михаил вдруг вспомнил — Карригана же расчленили там, в виртуалке, Зигфрид и расчленил, повредил неизвестным оружием его личностную составляющую, вроде как Рейчел в имитаторе, и бес его знает, как это могло сказаться на его здоровье!

Выпрыгнув из капсулы так резко, что она закачалась, словно покинутая лодка у причала, Михаил кинулся к Карригану, отодвинув временно другие проблемы на второй план. Ох ты ж, мать честная!.. То, что он увидел в капсуле, заставило его забыть о них совсем: Карриган уже очнулся и лежал, открыв глаза и не шевелясь, а его капсула оказалась залита кровью, сочащейся сквозь всю верхнюю часть застегнутого на нем под горло костюма. Оппонент, недавно вылезший из глыбы, стоял над ним молча, не делая ни малейшей попытки помочь — злорадствовал, наверное. Обозвав его мысленно разными непечатными словами — вслух сейчас недосуг было связываться, — Михаил дотянулся до Карригана и первым делом стал расстегивать на нем костюм. Под костюмом оказалось такое, что он тут же бросил это дело и даже чуть было не застегнул обратно — в застегнутом виде это, по крайней мере, не разваливалось, сохраняя еще какую-то человеческую форму.

— Похоже, доктор, что я безнадежен? — произнес Карриган хрипло, но, как это ни странно, довольно ровно. Каким-то антинаучным феноменом было уже само то, что он живет, имея вместо грудной клетки мясной фарш, а уж то, что при этом он еще говорит, а

значит, дышит, смотрит с несомненным признаком разума в глазах, да еще пытается хохмить, подрывало сами основы медицины как науки об основных принципах и условиях функционирования человеческого организма. Сам Михаил вспомнил об этих принципах и задыхался лишь тогда, когда взгляд Карригана отпустил его, переместившись на неподвижного гостя, стоявшего по другую сторону капсулы. — Догадался все-таки, как выбраться из отражения собственной ловушки? Не блокируйся так усиленно, не ровен час задымишься. И твой коронный вопрос загорится транспарантом у тебя на лбу. Спрашивай, чего уж там! Не упускай реальную возможность наконец-то с ним покончить!

— Зачем?..

— Растешь!.. Но вообще-то подобная краткость не к лицу истинному философу. Тем не менее наметился явный прогресс. Хотя я ожидал большего. Рассчитывал, признаться, что ты сам найдешь ответ еще в процессе. Ведь твой изначальный дар — постижение сути? И, вернувшись, ты должен был ощутить сразу, что мир утрачивает свою сокровенную суть, как будто гаснет изнутри, а потеря первичной сути неизбежно влечет за собой общий летальный исход. Его необходимо было встряхнуть, сдвинуть с мертвой точки. Кто еще, кроме нас с тобой, мог справиться с этой задачей? Я был уверен, что мы обойдемся без битвы контейнеров, хотя и не исключал такую возможность — как последнее средство, разумеется.

— Ты добился своего. Один контейнер уже разбит, и никто из нас не в силах сейчас предсказать, какими последствиями это обернется для мира!

— Обойдется! Раз сразу не свернулся, то теперь уже бояться нечего! А последствия вполне предсказуемы — не первенца, чай, разбили, почин уже был: сдвиг ряда физических законов, брожение в умах, обретение новых эмоциональных уровней и способностей или, напротив, — их утрата. Ты еще помнишь, какой магический бардак воцарился во Вселенной после разбития первого? Любо-дорого! А после второго — как отрезало. — Он обвел взглядом слушателей, которых к этому времени значительно прибыло: все, кто был в зале, за исключением Рейчел, подошли к его капсуле и стояли теперь, окружив ее. — Так что ваш дряхлый мир готовит вам много новых сюрпризов. Не удивляйтесь, если обнаружите, вернувшись домой, что реки на вашей планете текут от устьев к истокам. Жаль, но мне этим зрелищем, похоже, уже не насладиться.

— Не слишком ли ты затянул драматическую сцену? — заметно нервничая, сказал гость. — Исцеляйся, пока действительно не стало поздно!

Карриган, кажется, хотел засмеяться, но вместо этого закашлялся глубоко и тяжело, будто подавился, и у него горлом хлынула кровь — бордовая, с черными сгустками и кусками плоти, словно его вырвало недавно съеденным борщом. И все-таки он вновь заговорил, хотя голос его стал теперь более тихим и прерывистым:

— Неужели ты думаешь... что я до сих пор лежал бы тут перед тобой... как суповой набор в вакуумной упаковке... если бы мог исцелиться?.. Со Стихией шутки плохи... Так что результатами наших совместных усилий... ты будешь наслаждаться без меня... — Он кивнул на Илли: — Советую попробовать вернуть ей трон... — Взгляд его задержался на Илли. — Ваше Величество!.. Последняя нижайшая просьба... Не поцелуете ли вы меня на прощание?..

Несколько секунд она глядела на него молча, потемневшими глазами. Михаил неуверенно посторонился. Тогда она шагнула вперед, склонилась к Карригану и прикоснулась губами к его лбу; вернее, до лба она не дотянулась, и вышло так, что она поцеловала его в правую бровь, ближе к виску. Он сипло засмеялся и произнес, отворачиваясь:

— Пойду-ка я, пожалуй, умирать в другое место!..

В это время откуда-то сзади, из-за спины у Михаила, донесся слабый голос:

— Что случилось... С сетью?..

Михаил покосился назад, уже, собственно, догадавшись, кто это там ораторствует. И действительно не ошибся: третья капсула была теперь открыта, длинное бледное лицо человека, лежащего в ней, было повернуто к собранию, мутно-карие глаза уставились прямо в Михаила с таким потусторонним выражением, что он даже усомнился, видят ли они его. Все молчали, никто что-то не спешил радоваться возвращению в мир бывшего Хранителя и отвечать на жизненно важный для него вопрос. В тишине предсмертным низким орлиным клекотом прозвучал ответ Карригана:

— Как говорят у вас на Земле — Шут! Даун!

Михаил быстро обернулся — лицо Карригана становилось прозрачным, он таял — стремительно, подобно галофантому, и не успел Михаил сосчитать до трех, как в капсуле лежал лишь пустой спецкостюм, черный от пропитавшей его крови.

«Шут — это точно был он. А даун, наверное, я...»

— Он умер?.. — прозвучал над опустевшей капсулой голос Бола Бродяги. Михаил вскинул глаза: Бола по-прежнему нигде не было, а голос, принадлежащий, без сомнения, ему, исходил от незнакомого парня, пребывавшего все это время у Карригана в ногах — бутылка и тарелка, кстати говоря, к этому времени из его рук уже исчезли.

Парень повернул голову, неожиданно согрев Михаила знакомым взглядом зеленых, не по годам мудрых глаз. «Опять же — бутылка, тарелка... Бол? Неужели?.. Собрался?» Зеленые глаза, словно прочитав мысль Михаила, утвердительно кивнули веками.

— Умер? — переспросил гость. Прикоснулся к пустому костюму и посмотрел на свою ладонь, взявшую частицу крови давнего врага. Крови, не им пролитой. И проворчал тихо, словно бы с надеждой: — Как же, дождешься от него... Не впервый раз!..

После этого оптимистического замечания гость повернулся к Илли, склонив перед нею голову:

— Я виноват перед Вами, Ваше Величество! Мне стало известно об угрожающей Вам как Хранителю, смертельной опасности, Ваше спасение я видел лишь в том, чтобы полностью изолировать Вас от мира, и ради этого я организовал ваше свержение с престола. О прощении я не молю, прошу лишь позволить мне исправить свою ошибку. Я обещаю вернуть Вам все то, что было у Вас с моей помощью отнято. — Он вновь склонил голову и наконец представился: — Док Ворон, к вашим услугам, Ваше Величество!

Михаил, посвященный уже волей случая в тайну ее инкогнито, выслушал эту речь почти спокойно. Во взгляде Бола сквозило искреннее любопытство стороннего наблюдателя, оказавшегося нечаянно в эпицентре политических интриг чужого мира. Зато Петр выглядел так, будто его высадили только что на жидкую несформировавшуюся планету и она должна вот-вот его поглотить.

— Хорошо! — сдержанно сказала Илли, ставшая как будто выше ростом, входя — или, скорее, возвращаясь — в роль неизмеримо далекой, недостижимой повелительницы. — Я не знакома с политической обстановкой в мире, и мне необходим сведущий помощник. Полагаю, что вы сгодитесь на эту роль. Что вы предложите предпринять в первую очередь?

— Самой подходящей базой для Вашего обратного восхождения может стать Дальняя Империя с центром на планете Земля. Для начала я предлагаю направиться именно туда. В детальные подробности моего плана я посвящу Вас позднее.

Выразив свое согласие легким кивком, она огляделась так свысока, словно находилась на вершине сверкающей золотой пирамиды, а они все стояли у ее подножия. Впрочем, голову она всегда держала высоко, но лишь теперь это приобрело в понимании Михаила особый, уничижительный для всех окружающих смысл.

— Этот корабль я нарекаю флагманом моей будущей эскадры! — объявила она. — А его капитаном назначаю... — Она резко повернула голову к Петру. — Вас!

Михаил подумал, что в таких случаях полагается, наверное, падать на колени и произносить что-то типа «Благодарю за честь!», но Петр отреагировал на неожиданное и, говоря по чести, совершенно незаслуженное назначение лишь сменой красок на лице — из бумажно-белого оно сделалось бледно-розовым, как парус летучего корабля, ловящий закатный ветер. Для Петра это было, пожалуй, даже покруче, чем падение ниц.

— Судьбой остальных я обещаю заняться на Земле лично! — закончила она свою милостивую речь.

Заняться лично — как многообещающе звучит! Михаил вздохнул. Что ж, он с полным правом может рассчитывать на то, что Ее Величество оставит его при себе — ведь теперь она привязана к нему узами куда более прочными, чем, например, любовь. Они стали теперь братьями во Хранении, то есть это он, можно сказать, брат, да не абы чей, а самой Великой Императрицы, так куда ж ей теперь от этого брата деваться?..

Она между тем пошла к экрану, где стояли кресла, и, не колеблясь, заняла из них центральное, принадлежавшее раньше Карригану. Михаил понял, что Ее Величество не собирается откладывать возвращение на Землю в долгий ящик, и подошел к Ворону: как раз сейчас в нем созрело некое важное решение, и он хотел осуществить его еще до отбытия на Землю.

— Я один из тех, кого вы называете Хранителями, — сообщил он Ворону. Тот уже направлялся к креслам и остановился, внимательно изучающе глядя на Михаила. Удовлетворенный эффектом, Михаил продолжил: — Это великое бремя свалилось на меня случайно, я его недостойн, и оно не по мне. Вы мне кажетесь именно тем человеком, которому я могу его передоверить.

Михаил торопливо, боясь, как бы Ворон не отказал, снял с шеи амулет и, положив его на ладонь, протянул Ворону.

— Вот.

Больше всего ему хотелось, чтобы это выглядело не как просьба, а чем-то вроде нерушимой воли Хранителя — бери, мол, хочешь не хочешь. Как ни странно, но Ворон, похоже, именно так это и воспринял: не произнес ни слова, не задав даже ни единого встречного вопроса, он медленно протянул руку к талисману.

«Прощай, оружие!.. Надеюсь, что ты будешь ей хорошим братом...» — подумал Михаил прежде, чем соприкоснулись их руки.

Глава 18

СОБСТВЕННЫЙ ВЫБОР

Михаил сидел в полукруглом отсеке, длинном и холодном, как вентиляционная труба, пристегнутый к одному из кресел, вмонтированных в стены по всей длине отсека. Остальные кресла также были заняты, в большинстве своем — мужчинами, одетыми, как и Михаил, в темно-синюю форму военного космолота Земли. Помещение представляло собой десантный отсек космического эсминца-носителя, направлявшегося в данный момент вместе с девятнадцатью другими кораблями на освобождение подступов к системе Элкера — одной из сорока пяти узловых звездных систем Серединой Империи.

Война... Почему-то это слово, с детства не вызывавшее в душе ничего, кроме искренних неприязни и отвращения, теперь тревожило разум и волновало кровь, превращая ее в едкую гремучую смесь злости и азарта. И бороться с этим необъяснимым возбуждением, одновременно физическим и моральным, пытаясь подавить его всеми силами воли и самовнушения, было так же бесполезно, как, например, пытаться утолить жажду, глотая песок. Стихия, мать ее...

Всего две недели прошло с тех пор, как корабль с Великой Императрицей на борту прибыл на Землю. Предсказания Карригана о великих планетарных катаклизмах оказались, к счастью, несколько преувеличенными: реки Земли, по крайней мере, текли, как им и положено от века, к устьям, зато, как вскоре выяснилось, странным образом изменился климат: в северных областях средняя температура воздуха повысилась на пару-тройку градусов, в южных — наоборот, понизилась примерно на столько же. Борьба с возникшими в результате сдвига температурного баланса стихийными бедствиями осложнилась еще и тем, что встали все те отрасли, в основу которых были заложены молекулярное программирование и технологии на жидких кристаллах. Солнце Земли имело теперь голубоватый оттенок, небеса при этом утратили свою воспетую поэтами и прозаиками пастельную голубизну, налившись на века глубокой синью. У ученых появился непочатый край работы: кроме сиюминутных последствий воздействия Стихии, существовала наверняка и масса таких, результаты которых оставались до поры подспудными и должны были потрясти мир со временем. К счастью, магнитное поле Земли оставалось пока стабильным, а более грубой, но зато и более надежной земной электроники, испытанной веками, никакие физические сдвиги на первый взгляд не затронули. Кстати, для императрицы, как и для всей ее команды, спасительным оказался тот факт, что корабль Карригана не использовал при перемещении в космосе гиперпрыжка: параметры гиперпространства, как обнаружилось несколько позже, сместились, и десятки кораблей успели разбиться о гипербарьер прежде, чем были произведены новые расчеты для критической скорости, при которой следовало входить в прыжок. Что до нового императорского флага — прыжок к Земле он совершил так же мгновенно и безупречно, как и предыдущие, не озаботив команду какими-либо сбоями в своих системах: если таковые и имели место, то все перерасчеты корабль произвел самостоятельно.

Бесцветным и безвкусным серым комом осели в памяти у Михаила эти две недели его пребывания на Земле. Хотя жаловаться ему было вроде бы грех: Великая Императрица, будучи вскоре после прибытия признана и поддержана правительствами Земли и Дальней Империи — не в последнюю очередь, кстати сказать, благодаря потрясающему

дипломатическому потенциалу, обнаруженному Доком Вороном, — исполнила обещание о личной заботе на все сто процентов; Михаил был пожалован званием Проводника при высочайшей особе — новая придворная должность, каковой раньше в императорском штате не имелось, — и, соответственно новому высокому положению, ему был предоставлен для жительства личный особняк в центре Москвы (город он выбрал сам). На него вылилась, собственно, львиная доля императорской заботы; кое-что перепало еще и Рейчел: хотя она и не в состоянии была оценить высочайшей милости, тем не менее была определена в лучшую земную клинику по психическим болезням. Остальные же члены команды в оной заботе просто не нуждались: Бола, избавившегося от своего проклятия, ничто больше в данной декорации не держало, и он ушел обратно на Перекресток Миров — то-то радости, наверное, было там у Скалди! Перед расставанием Михаил задал все-таки Болу вопрос, на который тот когда-то не успел ответить, не дававший Михаилу покоя всю дорогу: что это за реальности такие — второго рода? Оказалось — это те, что заселены разумными существами негуманоидных видов. Оставалось только порадоваться, что хоть сия чаша их во время странствий миновала. Что же касается злодея Калиострова — у него на Земле обнаружили свои очень влиятельные связи, что, впрочем, не особо удивило Михаила: далеко не каждому землянину была доступна постоянная прописка в пространственной сети. Хотя теперь она была уже никому не доступна, поскольку пространственной сети больше не существовало — Калиостров же ее и уничтожил, желая, между прочим, истребить сотворивший ее мир. Права оказалась древняя поговорка — не кидай камнем в родного батьку, тебе же хуже будет, или что-то в этом роде. Самозваному Зигфриду оставалось теперь лишь молиться, чтобы не всплыла каким-то образом его роль в случившемся: внезапное отключение сети на одной только Земле стало причиной гибели тысяч пользователей, пребывавших в это время в виртуальных грезах; о вселенских масштабах смертельной жатвы среди виртуальщиков достоверных сведений на Землю не поступало, но было и так ясно, что это миллионы, а то и миллиарды. У Михаила, кстати, имелся и личный счет к Калиострову: этот недобитый Зигфрид убил Карригана, и еще в корабле при взгляде на его капсулу Михаил несколько раз ловил себя на мыслях, совершенно ему в былом не присущих и даже слегка испугавших самого Михаила степенью искренности их садистской окраски, типа: «Придушить бы тебя, гада!» Вскоре после исчезновения Карригана Михаилу, как это ни странно, стало его не хватать. Слоняясь неприкаянно по своему пустынному, как запертый музей, особняку, он то и дело ловил себя на том, что мысленно спорит с Карриганом или обдумывает вопросы, которые так и не успел ему задать. Ни разу за эти дни у него не возникло желания ступить на базовую дорожку, даже ради проверки — не угробила ли Стихия среди многого прочего его прирожденный талант. Хотя по штату ему и не мешало бы удостовериться в собственной дееспособности — как-никак придворный Проводник! Сподобился на старости лет! А где он, этот «двор», или хотя бы «придвор»? При императрице, где ж ему быть, там же, где сейчас Петр и Ворон — на корабле, лучшем во Вселенной, мотается этот «двор» от галактики к галактике, вербуя сторонников и собирая их в освободительную армию. Михаил не понадобился им даже для того, чтобы отыскать канувший в декорациях «Донской орел» и вернуть его на законное место. А ведь она его вернула! Наверное, с помощью Ворона. Но Михаил узнал об этом только из горячих компьютерных новостей: среди прочего там несколько раз пространно сообщалось об извлечении неким таинственным лицом из неведомых измерений одноэтажного здания с отрядом федеральной полиции внутри. Спасенные из гибельных пучин чужих измерений полицейские, узнав о политической

обстановке в мире и, в частности, на Земле, дружными рядами перешли на сторону сопротивления. Путешествия по параллельным мирам входят уже решительным шагом в нашу земную реальность! Ура, товарищи! Вообще-то Михаил понимал майора Барни и его команду: выбор у них был небогатый, учитывая военное положение на Земле и какое-то стихийное (вот именно — стихийное!) массовое озверение, вспыхнувшее в народе буквально за последние пару недель. Повсеместно производился набор в армию, и люди слетались на призывные пункты не просто охотно, они валили туда буквально целыми семьями. Воевать хотели все — мужчины, женщины, старики и, разумеется, в первую очередь дети. Этих, естественно, сразу заворачивали назад — желающих и так хватало с избытком.

Кое-как утрамбовав в душе впечатления и переживания минувших странствий, Михаил понял: единственное, что в нем бродит еще из желаний, так это отправиться воевать, и по возможности — немедленно. Увы, он был в своем стремлении неоригинален, однако воспринял это как своеобразный дар лично ему от освободившейся на его глазах Предвечной Стихии: пробившийся из-под древних пластов сознания кипящий гейзер новых чувств, пускай и наводящих порой оторопь, наполнил пустоту, возникшую с возвращением на Землю где-то в самой сердцевине его существа — так он ощущал, — тяжелую и холодную, как погасшая звезда, и подобно черной дыре сосущую из него свет и тепло, отнимающую силы и волю к жизни. Он покинул, не сказавшись, свою постылую трехэтажную обитель, пошел в армию, как обычный доброволец, прошел ускоренные курсы пилотирования военных катеров-одиночек и вот теперь летел наконец на встречу с собственным выбором, волею судьбы ставшим для него единственным и желанным.

О прежних мгновенных перемещениях сквозь космические бездны, о мирах, сменяющихся на экране быстрее, чем картинки в проекторе, стоило навсегда забыть — отыскать на дне души какой-нибудь пыльный кованый сундук и запереть их туда вместе со всеми другими воспоминаниями. Привыкай, брат, летать в космосе, как все нормальные люди, — часами, а порой и сутками, в зависимости от расстояния.

Корабли шли через гиперпространство уже два часа, и впереди было еще три. Многие соседи дремали, кто-то тихо переговаривался. Михаилу, к счастью, ближайшие братья по оружию попались неразговорчивые: тот, что сидел слева, свистел носом, просматривая, быть может, последний в своей жизни сон, правый сосредоточенно жевал. Все два часа. И даже больше — с момента погрузки. Сам Михаил отчаянно мерз, шевелил усиленно пальцами в ботинках, пока не сводило икры, материл мысленно здешнюю систему обогрева и завидовал соседу слева. Потом, наверное, он тоже уснул и даже, видимо, не заметил как, потому что продолжал видеть и ощущать во сне все то же: десантный отсек, молчаливые соседи, собачий холод. А догадался он о том, что уже спит, когда перед ним в нешироком проходе появилась Илли — то есть, конечно, — Ее Величество. Она возникла вдруг из ниоткуда, в костюме в точности как ее прежний, но только другого цвета — белого, с оттенками морской волны, а рядом с ней, чуть позади, — неподвижное олицетворение уверенной изначальной силы в черном — Михаилу показалось на мгновение, что Карриган, — но это был Док Ворон. Не ошибся все-таки Михаил в выборе себе преемника — вот Хранитель та! Хранитель, не только своей, но и ее Стихии, можно сказать — олицетворение самой идеи Хранительства, как залога мирного процветания и благоденствия Вселенной до самой ее глубокой старости, сиречь — заколлапсирования! Такая вот развесистая икебана.

— Проводник! — властно произнесла Ее Величество. Все разговоры в отсеке моментально смолкли. Правый сосед Михаила перестал жевать, левый — свистеть. Михаил

тоже попытался проснуться и понял, что не спит.

— Мне необходимо, чтобы ты был рядом! — сообщила она в том же повелительном тоне.

«Или все-таки сплю?» — подумал Михаил, но ущипнуть себя принародно не решился, а пошевелил тайком на пробу пальцами ног. Пальцы оказались реальными, задубевшими.

— Для меня появилась работа? — спросил он голосом не менее задубевшим, чем пальцы.

— Нет. Просто будь рядом. Я так хочу! — Она помолчала, глядя на него вызывающе и свысока — оттуда, со своей золотой пирамиды, потом взгляд ее изменился, приблизился, она словно спускалась к нему с недостижимых высот, превращаясь постепенно, шаг за шагом в знакомую гордую девчонку, беглую преступницу, получившую талисман от старухи, звавшую молча подмогу в наползающей тьме, в ту, что вцепилась в него всеми ногтями в милицейской галоше, с которой они бежали вместе из имперского катера и кого он потом отогревал и никак не мог отогреть в ледяном замке ланга-имитатора. Эх, Илли, горе ты мое страшноглазое!.. И это именно оно, его горе, — прежняя неприступная бедовая девчонка выговорила неожиданно тихо: — Пожалуйста.

Абсурд, конечно, но Михаилу показалось, что это слово она произнесла сейчас впервые в жизни. Неужели все-таки у него может быть надежда?.. Все еще глядя в ее глаза, он искал и не находил ответа — ни в них, ни тем более в самом себе. Стихия?.. Черт его знает! Надежда умирает последней. Для него это означало скорее всего — уже после его смерти. Но отказаться от нее он все равно не мог.

— Ладно, — сказал он, отстегивая ремни и поднимаясь. — Пошли!... — И добавил, зная, что эту фразу придется теперь повторять часто, и надо же когда-то начинать к ней привыкать: — Ваше Величество!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пути космические неисповедимы, но все, происходящее на них, – не случайно. Нити коварных интриг и тайных заговоров сплетаются в причудливый клубок звездных дорог, ведущих к безграничной власти над миром. Эти нити связали воедино низложенную императрицу Серединной Империи, бывшего штурмана космофлота, а ныне беглого каторжника, и Проводника, наделенного способностью перемещаться в параллельных мирах. Все трое – изгои, преследуемые космической полицией, и от их удачливости зависит судьба Вселенной.



ISBN 5-04-002057-0



9 785040 020577 >